

Пальмира Керлис

Бесконечно белое

Умей хотеть и будешь свободным.

Глава 1

Больше всего на свете я ненавижу оправдываться, звук фена, гречку и белое. От него ужасно отстирывается кровь. Вот как сейчас – багровая клякса лишь сильнее въедалась в ткань. И ладно бы это было мое любимое платье! Это было мое единственное платье...

Кран подавился водой, закашлял, выплевывая последние капли, и утробно взвыл. Я торопливо закрутила допотопный вентиль. В наступившей тишине тонко звенело в ушах, загустевший воздух царапал легкие. Мыльные разводы на кафеле завились спиралью и помчались по кругу. Раз, два, три, не считай и не смотри... Зажмуриться, присесть на край ванны. Вот, почти хорошо. Не видно ни трещин на эмали, паутиной опутавших дно, ни пробки на ржавой цепочке, ни провисших бельевых веревок. Сплошной гранж, и пахнет сыростью.

Впрочем, начиналось все еще хуже...

Вообще, плохая примета – открыть глаза и увидеть незнакомый потолок. Он, как водится, оказался белым. Каким еще ему быть? Потолков я в своей жизни повидала немало, и они редко бывали других цветов. Этот мне решительно не понравился. Слишком ровный, будто придуманный. Хотелось его пощупать, почувствовать шероховатости, найти ямку, отколоть кусок штукатурки. Убедиться, что он настоящий. Только было не достать. Никак. Тянешь руки, тянешь, и ничего. Один воздух. Сбоку плавало окно с черными силуэтами деревьев, покачивалась тумбочка, заваленная фломастерами и листьями в клетку. Кошмар.

Я спустила ноги с кровати, встала. Тумбочка метнулась навстречу, спикировал задетый листок. Схема какая-то. Линии, линии, красные, черные. Лабиринт... Фу, хватит их с меня. Теперь прямо, и только прямо! Энергия пульсировала – вспышками, волнами, мутными кругами. Шаг. Второй... Стена с выпуклыми листочками на цветочных обоях. Шелковистые на ощупь... Клочки под ногтями, царапины поверх распускающегося бутона. И давно забытое чувство – боль. Пальцы жгло, кожу саднило. Это было так... Чудесно, совершенно чудесно. Как и скрип мысли, единственной – неужели получилось?

Остальное далось проще: повернуть дверную ручку, переступить порог. Вперед – в коридор, длинный, белый, с глянцевым полом. В стенах окна, словно без рам вовсе. Вдох, выдох. Подойти ближе, вплотную. Коснуться лбом стекла, сфокусировать взгляд. Вырванная из хаоса и темноты реальность. Пустые лавочки, лужи на асфальте, ворох желтых листьев, раздетые деревья. Осень. Обидно. Лето улизуло...

Сзади шаги и голос. Резкий, настойчивый. Ни слова не разобрать, лишь звон и дребезжание осколков рассеянного воздуха. Я заткнула уши ладонями и сосчитала до трех. Не помогло. Всплеск чужого интереса, прикосновение к плечу. Что надо?!

Я обернулась. Тетка в белом халате, шевеление приоткрытых губ, испытующий взгляд. Не люблю, когда смотрят. Особенно так пристально. Почти как эта чертова гречка, у которой совсем не поймешь, где спрятаны глазки. А они у нее точно есть, и смотрят-смотрят-смотрят!

Пальцы-сардельки выныривают из белого рукава, тянут назад, подталкивают к палате. Пусти! Колебание энергии, рывок сквозь барьер. Обрывки мыслей, мешанина чувств и череда картинок, запредельно ярких, до тошноты.

Тетка вздрогнула и осела на пол. Замолчала наконец-то!

Звенеть перестало. Я знала, в какую сторону идти. Все выходы, подсобики и когда чья смена в клинике. И что Михалыч вечно тырит колбасу из общего холодильника. Колбаса... Нет, некогда. Точно помнила – надо торопиться. Вспомнить бы еще куда и зачем...

Я вслушалась в заново склеенную из осколков тишину. Пространство наполнялось живыми отпечатками, светилось, предупреждало. Люди... Много, везде. Затаиться, проскочить? Нет. Никаких обходных путей. Напрямик, к цели. Через пронизанный светом коридор, мимо двух шушукующих на диване старух в одинаковых тапках с помпонами. Из сестринской пахло кофе и булочками, кто-то бубнил в телефон. Скольжение по вычищенному полу, приглушенное цоканье каблучков вслед. В голову

лезла чушь. О том, что нужно забрать из ателье юбку, купить корм для Барсика и все-таки сказать соседке, чтобы убрала с лестничной площадки свой занозистый ящик с картошкой. Колготок не напасешься. Тьфу... Что самое мерзкое – сразу не разберешь, мои это мысли или нет. Мерцание страха и беспокойства, шум позади. Толпа вокруг той тетки, поднимают, протискивается доктор. Хорошо. Мне меньше внимания. За очередной аркой – вестибюль. Кожаные диванчики, фикусы в вазах, стойка с девицей, которую хозяйка Барсика не любит, потому что «эта фифа» не очень умная, и племянница директора в придачу. От охранника в углу полыхнуло удивлением, рот девицы превратился в ярко-алую букву «о», которая покатила мне навстречу. И опять этот звон вместо слов... Подскакивает к горлу, душит, скребется в мозг. Цап-царап. Замешкаешься, будут лоскутики, а то и салат.

Багровая пелена перед глазами, два подцепленных сознания. В Лектуме для них есть темнота – спокойная, уютная. Готовая отпустить – потом. Это гораздо лучше, чем свет, холодный и бесконечный. Абсолютно беспощадный. Вцепится, и все. Поминай как звали.

Ноги подкосились, капнула кровь. Потекла по подбородку – влажная, горячая. Зато снова тишина... Блаженная. И на пути – никого.

В гардеробе пусто. На плечиках несколько плащей и единственное пальто. Оранжевое, с карманами. Выбор не ахти. Я закуталась в него – размера на два больше, зато теплое – сунула руки в карманы. В одном леденец в шуршащей обертке, в другом – платок носовой. Тонкий, с вышитым вензелем. «К». Катя? Кира? Клара? Карл у Клары украл кораллы. Хорошо хоть конфетку оставил, жадина. Тугие двери, лестница. Вечерний полумрак, моросящий дождь. За щекой похрупывал леденец, вкусно-мятный. Шлепанье тапочек по луже, свежий ветер в лицо. А дальше – туман. В голове, на холодной улице. Всюду. За воротами – дорога, череда проезжающих машин. Поймала первую попавшуюся. За рулем была Инночка, милая девочка, возвращалась домой. Она мечтала стать стилистом, где-то там училась, а вечерами консультировала в магазине косметики. Пахла всеми духами сразу и собирала коллекцию пустых флакончиков.

Сейчас Инночка думает, что я ее дальняя родственница, которая нагрязнула погостить. Вещи? Какие вещи? Чемодан в поезде украли! Мы друг друга, конечно, обожаем, и сто лет не виделись. Идеальный расклад. Если не считать напрочь убитой съемной квартиры и пустого холодильника, в недрах которого затерялись трехлитровая банка соленых огурцов, буханка черного хлеба и одинокая луковица. Стоило все-таки прихватить из клиники колбасу...

Кап... Кап... Я выдохнула, осторожно открыла глаза. С зажатого в руках платья натекла лужа. Ногам было сыро и холодно, в задницу врезался мокрый край ванны. Отлично, ощущения вернулись. Немного здравого смысла тоже. На кой черт я стирала эту тряпку? Все равно ведь больше не надену. Енот-полоскун! Я зашвырнула под раковину бывшее платье, сдернула с крючка хозяйский махровый халат и вышла из ванной, на ходу запахиваясь и завязывая пояс двойным бантом, чтобы не волочился. Из-за облезлого шкафа, раскrojившего комнату пополам, неслись всхлипы и размытый бубнеж. В мониторе бурлили мексиканские страсти. Рядом, на столе, стояла открытая трехлитровая банка с огурцами, по комнате плыл пряный запах чеснока. Инна всхлипнула последний раз и поерзала, устраиваясь поудобнее. Пошарила на ощупь в мутном рассоле, вытащила огурец с налипшей веточкой укропа, постучала о край банки и смачно захрустела, прильнув к экрану. Это надолго. И очень кстати. Я свернулась калачиком на диване и уткнулась в подушку. Если что – я сплю.

Так. Закутаться в плед. Он грубый и колется. Отлично – точно реальный. Нащупать границу легко – зыбкую, тонущую в океане энергии. Ухватиться за край и нырнуть в самую глубь Потока. Сразу, изо всех сил. Не осторожничая, не сомневаясь, не запоминая ничего вокруг. А зачем? Последнее, чего мне теперь стоит бояться – это ловушки...

Волны, волны, волны. Темнота кружила, обретая украденную форму и смысл. Картинка проявлялась все ярче. Заколоченные досками окна, копоть на обоях, обугленный массивный комод. Потолок в паутине, дымка полумрака. М-м-м... Я сучала!

Ключ в верхнем ящике. Длинный, с покореженными завитками и пятнами ржавчины. Щелк, и дверь отворилась. Пламя свечи в углу с треском заметалось, коридор трянуло. Гул, журчание и приглушенное «шмяк» – еще, еще, и еще. Веселье в разгаре! С потолка лавиной сыпался жемчуг, разбивался кровавыми брызгами. Собирался в ручей и несся

по лестнице с третьего этажа на второй, со второго на первый, где уже плескался багровый омут с кружащими обломками чего попало: стульев, столов, посуды... Если выловить все осколки зеркала, можно собрать целое – овальное, в человеческий рост.

Схватиться за перила и вперед, вверх! Все скользкое – и они, и ступени... Устоять трудно, подняться – еще труднее. Стремительное течение тащило за собой, сердито вышвыривая прочь. Глупое... Ненастоящее. Надо помнить об этом. Всегда важно помнить – это путь, это спасение, это ключ. Его не надо искать в комодах, он всегда с тобой.

Наверху было темно, стены непроглядно черные. Из-под единственной запертой двери хлестала кровь, растекаясь багровой лужей на весь коридор. Она тягучая. Она красная. Хлюпала, пузырилась, исходила паром. Отключить мысли, любые чувства. Сесть, привалиться спиной к двери. Вдохнуть полной грудью. Поймать момент.

Поток – он будто запись, только не буквами. Образами. Игра в реальность, с одним лишь правилом – верить. И я верю, что я – здесь, тогда. Нет ничего проще, чем прислушаться к миру. Стать его частью, влезть на последнюю страницу сценария. Вклиниться перед заключительными титрами и раствориться в освободившейся вспышке энергии. Она такая же, как и много лет назад, в миг свершившегося. Этот миг – в конце. В самом конце. Сейчас.

Первой была боль. Острая, горячая. Пульсация оголенных нервов, жжение на шее.

Я знаю имя. Маргарита. Отражение в треснутом овальном зеркале – девочка с трогательными, коротко стриженными кудряшками. Одуванчик. Ей было шестнадцать, она жила тут. Не одна, конечно. Еще отец, мать, братья, сестры, старая дуэнья и немногочисленные слуги. Обедневший гранд, чего удивляться. Смутное время, междоусобные войны. Враги нагрянули ночью, резали, жгли, убивали. Крики, стоны, хрипы и тяжелый запах крови. Она спряталась в этой комнате и молилась, молилась... Господь внял молитвам – ее не заметили. Насытившись, растворились в ночи, унося награбленное. Тишина. Какая страшная тишина. Но еще страшнее услышать осторожные шаги по лестнице, когда уже думала, что спаслась... Разлитая в воздухе угроза, чужое дыхание за дверью. Она стиснула зубы и зажмурилась, сжавшись в комок. Скрип, дуновение воздуха... Кинжал вошел в ее шею по рукоять, задев бусы. Нитку жемчуга, белую. Бусины сыпались – одна за другой, на пол, в лужу крови, которая растекалась шире, шире, шире...

Прокатился оглушающий гул, дом вздрогнул и утих, словно ластиком стерев жемчуг и кровь. Никаких брызг, только разруха и подкопченный интерьерчик. Вот и все. Я поднялась на ноги, обернулась на дверь. Разгадка ясна, и это не то, что мне нужно.

Через потайной ход, мимо вереницы платьев и кружев – на кухню, к точке выхода. И в Поток, в самое его сердце, к тем местам, где не сон, а забвение.

Белое. Кругом ослепительно белое. Чужое, неприступное, пропитанное невероятной силой. Но не мое. Я позвала сразу – громко и требовательно. Бум! Пространство заполнилось звуками, цветом, обросло стенами. Светящиеся азиатские фонарики, запах сандала. Подушки на шелковых покрывалах и занавески, занавески, занавески. Невесомый белый шелк делил шатер на кучу маленьких комнат, колыхался, надувался и опадал. В высокой золотой клетке застыла птичка, настороженно кося круглым хитрым глазом. Узнала, зараза? Хрен я к тебе еще раз близко подойду. Комок радужных перьев с нежным голосом, мерзким характером и стальным клювом. Помесь колибри с птеродактилем.

Я улеглась поверх груди подушек, с наслаждением потянулась. Резко похолодало. Опасность разлилась густо, хоть ложкой черпай. Птичка разочарованно подолбила клетку, спрятала голову под крыло.

– Это всегда трудно, – зазвенел голос, полный равнодушия.

За занавеской мелькнул тонкий силуэт, я крепче сжала подушку. Та растаяла, напоследок ослепив вспышкой света.

– Что трудно? – уточнила я. – Сдержаться и не придушить своего пернатого крокодила?

- Возвращаться, - последовал надменный ответ. - Не люблю это.

Занавеска отъехала сама собой. Длинное белое платье на изящном теле, собранные в сложную прическу светлые локоны – волосок к волоску. Четкая линия красивых губ, раскосые глаза, темные и глубокие. Точенные черты лица, нежная белая кожа – гладкая, ровная, ни пятнышка, ни родинки. Совершенная картинка. Настолько безукоризненная, что тянет поставить фингал, чтобы разрядить обстановку. Не знаю, как она выглядела в жизни, но тут явно перестаралась с фотошопом.

- Справлюсь, - я зевнула. - Нужно стать незаметной. Сделаешь, Иля?

Она приподняла бровь. Злитесь, еще как. Потому что она Иллит, безо всяких сокращений. Я приподнялась на локтях, устало вздохнула и пожаловалась:

- В голове каша.

- Пройдет, - небрежно обронила Иллит. - Память пробуждается частями, постепенно. Пара дней...

- Если они будут, - перебила я. - Поможешь?

Высокомерный кивок в ответ. Ну же, рыба кровь, пошевеливайся. Не у всех пять тысяч лет в запасе...

Пульсация в висках, бурлящая во мне энергия. Она извергается наружу, переливается через края. Взамен приходит другая, мощная, холодная, с горьким привкусом сандала. Что-то здесь останется, мое. На время, ведь в итоге оно обязательно вернется, а инородное уйдет. А пока этого не произошло – я могу спрятаться. Укрыться, затаиться. Никто не высмотрит.

Отданная энергия взмыла ввысь, разлетелась во все стороны бенгальскими искрами. Птичка злорадно засвистела, просунула голову между прутьев, склевывая огоньки. Ах ты ж! Иллит поморщилась, прутья сжались теснее. Птичка закатила глаза, беспомощно дернулась и обезглавленной тушкой рухнула на дно клетки. Досвистелась.

- Как он тебя отпустил? - спросила Иллит обманчиво мягким тоном. На длинной шее блестел серебряный кулон – галочка, перечеркнутая косыми линиями. Голосование не засчитано...

- Не помню, - пожала я плечами.

Правда, не помню. Были условия... Одно, два?

Подушки закружились каруселью. Невнятное бульканье, эхом накатывающие ощущения. Царапающая боль, нечто вязкое и горячее в горле, мешает. Нечем дышать.

Иллит впиалась в меня колючим взглядом, покачала головой:

- Не ходи сюда часто.

- Стоит послушаться?

- Как хочешь, - усмехнулась она. - Твое тело – твоё дело.

Волшебная фраза. Я рассмеялась в голос. Энергия Иллит бурлила во мне как шампанское, пузырьками щекоталась в носу.

- Т-с-с... - Иллит прижала палец к моим губам. - Теряешь время. Отсчет давно пошел.

Опора пропала, завертелся хоровод фонариков и подушек. Кого хочешь, выбирай... Можно шелковое одеяло? Нет? Ну и ладно. Меня словно всосало в гигантскую воронку, закрутило и безжалостно понесло вверх. Энергия становилась все гуще, давила, затекая жаром внутрь, потом булькнула и застыла. Стрельнуло жгучей болью. Реальность, привет! Это точно ты. Во рту – металлический привкус, под щекой – что-то мягкое, пухлое, влажное. Я приподнялась на локтях. Сбоку белело чье-то перепуганное лицо, перед глазами среди черной мути плавала смятая подушка в красных пятнах. Сквозь пелену на ткани отпечатывались новые точки – кап, кап, кап.

Отбросить подушку, лечь на спину. Запрокинуть голову и дышать – ртом, через силу. Белое лицо исчезло, затем появилось снова. Точно. Инна, моя новая родственница. Судя по безумному виду – та еще паникерша. Переносицу обожгло холодом, видимо, притащила лед. Мутная чернота расплзалась, удушливо покачивалась, сминая стены...

Стоп! Отставить весь этот беспредел, сосредоточиться. Пульт нащупался – главное, правильно его себе вообразить. Мареву схлынуло, пришла ясность.

Я отобрала у Инны телефон – та лихорадочно тыкала пальцем по кнопкам, пытаясь вызвать скорую, МЧС или ОМОН. Ну, или всех вместе. Нет, детка, зачем нам тут толпа? Натопчут. Лучше займись чем-нибудь полезным. Готовкой, например. Ее тревога была плотной, колючей, рассеялась со второй попытки. Инночка вздохнула и потопала на кухню. Сработало... А мобильный у нее странный. Не видела таких... больших и тонких, с четким изображением. Новая модель? Или просто в глазах рябить перестало.

Я закуталась в плед и затихла. В углу дивана было уютно и тепло. На кухне тонко свистел чайник, звякала посуда, хлопала дверца холодильника. Прошелестели осторожные шаги, под голову впили подушку, пахнущую чаем и огурцами... Огурцами?! Я распахнула глаза. Перед моим носом на табуретке стояла дымящаяся литровая кружка чая и тарелка с бутербродами. Ломти ржаного хлеба с крупно наструганными дольками пупырчатых крепких огурцов, присыпанные сверху колечками лука. От пряного запаха закружилась голова, рот моментально наполнился слюной. Это было невыносимо вкусно – запивать соленые огурцы горячим сладким чаем. Крепким, терпким, непридуманным. Реальным... Прикончив угощение, я свернулась калачиком подальше от зияющей пропасти края. Воздух не сопротивлялся, вдыхался свободно, обжигая лишь самую малость. Боль притупилась, стала привычной. Я закрыла глаза, наслаждаясь темнотой и проваливаясь в сон – обычный сон, без ерунды и подвохов. Мысли, наконец, выстроились в очередь, прекратили ускользать и пререкаться. Дальше дело техники – хватать за хвост первую, и держи. Я знаю, зачем я здесь. Мне надо поторопиться.

Я должна ее найти.

Ее...

Глава 2

Лейка

Темнело так стремительно, словно тьма хлынула в одно мгновение и растеклась всюду: по небу, улицам, дворам. Октябрь. В домах зажигались огни, желтый свет фонарей дрожал на мокром асфальте. Ветер шуршал листьями на козырьке крыльца, в форточку горьковато тянуло дымом костра, осенней холодной сыростью и жарящимся на углях мясом. Нина позавчера рассчитала очередного повара и теперь развлекалась готовкой на всю семью. Приступы ее кулинарной активности длились обычно недолго – от увольнения одного работника до найма следующего. Сегодня в меню экзотика: костер, шашлыки и печеная картошка. «Шашлык женских рук не терпит» – всплыла в голове фраза из старого фильма.

Я закрыла форточку, задернула занавеску. В дверь нетерпеливо поскреблись, в проеме возникла довольная веснушчатая физиономия. Вся в саже и копоти.

– Мясо сгорело, мы его выкинули, а картошку в костре вообще не нашли. Мама пошла варить макароны, – Артем потер щеку, оставляя грязные разводы. – Айда ко мне, еще потренируемся!

– А ты бардак убрал?

– Почти...

Увидев это «почти», я только покачала головой. Не детская, а полигон: брошенный посреди ковра радиоуправляемый танк, армия роботов из конструктора в куче деталей, которые не казались лишними. Оборванный плакат с каким-то монстром, баррикада из диванных подушек, горстка дохлых мух на столе.

Отмытый хозяин прочесал цепким взглядом комнату и разочарованно вздохнул.

– По-моему, это все, – он подцепил двумя пальцами последнюю жертву и бросил в общую кучу. – Других нет.

Вот и отлично! Осень в этом году выдалась длинная и теплая. Мухи, осенние, тяжелые и ленивые, то исчезали, то снова появлялись в доме. С назойливым гулом медленно кружили в лужицах солнечного света, сонно чистили крылышки и кусались. Артем носился за ними по всем комнатам, выслеживал, дожидался, пока те сядут и... Капля прицельно выпущенной тьмы мгновенно гасила крошечную искорку энергии. Идеальная мухобойка. Еще бы выкидывал сразу, а не таскал к себе на стол.

Способность Вестников уничтожать чужую жизненную энергию обнаружилась случайно, и не самым приятным образом. Три месяца назад, в Испании, он убил человека. Пусть неумышленно и защищая меня, но убил так же легко, как сейчас муху. Я тогда ужасно испугалась за Артема, но тот, по-моему, так до конца и не понял, что произошло. Воспринял случившееся как очередную компьютерную игру. Был враг, был аналог кнопки «победить». Он ее нажал, уничтожил врага и спас принцессу. Глупо кричать про аморальность поступка, прекрасно зная, что эту кнопку придется использовать еще не раз. Выбора нет: или долгожители нижнего Потока убьют Артема, или он их. И лучшее, что я могу сделать – научить его не только держать опасную силу под контролем, но и пользоваться ею.

Кстати, я уже сталкивалась со сжиганием жизненной энергии. Там, в первородном мире, в пещере, где тьма едва не прикончила меня, я и подумать не могла, что передо мной второй Вестник. Около пяти тысяч лет назад несколько одаренных убили его, захватили часть нижнего Потока и переселились туда, обретя подобие вечной жизни, а смерть Вестника, вызвавшая мощный выброс энергии, привела к возникновению в Потоке первого мира-воспоминания. Мирозданию их игры с вечностью аукнулись. Поток слабеет, и только Вестники способны восстановить баланс, уничтожив захватчиков. Судя по пятидесяти мирам – это уже не Поток, а мавзолей. Артема в этом списке не будет! Не знаю, каким образом сугубо энергетические личности могут добраться до него в реальности. Но выясню. А пока – тренировки. Закончатся мухи – тараканов разведу.

Нужно поискать в Интернете, как их разводят...

- На сегодня хватит, - я потрепала Артема по голове, он сгреб трофейную кучку мух в вазу из-под конфет. Надо не забыть ее выкинуть потом. Вместе с вазой... - Молодец. Направленно гасить энергию отлично получается. Пора усложнить задачу.

- Да! - Его глаза азартно загорелись. - Давай в тропики слетаем! Я читал, там та-а-акие мухи, во! - Он развел руки на целый метр и восторженно вздохнул.

Всю жизнь мечтала... Нет уж, лучше тут. Тараканы, действительно, выход.

На столе истошным писком зашелся телефон, дребезжа и подпрыгивая. Черт, каждый раз вздрагиваю от этого вибровызова! Я подхватила надрывающуюся трубку и замерла, не веря своим глазам. Номер, тот самый номер... Да ну, глупости! Мало ли чего могут хотеть в клинике. Оплата не прошла, очередные бумаги подписать требуется. Или разрешение на смену лекарства. Им невдомек, что лечить нечего...

- Валерия, добрый вечер, - вежливо сказали из трубки. Главврач? - Я по поводу Софии. Вы только не волнуйтесь, но она... Она ушла.

Ушла?! Я ослышалась... Наверняка ослышалась. Или в клинике что-то перепутали. Потому что такого не может быть!

- Погодите... - Язык едва слушался, в ушах нарастал тонкий звон. - Как это?..

- Около часа назад, одна, через главные двери. Мы только что заметили ее исчезновение...

Голос в трубке продолжал бубнить что-то про форс-мажор, внутреннее расследование и виновных, что будут наказаны... Я обессиленно опустилась на край дивана. Слово «ушла» эхом отдавало в глубину сознания, звон нарастал. Сосредоточиться! Сонину энергию я не спутаю ни с чьей, никогда. Но ее не было. Нигде в городе и за его ближайшими пределами.

- Мы ее ищем, - прорвался голос главврача, - и хотели бы подключить полицию.

- Не надо полицию! - Я сжала телефон до боли в пальцах. Он казался обжигающе горячим. - Еду к вам.

Что происходит?.. Это нереально. Совершенно нереально. Я все выдумала, в очередной раз заблудилась в собственных фантазиях. Надо вдохнуть, просто глубже вдохнуть...

- Лейка, ты чего?

Меня дергали за руку, испуганно заглядывая в глаза. Нос в рыжих веснушках, пятнышко сажи на виске. Артем... Я медленно выдохнула и прижала его к себе, набрала номер, выглядывая через плечо - на память, по циферке.

- Она вернулась, - прошептала я, едва дождавшись ответа. - Кажется... Похоже на то. Не уверена.

- Так. А теперь еще раз, по порядку.

- Мне из клиники позвонили, - ровно выговорила я. Руки предательски дрожали. - Соня от них ушла. Но я ее не вижу. Подробности не знаю. Сейчас поеду туда выяснять...

Артем ахнул и высвободился, стало холодно. В трубке повисла тишина, лишь вдалеке, на том конце, раздавался невнятный треск.

- Я ее тоже не вижу, - мрачно сообщил Паша. - Вместе выясним, заеду за тобой. Дождись меня, скоро буду.

Я кивнула, словно он мог меня видеть. Телефон выскользнул и беззвучно приземлился на диван.

- Офигеть! - выпалил Артем, возбужденно сверкая глазами. - Твоя подруга очнулась?! На самом деле? По-настоящему? И потерялась?..

Кофе. Мне нужен кофе.

На кухне Нина колдовала у плиты, гремя посудой, Арина с постным лицом терла сыр. Артем носился между ними, с сочным хрустом жуя яблоко, а я цедила по глотку терпкую горечь и разглядывала календарь на стене. Четыре. На прошлой неделе было ровно четыре года, как ее нет. Сколько раз я представляла себе этот звонок? Десятки, сотни, тысячи. Проигрывала в голове, понимая, что этого никогда не будет, не случится. Спала в обнимку с телефоном, особенно первый год, боялась пропустить, не услышать. Ждала, а сама не верила. Ни на секунду не верила.

Она очнулась. Пришла в себя, иначе бы не сбежала из клиники. Все эти годы Соня даже в коридор выйти не пыталась. Раскрашивала картинки, говорила что-то бессвязное, насвистывала незатейливые мелодии. Но чаще всего молча сидела и смотрела в одну точку. Любая прогулка заканчивалась, даже не начавшись. А тут взяла и ушла. Это не случайность. Точно.

По спине пробежал озноб, я поставила чашку на стол и обхватила руками плечи. Артем подкрался сзади, крепко обнял.

– Найдется, – прошептал он, щекоча рыжей челкой мой локоть. – Обязательно. Если что, я помогу!

Я зажмурилась и чмокнула Артема в макушку, позволив этому чудесному теплу окутать себя целиком. Найдется... Но где она? Почему ее не видно, черт возьми?.. Спокойно! Если она только что вернулась из Потока, энергия могла не успеть восстановиться до конца. Надо выяснить, сначала надо все выяснить. Выводы – потом!

– Ужин будет готов через десять минут! – Нина звякнула крышкой и ревниво добавила: – Артем, иди мой руки!

Ну да. Артем мой руки, а Арина будет есть грязными. Ничего не меняется. Я допила кофе, сполоснула чашку и тут же почувствовала приближающуюся энергию – мощную, знакомую. Вовремя!

– У меня дела, – сказала я Нининой спине. Арина меланхолично сунула остаток сыра в вазу с фруктами, Артем подмигнул. – Не знаю, когда вернусь.

С улицы настойчиво просигналили, Нина с любопытством выглянула в окно и снисходительно кивнула. Машина стояла прямо за воротами, блестя красными боками в обманчивом свете фонарей. Я забралась на переднее сидение и пристегнулась.

– Ты как? – тихо спросил Паша.

В полумраке салона он наполовину сливался с тенью и казался совершенно спокойным, если бы не рука, слишком крепко сжимавшая руль. Переживает? Не ожидала.

– Нормально, – я нетерпеливо посмотрела на мобильный. Не может быть! Мне звонили всего полчаса назад, а кажется, что прошла целая вечность. – Да поехали уже!

Паша молча отвернулся и рывком тронул машину с места. Отчетливо засквозило напряжение. Я откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Успокоиться... Срочно успокоиться! Дышать глубже, не паниковать на каждой остановке светофора, считать на ощупь звенья на цепочке браслета. До клиники хватит. Я нужна Соне в ясном сознании, а не в истерическом припадке.

Артем прав. Это не должно быть плохо – то, что случилось. Я ведь ждала подобного звонка. Очень. И вот, сегодня дождалась. Мечты сбываются! Только почему-то совсем неправильно...

За кованым забором – два этажа каменной громады, знакомое крыльцо и подсвеченная табличка у дверей. Паша пропустил меня в холл и зашел следом, аккуратно прикрыв двери. Шевельнувшийся было охранник вновь слился с интерьером, администратор у ресепшена выдала приветливую улыбку.

– Добрый вечер, – она убрала за ухо кудряшку и вышколенно отрапортовала: – Вас уже ждут. Пожалуйста, проходите.

- Успеется, - Паша по-хозяйски облокотился о стойку. - Это вы дежурили, когда София Максимова ушла?

- Не мы! - торопливо открестилась девица и махнула рукой в сторону гардероба. - Они!

Оттуда тотчас донесся всхлип и недовольное бурчание. На маленьком диване в углу гардеробной сидели рядом бледная девушка с заплаканным лицом и мужчина средних лет в форме охранника.

- Это вы Соню выпустили? Или куда-то отлучались вечером? - с порога спросила я.

- Нет! - мужчина воинственно встопорщил седые усы. - Мимо нас гражданка Максимова не проходила. И пост мы не покидали. Точка!

Девушка согласно кивнула. Ее эмоции запульсировали обнаженным комком нитей, четко блеснули жалость к себе вкупе со стремлением поплакаться. Значит, Паша за нее взялся...

- Видели мы вашу Софию, - она стиснула в ладонях мокрый платок с пятнами алой помады и шмыгнула носом. - Она из коридора появилась, я пошла к ней, узнать все ли в порядке. Потом свет - раз! - и погас. Недолго, на секундочку. А когда снова зажегся, ее не было. Думаю, испугалась и обратно убежала. Неудивительно - мне и самой как-то не по себе стало, хотя я темноты не боюсь. - Девушка дернула охранника за рукав. - Ну, скажи, у тебя то же самое было!

- Ну, было, - пробубнил тот, демонстративно сложив руки на груди. - Может, давление скакнуло. Или магнитная буря. Но вот что я вам доложу: за секунду Максимова весь холл пересечь не успела бы. Еще и во тьме крошечной. Не кошка!

Их в чистый Лектум выкинуло! Оттого и темнота. Это не ошибка и не случайность. Соня очнулась. Действительно очнулась. Добралась до холла, использовала дар. Без сомнений! Она здесь... Где-то рядом... Вот только я по-прежнему не вижу ее в городе.

- Другой выход есть? - Паша выглянул в холл.

- Есть, - встрепнулся охранник. - Но он в пять часов запирается и опечатывается.

- Камеры?

- Над парадным входом, с улицы, - усы одобрительно шевельнулись - В холле нерабочая.

- Камеры, камеры... - девушка заплакала, - дурацкие эти камеры. Сказали, на записи видно, что она вышла через главные двери. Но как?! Мы же не сошли с ума вдвоем?

- Никто не верит, - тоскливо вздохнул охранник. - Говорят, или мы ее выпустили с непонятной целью, или прозевали. Неизвестно, что лучше. От работы отстранили - на время расследования. А... - он безнадежно махнул рукой. - Уволят, точно. И разбираться никто не будет. Где я еще такую работу найду, в моем-то возрасте?

- Еще и пальто украли... Оранжевое... Мое любимое... С большими карманами, - девушка уже скулила, как потерявшийся щенок. - Нет, тут дело нечисто... Мистика какая-то.

- Мистика? - Паша вопросительно изогнул бровь и вытащил совсем другую нить из клубка. Судя по освободившейся вспышке спокойствия, решил отыграть назад. - Не нужно валить все в кучу. Скорее всего, Соня выбралась одной ей известным способом, она мастер на подобные штучки. Пальто у вас украли, когда свет потух, ту женщину на выходе и зафиксировала камера. Там же лица не видно?

- Не видно, наверное...

Парочка с дивана смотрела на Пашу полными надежды глазами.

- Не переживайте, - спокойно продолжил тот и потянул меня в коридор. - У нас к вам претензий нет, думаю, все закончится благополучно.

Умный ход. Соня применила дар, и привлечь лишнее внимание нам ни к чему. Конечно, в Пашиной теории полно нестыковок, но для начала сойдет, а дальше они сами

придумают логичные объяснения.

Кабинет главврача словно завис во времени, оторвавшись от остального ультрамодного интерьера, и напоминал уютную советскую комнату. Два книжных шкафа на ножках, следом – забитый пухлыми папками секретер. Широкие кресла с ткаными накидками, между ними оранжевый абажур торшера с теплым неярким светом. Только сейчас до меня дошло, почему мне тогда понравилась именно эта клиника. Главврач, седой старик профессорской наружности, жестом предложил сесть, не отрывая трубки от уха. Он прихлебывал чай из шербатой чашки и молча кивал, словно собеседник мог его видеть. Свернув разговор, старик устало потер лоб, очевидно, собираясь с мыслями.

– Покажите нам запись, – тихо попросила я, опускаясь в кресло.

Он снова кивнул и развернул монитор. Знакомое крыльцо на экране. Хрупкая, болезненно худая фигурка в распахнутом оранжевом пальто, появившаяся из дверей. Девушка стояла вполоборота, длинные светлые волосы прикрывали спину, а челка – лицо. Но я знала наверняка – это она, Соня. Я бы не спутала ее ни с кем, ни за что. Сердце гулко стукнулось о ребра, я подалась вперед, стараясь ничего не пропустить. Вот она шатнулась, вытерла что-то с подбородка. Кровь! Всегда у нее кровь из носа текла, от любого напряжения. Достала что-то из кармана, закинула в рот. Спустилась по лестнице, потопталась в луже. Ушла... Ночью, осенью, в больничных тапочках.

Паша вполголоса обсуждал что-то с главврачом, часы над их головами гулко тикали, отщелкивая минуты. Я не сводила взгляда с давно потемневшего монитора. Дура. Круглая. Как я себе представляла ее возвращение? Что Соня чудом вырвется из нижнего Потока, придет в чувство и будет покорно дожидаться меня, сидя в палате? Ну-ну! Да она никогда не могла даже очередь в магазине спокойно постоять. Обязательно лезла вперед. Нужно найти ее, и как можно скорее! Пока она во что-нибудь не вляпалась.

Торопливо подписав ворох бумаг, подсунутых Пашей, я выскочила за дверь и едва не налетела на... Аниту. Розовый беспорядок на голове, кружевная мини-юбка, колготки с кошачьими мордами на коленках, – куратор из Совета, собственной персоной. Не скажу, что сейчас рада ее видеть.

– Приехала, как только узнала... – выпалила она. Что-то слишком быстро узнала. Выходит, у них есть свои люди в клинике. – Лера, ты в порядке?

– Да. Охранник и администратор тоже, мы их проверили.

– Медсестре повезло меньше, – покачала головой Анита. – Ее госпитализировали два часа назад. Обморок, проблемы с памятью, паника.

Еще и медсестра. С явными признаками насильственного проникновения в подсознание. Ну почему не обошлось без жертв?..

– Раз паникует, значит, очнулась, – раздался над ухом голос Паши, я вздрогнула. – Проблемы с памятью – это прискорбно, но нам на руку, остальное вылечат. И вряд ли свяжут ее обморок с пропажей пациентки. А дежурившая у дверей парочка уверена, что просто выключался свет.

– Соня была напугана, – выдавила я. – Не осознавала, что делает...

– Поэтому ее надо срочно разыскать, – вкрадчиво произнесла Анита, – пока больше никто не пострадал. Есть идеи, почему энергетический отпечаток не отсвечивает?

– Ни одной, – призналась я. – Может, последствия долгого пребывания за границей?

Или отсвечивать уже некому. Эта мысль настолько пугала, что даже думать об этом не хотелось, не то что озвучивать.

– Куда Соня могла пойти? – мягко спросила Анита.

– Куда угодно, – опередил меня Паша. – По идее, она сейчас плохо соображает, чисто на рефлексах действует. Стоит последить за всеми странными случаями в городе. И покараулить ее квартиру в центре – ключа у Сони нет, но вдруг...

– Ясно, – Анита задумчиво подергала розовую прядь и с надеждой взглянула на меня. – Я задействую все возможные средства. Обещаю, если мы найдем Соню, ты узнаешь об этом первой. Зла ей никто не желает. Если поймешь, где она, или хоть что-то выяснишь, скажи мне, хорошо?

Я кивнула, отвернулась к окну. На запотевшем стекле расплывался желтый свет одинокого фонаря. Соня любила рисовать на стеклах. Выводить узоры, выписывать диковинные знаки. Говорила, что так рождаются истинные шедевры – секундный порыв, без права на ошибку, уникальная картинка, какую не повторишь, и жизнь на мгновение. На мгновение...

Я развернулась и пошла прочь.

В машине было тепло и сухо, сыто урчал мотор, Паша молча смотрел на дорогу. Ночной город жил своей жизнью, в домах загорались и гасли огни, спешили прохожие. И где-то в этой суе была Соня. Одинокая, напуганная, в чужом пальто и больничных тапках. Ужасно хотелось что-то сделать, что угодно, лишь бы найти ее. Вот только что? В голове метались мысли, но внятной не было ни одной. Лишь когда за окном замелькали знакомые двухэтажные дома, я поняла:

– Хочу домой.

Паша невозмутимо развернул машину. Я отправила Артему сообщение, что сегодня не вернусь, получила в ответ грустный смайлик, и всю дорогу бездумно глядела в окно, пока не показался родной двор. Приземистая пятиэтажка, деревья со спиленными ветками, лавочки и огороженные аккуратными заборчиками клумбы. Здесь ничего не меняется. Хорошо...

Я отстегнула ремень, потянулась к ручке дверцы.

– Остаться с тобой? – бесцветно спросил Паша.

– Нет. – Глухой щелчок, шаг наружу. – Мне надо побыть одной.

И подумать. Мне очень надо подумать. Ветер в лицо, мельтешение черных теней на асфальте. В подсохших лужах расплзлась грязная муть, через форточку на первом этаже долетал шум телевизора. Машина не тронулась с места, пока я не закрыла за собой тяжелую дверь подъезда.

Дома было темно и душно. Я прошла в комнату, на ходу раздеваясь и включая везде свет. Открыла окно, впусив свежий воздух, закуталась в найденный в шкафу свитер и села на диван. Когда-то давно мы условились с Соней – если что, встречаться в том мире, с водопадом...

Вдох через силу, нырок в размеренно текущую энергию. Потолок рухнул, стены стекли вниз и впитались в землю, сквозь ковер проросла трава. Блики солнца в реке, дальний гул скрытого туманом брызг водопада, зависшая над ним радуга. Сони не было. Я стряхнула с плеча бабочку и бессильно опустила на траву. Только сейчас поняла, что неосознанно, весь этот сумасшедший вечер, я надеялась увидеть Соню здесь. Подождать? Глупо. Она не придет. Потому что не помнит. Или не может прийти. Подступил страх. А что, если у Сони была лишь вспышка осознанности, ненадолго проснувшийся рассудок? Как у того попавшего в ловушку испанца, который необъяснимым образом очнулся на пару мгновений, переполошив половину клиники. Возможно, Соне просто досталось побольше времени. Несколько минут, достаточных для того, чтобы сбежать. А дальше – все, обратно в то кошмарное состояние, когда она не здесь, не со мной, и ее будто вовсе нет... Чем дольше я думала, тем упорнее верилось, что Соня сейчас бродит где-то, потерянная и совершенно беспомощная. А я сижу, гоняя мысли по кругу. Да каждая минута на счету! Мерный выдох, рывок прочь. На поверхность, к обрастающим обоями стенам. Бабушкина квартира, это точно. Никаких ловушек.

Под окнами завывала сигнализация, пальцы заледенели. Я смогу. Справлюсь. Других вариантов нет, и быть не может. Кроме меня, Соне помочь некому. Я должна найти ее раньше Совета. Раньше всех. Но как?!

Потревоженная кем-то машина замолкла, тут же зазвонил мобильный.

- Ты где? - обиженно поинтересовался Влад. - Сказала вчера: «Заезжай вечером, во сколько удобно, планов нет». Ну и?..

Точно. Он хотел отдать деньги за аренду квартиры, а я не собиралась никуда уходить.

- Извини, - я постаралась справиться с навалившейся отовсюду тяжестью, - зря приехал.

- Понял уже, - пробормотал он. - Что случилось?

- Все в порядке, - медленно выговорила я, тщательно расправляя салфетку дрожащими пальцами. - Давай не сегодня, как-нибудь потом.

И бросила трубку, не дожидаясь ответа. Нужно успокоиться. В таком состоянии я скорее сама потеряюсь, чем найду Соню. Я захлопнула форточку, прошлась по квартире, пытаюсь согреться и загнать чертову панику в самый отдаленный угол сознания. Схватила тряпку, чтобы вытереть пыль и положила ее обратно. Только уборки мне и не хватало. Сварила кофе и выпила. Не спеша, глоток за глотком, наслаждаясь обжигающей кофейной горечью и стараясь не смотреть на оконное стекло с мутным отпечатком пальца. Помогло. Во всяком случае, согрелась. В тот же миг повеяло знакомой энергией, в коридоре раздалась птичья переливчатая трель. Что?..

Я выскочила в коридор и распахнула дверь. На пороге топтался запыхавшийся Влад, полыхая тревогой, словно маячок на полицейской машине.

- Слава богу, - выпалил он. - Что стряслось?

- Как ты тут оказался? - недоуменно спросила я.

- Приехал!

Я выдохнула, отступила на шаг. Влад ворвался внутрь, заглянул в комнату и на кухню, настороженно крутя головой, и, наконец-то, захлопнул входную дверь.

- Ты не вовремя, я...

- Не вовремя? - перебил Влад. - Да ты голос свой слышала?.. Я таксиста всю дорогу в спину тыкал, чтобы гнал быстрее. Он меня чуть из машины не выкинул!

- Просто я занята. Соня ушла из клиники, буквально несколько часов назад.

- Чего?! - округлил глаза Влад. - Seriously?.. Сама?! Выходит, она...

- Вернулась из Потока, - вяло кивнула я. Голос предательски дрогнул, - или ненадолго пришла в себя. Энергетического следа не видно, но мало ли почему... Не знаю. Надеюсь, она где-то в Москве. Собираюсь на поиски.

- Я с тобой! - заявил Влад. Присущая ему легкость куда-то испарилась, словно гелий из воздушного шарика. - Помогу.

- Нет.

- Одну не отпущу! - отрезал он. - Если хочешь, я могу сделать вид, что ушел, и буду таскаться за тобой тайком. Но все рано не отстану. Ночь все-таки. В новостях про какого-то маньяка пишут!

Нашел причину. Будто я не смогу сама за себя постоять. Дурные намерения за версту чую, и одной силы мысли достаточно, чтобы кого угодно отправить отдыхать до утра.

- Мешать не буду, - пообещал Влад. - Если скажешь - сразу уйду.

- Говорю.

Влад упрямо сложил руки на груди. Стало ясно - спорить бесполезно. И некогда.

- Ладно... - Я шагнула в комнату. - Иди вниз, вызови такси. Через пять минут спущусь.

Влад моментально исчез, по лестнице пробухали торопливые шаги, внизу хлопнула дверь. План был прост – проверить несколько мест, и начать с Сониной квартиры. Я достала из шкафа деревянную шкатулку, а оттуда – связку ключей с брелоком в виде красного прозрачного сердечка. Выцветшие блески, бока в царапинах, затертые буквы. Соня не любила старые вещи, но брелок раньше был мамин, когда-то очень давно, в другой жизни. До того как... В шкатулке лежало еще одно сердечко, точнее, его половинка, с рваными кривыми краями. Потемневший металлический кулон на золотистом шнурке. Мой. Соня подарила, на вторую неделю нашего знакомства. Друзья навсегда, две идеально подходящих друг другу половинки единого целого. Вот только где вторая?

Под окнами коротко просигналило такси. Влад в курсе, что почти полночь? Или опять проблемы с таксистом? Торопливо сунув кулон в карман вместе с ключами, я накинула пальто и захлопнула за собой дверь. Соня жила на окраине, в одном из тех районов, где пока еще много места, зелени и света. Череду уходящих в небо высоток вдоль реки завершала Сонина, в сорок пять этажей. Квартира, естественно, на последнем. Она часто говорила, что ближе к звездам дышится легче. Мне дышалось как обычно, но постоянно казалось, что гигантский дом слегка покачивается. Особенно в ветер.

Лифт полз вверх целую вечность, открывать дверь пришлось Владу – замок давно срабатывал через раз, а сегодня его основательно заклинило.

Влад щелкнул выключателем и озадаченно хмыкнул. Неудивительно. Квартира была такая же взбалмошная, как и ее хозяйка: умопомрачительные обои с бисером и недоклеенный плинтус в коридоре, чудесная винтажная кухня с жуткой электрической плитой, добытой где-то в трудные времена. В ванной – незапирающаяся душевая кабина, прозрачная раковина, пачкающаяся от каждого прикосновения, и роскошный смеситель в виде лебедя, который, правда, не работал. Что-то прикрутили неправильно, а Соня поленилась чинить, в итоге чистила зубы прямо в душе. В единственной комнате – зеркальный потолок, панель во всю стену для рисования маркером. Сделанный на заказ шкаф с изящным узором на ассиметричных дверцах и икеевские стеллажи, кожаный автодиван и обыкновенные деревянные табуретки. На стенах акварельные водопады вперемешку с картинками из журналов. В шкафу – урванные на распродажах футболки, потертые джинсы и платья безумно дорогих брендов, копеечные кеды и туфли, на которые было спущено три зарплаты. В этом вся Соня. Один критерий – чтобы «пропищало». И неважно, вещи это, работа или личная жизнь. Она могла бросить хорошую должность ради случайного заработка, если там было интереснее. Рвала любые отношения на пике, чтобы не стало скучно, особо не заботясь о чьих-то чувствах. Ремонт в квартире начинался с завидной периодичностью и глох, как только у хозяйки пропадал кураж. До ума Соня довела лишь огромную лоджию – сразу, на одном дыхании. Там ничего не было, кроме россыпи подушек на теплом полу. Можно было лежать в любую погоду и просто смотреть в небо сквозь прозрачную полукруглую крышу, или разглядывать с высоты птичьего полета город за витражными окнами. Впрочем, именно из-за лоджии Соня и купила эту квартиру, как только получила право распоряжаться наследством родителей. Денег хватило впритык, и первое время вместо мебели всюду валялись горы коробок с неразобранными вещами. От помощи она отказывалась, жила фактически на балконе и выглядела совершенно счастливой. Последние четыре года я бывала тут раз в месяц – забирала счета и делала уборку.

Пока Влад бегал по квартире и приятно удивлялся, я перевела блокнот в ворох записок для Сони с просьбой немедленно позвонить и моим номером телефона. Одну прилепила на входной двери, вторую в лифте, третью под домофоном. Остальные спрятала в сумку. Пригодятся. Впереди – целая ночь. Мы заехали в ее любимое кафе, кинотеатр, фитнес-клуб, куда она таскала меня на занятия танцами, на набережную к увешанным грудой металлолома «деревьям любви». Я старательно высматривала кругом хрупкую потерянную блондинку и сверкающий частичкой солнца огонек. Тщетно. Говорят, даже в Москве двое могут встретиться друг с другом случайно, сами по себе, просто столкнуться где угодно. Вот бы нам такую же счастливую встречу, всего одну.

...я сижу на подоконнике, обняв колени. Стоять еще тяжело, а все кресла в приемной заняты. Через открытую форточку проникает ветер, треплет волосы. Ожидание раздражает, хотя знаю – сама виновата. Не стоило приходить в этот

психологический центр раньше назначенного времени. Или вообще приходить не стоило. Подумаешь, позвал какой-то старик. Слишком многое им было обещано, чтобы оказаться правдой.

За окном – зеленые кусты и солнце, но неожиданно оно меркнет, становится бледным. Сзади раздаются шаги, наливается удивительный свет, стократ теплее солнечного. Чья-то ладонь ложится мне на плечо, бесцеремонно отодвигает в сторону. Девочка с забранными в хвост светлыми волосами дышит на окно, выводит что-то пальцем на запотевшем стекле. Мгновение спустя вижу ее улыбку и криво выведенное «привет».

– А сказать нельзя было? – удивляюсь я, глядя на исчезающие буквы.

– Ну... Ты же не хочешь ни с кем разговаривать.

Я молчу. Понятия не имею, что ответить. Она сияет так ярко, что кажется ненастоящей. Хочется ее коснуться, проверить. Но это было бы странно. Мы ведь совсем не знакомы.

– Лейко! – зовут из приемной. – Проходите. На четвертый этаж.

– Как-как? – весело переспрашивает девочка. – Это имя? Лейка?

– Нет, неправильно, – мотаю я головой. – И это фамилия. С чего бы кого-то так глупо звали?

– А мне нравится, – смеется она.

Настолько звонко и заразительно, что я понимаю – кажется, мне тоже нравится. Немножко, самую капельку. Наверное...

В небе нежно-алым пылал рассвет, прохожих заметно прибавилось. Я шагнула прочь от набережной, заглянула в телефон. Половина восьмого утра. Влад украдкой тер глаза и пытался изобразить бодрость.

– Тебе на работу не пора? – задала я вопрос на засыпку.

– Ерунда, – отмахнулся он, отчаянно стараясь не зевнуть. – Позже приду.

– Езжай домой, отдохни. А я проверю еще пару мест.

Город пробуждался, воздух плотно наполнялся энергией, чужими эмоциями и привычной тяжестью.

Следующее такси отвезло Влада домой, а меня – в планетарий. В конце концов, она всегда любила звезды...

Глава 3

Соня

Мир шумел, тасуя разноцветные картинки, набрасывался запахами и прикосновениями. Эмоции липли, звенели. Гул улиц, мельтешение вывесок, сияющие провалы окон. Выхлопы машин, привкус суеты, чей-то пакет в толпе острым краем царапнул ногу... Боль – это хорошо, это настоящее. Прожженная яркими огнями темнота, суматошный перекресток, пьянящее ощущение свободы. Иди куда хочешь. Вокруг сотни путей и входов, разбросанных хлебных крошек, паутины связующих нитей. Главное, суметь рассмотреть. А то засыпаешь – ночь, просыпаешься – ночь... Уже следующая, но все же. Время поджигает. Не помню почему.

Инночкины сапоги гулко цокали каблуками по брусчатке, под пальто – теплое платье. Тоже Инночкино. Вязаный круглый воротничок, широкая короткая юбка. Немного детское, но единственное, что подошло по размеру. Внизу плескалась мутная вода, мост продувало насквозь. Посередине боевым ирокезом торчал ряд кованых деревьев, облупленных громадной кучей замков. Всяких. Маленьких, больших, разноцветных, с бантиками, ленточками, новых и старых. Старых больше. Облупленных, ржавых, с выцветшими лентами и стертыми надписями, от чего вся выставка любви сильно смахивала на свалку утиля. Символично. На ощупь замки скользкие и холодные. Некоторые тяжелые, очень. «Марина и Сережа» усыпанные сердечками. «Костя и Тамара» в обрамлении черных атласных розочек и кружавчиков. На амбарном маркером: «Саша + Женя». Брутально, да... И кто из вас кто? «Леся + Зайка». Как мило. Особенно бантик из полицейской ленты. «Денис и Кристина, вместе навсегда», тянут на пару килограммов. Правда, заржавели слегка. Путь любви, как он есть. очередное – золотое, с лебедем, «Лера и Паша». Что-то знакомое. Надо сосредоточиться. Просто сосредоточиться и вспомнить. Хотя бы что-нибудь. Пальцы заледенели, замок выскользнул, брякнув о металлическую ветку. Настроение испортилось.

Ветер захлопал полой пальто, мазнул по голой коже над чулками. Бр-р-р... Вперед и поскорее. За мост, в тихую аллею. Не буду сворачивать ни за что! Только прямо – по засыпанному гравием дорожкам, через низкие ограды и кучи желтых листьев. Что тут у нас? По газонам не ходить? А хрен вам. Этой пожухлой травке хуже все равно не будет. Финальный прыжок через забор, и... Переливы музыки, густой дым, очередь на входе. Хочу внутрь!

Накачанные мордатые охранники у широких сверкающих дверей – по одной морде на каждую створку. Пожалуйте в Лектум, господа! Выкатить полотно всегда легко, заполнить красками – сложнее. А нужными красками – та еще задача. Но кто бы проверял? Отодвинутые с пути девицы шипели вслед, искрили злостью. Спокойно, детки, а то короткое замыкание будет. И руками не хватайте. Не люблю! Охрана бдительно пялилась в никуда. Правильно. Меня нет. Точнее, они думают, что нет. А это почти то же самое. Теперь пролезть под заградительную цепочку и в арку. Вуаля! Пардон, забыла... Отправленный в толпу воздушный поцелуй, бабий бунт у входа и выдернутые из сна охранники «какая-такая-девушка». Вот теперь – вуаля!

Администратор, гардеробщица – в Лектум. Как полоса препятствий со счетом 3:0. Очухались? Отлично! В зале грохотала музыка, беспорядочно метались лучи. Свет, яркий. Приятно тонул в темноте, вспыхивал и беспомощно гас, выхватывая лишь неразборчивые силуэты и зависшие в воздухе пылинки. Тяжесть стучалась в виски, неотвратимо надвигалась, будто ползущий вниз потолок. Расплющит непременно, но не сейчас. В голове щелкал таймер – отсроченный сигнал тревоги. Срабатывания лучше не дожидаться. Успею! И вовремя улизнуть, и вообще...

Театр начинается с вешалки, а мужик начинается с задницы. Стопроцентно! По крайней мере для меня. Если там что-то художочно-невразумительное, или, наоборот, рыхлое и расплывчатое – выше можно не смотреть. У качка в дальнем углу с этим все было в порядке. Он как раз привстал и перегнулся через столик, что-то шепча на ухо томной девице. Та недовольно хмурилась, покачивая аккуратной ножкой в тонком чулке. Конечно, они вместе. Но когда меня это останавливало? Я протиснулась между столиками и подошла к ним. Качок с интересом повернулся, девица смерила меня

надменным взглядом снизу доверху и поджала губы. Пыхнуло раздражением и враждебностью. Не беда, я знаю, что с этим делать. Приземлиться на соседний стул, улыбнуться. Я умею – главное тут глаза и наклон головы. Прекрасно помню, так и надо. Молчание, долгий взгляд глаза в глаза. Защита ее барьера дрогнула, поддалась. Алена, значит. Прогулки под дождем, кексы в фигурных формочках и туфли, масса туфель. Целая коллекция – три шкафа и тумбочка, давно перебор, а остановиться не получается. У нее много чувств, но чувства меры нет, не завезли. Мне нравится. Паршивое настроение мы изгоним, неуверенность спрячем поглубже, вместе с напряжением. Наконец – ответная улыбка, расслабленные плечи. А она красивая. Тень ресниц на нежной щеке, выбившийся из узла темных волос завиток. И ножки стройные, причем не худые. Редкость среди дохлых модельных лапок.

Качок поплыл сразу, даже стараться не пришлось. Сыпал историями о своей крутости, самодовольно поигрывая налитыми мускулами, лапал под столом мою коленку. М-да, тяжелый случай. Немного мозгов все же не помешало бы. Видно, когда бог их раздавал, этот в спортзале качался. Скучно... От Аленки потянуло обидой и тоскливой злостью. Стоп, детка! Зачем тебе этот блудливый козел? Прикосновение к ладони, сплетенные пальцы. Приятно заискрило оранжевым, бросило в жар. Мелодия... Медленная, сладкая и тягучая, словно мед. Я встала, потянула Алену за собой. Танцпол, сияние разноцветных лампочек на потолке. Вспышки света в полумраке. Губы у нее мягкие, теплые, пахнут летом и лимонным пирогом... Воздух тяжелел, лилась музыка, длинная, бесконечная. Смех, щекотный шепот на ухо. И тревожная дрожь по спине. Я нехотя осмотрелась. Ага, зайка зол. То сразу две, то полный пролет. По-бычьему нагнув голову, качок расталкивал толпу локтями и пробирался к нам. Не проблема. Кого он задел по дороге? Вслед сердито тараторил блондин в очках. Посмотрим, где у нас тут агрессия? Глубоко и слабо. Так. Вытащить на свет божий, добавить импульсом. Подпитанный блондин хапнул качка за плечо и... ласточкой отлетел на ближайший стол. Тоже мне спаситель. Наверное, культуру прогуливал. Звон посуды, крики. Из-за стола поднялась группа поддержки. Да-да, драку заказывали! Эх, тиканье таймера в голове – настойчивое, опасное. Пора!

Относительно пустынная улица за клубом, жадный вдох полной грудью. Успела! Впритык. Еще бы немного и... Как же я люблю ощущение уплывающего последнего момента! Алена стояла позади, торопливо застегивая схваченный из гардеробной плащ.

– Как тебя зовут? – вдруг спросила она.

– Не знаю. Забыла.

Алена оторопело моргнула:

– Ты странная.

Я подняла голову к небу. Оно было темным, почти черным. Беспросветным. В висках раскатывалась и глухо билась боль. Откат... Пройдет. Закокали каблуки, рядом коротко просигналило. Я обернулась. Алена стояла у двухдверной спортивной машины, подбрасывая в ладони ключи.

– Тебе куда? – поинтересовалась она.

– Совершенно некуда, – ответила я чистую правду. – Но я вспомню.

Алена хихикнула, приглашающе кивнула на машину. Почему бы и нет? За окном поплыли тротуары, смазанные вывески, светофоры. Скорость – черепашня. Ну кто так ездит? Я врубила музыку на полную громкость, откинулась на сиденье и закрыла глаза. Очнулась, когда потрясли за плечо. Видимо, приехали. Двадцать этажей? Неплохо. Втолкнула упирающуюся Алену в лифт, мазнула по верхней кнопке. Второй этаж – неинтересно, лучше прокатимся. Захотелось забраться высоко-высоко, на крышу. Чтобы смотреть вниз, вокруг, куда захочешь, ловя порывы ветра и одуряющее головокружение. На чердачной двери замок. На совесть заперто и ключей нет. Облом. Ну что ж, второй, так второй. Без помады ее губы такие незащитные, нежные, манящие... Не удержалась. Из лифта мы почти выпали. Алена трясущейся рукой с третьего раза попала в замочную скважину, на ходу сбрасывая вещи, скрылась в ванной. Из-за двери крикнула, что она быстро, а я, если хочу, могу покурить на балконе. Покурить? А я хочу? С любопытством огляделась. Скучный второй этаж – в окнах лишь кусок двора и намотавшийся на ветку

мусорный пакет.

В спальне бабочки. Нарисованные на обоях, выстриженные из бумаги, прозрачные, облепившие абажур... Пестрая стайка примостилась на зеркало. Зеркало... Роскошное старинное зеркало в резной раме, покрытой паутиной кракелюров. Сквозь туманное стекло смотрит девица – очень бледная и худая. Русо-блондинистый спутанный беспредел на голове, отросшая до подбородка челка. Не я. Покрутиться, медленно повести плечом. Улыбнуться уголками губ, подмигнуть. Все равно не я. Рядом лежала косметичка, размером с чемодан. Выудила из нее ярко-красную помаду, обвела губы. Ну вот, другое дело. Теперь я. А аристократическая бледность всегда в моде! Отпечаток губ на зеркале получился четким и сочным. Еще бы свой номер телефона приписать, да не помню его...

Во второй комнате гардеробная. Множество вешалок, ящиков, и три шкафа, те самые. В каждом – рай. Туфли, босоножки со стразами и без, нечто из одних лишь ремешков... Ботиночки, полуботики, сапоги... Хм, а вон те мне нравятся. Высокие, на шнуровке. Надела – размер совпал. Ботильоны в углу тоже славные... Стоп, отвлекаюсь. Я шла курить на балкон! В третьей комнате, наконец, заветная белая дверь. А за ней – холодина. Хорошо, что пальто не сняла. Нет, это неправильно. Я точно знаю, что на балконе тепло, на полу – куча подушек, окна от пола до потолка, а за ними небо. Внизу, под ногами, немного невысоких домов, изгиб реки и парк. А тут что? Незастекленный закуток, втиснутая тумбочка со всяким хламом. Никакой высоты и вид на неухоженный двор, заставленный машинами. Только помойки не хватает. Я перегнулась через холодные перила и покрутила головой. Ну, вот и она. Помойка. Сразу за углом. Патлатый мужик вытаскивал из ящика набитые пакеты и деловито потрошил их: что-то совал в раскрытую сумку, остальное кидал под ноги. Ветер подхватывал мусор, с шуршанием гнал по асфальту. Ах ты...

Непроизвольно вскинутые руки и пронзительный свист в четыре пальца. Такой звонкий, что в ушах зазвенело. Я умею? Ничего себе! Бомж дернулся, крышка контейнера выскользнула и глухо стукнула по патлатой голове. Бум-м-м! Где-то взвыла сигнализация, бомжа сдуло. Видно, уже битый. На тумбочке, поверх старого календаря с Чеширским Котом, валялась пепельница в форме туфельки, рядом – зажигалка и пачка сигарет. Кстати... Я курю? Проверим! Щелкнуть зажигалкой, с эдакой хемингуэвской валяжностью, прикурить. Затянуться, неторопливо выпустить дым. Раз, второй, третий. Ну, как-то никак. Не мое. Все-таки не Эрнест. А жаль. Сигарета недовольно зашипела в пепельнице, улыбка Чеширского Кота поехала в сторону, потянув за собой штампы месяцев, квадратики выходных... и год.

Год. Четыре блестящие цифры.

Не поняла...

Небо зашелестело, свет из комнаты потек к балкону. Что-то не то. Совсем. Неправильный год. Должен быть другой. Не этот! Сосредоточиться, присмотреться. Бесполезно, те же цифры. Стоят в обнимку, надсмехаются. Гадины упрямые! Свет перелился через порог, лавой потек по полу, протягивая ко мне когтистые лапки. Прямо как тогда, опять. Не хочу, не буду, не пойду!

Бежать. Вцепиться в бортик, перелезть через него. Высота – ни о чем... Ветер в волосах, сердце где-то в горле, хорошо-о-о. Козырек подъезда близко, рукой подать. Шаг по карнизу, прыжок. Свобода! Балкон позади, вместе с проклятыми цифрами и ядовитым светом. Я села на край, свесила ноги. Боковая решетка? Отлично! Перевернуться на живот, теперь аккуратно вниз, нащупывая ступнями перекладыны. Посредине застряла – нога зависла над пустотой. Есть ли у вас план, мистер Фикс? Или так и будем висеть, пока не созреем и не отвалимся? Ни назад, ни вперед, голова над козырьком крыльца, пальто и платье чуть ли не на шее. Зато трусы красивые... Снизу кашлянули. Я вцепилась в решетку, осторожно выглянула. Застывшая у дверей парочка таращилась на меня двумя парами абсолютно круглых глаз: три глаза смотрели на мое лицо, один – значительно ниже, отчего взгляд у кавалера был как у палтуса.

– Какой сейчас год на Земле? – я покосилась на решетку. Упс... Что за изверг выломал все нижние перекладыны?

Девица брезгливо принялась, кавалер моргнул и сфокусировался. Ответ мне не

понравился. Зашибись! Календарь не врал.

– Ну? Так и будем стоять? – недовольно спросила я. – Может, джентльмен поможет даме спуститься?

Джентльмен отмер и сгреб меня в охапку. Морда – как вспотевший помидор, колени трясутся. Да ладно, не настолько уж я тяжелая. Не мужик, мечта! Мягкое пузо, узкие плечи. Спортзал видел. Пару раз. По телевизору. К гадалке не ходи – мать печет пирожки, до сих пор зовет его «сыночка» и подтыкает на ночь одеяло. Зря девица ревниво щурится, мне такое добро ни к чему.

Не удержал-таки. Ручки разжались, и я ускоренно съехала вниз. Хорошо хоть рост у него не ахти, а то бы каблук сломала. Сапоги-то на мне те самые, на шнуровке. Эх, Аленка... Наша встреча была короткой. Я задрала голову. Балкон опустел, свет сгинул без следа. Отпустило... Над крышей висело глубокое черное небо в щербинках звезд. Значит, я стала старше. Внезапно. Аж на четыре года, хотя их не помню. Ха-ха... Нет, не смешно.

– Э-э-э-эй! – крикнула я в бездонную чернь. – Засранец! Ты должен мне четыре года!

Дверь подъезда хлопнула, крыльцо опустело – девица уволокла свое сокровище прятать. Я пнула подвернувшийся камень, он с глухим цоканьем покатился по асфальту. Продолжим? Я пошла вперед, футболя камень, а потом запела. Громко, от души:

– Девушки, война, войнаИдет аж до Урала...Девушки, весна, веснаА молодость пропала!

Странная песня. Откуда я ее знаю? Почему-то представлялся ковер на стене и черно-белый фильм в древнем телевизоре. Не люблю я старые фильмы. А она любит. Она?.. Что-то крутилось в голове, что-то важное. Поманило и пропало. Нет, я должна вспомнить. Это просто, стоит только нащупать ниточку. Тонкий скользкий хвостик. Надо тянуть, пропуская через себя, сматывать в клубок. Он горячий, пульсирующий и безнадежно запутанный. Сознание плыло от беспорядочных картинок, отголосков фраз, размытых образов. Сама не заметила, как вломила в кусты на пустыре. Колючки, раздвинутые ветки, первый ряд, второй. Чертов лабиринт! К счастью, он не шипел, не шел полосами. Не сводил с ума рябью помех и звоном в ушах, как тот, без конца и края. Я была в нем... Там, за мутной воронкой, первобытной мощности порталом. Вернулась сразу, но обратно он не пропускал. Выхода не стало. Вопрос – какого дьявола он вообще открывался? Впрочем, потом ответ нашелся... А тогда путь оставался один – в глубину серых полос, бесконечно пересекающихся кривых дорожек. Теперь-то знаю – пройти его нельзя. Можно разнести в клочья, разбросать осколки защитной энергии и выбраться наружу. Можно, но не мне. Управлять нижним Потокom дано лишь тем, кто полностью свободен от реальности. То есть им... Встреть я в лабиринте кого-то другого, не его, меня бы сожрали и сказали, что так и надо. Повезло – там был он, за очередным поворотом. Пришел проверить, кто с порталом балуется. Смотрел на меня задумчиво, с любопытством. А это лучшее чувство на свете, какое можно вызвать, если хочешь остаться в живых.

Дальше, за лабиринтом, был целый мир. Я догадывалась, что он есть. Обязан быть: раз существует граница, значит, существует и то, что стоит охранять. Но я даже представить не могла, насколько он потрясающ! Свободный, полный красок и ощущений. Огромный, вечный, сотворенный раз и навсегда. Где единственный закон – твои желания, без правил и запретов, а единственный бог и хозяин – ты сам. Леса, озера, замки, жара и холод – кто что хотел, тот то и получил. Ожившая мечта. Жаль, не моя.

Он показал мне многое. Думаю, ему было скучно. Остальным тоже. Когда тебе пять тысяч лет, мало что способно удивить или хотя бы заинтересовать. Я старалась. С каждым по отдельности и со всеми вместе. На мягких лапках, осторожно, точно – ответы, рассказы, вопросы. Шаг вправо, шаг влево, и ты в меню на завтрак. Мобилизует! Нашупала ту самую тему – болезную, актуальную. Все оказалось просто и банально: они хотели выжить. И снова на мягких лапках – доказывать, что можешь быть полезной. В итоге я поладила со всеми. Почти – Базиль не дался. Настороженно наблюдал за мной из-под рыжей челки и на что угодно отвечал излюбленным: «А зачем тебе?». Умный, зараза. От таких одни проблемы. Не сожрал меня, наверное, только потому, что аппетита не было. Уверена, он один не менял свою внешность. Никто по доброй воле не напаялит носатую физиономию с вечным прищуром блеклых глаз. А вдруг те странные

вещи, причисленные к «из ряда вон», как раз его рук дело? Придумал же он и ритуал, и границу. Вероятность – один к четырем. Лучше бы это оказался не Базиль. Иначе я вряд ли справлюсь...

Но это потом. Сейчас не важно. Надо вспомнить, что было до того, прежде. Себя.

Это сложно, даже с клубком в руках. Как знать и понимать, смотреть и видеть. Ниточка вилась, уходила вглубь, билась, словно ведущая к сердцу вена. Нужно распутать, проследить. Добраться до сути. Вернуться к себе.

Все начинается с любви... Дом, мечты, ошибки. Желание жить.

Теплый огонек сиял призывно, манил к себе, звал. Я чувствовала, нет, знала – мне туда. Шаг за шагом, сквозь газоны, грязь и темноту, затем вдоль дороги. Цокот каблучков по асфальту, гул редких машин. Там, в глубине своего отвоеванного Потока, они называли меня Софи. Неправильно. Фальшивые ноты в знакомой мелодии. Два слога, четыре буквы. Только по-другому. Со-ня. Именно так. И никакой фальши. Исчерченная тенями улица, обступающие полукругом дома. Раннее утро, сияющая светом полоска неба. Совсем не страшная.

Иллит говорила, что тьма страшнее света, ведь в ней может ничего не быть. Пустота. Конец.

Я вспомнила все. Даже то, что хотелось бы забыть. Боль, жар раскаленного металла. Крики спасателей, навеки врезавшееся в мозг жужжание. Тетя со своей долбанной гречкой, за скорбной рожей одна мысль – на кой черт меня оттуда вытащили. Побег из дома, прокуренные тамбуры поездов и электричек. Негостеприимные улицы, десятки съёмных квартир. Но, главное, что потом, после всего, оно нашлось. Родное. Мое.

Тугая дверь подъезда. Вверх, два этажа, почти бегом. Звонок – чертову кнопку до упора! Я тут! Птичьи трели внутри, шагов не слышно, как всегда. Дверь распахнулась...

Она.

Прямая спина, изгиб шеи. Прядка эта упертая – вечно из хвоста выпадает. А лицо измученное. Веки припухли. В карих глазах – зеленые искорки, калейдоскоп эмоций. Замешательство, проблеск надежды. И хлынувшее облегчение, с ядреной примесью... Вашу ж... Воздух рассек хлесткий звук, щеку обожгло.

Зато сразу стало ясно, что сказать:

– Ай...

Глава 4

Лейка

Ладонь горела, горло сжималось так, что было больно дышать. Нашлась! Жива... Россыпь солнечных искр, взорвавшееся конфетти на лестничной площадке. Только энергия странная. Но это она, точно она – Соня. Живая, настоящая, похожая на себя. Такая, как раньше... Стоит рядом, трет покрасневшую щеку и смотрит на меня вопросительно. Я ударила ее? Поделом! Так и надо! Мало еще попало. За те четыре года. Какого черта она тогда ушла, бросив меня здесь одну?!

Лестничная площадка расплылась мутными кругами. Глаза резало, но даже моргать было страшно. И шевелиться. Вдруг у меня попросту поехала крыша... Или я сплю. Десятки раз было уже, откроешь глаза – и ничего. Потолок, осень, злость, что угодно, а Сони нет.

Пол качнулся, стены надвинулись, выдавливая воздух.

– Лейка, – руки в кусачем пальто сомкнулись за спиной, в шею уткнулся холодный нос, – тю, ну чего ты? Это действительно я! Можешь даже пощипаться. Только не сильно!

Слова застряли в горле, все до одного, и слез не было, никак не получалось.

– Беда с тобой, – ворчала Соня, щекотно дыша в ухо. – То молчит, то дерется! В следующий раз в шлеме приду.

– В следующий раз – придушу, – хрипло выдохнула я и наконец-то смогла ее обнять.

Подкатывала тошнота, меня тормозили. Пытались то ли уронить, то ли, наоборот, поставить... Потом втащили в прихожую. Дверь захлопнулась, щелкнул выключатель. Стиснутые зубы, вдох через силу. Сознание прояснилось, муть схлынула. А Соня осталась. Мы в обнимку сидели на тумбочке, на которой сидеть нельзя.

Это правда, это на самом деле. Она тут. По-прежнему настоящая. Да и тяжеловато для иллюзии. Ножки у тумбочки угрожающе скрипели...

– В этом доме еду дают? – вздохнула Соня. – Или только по морде?

– Ты... – выдавила я.

– Я, – подтвердила она. Весело улыбнулась и спрыгнула на пол. – Хочу ванну. И есть! А потом – хоть выпори.

Да не помешало бы! Я хмыкнула. Соня быстро скинула сапоги и пальто, подмигнув, исчезла за дверью ванной.

Я столько раз представляла себе этот момент. Он наступил. И прошел. Что теперь? В ванной шпарил душ, доносились плеск и песни. Не совсем по нотам, зато громко. Потом будет скрестись в дверь и кричать, что как всегда забыла взять полотенце. Как всегда... Хорошо, что вчера заехала еще раз в Сонину квартиру и собрала кое-что из одежды, на всякий случай. Я сунула полотенце и сумку с вещами в приоткрытую дверь ванной, выпустив клубы пара. Бездумно прошлась по квартире, зачем-то протерла комод, поправила идеально разложенные салфетки. Чувство нереальности происходящего не отпускало, все еще потряхивало.

Спокойно...

Повертев в дрожащих руках телефон, я набрала Пашин номер.

– Соня здесь, – выпалила я.

– Ясно, – ровно отозвался Паша. – И как она?

– Вроде в порядке. Не знаю... Мы не успели поговорить. Она сама пришла, буквально

десять минут назад. Сейчас в ванной.

- Я смогу приехать не раньше обеда. Но как только - так сразу.

- Ладно.

- Вы с Анитой договаривались друг друга в курсе держать, - напомнил он. - Хочешь, я ей позвоню?

- Давай, - кивнула я в никуда. - Черт! Убедиться бы сначала наверняка, в каком Соня состоянии.

- Осторожнее с ней. Помни, где она была. И чем это грозит тому, о ком ты так сильно беспокоишься.

Я удивленно уставилась на замолкшую трубку. Что за бред?! Он спятил? Это же Соня... Просто ему повезло четыре года назад сразу выбраться из-за границы, а ей нет. Это не значит, что она теперь заодно с поточными гадами. Хватит. Любые выводы - потом. Вообще все потом. Сначала еда!

В холодильнике было пусто. Лишь из отделения для овощей таращился сквозь стекло туго набитый пакет из соседнего супермаркета, варварски втиснутый в ящик. Ох, Влад... Вчера вечером заскочил «подкрепиться и показать классный мульт». Увидев меня, заявил, что психоделики мне, пожалуй, и в зеркале хватит, и немедленно отправил спать. Да-да, он положит еду в холодильник, а входную дверь захлопнет до щелчка. И ведь положил - не разбирая! Хорошо еще не перепутал, что положить, а что захлопнуть. Я достала пакет и выгрузила на стол конфеты, печенье, сыр шариками. Устрашающего вида осьминогов в прозрачном контейнере. Даже смотреть жутко, не то что есть. Консервную банку с персиками, оливки, упаковку черри, связку тронутых черными пятнами бананов. Кто же кладет бананы в холодильник?! Рекламный проспект супермаркета, наушники, диск с мультфильмом. Конечно, на столе они бы испортились за ночь. Две бутылки пива, одно из них вишневое. Подпоить меня решил, что ли? Я невольно рассмеялась, сунула пиво в холодильник и заглянула в пакет. Кажется, все, только по дну растекалось что-то малоаппетитное. Стоп... Мороженое?! Ну, Влад...

Выкинув это безобразие в мусорное ведро, я покосилась на внушительную кучу посреди стола. Что ж, как говорила моя бабушка - чем богаты, тем и рады. Последние два дня мне было не до магазинов.

Вскоре воду выключили, скрипнула дверь ванной, по полу прошлепали босые ноги. Опять без тапок! Соня появилась на пороге кухни румяная, с намотанным на голову полотенцем, в клетчатой рубашке и обтягивающих джинсах. Крутанулась передо мной, втиснув руки в карманы, и довольно похвасталась:

- Как влитые! Мои старые и любимые. Я в них с универа влезть не могла. А тут...

Она бросила взгляд на стол и молитвенно сложила руки.

- Еда... - благоговейно выдохнула и плюхнулась на стул, на ходу запихивая в рот печенье.

Я села рядом. Ни на секунду не переставая жевать, Соня вскрыла банку с персиками, сунула в рот сочную дольку, блаженно зажмурилась и промычала с набитым ртом:

- Вкусотища... Сто лет не ела ничего подобного!

Сто лет. Интересно, догадывается ли она, как долго ее не было? Время в Потоке течет иначе.

Тренькнул телефон, высветив сообщение от Аниты с единственным словом: «Позвони». Я украдкой взглянула на Соню. Та с любопытством рассматривала осьминогов, постукивая пальцем по прозрачному пластику. Вдохнув, как перед прыжком в воду, я быстро набрала номер. Анита мгновенно схватила трубку.

- Лера, у вас все нормально? - прошептала она. - Говорить можешь?

– Да. Все в порядке, проблем больше не будет. Но нам нужно время.

Соня двумя пальцами подцепила осьминога за щупальце, покачала над тарелкой. В трубке слышались треск и сопение.

– Хорошо, – согласилась Анита. Помолчала и добавила: – Под твою ответственность. Пусть в наш офис заедет, когда ей станет лучше. Я ее куратор.

Я с облегчением выдохнула, только теперь осознав, что весь разговор задерживала дыхание.

– Кто это был? – с любопытством спросила Соня.

– Анита. Она из Совета.

– Совет в России?!

– Год как у нас обосновались.

– Хреново, – Соня прицелилась и решительно откусила осьминогу голову. – А Вениамин говорил, что ноги их здесь не будет, пока он жив...

Она запнулась. Посмотрела на меня совершенно круглыми глазами и протянула:

– Значит... Ну да. Сколько ему лет-то было. А кто сейчас рулит психологическим центром? Дима, Даша или...

– Нет больше центра, – перебила я, жалея, что эта тема вообще всплыла. – И рулить некому. Вениамин решил, что помогая нам совершил ошибку, и прошлой осенью с помощью Хранителя убил тридцать учеников. А в конце сам...

Соня отвернулась.

– Старый дурак, – пробормотала она и выкинула остатки осьминога в мусорное ведро.

Я сглотнула непонятно откуда взявшуюся горечь и, наконец, спросила:

– Что ты так долго делала за границей?

– Лавировала между голодными крокодилами. – Соня побренчала ложкой и вытащила из банки последний персик. – Но ничего, обошлось. Я пыталась тебе сообщить, что жива. Только как? Оттуда не доорешься. Тео обещал при случае передать.

– Кто?... – напряглась я.

– Нахальный брюнет с отличной задницей, – она усмехнулась. – Жаль, она ему там без надобности. Ты же с ним пересекалась.

– Дважды.

Прекрасно помнила и переданный между делом привет, и пошлые шуточки на уровне седьмого класса. Соня посмотрела на мое лицо и хихикнула:

– Он еще самый адекватный из них, поверь. Остальные вообще долбанутые.

– Расскажи... – не удержалась я.

– Началось все с каменного города. Названия не знаю, крокодилы не раскололись, или сами забыли. Поняла лишь, что он находился где-то на территории современной Иордании, но не Петра. Что в том городе было особенного, я не в курсе, только окрестные вемы лезли туда как мухи на мед. Или на... Неважно. Набилось их туда изрядно, но спокойно не жилось. Дар развили до немыслимых высот, обычных людей под себя подмяли – в общем, творили что хотели. Еще и в Потоке стали безобразничать. Допрыгались – явился по их души некто с суперсилой – пыщ тьмой, и прощай все живое, одни камни остались, даже покаркать некому. Ибо нефиг, Поток не игрушка. Слава о городе давно дурная ходила, а после такого и вовсе объявили место проклятым и стали обходить стороной. Спустя много лет еще одна кучка вемов решила, что ей все можно. И

тоже огребла. Хотя не так кардинально – нескольким удалось выжить и сбежать в заброшенный город. Какого черта этих смертников туда понесло – не выяснила, но в храме их уже ждали. Еле отбились, правда, не все. Ну, ты была там. Видела.

Я молча кивнула. Первородный мир: пустыня, храм, поверженная тьма. Вот что тогда случилось со вторым Вестником...

– Выжившие вемы не стали ждать, пока за ними снова явятся, – Соня закинула в рот оливку, задумчиво пожевала и пододвинула к себе всю банку. – Проникли в самый глубокий слой Лектума, бросили ненужные уже тела помирать в реальности и остались в Потоке на правах энергетических сущностей. Отгородились в нижней половине, создали себе мирок со всеми удобствами. Пять тысяч лет там квартируют. Хапают энергию вемов с помощью ловушки, чтобы поддерживать границу. Периодически предотвращают нападения тьмы. Такой расклад.

Ах, вот как это называется. Предотвращают нападения! Выслеживают и убивают Вестников до того, как те вышвырнут их из захваченного Потока.

– Какие милые... – осторожно высказалась я.

– Те еще сволочи, – отмахнулась Соня, и меня отпустило. – Один другого пакостнее. Выше только звезды, круче только яйца. Мы для них так, батарейки...

– Как тебе удалось вернуться?..

– Тео отправил. Баш на баш. Я ему тут кое с чем помогаю, он меня отпускает.

– С чем помогаешь? – застыла я, отчаянно пытаюсь задушить в себе панику. Может, таким образом они веками и добираются до Вестников в реальности?

– Да так... Покер в звездном домике. Кто-то из четырех крокодилов шулер, и мне надо выяснить кто именно.

Не похоже, чтобы дело касалось Артема. Пока не похоже.

– Ты ведь уже здесь. Пошли этого Тео в... Поток поглубже! Вместе с его интригами.

– Не прокатит, – покачала головой Соня. – Он меня легко выдернет отсюда в любой момент. При входе в портал зацепил основательно, моей энергии у него полно. Получит, что хочет, – отпустит.

То есть она фактически в заложниках. И не факт, что этот Тео сдержит слово. К тому же влезать в чьи-то разборки всегда чревато – может прилететь с любой стороны. Я обхватила чашку ладонями, тщетно пытаюсь согреться, и прошептала:

– Ты ему веришь?

– Лейка... – укоризненно протянула Соня и, обняв меня обеими руками, крепко прижала к себе. От нее пахло оливками и лавандовым шампунем. – Вообще-то я вижу ложь, и их в том числе. До сих пор не врал. А потом... На фига им там лишний квартирант. Насчет сожрать – хотели бы, давно слопали.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет! – Она убрала руки и выпрямилась. – Да и дело пустяковое – проверить несколько миров в верхнем Потоке, сдать ему имя. Большого сказать не могу. Сейчас не могу.

Соня справится. Если кто и способен выпутаться из подобной истории – то только она. Главное, не мешать. Долгожители не знают о моей связи с Вестником и считают случайным интерес Хранителя, иначе бы дали Соне совсем другое поручение. Лишь бы сама она не нарыла нечаянно чего-нибудь, что откроет им глаза.

Передо мной появилась тарелка с аппетитной абстракцией: сливочно-желтые сырные шарики, ярко-красные помидорки, зеленые оливки. Выглядело потрясающе, пахло так же. Я стащила один шарик, потом второй, и не заметила, как съела абсолютно все, вместе с оливками и черри. Соня копалась в пакете с конфетами, на столе шуршала

целая стайка бабочек, скрученных из оберток. Ни сомнений, ни суеты. Лишь умиротворяющее молчание и шелест цветных бумажек. Упорно не верилось, что мы сидим здесь, вместе. Разговариваем. И не о неправильно раскрашенных тиграх или пропавших с потолка звездах...

– А чего ты в бабушкиной квартире отсиживаешься? – неожиданно спросила Соня, разворачивая очередную конфету. – Опять с Пашей поцапались?

Скатерть слилась в сплошное цветастое пятно. Я сморгнула его и тихо ответила:

– Мы расстались.

– Как? Когда?.. – ошеломленно пробормотала она, выронив конфету в горстку мгновенно разлетевшихся бабочек.

– Четыре года назад. Как только он после вашего путешествия за границу очнулся.

Соня помолчала, а потом расплылась в медленной, отстраненной улыбке и рассмеялась. Взахлеб. Черт! Зачем я про четыре года упомянула... Только нервного срыва сейчас не хватало!

– Хорошо, что не сорок четыре, – сквозь смех простонала Соня, вытирая слезы. – А то бы очнулась, посмотрела в зеркало, а там седая обезьяна. С бородавкой на носу...

– Откуда бородавка-то?..

– Да кто поймет этих обезьян!

Я невольно улыбнулась. Она поковырялась в конфетах и разочарованно выпатила губу. Наверное, все вкусные уже слопала.

– А что еще есть? – вскочила и распахнула холодильник. Мгновение спустя в ее руках звякнули бутылки. – Лейка! Ну как можно было превращать закуску в еду?

– Легко. И я это пить не буду, даже не проси.

В итоге вишневое недоразумение мне все-таки всучили. Сопротивляться не было сил, от избытка событий последних дней звенело в ушах. Я сдалась. Пузырьки в голове, постепенно отпускающее напряжение. Уютное гудение холодильника, пустые контейнеры и пакеты на столе.

Потом мы сидели в комнате. Я на диване, Соня на ковре, подложив под спину диванную подушку и пристроив голову мне на колени. На стуле сохло полотенце, я перебирала пальцами влажные светлые пряди. Фены она ненавидит. Их шум напоминает ей о той аварии. Машина на огромной скорости врезалась в столб, родители мгновенно погибли, а Соню два часа вырезали из машины. Все это время она была в сознании.

В телевизоре беззвучно мелькали картинки, я рассказывала обо всем подряд – нейтральном и не имеющем к нам никакого отношения. Об успевших выйти фильмах, о новом торговом центре, об ужасно неудобных сенсорных телефонах. Соня слушала, прикрыв глаза, лениво посмеивалась над моей любовью к технике. Выглядела усталой. Неудивительно, если вспомнить о двух ночах ее кружения по городу.

– Тебе бы отдохнуть, – предложила я.

– Нет, – Соня выпрямилась и решительно вскочила на ноги. – Пойдем, прогуляемся. Не хочу сидеть взаперти, понимаешь?

Понимаю. Четыре года с этими крокодилами, постоянной борьбой за жизнь и невозможностью сбежать. Зачем она туда пошла, почему не вернулась вместе с Пашей?

С кресла надрывно заорал телефон. Соня подпрыгнула, я метнулась и сбросила звонок. Ну, Влад! Что за привычка таскать мобильный в заднем кармане джинсов?! Два треснутых экрана ничему не научили, теперь и вовсе выронил.

– Это моего друга телефон, – объяснила я.

- У тебя есть друг? - оживилась Соня. - М-м-м... Друг или дру-у-уг? А я-то думаю, что за пьяная фея залетала в твой холодильник.

- Ему двадцать три, - осадила я ее.

- И что? - хмыкнула она. - А, ну да. Теперь он для нас вроде как мелкий?

Я смущенно пожала плечами, Соня хихикнула, кинулась к сумке и выудила плащ.

- Что стоишь? Собирайся! Отвезем телефон ребенку. Небось, плачет, думает, что потерял!

- Не удивлюсь, если он не заметил пропажи, - буркнула я и взглянула на часы. Стрелка под крышей декоративной избушки подбиралась к десяти. - К тому же Влад сейчас на работе.

- Тем более! Я так давно мечтала побывать в... - Соня вопросительно посмотрела на меня. - Где трудится наш молодой друг?

- В дизайнерской студии.

- Вот! Я так давно мечтала побывать именно в дизайнерской студии.

Соня решительно затянула пояс плаща и вышла из комнаты.

- Надо будет отвезти пальто в клинику, отдать хозяйке, - сдалась я.

- Откуда сапожки - не скажу! - донеслось из коридора. - Они мне самой нравятся. А тебе дай волю, все имущество разбазаришь!

- Соня, почему граница нам тогда открылась? - выпалила я, почему-то ужасно боясь услышать ответ.

Она появилась на пороге в одном сапоге, второй держала в руках. Помолчала и серьезно произнесла:

- Я расскажу тебе... потом. Все расскажу. Когда буду полностью свободна. Ладно?

В такси Соня прилипла к окну и рисовала что-то на стекле, расслабленно улыбаясь. Это было так привычно, так естественно. Неужели она пропадала из моей жизни на столько лет? Сейчас уже и не верится.

Но, чем ближе становилось многоэтажное офисное здание, тем сильнее меня охватывал страх. Надо признать - я изменилась за эти годы, особенно за последний. Сони не было рядом, она не знает. А ведь столько всего произошло... У меня теперь есть Артем, Влад, Кира, диафильмы по выходным, ночные прогулки по торговым центрам, секретные пароли на случай похищения, в том числе инопланетянами. То, чего раньше и в помине не было. А еще спасение Вестника, секреты с Хранителем и намерение стереть с лица земли гадюк из нижнего Потока, от которых у нее таинственное задание. Как ни крути - откровенный разговор светит нам нескоро...

Расплатившись с таксистом, я повернулась к дверям и встала как вкопанная. Соня молча подошла сзади, взяла меня за руку, знакомо сплела наши пальцы.

- Мне тоже страшно, - сказала она тихо. - Вписаться бы в твою новую жизнь.

Я крепче сжала ее ладонь и потащила за собой, к двери. Без колебаний и тени сомнения. Много меняется - люди, мнения, обстоятельства. Точно знаю одно.

Ей всегда найдется место в моей жизни.

Глава 5

Соня

Рука молодого друга трепетно зависла над только что поставленной банкой, та качнулась... Упс-с-с! Башня дрогнула и обрушилась. Господа дизайнеры и маркетологи, азартно наблюдавшие за строительством, брызнули врассыпную. Лейка отпрянула в угол салатового дивана, испуганно прикрыв уши, запасы тушенки на случай апокалипсиса, крутятся и подпрыгивая, раскатились по всему офису. Я выиграла! Выиграла! Владик поскреб затылок, взъерошив волосы с особой жестокостью, напялил латексную голову лошади и бодрым шагом направился к дверям. Нарисовавшаяся на пороге уборщица уронила швабру и попятилась обратно в коридор, проигравший вышел следом и громко крикнул, что он – конь в пальто. Надеюсь, никто санитаров не вызовет. Какое счастье, что это была не моя банка...

Я спрыгнула со стула и плюхнулась рядом с Лейкой.

– Что ты творишь? – укоризненно прошептала она. – Люди же работают!

Работающие люди как раз высунулись в двери, ржали и вопили: «Иго-го!». Крики Владика то приближались, то отдалялись, кто-то ускакал в неведомые дали офиса, громко цокая языком. Все ясно, они психи! Мне нравится.

Наконец, уgomонились. Господа дизайнеры и маркетологи, пересмеиваясь, разбрелись по своим местам, довольный Владик проехал мимо на пуфике, сосредоточенно собирая банки. Милый мальчик. И умный... Просто друг, ага. Правильно. Лучше быть любимым младшим братиком, чем никем. Но мог бы так усердно не шифроваться. Лейка ни в жизнь не заметит, просто потому что не хочет. Она безупречно умеет не видеть оттенков. Все красное. Как те маркеры из шкафа.

Жаль, что это единственное воспоминание, которое удалось подсмотреть. Едва полезла глубже – враз заработала тычок локтем от Лейки, а Владик захлопнулся как устрица. Тренированный. И о даре знает. Так-так... Чую, в его голове есть много интересного, но как туда попасть?

– Чай из пакетика или кофе из автомата? – спросил наш новый лучший друг.

– Какао из базуки, пожалуйста! – отозвалась я.

– Воды из бутылки, – Лейка озадаченно крутила какую-то распечатку, пытаясь определить, где у нее верх. По-моему, справа. Во всяком случае, так оно хотя бы напоминает растекшийся по дороге велосипед. – Что это?

– Для туристического агентства, – доложил Владик и с умным видом добавил: – А сейчас ищем концепт магазину воздушных шаров.

Я вытащила из-под дивана пачку распечаток, вместе с ней выехали заляпанная соусом папка с огрызком пиццы наверху и пыльный консервный нож. Следом выкатилась банка тушенки.

– Вот он! – Владик радостно подпрыгнул. – Мы его нашли!

– Концепт? – Лейка хмуро покосилась на натюрморт у своих ног.

– Нож! Месяц как пропал, – отмахнулся Владик. – Кстати, у нас пицца осталась, с колбасой и оливками. Хотите?

– Это она? – Я ткнула пальцем в налипшие на папку останки.

– Нет, это ее бабушка, – подмигнул Владик. – Момент!

Цапнул нож, пихнул остальное под диван и испарился. И Лейка терпит? Надо же... Кого угодно бы уже раскатали осуждением, а он бегаёт с ненадкушенным мозгом – жизни радуется. И мумия пиццы осталась непогребенной. Это точно Лейка, или мне кого-то

подкинули? Разводы пыли уходили под диван, и оттуда выглядывала... грустная божья коровка! Я с любопытством потянула лист за уголок. Еще один макет – шапка и меню в виде блистера, где вместо таблеток в прозрачном пластике сидели божьи коровки. Такое чудо среди креатива и концептов.

– Брось! – раздалось над ухом. Я испуганно выпустила лист, тот спикировал на пол. – Держи какао.

Еще бы гавкнул, паршивец.

– Чей макет? – Я отпила из протянутого стаканчика. На самом деле какао. Мне бы сейчас валерьянка не помешала. И памперс...

– Уже ничей, – равнодушно пожал плечами Владик, оседлав пуфик. Над головой предательски подмигивал пламбоб застарелой обиды. – Кире делали весной, но ей не понадобился.

О, как! Наш друг знаком с Кирой, а где Кира – там и драма. Все интереснее. Еще и Лейка глаза отводит. Хочу знать!

– Кире понадобился сайт? – вкрадчиво спросила я, прошупывая барьер. Тот дрогнул и неумолимо захлопнулся, словно двери отчаливающего от перрона поезда. Жадина.

– Скорее предлог, чтобы сюда притащиться, – фыркнул Владик. – Напела в уши нашему менеджеру про частную практику, тот месяц вокруг меня бегал, печень выклеивал дедлайном.

– Частная практика? А как же «Перспектива»?

– Никак. Несколько клиентов маньяк поубивал, остальные сами разбежались. Директор с бухгалтером прихватили последние деньги и смотались в далекие края. Так и не нашли.

– Ай да Игорек, – присвистнула я. – Лейка, ты почему мне об этом не рассказала?

– А это интересно? – Она наклонилась, вытащила пыльную кучу из-под дивана и с облегчением пристроила в мусорное ведро. Ну, слава богу! А то я уж волноваться начала. – Сбежал, и сбежал.

Это оно – правильное, неизменное. И совершенно мне недоступное. Лейку не мучило любопытство, ни разу. В ее голове не толкались сотни вопросов, не зудели кусачим роем, не сводили с ума. Не царапались в мозг настойчивым «давай, иди и возьми». Желание знать, отпирать двери, искать ответы... Ха! Они и готовые ей были не нужны. Единственное волнующее ее «зачем» звучало как «зачем в это лезть». Железные принципы, каток рассудительности и искренность, за которую простишь все...

Я первая ее увидела. Тогда, в психологическом центре. Молчаливую девочку на узком подоконнике, где сидеть строго запрещено. Я плевала на правила, а для нее это был не вызов, а побег. В одиночество, которое часть тебя, твоя необходимость. Твое наказание. Мы обе знали о цене. В тот момент я ощутила ее – связь, одну на двоих, как ниточку, подхваченную с обоих концов. Смотаешь такую, и встреча неизбежна.

Лейка – она сама по себе словно закрытая комната. Я подошла близко, и меня впустили. Стало хорошо, уютно, надежно, как дома. Вкуснятина в холодильнике, подкупающая категоричность, вечная охота на пыль, недремлющая совесть и идеализм, достойный самого упорного мечтателя. Она сражала прямокой – прицельно, в лоб. И так прочно стояла на ногах, что, казалось, будешь рядом, и тоже удержишься. Любые загадки вызывали у нее скуку, а не азарт. И мой собственный будто делился надвое, остывал. Это было важно, всегда. Выдыхать, успокаиваться. Чувствовать равновесие.

– Нам пора, пожалуй, – Лейка допила свою воду и аккуратно завинтила крышку. – Не будем больше вам мешать...

Да ладно. А то они расстроились. Особенно тот Мцыри у окна. Как Лейку увидел, так и впал в кому. Только глаза над монитором сверкают, а в них – тысяча и одна ночь вместе с луной и звездами.

- Вы и не мешаете. Молодцы, что заскочили... - Владик поерзал на пуфике. - Может, встретимся как-нибудь вечером, безо всех наших менеджеров, и на диване поудобнее?

- М-м-м?... - Я насмешливо приподняла бровь. - Втроем? А справишься?

Он сравнялся по цвету со всеми своими красными маркерами одновременно и быстро оглянулся на Лейку. Та пристраивала пустую бутылку в переполненную урну, отрешенно думая о чем-то своем. Струсил? Дурачок... Лейка подобных ляпов просто не замечает. Я потянула ее на выход, оставив по пути на чьем-то столе недопитый какао. Владик помахал рукой и с чрезвычайно занятым видом укатил на рабочее место. А пиццу все-таки зажал, кентавр офисный.

На улице было шумно и мокро, машины высекали залпы брызг из луж. Такси мчалось с ветерком, за окном проплывал город, такой родной и такой незнакомый. Подвижный, меняющийся, живой!

В моем дворе появилась детская площадка, сыто толпились новые иномарки, блестя ухоженными боками. У подъезда разрослись кусты, и какой-то изверг изрезал сердечками скамейку. Лифт увез на самый верх, ключ заедал и не проворачивался, Лейка смешно оправдывалась, что «это не она сломала, он сам». Наконец, замок щелкнул. Я пробежалась по квартире, не веря, что я дома, и распахнула шкаф. Так... Даже мерять не буду. Четыре года - хороший повод обновить гардеробчик. Кстати, а сколько у меня денег? Через пару минут я знала об этой жизни все. Интернет отрубили, срок действия банковской карточки истек, а номер мобильного телефона заблокирован. Я бомж. Зато есть она, лоджия - огромные окна во весь рост, теплые доски пола, ворох подушек, плед и мир под ногами. Оранжевый лес без конца и края, немного невысоких домов, ниточки дорог, изгиб реки и небо - много неба. Теперь все правильно. Как надо. Лейка закончила размахивать тряпкой, уничтожая одной ей видимую пыль, забралась ко мне на подушки и уткнулась носом в плечо. Высоты она не боялась, просто не любила. А под пледом хорошо, безопасно. Особенно если натянуть его повыше, спрятаться с головой и хихикать. Над чем угодно. Или просто молчать и смотреть в небо - пронзительно синее, глубокое, спокойное...

Что за... Энергия завибрировала, бешено закрутилась, быстро приближаясь. Нет, ну только не сейчас! Мощный импульс, звонок в дверь.

- Открою, - Лейка отбросила плед и исчезла в провале дверей.

Пашу принесло... И, как всегда, не вовремя. Впрочем, на этот раз должно быть весело!

Замок лязгнул, все стихло. Что они там делают? Я слетела с подушек и выскользнула в прихожую. Оба стояли у двери и молча переглядывались. Все как обычно. Они точно расстались?

Я обняла Лейку сзади и промурлыкала с ее плеча:

- Привет-привет! Какая встреча...

Паша выжидательно приподнял бровь. Ни страха, ни отчаяния, ни хотя бы досады. Полный дзен и морда кирпичом. Козел.

- А ты опоздал. Я уже обо всем рассказала Лейке.

Он перевел на нее внимательный взгляд. Секунда, другая, тонким слоем размазанная по воздуху тревога. Исключительно Лейкина.

- Ты в порядке? - Паша снова уставился на меня, с откровенной насмешкой. - Бледно выглядишь. А про свой заграничный вояж можешь еще раз повторить. Для тренировки. Скоро тебя об этом многие спрашивать будут.

Жаль, что не мне первой пришла идея выдать билет в один конец. Сейчас бы тут не скалился.

- Ты прав, - вздохнула я. - Во второй раз даже лучше получится. Память возвращается, вспоминаются подробности...

- Это какие? - насторожилась Лейка.

- Сесть хочу... - сказала я очень усталым голосом.

Развернулась и побрела в комнату. Лейка моментально метнулась следом. Спину буравил взгляд господина Левицкого, тяжелый как баллон с ацетиленом. Отлично! Процесс пошел. Посмотрим, у кого будет бледный вид.

Я залезла с ногами на диван и уютно устроилась в уголке, Лейка притащила с балкона плед, старательно меня укрыла и села рядом, нервно сцепив пальцы в замок. Паша небрежно подпер спиной стену у двери.

- Ты в клинику звонила?

- Нет... - вздохнула Лейка. - Зачем? Я же подписала какие-то бумаги.

- Это был отказ от привлечения полиции к поискам, и еще пара-тройка формальностей, - терпеливо пояснил он и покосился на меня. - А место я попросил придержать. Мало ли...

Дерзит, сволочь.

- Оно не понадобится, - перебила Лейка. - Позвоню и разберусь.

- Ты как выбрался? - спросила я, лениво кутаясь в плед. - И через сколько?

- Через две недели. Так же как вошел.

- А когда я к порталу вернулась, там уже заперто было. Кстати... - Я накрыла Лейкины руки своей. - Я вспомнила, что было за границей у портала.

- Там лабиринт или вроде того, - она стиснула подол обеими руками. - Паша мне показывал воспоминание.

- Да? И я там была?

Лейка мотнула головой, из господина Левицкого вулканной лавой поперла злость. Эй, а где же наша фирменная ухмылка?

- Паша... - я нахмурилась и замолчала. Воздух вибрировал, потрескивая от напряжения. - Паш, одолжи денег, а? У меня карту заблокировали.

- Я дам, - спохватилась Лейка.

- Нет, - зашевелился Паша, только что переживший свой персональный последний день Помпеи. - Если она на твои деньги одеваться будет, тебе придется перейти на трехразовое питание - понедельник, среда, пятница.

Из прихожей понеслась веселая мультяшная мелодия, Лейка сорвалась с места и исчезла за дверью.

- Да? Артем, помедленнее, - донеслось оттуда. - Что-что ты сделал?.. И как они? Ничего не трогай, я еду!

Она появилась на пороге с прижатым к груди телефоном, полыхая паникой.

- Артем? - с любопытством спросила я.

- Это с работы... - замялась Лейка.

- Ты работаешь?..

Меня не было, видимо, слишком долго. Лейка и работа? Бывший жених-миллионер, я гляжу, тот еще жлоб...

- Одного вема внезапно инициировало в восемь лет, - раздраженно пояснил жлоб. - Родители у него люди состоятельные, она у мелкого вместо гуру.

То есть нянька. С ума сойти! Зато ясно, где Лейка живет, потому что определенно не в

бабушкиной квартире. Иначе бы в холодильнике осьминоги на щупальцах не вешались.

– Ты же не любишь детей, – озадаченно сказала я.

– Этого люблю, – произнесла Лейка тем тоном, который четко подразумевал – дальнейших обсуждений не будет. – Мне нужно отойти, вернусь как смогу. Ты...

– Куплю телефон и сразу позвоню, – я поднялась с дивана, выразительно кивнув Паше. – Правда ведь?

Он взглянул на меня так, будто очень хотел выкинуть в окно и прикидывал как это сделать. Никак. Окна на таких этажах не открываются. В коридоре Лейка уже надевала сапоги и смотрела несчастными глазами. Ей было страшно – и уходить, и прощаться. Напрасно. Никуда я не денусь, постараюсь не деться. Я закрыла за ней дверь, щелкнула замком.

За спиной налился сгусток выпущенной на свободу злости с примесью какого-то странного облегчения. Так не терпится, что в коридор выполз? И чего это его так разбирает? Впрочем, теперь-то можно не сдерживаться. Обоим.

– Какого черта тебе там не сиделось? – почти весело спросил Паша и захлопнул за собой дверь в комнату. – Или и оттуда вышвырнули?

– Все швыряются... Просто флэш-моб какой-то! – я печально покачала головой. Шаг вперед, второй. – Она вышвырнула тебя, как только ты вышвырнул меня. Теперь я здесь, а ты – в полете. Какая грустная история!

– Сонечко, что за детский сад? – прищурился Паша. – Не забывай, ты уже не в том возрасте.

– Как забыть, что ты украл у меня четыре года, – пожала я плечами. – Столько перемен... У Лейки появился Владик. Милый мальчик. Ей с ним хорошо...

– Верный паж, – усмехнулся он. – Будет тайком облизываться и вздыхать, но так и не решится протянуть руку. Как видишь, замену тебе она нашла.

Ах, ты ж... Я приблизилась вплотную, ощутив горячее дыхание и столь же горячую ярость. Медленно склонила голову набок и спросила:

– А если я ей все-таки расскажу?

– Рассказывай. И про то, как ты в нашу последнюю встречу пыталась скормить меня новым друзьям – тоже расскажи.

– Скормить? Увы, не едят они что попало. И вообще, мне нужен был друг! Настоящий... – Я томно выдохнула и приложила палец к его губам. Ладонь моментально оказалось сжата в тисках железных пальцев. – Ведь только настоящий друг пинком отправит в лабиринт, как только повернешься к нему спиной.

– Ты сама туда хотела. – Паша выпустил мою руку и отстранился. – А я нет.

– Я сумела договориться, и тебе ничего не мешало попробовать. Все честно.

Он вынул из кармана прямоугольник холодного пластика и грубо вложил в мою ладонь. Визитка. Благотворительный фонд «Идеальный мир» и некая Анна Верт со специальными проектами. Припоминаю... Уж не та ли Анита?

– Тебя в Совете очень ждут, – пояснил Паша с садистским удовольствием. – По поводу той женщины из клиники, которая в себя до сих пор не пришла. Сделай одолжение, огреби пять предупреждений сразу. Сэкономь всем время.

Из клиники... Вот откуда в голове всплывает Барсик и ящик с картошкой.

– И это все? – я покачала визиткой перед Пашиным носом.

Тот достал кошелек, задумчиво перебрал пальцами купюры. Резко захлопнув его, положил обратно и сказал:

– Деньги скину на счет. Прогуляешься до банка. – Посмотрел в окно и довольно добавил: – Кажется, дождь собирается...

Пятачок, неси ружье...

Галантно поклонившись, он прошел в коридор, а я, ни в чем себе не отказывая, рассмеялась. Как ни крути, забавный расклад! Хотел от меня избавиться, а хвост прищемило в итоге самому.

Захлопнув за ним дверь, я бросила визитку куда-то в ящик и завалилась на балкон. Вот оно – блаженство... Тепло, мягко, просторно. Вдалеке блеснит голубая гладь реки, и пофиг ей на пасмурное небо. Закрывать глаза не хочется, хоть и слипаются. К черту Пашу! Обещала себе ни о чем не жалеть, особенно о том, чего не изменишь. Жизнь дается только раз, и она продолжается.

Задержать дыхание, протянуть руку – вперед, к стеклу, прозрачному настолько, что кажется, будто его нет. Исчезающий отпечаток на окне, холод на кончиках пальцев. И податливая мягкость другой преграды, невидимой обычным людям. Она красивая. Искрит, переливается, зовет. Всегда зовет. Это так естественно – выдохнуть, откликнуться. Подхватить ритм качающейся на волнах энергии. Размеренность, спокойствие? Долой! Шторм, цунами, адский серфинг... Вот где истинное волшебство. Границу миров закружило, реальность уплыла резко – вверх, вместе с небом, плодом, твердостью пола. Стремительное погружение, рябь энергии. Как же мне нравится уходить, не держа в голове каждый узор на подушке, и даже точно не зная сколько их.

Тусклое небо, буйство метели и заснеженное поле. Белое, чтоб его. Но активных миров всего пять, выбрать не приходится. Лишь бы их вообще хватило.

Теперь – бегом, в обратную от тропинки сторону, сквозь заиндепевшую траву веселенького голубого цвета. Вот он, крутой обрыв, рваный край пропасти. Разгон, быстрее, еще быстрее... Прыжок! Секундное смятение, всплеск предвкушения, свист в ушах. О-о-оп! И уже внизу. Люблю законы Потока! Веришь – оживает, хочешь – получаешь.

Впереди сгоревшая деревенька: обугленные развалины, летающий в воздухе пепел, и в центре – фонтан. Он-то мне и нужен. Чистенькая, покрытая льдом вычурная громадина смотрелась среди сельских руин как клоун на поминках. Вряд ли в реальности местные пейзажи из нее коз поили, и откуда она нарисовалась в Потоке – загадка. А любая загадка лишь финальный аккорд, итог роковой последовательности событий. Главное, суметь ее представить, почувствовать. Только чувствам здесь можно доверять, только они настоящие. Не всем дано, да и у меня без бонусов от крокодилов ничего бы не вышло. Каждый мир верхнего Потока – не что иное, как немного искаженное воспоминание о смерти очередной тьмы, след от невероятно мощной вспышки энергии, запечатленный момент ее высвобождения. Я облокотилась о резной каменный бортик фонтана, зажмурилась. Раз, два, три, это видно изнутри...

Пронизывающий холод, дышать нечем. Имя, с него все начинается. Ида... Упорная, очень. Как тот родник в центре большой деревни. Маленький, но сильный. Она могла часами смотреть на бьющую из-под воды толстую пенистую струйку, похожую на фонтан, что Ида видела в детстве, когда с родителями на ярмарку ездила. Только раз тогда и выбрались из деревни. Крестьянская жизнь такая. Дом, хозяйство, не кинешь надолго. В городе улицы камнями вымощены – камушек к камушку, чуднО. Телега гремит, подпрыгивает на них, копыта цокают. Дома высоченные, и так тесно жмутся друг к другу, будто им места мало. Народу – тьма-тьмушная, и одеты непонятно. Площадь огромная, как поле за домом, повозки, брички, шатры разные – кто что привез, тем и торгует. А посередине – он! Фонтан! Громадный, пятиярусный, с золотыми от солнца струями. Она тогда проворно взобралась на самый верх, на пятый ярус, не слушая сердитых окриков отца, глянула по сторонам, и застыла зачарованно. Красота-то какая, господи... И даже саднящая от падения, а затем от розог задница и выговор от матери не огорчили.

Ей было шестнадцать в тот год, когда сгорела деревня. Ида пережила пожар и почти спаслась, но те, кто его устроил, вернулись. Ей не хватило чуть-чуть – времени, сил, удачи. Была метель и много снега. И круглая полынья на роднике с ледяной крошкой по краю. Мутит. Студеная вода, давящая на затылок стальная рука, закончившийся воздух.

М-да...

Снова мимо. Ее убили. Это по их плану. Так и было задумано.

Я глубоко вдохнула и открыла глаза. Ё-мое... Окружили. Снежные твари на толстых лапах абсолютно безмолвно сжимали кольцо, зияя пустыми провалами глаз. Рождество в Сайлент Хилле, ей-богу. Их было около дюжины, но с крыльца самого большого дома лавиной пер снег, отлетали комки и раскрывались словно попкорн, превращаясь в новых упитанных гремлинов.

Твари открыли пасти, утыканные ледяными зубами, рыча и скалясь двинулись ко мне. Эй, полегче, я вам не елочка! Запрыгнув на нижний ярус, я огляделась. Орда снежных гремлинов наступала, несколько штук карабкались за мной, с мерзким скрежетом скобли по чаше когтями. Продвинутая здесь охранная система. На считывание сценария реагирует? В прошлом мире такой не было! Конечно, можно сбежать – до точки выхода два десятка метров. Но пропустить веселье? Ни за что. Любопытство ворочалось внутри и царапалось круче местных тварей. Над краем чаши показались снежные морды, рядом с ногой жадно клацнули чьи-то зубы. Лягнула не глядя, на лезущих к чаше гремлинов ухнул зубастый ком. Внизу зачавкали, запыхтели, кто-то заскулил. Не досталось? Добавим! Я заскользила по ярусу, пинками сшибая рычащие головы. Одна, другая, третья... Да их тут все больше! Взлетев на следующий ярус, я села на край и свесила ноги, болтая ими над шелкающими пастями. Вечер перестает быть томным, пора проредить популяцию. Расслабиться, отправить миру требовательный импульс. Призвать его энергию к себе и... зарядить испепеляющей круговой волной. Жахнуло нехило. Лавина жара, искры вместо крошева метели, всюду мокрые лужи с осколками сосулес. Эффектно, но...

Вдалеке загудел горн. Метель возвращалась, с крыльца сыпал снег, из комков вылуплялись очередные твари и тянулись к фонтану. Конвейер адского попкорна! Так и будем развлекаться, пока обессилев, не повиснем тряпочкой. Потом кто-нибудь из вемов залезет на фонтан, найдет ее и высморкается! Я быстро забралась на верхний ярус и встала. Выл ветер, трепал волосы, забирался под одежду, внизу раскинулась убогая деревенька, вся как на ладони. Колыхалось море гремлинов, задирало оскаленные морды, упорото атакуя фонтан. Поиграем? На этот раз получился не призыв, а полноценный вызов. Энергию я направила точно в крыльцо. Удачно зашло: столп искр, грохот, брызги щепок, сорванная с петель входная дверь. Море слякоти из растаявших тварей по колено. И тишина... Победа? Звук горна повторился, на обломки крыльца вывалился свежий сугроб. Что за... Так, все. В третий раз не промажу. Хотя бы потому что четвертого не будет – силы на исходе.

Не сами гремлины, и не крыльцо. Значит, что-то в доме. И я это что-то найду! Легкая концентрация, выпущенная волна жара. Заклубился пар, слизывая снег, слякоть, парочку вылупившихся тварей и разбросанные возле крыльца гремлиньские комки. Я оттолкнулась и прыгнула, с самого верха, с потрясающей высоты... Мягко приземлилась на черную сытую землю. Теперь бегом! К обугленным обломкам, груде щепок, оставшихся от крыльца. В доме было пусто, только люк в подвал зиял дырой и плевался снегом. Я подошла поближе и заглянула – туда, в черный провал. Темно. Прыгать не буду. Вдруг там не подвал, а средневековая выгребная яма? Мало ли что Поток не так понял. Я выпустила огонек жизненной энергии, тот завис, выхватывая из тьмы кучи пепла, обгоревшую лестницу и подернутый рябью земляной пол. Из ряби выныривали снежинки, отрывались и вихрем улетали наверх. Вот она, колыбель пустоглазых гремлинов! Зарядила я в нее сполна, всем, что смогла взять – у себя, у мира, у Потока. Оживший было горн захлебнулся собственным гулом, пол застыл. Стало тихо, очень тихо. Минута за минутой, и ничего. Вот теперь точно – победа! Трещины в потолке исчезли, словно стертые ластиком, за вновь повисшей на петлях входной дверию виднелось абсолютно целое крыльцо. Местный сценарий завершился, и мир вернулся в исходную точку. Протрубил горн, все началось сначала. Только земляной пол остался неподвижным. Интересно, почему? Потому что в этом цикле я пока фонтан не трогала? Или...

Прикрыть глаза, нащупать сосредоточение зыбкой памяти. Я знаю, чувствую. Ее дом, Иды. Она пряталась тут, в подвале, когда начался пожар. Успела выбраться, прежде чем все обрушилось.

Щеку кольнуло холодом, потом еще, и еще. Я открыла глаза и заглянула в подвал. По

полу снова шла рябь, первые снежинки кружились в воздухе. Все ясно, гремлины на подходе, и дело не в фонтане. Не только место смерти хранит воспоминания, весь мир – словно хранилище чьей-то души, ее индивидуальный отпечаток. Ковырни в любой точке – получишь отклик. Поток тебе подчиняется, слушается, помогает, но сценарий задают они, погибшие девочки. Капризные как призраки, одни молчат, другие зовут, третьи хитро играют с тобой. Ида защищается. Не хочет, чтобы ее тревожили. Да и ни к чему.

Это не та девочка, которая мне нужна.

Я протиснулась в приоткрытую дверь, разом ослепнув от яркого света. Следом выпал огромный сугроб, сбил с ног и потащил вниз по ступенькам, распадаясь на комки. Упс... Похоже, гостеприимно проводят. Интересно, если я оскалюсь и зарычу, меня за свою примут?

– Эй, брысь, фу, или как там тебя!

Не прокатило... А-а-адский попкорн! Я домчалась до знакомого двора, перелетела через плетеный забор, за которым мерцала точка выхода. Оказывается, занесенные снегом дворы преодолеваются гораздо быстрее, если у задницы щелкают ледяные клыки! Стая гремлинов бесновалась снаружи, просовывала когтистые лапы сквозь прутья, царапала невидимую преграду. Пока-пока, обниматься не будем! Чистый участок двора, защищенный от летающего в воздухе пепла невидимой преградой. Кажется, что белее ничего быть не может... Ерунда. Сейчас будет и белее.

Шаг к самому краю, нырок в пропасть непроглядной глубины. Холодные объятия света, плотный белый туман. Как же осточертел! Непрístupный, ослепляющий, бесконечный. Обманчиво пустой, будто вовсе нет никого. Но это не так. Тут они, в засаде. Схема простая: перехваченный на выходе из Потока вем, последняя картинка из реальности, добытая прямоком из его головы, иллюзия возвращения. И счет на время, сообразит и смотается – молодец. Нет – до свидания, ловушка сомкнется. Кто сегодня дежурит? Вроде бы Крис... Еще одна жертва местного фотошопа – рафинированный блондин с комплектом бронзовых мускулов, нарцисс и болван. Хотя последнее, пожалуй, его единственный плюс – общаться проще. Пара восхищенных взглядов – и в дамки. Я позвала четко и громко, как учили. Дуновение ветра, просветы голубого неба в белом мареве. Под ногами твердая рыжеватая земля, сплошь покрытая высоким разнотравьем. Горьковатый запах полыни, гривы ковыля до отрогов меловых гор вдали... Не Крис. Ну, хоть и не Базиль.

Ткнула рукой наугад – вперед, назад. Все мимо, только воздух. Раздалось хихиканье, сбоку появилась дверь – деревянная, массивная, с кованым кольцом. Из-за нее высунулась юная довольная мордашка и показала язык. Русые кудри до лопаток, чуть собранные тонкой золотой диадемой, на которой сиял знак из драгоценных камней – зигзаг со стрелкой на конце. Будто змейка с изумрудным глазком. Нежные щечки, пухлые губки, наивные голубые глазищи в пол-лица. Куколка. Только взгляд подкачал – цепкий, быстрый, как укус кобры. Той, что на диадеме. Главный сплетник бессмертного коллектива Крис как-то проболтался, что в покинутой реальности Яника была женой вождя одного из племен Месопотамии, считай, королевой. Воинственная, непокорная, она плевать хотела на обычаи и держала под каблуком мужа, а потом и сыновей. Так что в Поток Яника переселилась далеко не шестнадцатилетним невинным ангелом.

– Хочу печенек, – прояснила я сразу. – И побольше.

– Опять? – закатил глаза невинный ангел. – Ну, ты и жрать.

– Надо было осмотреться как следует, – протянула я отрешенно и не забыла пожаловаться: – Мутит постоянно, чудится всякое.

– Потерпишь, – отмахнулась Яника и выпрыгнула наружу. Дверь тотчас испарилась.

Она ухватила меня за руку, слишком крепко для милой крошки. Ладонь пронзили сотни иголок, веером разлетелись дальше – царапаясь и впиваясь в сознание. Небо перевернулось, опора уплыла. Или это я попросту грохнулась? Чертова кукла, могла бы помедленнее! Внутри все жгло и кололось, будто три метра колючей проволоки проглотила. Под напряжением. Надеюсь, глаза не светятся. Ладно, не впервой... Глубокий вдох, и картинка прояснилась. Я перевернулась на бок, прислушалась к себе.

Порядок, полученной энергии хватит с запасом. Яника сидела рядом, подобрав длинную юбку, и плела венок из цветов. Почти закончила, оставалось лишь замкнуть круг.

– Нашла, что искала? – беззаботно спросила она, жуя травинку.

– Нет еще, – ответила я спокойно, потому что чистая правда. – Но я справлюсь.

– А что потом?

– Тогда и подумаю.

– Уйти или остаться? – Яника вплела травинку в венок, завязала оба его конца грубым узлом. – А чего ты хочешь?

Хреново. Я-то старалась, чтобы ни у кого сомнений не возникало. Базиль ее, что ли, покусал?..

– Свободы, – еще одна правда, которая звучит безопасно, – и решать самой.

Яника улыбнулась, совсем не по-детски. Водрузила мне на голову венок и насмешливо передразнила:

– Свобода... Большая, а в сказки веришь.

Небо рухнуло на голову, облака растеклись расплавленным свинцом. Подкинуло вверх и стремительно вышвырнуло вон. Стук в висках, противное хлюпанье, липкие потеки на подбородке. В окнах багровый закат, на подушке – того же цвета разводы. Ну, ё-мое! Снова кровь хлещет. Подушке было уже все равно, я доковыляла до кухни с ней в обнимку. Выгребла весь лед из морозилки и приложила к переносице. Нос моментально онемел. Ничего, не отвалится...

Перед глазами мелькала то высокомерно вздернутая бровь Иллита, то непонятная улыбка Яники. Изучающий взгляд Криса, поджатые губы Базиля. Ждут результатов, помогают. Смешно... Не ищу я вашу очередную девочку с тьмой. Это просто прикрытие. На самом деле я ищу, кто же из вас четверых такой хитрожопый.

И найду. Вот тогда-то и посмотрим, что потом.

Глава 6

Лейка

Рыбки обморочно зависли у самого дна, выбивая хвостами песчаную муть, улитки так глубоко забились в раковины, что было непонятно, есть ли они там вообще. Кверху брюхом определенно никто не плавал – ни в утыканном окошками замке, из которого с бульканьем тянулись пузырьки, ни в гуще спутанных темно-зеленых водорослей.

– Ну, живые же все, – виновато пробормотал Артем.

Оптимист. Не помню, чтобы раньше у рыбок были такие выпученные глаза. Надеюсь, они оклемаются раньше, чем Нина их увидит.

– Ведь получилось, – Артем тихонько ткнул меня в бок, – я знал, что получится, чувствовал!

Исследовать возможности Вестников ему нравилось, любопытство гнало вперед, лишая покоя и осторожности. В последнее время Артема занимал вопрос – можно ли не прихлопывать объект с концами. На мухах ничего не вышло – слишком мало в них энергии жизни, чтобы правильно рассчитать удар. Вот и дорвался до рыбок. Впрочем, сама виновата. Оставила без присмотра на два дня.

– Надо было дожидаться меня.

Он насмешливо приподнял бровь. У Влада научился?

– Ты их трогал? – поинтересовалась я, поправив на аквариуме косо закрытую крышку.

– Только воду сверху, – с азартом поделился Артем. – Пыщ на секундочку. Хватило!

– Хорошо придумано. Но экспериментировать лучше вдвоем, пока не научишься. И однозначно не на рыбках!

– Я их больше не буду трогать, честно-честно, – он расстроено вздохнул. Истинная правда в каждом слове и отсветы сожаления. – Не хочу никому делать плохо.

А Паша еще опасался, что ситуация выйдет из-под контроля. Чушь! Чтобы Артем безжалостно гасил жизнь во всех подряд? Такого не будет.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещала я и потрепала его по макушке, взъерошив рыжие пряди. – Просто рассказывай мне о любых идеях заранее.

Выяснить как можно больше о возможностях Вестников лишь малая часть дела – нужно еще воспользоваться ими так, чтобы выжить. Пятьдесят Вестников были убиты кем-то в реальности, значит, пора менять тактику. Необходимо пересечь границу и напасть на должителей в Потоке. Первыми. Одно непонятно – как отпереть портал. Я видела его открытым лишь раз, тогда, четыре года назад... Соня может знать. Черт, Соня может знать многое! О том, что находится в нижнем Потоке, насколько оно опасно, и как быстро нас засекут, если проникнуть в те миры. Вот только спросить об этом нельзя – Тео ее крепко через энергию зацепил, и моментально узнает все, что знает она. Подставлю и Соню, и себя, и Артема.

– Вот вы где!

Мы синхронно развернулись, закрывая спинами аквариум.

– В этом доме я одна должна помнить, что у ребенка сейчас занятия по английскому?

«Ребенок» моментально отлип от аквариума, бочком-бочком просочился в коридор, и исчез, оставив меня со своей любящей маменькой.

– Мало мне готовки на всю толпу? – Нина сердито покачала ножом, подозрительно заляпанным чем-то красным. Гирлянда таких же пятен наискось опоясывала фартук.

Надеюсь, она не резала барана для очередных шашлыков. – Еще и репетиторам дверь открывать?!

Из кухни прилетел звон, грохот и Аринин вопль, Нина закатила глаза и умчалась прочь, раздраженно бормоча, где она видела эту плиту, эту посуду и такую жизнь. Похоже, наигралась, и скоро у нас появится новый повар.

В аквариуме оседала муть, пара улиток подавала признаки жизни, рыбки шевелили плавниками куда бодрее. Выживут. Вот теперь можно сказать – действительно получилось... Артем сумел проконтролировать силу воздействия тьмы на что-то живое. Я взяла в руки тряпку и пошла по дому, вытирая пыль и приводя мысли в порядок.

Нас было трое. Друзей с одинаковым даром, ощущением мира, выкрученной до предела яркостью. Всегда рядом, на равных. Вениамин говорил, что это огромная редкость – три максимально сильных дара в одном поколении и одной стране. Первой он нашел Соню, в Потоке. Ее как раз выписали из больницы после аварии, под попечительство тетки. Той нужны были деньги брата, а не племянница, внезапно выжившая и вставшая между ней и вождленным наследством. Тетка переехала в Сонину квартиру, заняла родительскую спальню и принялась изо всех сил заботиться о бедной сиротке. Начались походы по психиатрам, украдкой сунутые конвертики, какие-то комиссии... Опасность Соня чувствовала. Получив приглашение Вениамина, вытащила из укромного уголка родительскую наличку и сбежала в Москву.

Я пришла в психологический центр на месяц позже нее, а через четыре месяца появился Паша. Мы везде держались вместе, втроем, и вскоре стали неразлучны. К тому времени Соня переехала из сомнительной съемной квартиры в еще более сомнительное общежитие, но от любой помощи отказывалась, откуда-то доставала деньги и умудрялась нигде не светить документы – ждала совершеннолетия. Бабушка вздыхала, пекла пироги и под любым предлогом старалась усадить ее за стол. Беда грянула на Сонино шестнадцатилетие: за год тетя успела не только подать в розыск, но и наводнить интернет объявлениями о поисках обезумевшей от горя сиротки. Соседи узнали пропавшую девочку по фотографии и позвонили в полицию. Сцапали Соню без выяснений, и должны были отправить домой. Слушать ее никто не хотел, словно она преступница! Не представляю, чем бы закончилась эта история, если бы не Паша. Он был старше нас, взрослее, рассудительнее. И семья у него непростая. Все решилось быстро: адвокат, заявление об эмансипации, суд. Соне организовали официальную работу, московскую прописку и необходимые документы, чтобы ее признали способной жить одной. Она освободилась от тетки, смогла распоряжаться наследством. И осталась здесь.

А потом был портал, который все разрушил.

И вот теперь нас снова трое, но... Сегодняшнюю встречу Паши с Соней нельзя назвать теплой. Оба друг на друга ощутимо злились. Конечно, душа в душу они никогда не жили. Сарказм, подколы – обычное дело. Но что-то явно между ними произошло тогда, четыре года назад, за границей.

Кстати... Почему Соня не звонит? Выполняет свое таинственное задание? Я бросила тряпку и сосредоточилась – энергетический след четко отсвечивал из ее квартиры, хотя первые дни разглядеть его было невозможно. Как хорошо, что Соня здесь, недалеко, такая яркая, настоящая. Такая солнечная, как на том рисунке Влада. Рисунок Влада, да-да...

Кира распахнула дверь сразу же, как только я вышла из лифта. На ней были пляжные шорты и футболка ядреной расцветки, за каштановую кудряшку цеплялась съехавшая вниз заколка с тропическим цветком. В отставленной в сторону руке – обгрызенная конфета, в глазах – немой вопрос.

– Лейка? – она недоверчиво заглянула мне за спину, словно ожидала там обнаружить еще кого-то. – Все в порядке?

– Я ненадолго, можно? – спросила я, чувствуя себя довольно глупо. Стоило все же сначала позвонить.

– Нужно! – Кира решительно цапнула меня за руку, втащила внутрь и захлопнула

дверь. – Добро пожаловать на конфетную вечеринку!

Лихо закинула растаявший огрызок конфеты в рот, облизала пальцы и умчалась к плите. Модный минимализм ультрасовременной студии, светлой и просторной, оказался разбавлен старым креслом, уютным и домашним, с мягкой вышитой подушкой под спину и свисающей с подлокотника парой носков.

– Ужас, правда? – раздался сзади гордый голос Киры. – Где Саутин, там и этот монстр.

И она разрешила? Потрясающе. Видимо, ее Роман Саутин не только следователь, но и волшебник. Под здоровенным настенным телевизором на стеклянной подставке лежала стопка дисков с научными фильмами, отеснив в угол Кирины корейские сериалы. На письменном столе выстроились пухлые папки. Кира приткнула рядом с ними две огромные чашки с чаем и фарфоровый чайник литра на четыре. Масштабный подход к чаепитию... Я взяла одну из них и села на диван, потеснив горы фантиков и открытые коробки конфет. Кира схватила вторую, приземлилась в подвесное кресло и ойкнула. Пошарила под собой, вытащила толстый юридический справочник и, удивленно моргнув, небрежно кинула его на диван.

– Маловато народа для вечеринки, – отметила я, опуская на подлокотник чашку, горячую и тяжелую.

– Рома на работе, – доложила Кира, с удовольствием выдув половину чая. – Трудоголик. В очередное нераскрытое дело повтыкать – святое. Ешь, не отлынивай.

Я послушно приобщилась к вечеринке парой конфет. Седьмой месяц отношений для Киры – рекорд, обычно кавалеры вылетали в отставку на следующее утро. На него же она смотрела с невиданной теплотой, мурлыкала всякие нежности, которые раньше считала глупыми, и даже позволяла собой командовать.

– Знаешь, не ожидала тебя тут увидеть, – задумчиво протянула Кира и улыбнулась, – ну, в ближайшее время.

Значит, в курсе, что Соня вернулась. Хотя, было бы странно думать, что это не так. Кира знает все, всегда и про всех.

– Тот рисунок Влада, с поляной... – спохватилась я, вспомнив зачем пришла. – Он у тебя сохранился? Можно я возьму его себе?

– Да, конечно... – Кира по-прежнему улыбалась, но ощутимо повеяло разочарованием и чуть-чуть досадой. – Где-то в бумагах валяется, сейчас найду.

Пока она искала, плюхая на пол стопки листов и разбрасывая какие-то распечатки, я пила чай. С конфетами. Сама не заметила, как съела половину коробки, ужас какой. Кира шумно хлопнула ящиком и пихнула мне в руки альбомный лист в прозрачном файле.

Нашелся! Карандашный рисунок, прочно врезавшийся в память. Поляна, посередине – две неподвижные фигуры. Я и Соня, вдвоем. Стоим спина к спине, но по разные стороны. Она – в лучах солнца, среди белой бесконечности, а я в густой, непроницаемой тьме. Символично, черт возьми. Но почему он сделал такой контраст?

– Влад внимательнее, чем кажется, – усмехнулась Кира, – а вот выводы часто хромают.

– Он художник, он так видит, – повторила я любимый аргумент Влада. – Когда вы уже помириться?

– Лейка, – она покачала головой. – Твоим друзьям вовсе не обязательно ладить между собой. А уж питать теплые чувства, устраивать совместные посиделки и обниматься – тем более. Смирись! Все в комплекте не получишь, и нам это не мешает. Во всяком случае, до тех пор, пока ты не начинаешь приставать и требовать жить дружно.

Я убрала рисунок в сумку, Кира стащила с дивана коробку орехов в шоколаде, устроилась в кресле и зашелестела фантиками. Такие у нее теперь вечеринки – с тех пор как с дара сняли блок. Врожденный дар Киры оказался довольно сильным, хоть до максимального уровня и не дотягивал. Но в придачу к восстановившимся способностям

она получила полный комплект ограничений. Чужие эмоции давят, от толпы гудит в ушах, а воздух заканчивается. Не спрячешься вовремя в безлюдном углу, и обморок обеспечен. Первое время Кира по инерции пыталась вести прежнюю жизнь: банкеты, деловые приемы, кинотеатры, бары... Но мучительная головная боль кого угодно заставит полюбить сидеть дома и пить чай, а не вино. Паша, сняв блок, внезапно для себя оказался придавлен ответственностью – Кира должна была научиться пользоваться открывшимися возможностями. С теорией у нее все было отлично, с практикой – увы, никак. Он усердствовал сверх меры: постоянно держал под контролем, жестко отчитывал за малейший промах, разве что линейкой по пальцам не лупил. Впрочем, эти двое как-то уживались. Кира была его заместителем в VIP-клубе банка третий месяц, а они все еще друг друга не поубивали. Хороший знак.

– Мне утром на пресс-конференцию, – пожаловалась Кира, – на целый час. Опять придется отгораживаться и превращать зал в унылую черно-белую раскраску. Надеюсь, справлюсь. Недавно на корпоративе чуть расслабилась – яркость как выкрутилась обратно, и бабах в обморок. Половина отдела решила, что я беременна, тьфу. Завтра тупить нельзя. Товарищ офигеть-какой-начальник тоже там будет, загрызет. Или я его, если еще раз так заботливо спросит про декрет...

– Он сам-то час на конференции протянет?

Летом довел себя до ручки. У меня тогда была дополнительная энергия от Хранителя для управления глубоким Лектумом, а Паша с одним только своим даром бросился помогать и умудрился выжать из него все, что только можно. Теперь ему требовался отдых, любое энергетическое воздействие причиняло боль. Эффект временный, силы восстановятся, если ими не пользоваться и избегать толпы.

– Протянет. Или час, или ноги. – Кира кинула конфету обратно в коробку и лениво качнулась в кресле. – Ты прекрасно знаешь, он скорее удавится, чем покажет, что у него что-то не круче всех. Да только пока старается держаться от людей подальше. С каждой неделей все меньше – отпускает, видимо. Думаю, остаточный откат уже не критичен.

Ну, если Кира так считает... Она бы не упустила шанса отыгаться за учиненный ей тотальный контроль и сдать мне наставника с потрохами. Обычно после таких проделок Паша скрежетал зубами и грозился придушить «этого дятла». Быстрее бы они разобрались каждый со своим даром, а то сама обоих придушу.

В сумке залился трелью телефон, я вздрогнула и выронила очередную конфету. Неужели?... Кира от любопытства вытянула шею, на дисплее высветился до боли знакомый набор цифр...

– А вот и я! – звонко объявил Сонин голос.

– У тебя старый номер! – обрадовалась я.

Кира уткнулась в выключенный телевизор.

– Да, – Соня довольно засмеялась, – телефон и карточку восстановила, интернет подключат позже. Отхватила платье, классное, в горошек. Сажу на набережной, с мороженым. Тебе тоже купила. Ай, оно тает! Давай быстрее!

– Десятый час, – сказала я, глядя в темноту за окном, – поздновато для прогулок.

– Вот именно! Людей мало, тишь да гладь. Ё... – в трубке завопились, приглушенно гавкнули.

– Соня?

– Я тут. Но у нас больше нет мороженого. Идиотская псина! У нее пасть как чемодан.

– Она без намордника?!

– Сейчас да. Они с хозяйкой его по очереди носят. Теперь она на меня лает.

– Кто, собака?

– Хозяйка... – в трубку хихикнули и отключились.

Да что там происходит? Я кинула телефон в сумку и встала.

– Кира...

– Тс-с-с, – она прижала палец к губам, поднимаясь следом. – Скорее спасай собаку! Такси вызвать?

Я кивнула и пошла одеваться. Некрасиво получилось. Приехала без приглашения, выпросила рисунок и убегаю, как только позвонили.

– Через десять минут подъедет, – доложила Кира, появляясь в дверях. – Номер шесть, три, семь, синенькая. Остальное неважно, ты все равно в машинах не разбираешься.

Может, она не сильно обиделась?

– Хорошего вечера, – спохватилась я у лифта.

Кира подмигнула и помахала рукой.

Во дворе ее высоты было пусто. С шумной трассы свернули огни, мазнули светом по сырому асфальту и, замерев, потухли у подъезда. Посчитав, что машина достаточно синяя, я села на заднее сидение, назвала таксисту адрес и послала сообщение Артему, что ночевать не приду. В ответ прилетели три злобно прищуренных смайлика и фотография жареной рыбы на фоне аквариума. Нахаленок!

Яркий солнечный отпечаток сиял с набережной, постепенно приближаясь. Соня сидела на самом краешке парапета, болтая ногами над масляно поблескивающей темной водой. Собранные в высокий хвост волосы трепал ветер, из-под плаща выглядывала красная юбка в белый горошек. Упадет ведь! Я подошла сзади и обхватила ее обеими руками.

– Не трусь, – Соня рассмеялась и отпустила бортик. С ума сошла! – Я не настолько люблю мороженое, чтобы топиться.

– А где собака?

– Увела домой свою психованную хозяйку, – Соня слегка обернулась и вздохнула. – Ей было стыдно. Очень.

– Кому, хозяйке? – Я опустила руки и улыбнулась, зная, что услышу. – Слезай!

– Собаке! – Соня развернулась и прыгнула с парапета на асфальт. – Представь, мне еще и влетело за то, что псина сожрала мое мороженое. Ей, видите ли, нельзя сладкого.

Несмотря на жизнерадостный тон, четко просвечивала слабость с примесью какой-то странной усталости, глаза лихорадочно блестели. В чем дело?..

– Ты как себя чувствуешь? – спросила я. Прозвучало слишком встревоженно, но самоконтроль дал трещину.

– Как вампир на диете...

Я взяла Соню за руку, настойчиво сжала холодную ладонь. Вдобавок ко всему ей только простудиться не хватает.

– Выглядишь так же! Марш домой, под одеяло. И это не обсуждается.

– А поесть? – Она обиженно приподняла бровь. – В моей квартире еды нет, совсем.

Зато платье купила. Но не с моими дисками в холодильнике кого-то жизни учить.

– Лейка... – Соня пощекотала кончиками пальцев мою ладонь. – Тут кафешка недалеко. Столик на террасе, сырно-грушевый салат... М-м-м... Поедим и домой. Сразу! Клянусь диатезом той псины!

Происходящее казалось возмутительно неправильным, но возражения никак не

оформлялись в слова.

– Я все равно не усну! – пригрозила она. – Буду стонать от голода и перепугаю всех соседей!

Что-то для болезненного вида у нее слишком много энергии. Стоп... Энергии? Я сосредоточилась, вгляделась в Соню так внимательно, как могла. Оно действительно было, проглядывало сквозь привычные сгустки солнечных искр – мощное, чужое, явно взятое взаймы. У кого? Догадываюсь... Вот почему ее отпечаток не получалось разглядеть! Но раз его видно сейчас, значит, она может это контролировать. Соня едва заметно кивнула и улыбнулась, наши пальцы знакомо переплелись. Так, больше никаких вопросов, она и без того дала мне достаточно подсказок.

– Если я чем-то могу помочь...

– Можешь, – нетерпеливо перебила Соня. – Для начала вызови такси!

Сонина кафешка оказалась полноценным рестораном на последнем, четырнадцатом этаже бизнес-центра. Монолитная башня лучилась теплым сиянием, будто гигантский торшер, отсвечивая оранжевыми витражами окон. Под стеклянным куполом крыши – в меру строгий интерьер, идеальная симметрия, редкие посетители, ни шума, ни присущей центру города суеты.

Вместо сырно-грушевого салата на террасе мы получили столик у окна и меню с большими картинками. За стеклом сливались в нечто неразборчивое кусочек реки, размытое серостью небо и унылые пятна домов, дорог и людей.

Соня довольно вздохнула и заказала кучу блюд с загадочными названиями, я – родной и понятный салат оливье, благо такой нашелся среди итальянской кухни. Правда, почему-то с рыбой. Соня с аппетитом уплетала блюдо за блюдом, рисуя в тарелках рожицы соусом и болтая обо всем подряд. О соседке-сплетнице, поверившей, что Соня все эти годы познавала просветление в заброшенном тибетском храме, о шокированных ее честными объяснениями менеджерах банка, о своем недавнем звонке старой знакомой, вместе с которой открыли салон для собак незадолго до... того рокового дня. Совместное предприятие процветало, и у Сони хотели выкупить ее долю за внушительную сумму.

– Знаешь... – она поковыряла остатки зеленых макарон, – я бы давно бросила тот салон, если бы не пропала на четыре года. Мне, считай, повезло. Можно было больше попросить, да ладно. И так хватит.

Повезло?! Спокойно... Они ведь закончились. Эти четыре года – долгие, мучительные, полные ожидания и безысходности. Остались в прошлом. Вместе с вьевшейся в память воронкой портала, сводящим с ума жаром и ночными кошмарами. В них я сотни, тысячи раз ловила Соню за руку, пыталась помешать, уговаривала остаться. Тщетно.

– Здорово, – бесцветно сказала я, гоня одинокую горошину по тарелке.

– Столько нового! – Она восхищенно взмахнула вилкой с нацепленной на нее оливкой. – Сразу четыре сезона сериалов, километр книг и непрослушанных альбомов, а уж пропущенных новостей...

Соня счастливо рассмеялась, искоса глянула на меня и замерла.

Надо вдохнуть. Просто вдохнуть поглубже.

Нет, не могу...

– Зачем?... – спросила я, подавившись остатком вопроса.

Горошина на тарелке расплылась. Мутный шарик на границе позолоченной каемки. Совсем чуть-чуть не хватило... Соня медленно отложила вилку. Рожица с ее тарелки улыбалась, пахло жасмином, а еще чем-то пряным и острым. Все померкло, зал заволочло туманом. Чтоб его! Пора брать себя в руки, срочно. Пока всему ресторану эмоциональный фон не подправила. Проходящая мимо официантка вздрогнула, выронила поднос. Пронзительный звон, осколки на полу. Черт!

– Мне было важно, – тихо сказала Соня, странным образом заглушив все звуки вокруг, – очень. Посмотреть, что там. Я бы не смогла уйти... без ответа. Всю жизнь бы жалела. Это намного хуже.

Я знала... Помнила десятки исписанных тетрадей, безумных теорий, одержимость загадками Потока. Вечные «почему», горящие от предвкушения глаза. Но не думала, что однажды зайдет так далеко.

Я старательно втянула в себя воздух, темная пелена рассеялась, слегка. Сияли люстры, официантка устраняла погром под любопытными взглядами посетителей.

– Мы договаривались посмотреть. Только посмотреть на границу. А вы...

– Это было спонтанно. Никто не рассчитывал, что портал откроется, и через него получится пройти.

– Ладно. Допустим, оно было важно. Допустим, спонтанно. Ты туда пошла, посмотрела. Почему не вернулась сразу? С Пашей. Когда портал еще был открыт. Что мешало? Две недели – не четыре года!

Она обхватила чашку обеими ладонями, наклонилась вперед и по-детски заглянула мне в глаза, снизу-вверх.

– Вот именно, – жалобно протянула Соня, не замечая, как из переполненной чашки на руку каплет горячий чай. – Четыре года... Да я просто в шоке! Еще немного – и пришлось бы вставные челюсти покупать...

– Не вилай! – разозлилась я.

– Хватит.

Прозвучало так, что вертевшиеся на языке слова разом застыли. Я откинулась на спинку стула. Это легко, когда концентрируешься: засунуть протесты куда подальше, унять стук в висках. Успокоиться...

– Хватит о прошлом, – донесся Сонин голос. – Есть вещи, которые не исправишь, хоть обжалейся. Лучшее, что можно сделать – не позволить им испортить что-нибудь еще.

Я подцепила вилкой горошину с тарелки и отправила в рот. Соня мягко отобрала вилку и, отложив ее в сторону, накрыла мою руку своей.

– Лейка... – глухо сказала она, не сводя с меня странно отрешенного взгляда. – Не хочу, чтобы ты переживала. Или расстраивалась. И никогда не хотела.

Если бы все зависело от наших желаний... Сгустившийся воздух разрядился, туман окончательно отступил. Официантки уже не было. Неудачно я ее задела своим всплеском эмоций, надо быть сдержаннее...

– Пойдем! – Соня решительно тряхнула головой и вскочила со стула. – Быть здесь и не заглянуть на смотровую площадку – преступление.

Схватила меня за руку и потянула за собой, я еле успела стащить с вешалки наши плащи. За стеклянными дверями в лицо ударил ветер – осенний, промозглый. Со всех сторон наступал разбавленный подсветкой полумрак, в воздухе висела сырость, затянутое тучами небо низко чернело над головой. Будет дождь, и очень скоро. Выпустив мою ладонь, Соня подбежала к парапету и застыла с выражением абсолютного счастья на лице. Красное платье ярким пятном плескалось в темноте, изрезанной огнями раскинувшегося внизу города. Массивы величественных башен, шпили легендарных высоток, очерченная контуром фонарей дорога, полоса набережной, отражение огней в воде. Холодно. И высоко. Живот сводит вовсе не от восторга...

Я торопливо закуталась в свой плащ, осторожно, стараясь не смотреть по сторонам, сделала несколько шагов и накинула Сонин ей на плечи.

– Трусиха! – хихикнула Соня, не оборачиваясь.

– Пора домой, – я уткнулась лбом ей в спину. И хорошо, и вниз смотреть не надо. – Тебе нужно выспаться, а завтра с утра сходить к Аните, уладить какие-то формальности. Она будет ждать.

Соня отодвинулась, насмешливо посмотрела через плечо и демонстративно наморщила нос.

– Анита милая, – сказала я совершенно искренне. – Нам повезло с куратором.

– Нам бы повезло, если бы они и дальше сидели в Европе со своим идеальным миром. Кто их вообще сюда звал?

– Ну... Иногда они бывают полезны. Как, например, этим летом. Руководство испанского филиала готовилось избавиться от людей с предельным уровнем дара, а главный офис им помешал. Так что не все так плохо.

– Офигеть... – Соня стукнула ладонями по парапету и расхохоталась в голос. – Сначала облажались с персоналом, потом кое-как спасли свои задницы от грандиозного шухера. Ай да Совет, ай да борцы против вемского беспредела...

– Тише, – шикнула я.

– Постой... Летом? В Испании? Это когда сильные вемы толпой ломанулись в царство белого, ты устроила переполох, а кролики ловушку погрызли?

Вижу в нижнем Потоке полно сплетников.

– Случайно ввязалась в ту историю, – я вгляделась в панораму города, сердце подпрыгнуло к горлу. – Полный набор: похищения, заговор, шпионские страсти.

– Впечатляет, – присвистнула Соня.

Повисла пауза, небо почернело целиком. Казалось, даже огни высоток померкли. Черт, как же тяжело! О чем можно говорить, а о чем опасно? А так хотелось бы рассказать все... Показать. И самой расспросить обо всем.

– Ты подсказала мне, как открыть дверь, – не выдержала я. Соня заинтересованно склонила голову набок. – В том мире с жемчужным дождиком.

– Хм... Разве что случайно. Я постоянно пыталась восстановить связь с телом. Передать тебе, что жива. Сказать или записать на чем-нибудь. Бесполезно – сознание в реальности было, считай, одним жалким процентом, рябь да туман.

Ясно... Вот и хватало этого процента максимум на раскраски, насвистывание мелодий и обрывки бессмысленных фраз.

– А ведь за границей я много думала о ней, – задумчиво сказала Соня. – О той двери. Как о головоломке, на которую можно отвлечься. Единственная мысль в итоге посетила – взорвать ее к чертям...

– Это сработало, – усмехнулась я. – Бусинами.

– Да? Так и знала! Но теперь за эту дверь не тянет. Словом, облом: мечты сбываются, а уже на фиг не надо... А тебе зачем понадобилось ее открывать?

Скользкая тема. Там, где сценарии, там Вестники. Держать от Сони столько секретов невыносимо. Противоестественно. Никто не знал обо мне больше, чем она. Раньше...

Соня сжала мою ладонь, улыбнулась. И сказала:

– Потом. Все расскажем друг другу потом.

Я кивнула. Надо просто подождать. А уж ждать я умею.

Ветер рванул подол плаща, на макушку капнуло. Достоялись! Развернувшись, я потащила Соню прочь с веранды – под крышу ресторана. Соня упиралась, смеясь и ловя ладонью первые капли. Едва заскочили внутрь, сзади хлынул дождь. Мощный,

стремительный. Настоящий ливень! Стало ясно – никакой зонтик не спасет.

– Кажется, нам придется задержаться, – неприлично довольно протянула Соня, замерев у двери. – Как насчет десерта?

Глава 7

Соня

За пределами лоджии была темнотища, лишь пестрели точки фонарей вдоль нитей дорог, да крохотными огоньками двигались фары машин. В далеких, затерянных на краю парка домах вспыхивал свет, рисуя желтыми окнами фигуры. Ни малейших признаков утра, хоть многим пора вставать и шуровать на работу.

Зевнув, я нащупала приятно хрустящий контейнер и подтащила его поближе. Колбаса... Тугая, рубиново-красная, с розоватыми крапинками сала, нарезанная такими тонкими лепестками, что они казались прозрачными... С запахом, вызывающим неконтролируемое желание все это немедленно съесть! Когда я вчера ее заказала после десерта, Лейка сурово сдвинула брови и попросила принести три порции. Навынос. А потом вызвала такси, довезла меня до дома и бдительно проконтролировала, чтобы я зашла в подъезд. Вместе с колбасой.

С наслаждением жуя ароматный ломтик, я откинулась на спину. Итак, миров со сценариями всего пять – жемчужный беспредел, фонтан со снежными гремлинами, плавучая деревенька, библиотека летающих книг и унылая мельница. В двух из них я уже побывала, пора проверить оставшиеся три мира и найти, наконец, девочку, смерть которой не вписывается в общий ряд. Если такая там есть...

Затяжной вдох, касание теплого, плотного, с каждой секундой густеющего воздуха. Радужные переливы, дрожь по коже. Вот он – круговорот энергии, бешеный, горячий. Пропускает, приглашает. Зовет...

Тонкий скрип причальных досок, журчание воды. Заросли, расколотые надвое извилистым каналом, вереница разномастных домишек на толстых сваях, духота и зной. Череду бегущих по мутно-зеленой воде лодочек, как пустых, так и заваленных цветами, фруктами, посудой, тряпьем и еще бог весть чем. Затерявшаяся во времени плавучая деревенька с простеньким сценарием: периодически сплошной стеной обрушивается ливень, лодочки обращаются в щепки и исчезают в воде, словно шипучие таблетки. Спустя минуту снова цветочки-домики-лодочки. Мило, безопасно и... дьявольски скучно. Вениамин называл этот мир лягушатником и часто таскал нас сюда на тренировки. Первые пару раз было весело: поиграли в игру кто-вымок-тот-дурак, облазили окрестности, научились гасить гигантского паука, обитавшего на чердаке рядом с точкой выхода. Потом новизна стерлась, и все приуныли. В дураках уже никто не оставался, даже Кира, а паук оказался полной флегмой, несмотря на свои размеры и мерзкий вид. Надо было еще постараться, чтобы вытащить эту ленивую скотину из кокона.

Я села на теплые доски причала и опустила ноги в воду. М-м-м... Прохладно... Рядом, в воздухе, ярко сверкнуло, разрядилось вспышкой энергии, над головой просвистела худосочная задница в полосатых плавках, и с воплем «Еху-у-у» в канал плюхнулся какой-то дрищ. Вынырнул, расплылся в широкой улыбке... И огреб ливанувшего дождя прямо в довольную физиономию. Я рассмеялась, задохлик бодро отфыркался, сделав вид, что все под контролем, и поплыл прочь. Двоечник! Тренироваться надо, на меня вон ни капли не попало.

Я побулькивала ногами в воде, прикрыла глаза. Так. Освободить разум, обострить чувства. Энергия Яники направляет, подсказывает. Калейдоскоп картинок, застигнутый врасплох миг... Родители называли ее Кай. Просто Кай. До семнадцатилетия она не дожила неделю. Все произошло быстро, почти мгновенно, даже испугаться не успела. Ливанул дождь, как всегда некстати. Вынырнувший из-под причала топьяк, толчок в борт утлой лодчонки, мир кувырком, обжигающая прохлада. Полная тишина, размытый свет сверху с темными подвижными пятнами. Потом глоток воздуха, обрушившийся шум, журчание, кругом вода. В ней – цветы, охапками. Мельтешат пестро, качаются. Неожиданный удар сбоку, резкая боль в виске, на секунду мелькнувший перед глазами острый нос ее лодки... Темнота. Странное облегчение и вспышка невероятной мощи, неизменно сотворяющая миры.

Я перевела дыхание. Канал нес на волнах деревянные лодочки. Ту, с цветами, тоже. Минута, третья, пятая. Ливень по расписанию. На секунду мелькнувшее в мутной воде пятно топляка – не знаешь где смотреть, не увидишь. Лодки разлетелись щепками, растаяли. М-да. Сильно смахивает на несчастный случай – неудачно вынырнула и попала под свою же лодку. Топляк не спланируешь, если ты не бобер, конечно. И где наш убийца? Варианта два: либо он еще не явился, либо явился, но не убил. Почему?

Я замерла на границе размытых воспоминаний, прислушалась. Кай молчала. Гордо и упрямо. Паршивка...

Поверхностного прикосновения хватило, чтобы узнать кое-что. Ее дом тот самый, в конце канала. Там родители, маленькие сестры. А еще старший брат с женой и детьми. Они дружили в детстве, а теперь он смотрит с отвращением, слова не вымолвит. Мать с отцом недавно шептались, продавать ее хотят. Все правильно. Они почти разорились, когда муж вернул Кай родителям и выкуп обратно потребовал. Нет, он любит ее, она точно знает. Только ему нужны дети, а Кай не может их дать. Муж долго ждал. У его друзей уже по третьему, а у них – никого. Никак. Она проклятая. Проклятая. Еще и видения эти в последнее время – все молчат, но она чувствует их. Кожу жжет чужим презрением, ненавистью... Домой идти страшно. На чердаке, где ее постель из кучи соломы, паук здоровенный завелся. Страшный, мохнатый. Упал как-то на голову, Кай так кричала...

Милая семья! Ладно, девочка, сейчас развлечемся. Жалко, что братца твоего сволочного не достать, зато паук в наличии.

Крайний дом ничем не отличался от остальных лачуг: те же шаткие мосточки с берега к дверям, такие же к соседям. Сразу у входа – лестница. Знакомо проскрипели ступеньки – опля! Вот и чердак. Низкая крыша, у оконного пролома охапка какого-то силоса. Значит, это и есть кровать Кай, расщедрились родственнички. В углу – кокон из паутины, размером с замотанного в покрывало алабая. Я выглянула в оконце – ливень как раз заканчивался. Главное, уложиться по времени. Небо прояснилось, сценарий побежал по новому кругу. Начнем! Спиной к окну, импульс в кокон и... тишина. Висит, собака, не шелохнется. Еще импульс, кокон дернулся, захрустел, словно туго накрахмаленное белье, и стих. Ах так?!

Шаг в сторону, представить братца... Жахнула от души! Паук выпрыгнул сразу, встал на дыбы, защелкал громко, угрожающе качнув мохнатыми лапами. Глаза чернющие навывкате, из пасти не то бивни волосатые, не то усы – тьфу ты, пакость! Стрекот стих, челюсти шевельнулись... Я моментально перелетела через подоконник, не вспомнив про лестницу. Настил спружинил, рядом впечаталась зеленоватая слизь, шипя и пузырясь. Плюется, гад! В месте плевок дымились доски, в оконном проломе маячила злобная морда. Я метнула в нее ворох обжигающих искр, развернулась и помчалась к причалу.

В одной из дрейфующих лодок мелькнули знакомые полосатые плавки. Так и есть – дрищ комфортно распластался на тюках с тряпьем и пялился в небо, явно высматривая признаки дождя. Я пролетела над его головой, перескочив на другой берег. Дрищ с интересом приподнялся на локтях, подмигнул и подвинулся, похлопав по тюку рядом с собой. Паук добежал до кромки воды, на полном скаку выплюнул пару нитей через канал и понесся по ним, ловко перебирая мохнатыми лапами. Уловив странные звуки, дрищ недоуменно обернулся... Сюрприз! Ё-о-о... От душераздирающего визга заложило уши, как в самолете на большой высоте, дезориентированный напрочь паук зашипел и тихонько пополз ко мне, трясая башкой и булькая ядовитой гадостью. Голосистый задохлик мгновенно ввинтился между тюками, из-под кучи тряпья по обе стороны лодки высунулись руки и споро забили по воде, подгоняя суденышко прочь. Эй, а как же любовь, большая и чистая?

Паук добрался до берега, шатаясь брел ко мне. Извини дорогой, отбегался. Скоро зарядит ливень, и ты снова окажешься в коконе. Пора сворачивать представление. Я послала миру сигнал о помощи, тот готовно откликнулся, будто только этого и ждал. Твой выход, Кай! Искры закружились вихрем и обрушились вниз, сверкая первозданной мощью. Паук разлетелся зелеными кляксами, ровно под хлынувший ливень.

Прикрыть глаза, расслабиться. Прислушаться, поверить. Она – это я. Пока льет дождь, на пару мгновений. Их хватило. Та старая женщина сияла ярко-ярко. Сидела в одной из проплывающих мимо деревни чужих лодок, крутила головой, словно что выискивала. А

потом уставилась на их дом. Смотрела прямо в чердачное окно и улыбалась, будто знала, что Кай там прячется и подглядывает украдкой. Но как не подглядывать? Всполохи над головой чужачки завораживали – сильные, красивые, переливающиеся сгустками. Никогда раньше Кай не видела ничего похожего. Лодки уже скрылись за излучиной, а сияние все еще просвечивало сквозь деревья. Внизу бесновалась жена брата, звала Кай, кричала раздраженно. Вот-вот Хан-Маак начнется – ее сын берет жену из соседней деревни, а цветов все нет. Кай змеей соскользнула с чердака, прыгнула в лодку. А часом позже был тот самый ливень...

Я распахнула глаза. Старуха явно разыскивала Кай. Нашла. И что? В тот день ее с песнями пронесло мимо, а Кай поплыла в другую сторону, за цветочками, где и убилась. Сама. Вряд ли старуха заранее подгрызла бревно. Хотя старики они такие, на многое способны. Лейкина Карловна так точно... Собиралась ли чужачка вернуться и убить Кай, или были другие планы – теперь не выяснишь. Ловить тут нечего. Не мой случай.

На чердаке неподвижно висел кокон из паутины, сквозь щелястые доски дальнего угла сочилась энергия – точку выхода сразу чувствуешь, она как глоток свежего воздуха среди духоты. Вдох полной грудью, шаг вперед. Момент перехода – это почти как в метро, у самого тоннеля, перед несущимся навстречу поездом. Та секунда, когда порыв сумасшедшего ветра бьет в лицо, треплет волосы... Да, похоже. Только еще лучше!

Шкафы. Теперь со всех сторон наступали шкафы – набитые старыми книгами, пахнущие деревом и пылью. Нависали громадой, выдавливая воздух из тесных проходов, терялись макушками в сумраке сводчатого потолка. Всюду порхали увесистые томики, стряхивая буквы со страниц. Те разлетались веером, плюхались на ковер веселыми чернильными кляксами. Если цапнуть книжку за обложку и держать, то накапает целая лужица. Главное – следить, чтобы в тот момент сверху не забрызгало... знаниями. Пол тряхнуло, с полка соскочило еще несколько летучих фолиантов. Я пробежала вглубь библиотеки, ныряя под высоченные стремянки, уворачиваясь от растрепанных томиков и чернильных клякс. В углу, у самой точки выхода, стоял потертый стол, густо заросший пылью и паутиной – единственное тихое место в этом бедламе. Тут почему-то ничего не летало, не капало и не тряслось. Залезла под него, приготовилась. Качка усиливалась, библиотека уже ходила ходуном. Отлично, сценарий завершился.

Миг. Хлынувшая охотно картинка чужой жизни, полная запахов, ощущений и звуков. Последняя страница сценария, быстро мелькающие строки перед роковой надписью «закончено». Лира. Отец нарек ее так при рождении. Красивому ребенку – красивое имя, пусть и не ромейское. Сказал как отрезал, никто даже не попытался возразить. Ученый, известный скриптор, библиофил Магнавской высшей школы и лучший на свете отец. Он сам ее учил всему – грамматике, риторике, логике, философии... Игрушки, куклы, подружки? Нет. Ее друзьями были книги, много книг, целый мир. Дверь их покоев открывалась прямо в библиотеку – огромный зал, заставленный шкафами, в которых аккуратно лежали и стояли желтые папирусные свитки, разноцветные пергамены с золотыми и серебряными буквами, глиняные таблички, тетради, кодексы в богатых переплетах и совсем новые, пахнущие тисненой кожей бумажные тома.

Магнавра... Они жили здесь с тех пор, как отец получил должность. Лире нравилось все: дневная суета, гомон в коридорах, крики диспутов. Вечерний полумрак, шаги разбегающихся по домам студентов. Ночная тишина пустых аудиторий, дрожание огонька свечи в темноте библиотеки, скрип отцовского пера. Днем он преподавал поэтику и риторiku, вечером переписывал древние книги. Лира любила, когда приходили друзья отца и устраивали «кружок»: читали греческих авторов, сочиняли стихи, эпиграммы и спорили. Много, азартно и по любому поводу. Они и сегодня спорят, кто прав – Аристотель или Платон, а ее за книгой послали. Так кричат, что даже сюда, в дальний угол библиотеки, гул долетает. Еще немного, и в ход кулаки пойдут. И это профессора знаменитой школы! Как дети, ей-богу. Но лучше пусть спорят, чем шутят про женихов, а то не ровен час, отец поймет, что дочь выросла, и впрямь отдаст замуж. А там геникей, хозяйство, дети и никаких рукописей. Б-р-р... Нет, она все решила. Уйдет в монастырь, как Кассия. В любой, где есть книги.

Язычок свечи качнулся, высветив нужное название, по ногам потянуло сквозняком. В библиотеке кто-то был. Чужой, опасный... Тьма так не пугала, как это странное приглушенное сияние, видимое сквозь ряды шкафов с книгами. Враждебное, отталкивающее до покалывания в ладонях. Тихие шаги по ковру, липкий ужас. Застыла,

стиснув свечу, по пальцам потек горячий воск. Явились по ее душу, она знала это, чувствовала. Боялась с тех пор, как прочитала в древней рукописи про Детей Солнца, которых убила Тьма. Таких же, как она. Пряталась, даже в Мир Грез не ходила, кроме того, первого раза. Все равно нашли. Встреченный взгляд незнакомца, в нем – злость и... скука. Ладони кололо уже нестерпимо. Вскинула их, отбросив погасшую свечу, выпустила то, что ворочалось внутри – тяжелое, голодное. Оно хлынуло наружу, затопило узкий проход между шкафами, лизнуло жадно чужое сияние. В глазах чужака удивление и едва заметная усмешка. А потом свет. Много света, яркого, искристого, в ключья рвущего тьму. И слабость, такая, что коленки подламываются. Бежать, затеряться. Мелькающие шкафы, поворот, другой, скинуть туфли. Темнота, наступающий оклик за спиной. Близко, опасно близко. Впереди, из-за двери доносится смех и отцовский голос. Там – спасение. Еще немного, мимо стола с рукописями... Холодная сталь, дикое жжение на шее. Боль, беспомощный хрип, мертвенный свет луны из окна. Незнакомец разворачивается и уходит, задев книги в шкафу. И они падают, падают...

Да, эта девочка могла бы устроить заграничным диссидентам веселую жизнь. Умная. Но ее убили, причем тем же способом, что и в запертой комнате – в первую же встречу ножом по горлу, и прочь. Похоже на почерк. Осталось узнать имя и исключить одного из четверки. Три – не четыре, уже легче.

Домой! Скопление энергии, холодок предвкушения. Направляющие к выходу волны, нырок с разбега. И серость на горизонте. Подушки под спиной сплющились, дождь хлестал по стеклянной крыше, сплошным потоком стекал по окнам. Барабанил так, словно мечтал ворваться внутрь. Люблю ливень, особенно когда он снаружи, а я на теплой лоджии, под пледом. С колбасой...

Итак, действующие лица и исполнители.

Иллит. Бывшая певица с неизлечимой звездностью. Вечно на сцене. Надменность в каждом жесте и сладкая внешность – лед в сахарной вате. Вот уж кто всегда на своей волне. То ли пофигизм, то ли очередная роль.

Крис. Под рафинированным фасадом записного красавчика гремучая помесь воина с джентльменом. Жесткость, вспыльчивость и потуги на идеализм – страшное дело. Сначала зарежет, а потом поинтересуется, кто же это был.

Яника. Шестнадцатилетний ангел с выдавшей виды начинкой. За беззаботной маской и подначивающими фразами спрятан опыт царствования в далеко не спокойные времена. Манипулятор, каких поискать. На чьей она при этом стороне – никогда не ясно.

Базиль. Концентрированный скепсис и стопроцентная подозрительность. Никому не верит, даже себе. Расчетливый, зараза. Продуманные решения, слова, кусочки созданного мира. Гениальный, черт его подери.

Кто-то из этих гавриков орудовал в библиотеке. Кто? Задача несложная, если умеешь быть незаметной и держать уши открытыми. Кусочек информации тут, кусочек там – стоя не очень-то скрытничает. А потом пазл к пазлу, и картинка. Вот только времени маловато за каждым бегать. Собрать бы всех в кучу, как в тот раз, когда толпа европейских вемов свалилась в их продвинутый Лектум, а кролики схарчили ловушку.

Помнится, пятерка тогда зависла в беседке у Криса, а я валялась рядом на траве и подслушивала. Вернее, четверка – Тео дезертировал почти сразу. Высказался на тему упущенных обедов и оборзевших крошек, и исчез в замке.

– Допрыгались! Дообщались с той девицей! – Крис мерил широкими шагами беседку от лавки до лавки. – Мари забавная, Мари смешная... А эта Мари целую толпу приволокла. Надо было сразу ее прикончить!

– Ну и прикончил бы, – отозвалась Иллит, лениво постукивая пальцами по столу. – Ты же с ней тоже успел... поболтать.

– Поболтать?! – взвился Крис. – Да она от меня сразу смылась!

– Не вынесла такой красоты, – печально вздохнула Яника, сидевшая на резных перилах, и зажала под носом кудряшку на манер усов. – А вот народ мы отпустили зря.

Отбиваться им было уже нечем.

– А нам было некогда нападать, – подал голос Базиль. Рыжие патлы традиционно закрывали половину лица. Впрочем, оставшейся половины с недовольно поджатыми губами было вполне достаточно. – Если бы Мари эту толпу в реальности порешила, аппетит бы у тебя пропал мигом, и насовсем.

– Вот! – Крис поднял вверх указательный палец и притормозил перед Иллит. – И когда теперь следующих гостей ждать? Ну, скажи! Вы с Мари вроде как подружки? Больше всех шушукались!

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Облажались, крокодильчики. Вся стая наперегонки бегала к ловушке покрасоваться перед испанской Маруськой. Теперь ревниво меряются, кто глубже в...

– Гости не будет, – Иллит надменно изогнула бровь. – Этих обманом затащили, второй раз они не поведутся. Умирать ради великой цели освободить от нас Поток никто не рвался.

Еще бы. Это что надо курить всем коллективом, чтобы на такое подписаться? Но план был шикарным: загнать десяток сильных вемов в глубокий Лектум, и пока они там – умертвить оставшиеся в реальности тела. Избавленное от уязвимой физической оболочки сознание остается в Потоке навсегда. Свободное, сильное, вечное... Одно «но»: мироздание выдерживает максимум шестерых подобных. Если к пяти бессмертным задницам добавится еще с десяток – баланс рухнет к чертям, и все обнулится. Практически форматирование диска: чистый здоровый Поток без миров и посторонних сущностей.

– Великие цели, высокие идеалы... – Яника закатила глаза. – Тьфу, таких даже есть противно!

– Не сердце Потока, а проходной двор. Шляются все кому не лень! – не унимался Крис. – И ведь не мгновенно их толпа набилась. Проглядели, расслабились. Одного-то выловили накануне, мелкого и наглого, нет бы задуматься – к чему оно...

– К дождю, – хихикнула Яника. – Из потолочной плитки. Кстати, Мари...

– Забудьте про Мари, – поморщился Базиль. – С ней свои разберутся. В проходном дворе установим дежурство. Всех незваных гостей – в топку без разговоров и обсуждений.

Он с сожалением покосился на меня и отвернулся. У-у-у, гэбист лохматый. Счастье, что я тогда наткнулась на Тео, этот бы враз меня там, в лабиринте, и прикопал.

– О новой так ничего и не слышно... – прорычал Крис, нарезая по беседке идеально ровные круги.

– О, брось, – устало вздохнула Иллит, звеня в голосе холодом и колокольчиками. – Сколько их было... Сядь, не мельтеши. То пустое.

– Пустота – это по ее части, – Яника спрыгнула с перил, ойкнула и с отвращением посмотрела на розовый куст, победно покачивающий шипастой веткой с выдраным куском платья. Да, романтические беседки, увитые цветами, ни разу не ее. – Упустим время, откроет в себе истинную силу.

– И что? – Иллит дернула плечом. – Она умеет ею пользоваться? Нет. Побегаешь подольше – не страшно.

– Торопиться следует лишь в двух случаях, – согласился Базиль. – Оба на букву «п», и это не поимка врагов.

– Время против нас, – Крис неожиданно замер с тем самым выражением лица, когда вот-вот ляпнут что-то пакостное. – Расклад мне не нравится. Пора бы разведать...

Четверка в полном составе уставилась на меня, я зажмурилась. Если сделать вид, что сплю, может, отвяжутся?

- Софи? - Крис всегда окликал меня мягко и даже немного учтиво, по-джентельменски. - А ты что думаешь?

- Что убивать маленьких девочек негуманно, - вставил Базиль.

- Ха! - подмигнула Яника. - Из маленьких девочек вырастают большие неприятности...

У перил отсвечивала лысой макушкой мстительно ошипанная роза, на траве валялись истерзанные лепестки. Эй, а как же негласное правило - созданное другими не менять? Свое валять сколько угодно, места навалом, а чужое не трогать?

- Убивай - не убивай, не закончатся, - сказала Иллит тихо, в никуда. - Всегда будет следующая. Круг замкнут...

- Разомкнем, - поклялся Крис.

- Решено, - кивнул Базиль. - Обсудим позже с Тео. Разведку вашу и прочее.

Да. Зачем меня спрашивать? Подумаешь, валяется тут что-то в траве. А как Тео обрадуется... Побег не удался.

А он взял и обрадовался. Сказал, что они сами дали ему отличный повод отправить меня назад. Якобы на розыски очередной девицы. А на самом деле... Тео заметил давно - один из четверых не желает им смерти. Веками мудрит за спинами других, ведя свою игру. Кто? И зачем? За границей такое не выяснишь, лишь в верхних мирах можно найти ответ - там наглядная летопись событий. Достаточно внимательно присмотреться к смертям девочек, чтобы вычислить шулера. Пока ничего подозрительного, а мир со сценарием остался последний. Не повезет с ним - придется активировать парочку. Ну, или сколько потребуется. Гулять, так гулять.

Я жевала колбасу, развалившись на всех подушках разом, и бездумно смотрела вверх. На улице разыгралась настоящая буря. Ветер гнал по небу тяжелые рваные тучи, бухал в окна зарядами воды. Мир расплывался мутным пятном, стекая по стеклам косыми струями, внизу истошно выла сигнализация. М-м-м... Лейка однажды сказала, забившись под плед, что дом качается, и когда-нибудь меня просто снесет вниз вместе с любимой лоджией. Смешная. Колбаса кончилась, хотелось чаю. Крепкого, свежего, сладкого. Пришлось тащиться на кухню. В шкафчике на прежнем месте обнаружилась пустая банка из-под варки, в сахарнице - окаменевший остаток. Закипающий электрический чайник издал подозрительный треск, свет вырубился, завоняло жженой пластмассой. Я испуганно выдернула вилку из розетки. Попила чайку, ага. В полной тишине победно зазвонил телефон. Последовательность цифр на дисплее была смутно знакомой. Где-то я ее недавно видела...

- София, здравствуйте, - мягко донеслось из трубки. Забавный акцент. То ли немецкий, то ли венгерский. - Это Анита из...

- Здравствуйте, - перебила я, на ощупь пробираясь к входной двери. - Мне передавали визитку.

- В таком случае, надеюсь, вы найдете время сегодня подъехать.

Нет, я еще не все спалила. Ай... Чертова тумба!

- В окно смотрели? - прошипела я, прыгая на одной ноге. - Там потоп.

- Давайте я к вам подъеду, - невозмутимо предложили на том конце провода. - Как только дождь закончится.

- А перенести нельзя? - я кашлянула в трубку. - Кажется, меня продуло.

- Оу... - откликнулись оттуда. - У меня есть чудесный бальзам...

Ясно. Не отвяжется.

- Милости просим. - Замок клацнул, выпустив меня на площадку. - И коробку по пути захватите. Большую.

- Непременно, – уверили меня без лишних вопросов и отключились.

Добравшись до щитка, я щелкнула предохранителем и быстро ретировалась. За соседской дверью истерично взывала собака. Эта псина вечно психует, когда щиток открывают. Не знаю почему. Наверное, ее в детстве электрик напугал. Дождь уже стих, по стеклу поползли ленивые капли. Ну что за... Я кинула погибший чайник в кучу хлама посреди коридора и отправилась переодеваться.

В шкафу заманчиво шелестели целлофановыми чехлами новые платья, поблескивали глянцевыми бирками. Я провела рукой по пестрому ряду и решительно выудила одно. Мягкий трикотаж заскользил по телу, тепло обнял, качнулась широкая юбка. Пепел роз... Кажется, так называется этот цвет. Немного перламутровой помады на губы – так, чуть-чуть. Слегка оттенить ресницы серой тушью. Роскошно... Я порылась в украшениях, примерила одну цепочку, другую. Нет, пожалуй, лишнее. Уже отодвигая шкатулку, среди колец, браслетов и собственноручно сплетенных фенечек заметила его. Потемневший огрызок металлического сердечка с зазубренными краями. Кулон, чуть погнутый снизу, – затаскала в свое время. Тогда, четырнадцать лет назад, мне казалось это ужасно романтичным – одна половинка у Лейки, другая у меня. Два кусочка, способных сложиться воедино. Части целого. Кулон обжег кожу холодом, скользнул за круглый вырез и привычно замер. Ну... Пусть, все равно не видно. Из прихожей, обгоняя друг друга, полетели трели – весело, непрерывно. Гости... Дорвались до звонка, чтоб их током дернуло!

На лестничной площадке не было никаких человеческих отпечатков. Вообще. У моей гостии иммунитет к энергетическому воздействию? Я с любопытством распахнула дверь и попятилась от неожиданности. Что за... Детская мордашка, зависший над кнопкой звонка палец. Блондинистый беспредел на голове, разбавленный задорно торчащей розовой прядкой. Такая же розовая куртка, кружавчики на пышной юбке, едва прикрывающей задницу. И высокие сапоги в бантиках. Розовых. Куратор Совета, мать вашу.

Я молча посторонилась.

- Привет. Это тебе! – Анита наклонилась куда-то вбок, и через секунду шагнула в коридор, таща за собой коробку из-под велосипеда. Надеюсь, она не на нем приехала. – Подойдет?

- Сейчас узнаем.

Куча хлама полетела в коробку, Анита возилась рядом, с детской непосредственностью рассматривая и нюхая пустые флакончики из-под духов. Прелесть, что за дурочка. А энергия занятная – нейтральная, разряженная. Как нечто прозрачное без вкуса и запаха. Ментально вроде тумбочки. Интересно, что же в ящичках... Я осторожно потрогала барьер. Фиг. Входа нет, и проделать его решительно не в чем. Литая стена из намертво сросшихся сгустков. А на поверхности – мешок радости.

- Предложила бы чаю, но... – я покачала в руке оплавленный чайник.

- Как же ты без чая? – Анита сочувственно вздохнула. – Давай поедем ко мне!

Ага. Вдвоем, на велосипеде. Она вскочила на ноги, оббежала вокруг наполнившейся коробки и попинала ее сапогом.

- Заодно это вынесем!

Ну, раз вынесем... Как можно отказаться?

Анита уцепилась за коробку и поволокла за собой. Пока я натягивала плащ и сапоги, она дотолкала ее до лифта и нетерпеливо тыкала в кнопку вызова.

В лифте я выслушала, что сорок пятый этаж – это очень захватывающе, юбка у меня приколочной развевается, а внизу рядом с почтовыми ящиками висит клевый постер с белочкой. По дороге к помойке выяснилось, что дождь – это здорово, зеленый чай мохито очень вкусный, а вот молочный улун совсем не то. Хлам с глухим стуком канул в пасти контейнера, Анита отряхнула руки и улыбнулась:

– Ну, поедem ко мне?

– На велосипеде? – не удержалась я.

– Велосипеде? – озадаченно моргнула она и уставилась на черную гладкую машину, смахивающую на мини-лимузин.

Сквозь лобовое стекло виднелись две клешни, намертво вцепившиеся в баранку, и густые усы под козырьком черной кепки. Однако... Нашу кураторскую девочку возит личный шофер?

– Игра слов... – туманно пояснила я и лениво добавила: – А обратно отвезешь?

– Потом. Если захочешь, – она радостно хлопнула в ладоши и рассмеялась. – Игра слов...

Так, все интереснее и интереснее.

Поколесив по городу, мини-лимузин встал перед трехэтажным зданием из стекла и металла. Синие елки по линеeчке, образцово ровная дорога к крыльцу. Над входом вывеска – благотворительный фонд «Идеальный мир». Ах, так «ко мне» это означает в офис?

Я повернулась к Аните.

– У меня дома ремонт! – та виновато развела руками и радостно добавила: – Здесь лучше!

Ну-ну. Надеюсь, чаем все же напоит.

В вестибюле несколько вышколенных девиц примерзли к стойке, на небольших диванах гнездились редкие посетители. Стандартный интерьер, стандартные цветы в стандартных кашпо, куча дверей с входом по пропуску. Солидно и скучно. Анита провела меня сквозь череду коридоров, остановилась погладить пальму в углу, которой очень одиноко, и свернула в холл. Там-то и нашлась нужная дверь – с россыпью блесток на ручке, а за ней...

Плюшевый слон у входа, здоровенный, с завязанным в узел хоботом, пара зайцев на спинке кресла, рядом пляжный лежак. Компьютерная мышка в форме кошачьей морды, свисающая с люстры гирлянда бумажных человечков. Но убери всю эту дымовую завесу, и... Мигающий пропущенными звонками стационарный телефон, монитор в мелко исписанных нерусскими буквами стикерах. Бумаги разложены аккуратно – по файлам, хоть и делают вид, что небрежно покоятся на столе. Что-то не то. Некое несоответствие, слабо уловимое.

Анита вывернулась из куртки, небрежно зашвырнув ее на слона. Опа... Шикарная грудь, стройная фигурка, длинные ноги. Улыбка широкая, открытая, но слишком счастливая. Странная девица в нелепом наряде. Или это тоже дымовая завеса?

Что ж, включим режим дурочки.

– Прелесть, – восторженно пискнула я, скинула плащ на лежак и уселась сверху.

– Ага, – с готовностью согласилась Анита, суется у чайника и хлопая ящиками тумбочки. – Что будешь? Печенье, торт, пирожные?

– Того, и другого. И побольше!

Анита плюхнула на стол тарелку с пряничными человечками, пухлые кексы в розовой помадке, цветы из мармелада и две пол-литровые кружки. Пошуршала в коробочке, кинула в каждую кружку по две пирамидки – наверное, легендарный мохито – и щедро залила кипятком.

– Вкусного навалом! – довольно отметила она и откусила половину кекса. – Ну, с возвращением! Как тебе удалось? Никто еще подобного не проделывал.

– Повезло, – я схватила пряничного человечка и с наслаждением отгрызла ему голову, – бродила по какому-то лабиринту, пыталась сквозь портал обратно пробиться. Потом раз – и очнулась.

– А что там, за границей?

– Забыла, – Я помассировала виски, глубокомысленно закусив губу. Знаю, вид у меня при этом замечательно недалекий. – Помню только, что там было... непонятно. Все белое, неуправляемое. Куда идти – не разберешь. Любой поворот не туда.

– А существа, живущие в нижнем Потоке? – Анита поковыряла помадку на кексе. – Ты видела их?

– Ну, говорю же – не помню почти ничего! – я глотнула из кружки. Вязкая горечь моментально сморщила язык и вышибла слезы из глаз, вполне себе натуральные. – Может, видела кого, может, нет. Не уверена... сейчас ни в чем. И была я там совсем недолго. Думала – неделя прошла, или две. А тут... Четыре года! Ужас какой.

– Ужас, – эхом повторила Анита, нажимая кнопку на рабочем телефоне, и с наслаждением выдула полкружки зеленой бурды. Ё... У милой девочки, видимо, желудок из космического сплава! Такому и жидкость из аккумулятора не страшна. – Летом одаренные из Европы к ним угодили, чудом ноги унесли. Много чего рассказали!

Конечно, рассказали... Больше десяти человек было, а трепла достаточно одного. Послышались шаги, дверь кабинета плавно отворилась. Внутрь просочился тощий тип в ирландском свитере. Унылый нос, втиснутый между двумя печальными глазами и кудрявый пух на голове делали его похожим на Пьера Ришара. Сюрприз: дар у него был слабый, но черт возьми... Он был!

– Мой коллега Этьен, – весело представила Анита, выуживая из тумбочки еще одну кружку – точную копию первых двух, – свежесваренный чай за версту чувствует.

Коллега Этьен шмыгнул своим чувствительным носом и приземлился в кресло. Ситуация осложняется. Нет, работающие на Совет вемы – это не новость. А вот врать при нем не получится, даже если он на русском ни бум-бум.

– Не расстраивайся, память вернется. Если попытаешься как следует, – елеяно протянула Анита, наливая гостю свой фирменный двойной мохито. – Европейские вемы спаслись только потому, что те пятеро из-за границы им это позволили. И не по доброте душевной. А ты сама выбралась?

– Пыталась выбраться, – я возвела глаза к потолку и старательно наморщила лоб, изображая усиленную работу мысли. – Точно! Там были вемы, много! Их отпустили, я вспомнила!

Она включила чайник, звучно щелкнув кнопкой, вернулась за стол. Излучая бесконечное дружелюбие, спросила:

– Как насчет ритуала?

Вот те раз... Я вопросительно приподняла бровь.

– Переброса энергии между Поток и реальностью, – терпеливо пояснила Анита. – В результате которого появляется новый мир.

Многовато она знает. И взгляд хоть и открытый, не перехватывается никак.

– А-а, – с беззаботным видом отмахнулась я. – Ничего такого я делать не собираюсь.

Эмоции в кабинете будто выцвели. Вскипел чайник, стрельнув паром в потолок. Анита медленно провела пальцем по каемке кружки...

– А когда собираются они?

Сучка крашенная! Но образ на высшем уровне: чаек, плюшевые слоники, розовая белиберда. Я усмехнулась, ее взгляд стал жестче. Всю детскую наивность как ветром сдуло. И славно. Хватит этого цирка.

– Отвечать на подобные вопросы небезопасно, – я выпрямилась, с глухим стуком поставила кружку на стол, – для меня.

Анита покосилась на Этьена, тот невозмутимо пялился в свой чай. А если соврать?

- И все же я готова рискнуть и удовлетворить... ваше любопытство.

Этьен торопливо отпил из кружки и закашлялся. Ну, ё-мое, конспиратор. Придется говорить правду. А то либо захлебнется, либо обосс...

- Дело не в любопытстве, а в людях! - отрезала Анита. - Если все повторится, снова будет много жертв.

Много жертв это плохо, да. Пусть лучше будет одна - дурочка Соня, которую так кстати принесло чайку попить. Что-то мне сегодня с ним не везет. Пора на сок переходить.

- То есть ты предлагаешь стать жертвой мне? Добровольно, ради кучки незнакомых людей? Как мило.

- Я предлагаю тебе определиться, на чьей ты стороне.

- На своей собственной! - отчеканила я. - Себя я люблю больше возвышенного бреда о справедливости.

- Вот и подумай о себе любимой! - нахмурилась Анита. - Они тебя просто используют.

- А ты, конечно, нет.

Она откинулась на спинку стула. Ни единой эмоции. Как начисто вырубило. Зато ожил Этьен: заерзал в кресле. Что, уже?

- В прошлый раз нам не удалось им помешать, - Анита устало потерла лоб. - В этот раз мы учли все ошибки. Зачем они тебя сюда отправили?

Вот упертая. И хватка как у бультерьера - фиг отпустит, пока все не вытрясет. Офис Совета, сотрудников полно. Сколько с иммунитетом - неизвестно, а время милых бесед явно подошло к концу. Только есть у меня с детства одна вредная привычка - никогда не делать то, что заставляют.

Вдох. Ментально ощупать здание, прикинуть масштабы. Оу! Хардкор. Но кто не рискует, тот не я. Заодно опробую, как это работает.

Концентрация, покалывание на коже. Пойманные и связанные воедино энергетические ниточки, звон в ушах. Мир расцвел необычайно яркими красками, сила опьянила. Этьен дернулся и обмяк в кресле, кружка грохнулась о пол, брызнув чаем и осколками. Пусть в Потоке отдохнет. Из коридора прилетел глухой стук с чьим-то приглушенным визгом. Анита изменилась в лице, по-прежнему неуязвимая. Замерла, точь-в-точь пантера перед прыжком.

- Давай без резких движений, - подмигнула я. - Позвони вниз, спроси как дела.

Она потянулась к телефону. Несколько фраз, и трубка легла на место. Мне достался напряженный выжидающий взгляд. Ну а что ей могли сказать? Только то, что в здании всем резко поплохело, кроме девицы в вестибюле.

- Уйду отсюда - очнутся, - пообещала я. - Иначе, увы...

- Глупо! - выговорила Анита, растеряв куда-то весь акцент. - Остановись, пока есть шанс.

- Спасибо за чай.

Я поднялась на ноги, стянула с лежака плащ и попятилась к выходу. Хозяйка кабинета неподвижно сидела на стуле, глядя куда-то поверх моей головы. Не девка, кремьень. Вот вам и прыдочки-кружавчики.

- Оставьте меня в покое, - бросила я напоследок, - в следующий раз могу и психануть.

В холле, у кадки с пальмой, прямо на полу сидела дама постбальзаковского возраста, очумело трясла головой. Очень кстати. Счет шел на минуты, пространство плыло пестрыми кругами. Через пару мгновений дама блаженно затихла, а я получила заряд

бодрости, пропуск и обрывки нужных воспоминаний: черный ход близко, особенно если идти коротким путем. Стены сливались с бликами энергии, в висках с непривычки трещало. А Тео говорил, что массовый контроль – просто. Рисовался, как всегда, паршивец! Максимум, что вышло – это всех вырубить. Я глубоко вдохнула. Тысячи едва заметных ранее нитей бились кровавыми жилками, пульсировали в сознании. Хватай любую, делай что хочешь – трогай, вяжи узлы, обрывай.

Через стеклянную дверь черного входа виднелся осенний сквер. Прогуливались собачники и мамы с разноцветными колясками, стайками носилась мелочь, побросав рюкзачки на газон, в куче желтых листьев валялась девица с телефоном, щелкая себя в самых разных позах. Поперек дороги стоял небрежно припаркованный крутобокий джип. С виду пустой, но проверить стоит. Как говорится – если у вас параноя, вовсе не значит, что за вами не следят!

Должно получиться. С Инночкой же получилось. Цветастые пятна перед глазами, выхваченная из толпы старуха с лохматым недоразумением на поводке. Варвара Петровна, семьдесят с хвостиком лет, обожает смотреть мелодрамы и ругаться с развязной молодежью. Настроение скверное, потому что паршивец Бонифаций нашел где-то тухлую рыбу, сожрал ее и теперь воняет так, что перед людьми стыдно. Паршивец Бонифаций трусил чуть сзади с выражением абсолютного собачьего счастья на грязной морде.

Подойдет идеально! Мои мысли – ее, мои желания, порывы, облачка только что сотворенных воспоминаний – все ей, без остатка. Точечное воздействие, толчок...

– Понавставали тут, – задумчиво сказала Варвара Петровна.

Бонифаций согласно гавкнул и вильнул хвостом.

– Понавставали тут! ЛюдЯм хоть летай! – заголосила Варвара Петровна, расправила плечи и решительно зашагала к джипу.

Бонифаций радостно взвыл, селфистка выронила в листья телефон. Мамаши с колясками дружно открыли рты, прохожие с любопытством обернулись.

Клюка со свистом рассекла воздух и приземлилась на капот. Раздался скрежет, по сияющему боку зазмеилась широкая царапина. Народ ахнул, девица бросила свою кучу листьев и принялась снимать происходящее на телефон. Передняя дверца джипа торопливо хлопнула, выплюнув краснорожего типа с нелепыми бакенбардами и совершенно нейтральной энергией. Так и знала! Краснорожий залопотал, свирепо тыча пальцем то в царапину, то в Бонифация, под шумок задравшего лапу на колесо. Шустро перехватил вновь занесенную клюку, потянул на себя. Варвара Петровна бросила поводок и вцепилась обеими руками. Отпущенный на свободу Бонифаций понесся кругами вокруг краснорожего, залиvisto твякая. Толпа росла, со всех сторон стекался народ. Варвара Петровна мстительно ухмыльнулась и разжала пальцы. Стреноженный поводком краснорожий нелепо взмахнул руками и грохнулся на спину, чиркнув по глянцевому боку джипа отвоеванной клюкой. Бонифаций запрыгнул ему на грудь всеми четырьмя лапами и радостно облизал лицо. Зачет! Теперь два паршивца воняют тухлой рыбой. Спустя мгновение народ сомкнулся, полностью скрывая вход. Я тотчас метнулась наружу, в толпу. Захлестнула давящая боль, воздух кончился. Шаг через силу, второй, третий, рывок в сквер. Бесконечные дорожки, лавки по краям, голые деревья и шорох листьев под ногами. Остановилась лишь на набережной, когда «Идеальный мир» остался далеко позади.

Выдох. Мир померк, стал привычным, спокойным, качающимся на сгустках пассивной энергии. Жилки растаяли, пространство вновь заполнилось множеством слабо подсвеченных нитей. Порядок. Потерявший сознание народ должен скоро очухаться. Правда, за даму у пальмы я не ручаюсь...

Что дальше? Возвращаться домой нельзя. Я запустила руки в карманы. Отлично, кошелек! Внутри немного наличности и банковская карта. Телефона нет, и не надо – ходить с ним опасно, засекут моментом, а связаться с Лейкой можно и другим способом.

Не беда. Бывали со мной ситуации и похуже. Когда сбегала от тетки, выжила как-то. И сейчас не пропаду.

Глава 8

Лейка

Артем сладко зевал на моем плече, то и дело тряс головой, чтобы взбодриться. Рыжие волосы весело стояли дыбом, но причесываться он наотрез отказывался, говорил – так и задумано, стиль! И картинно сдувал челку со лба. Репетитор должен был прийти с минуты на минуту, а этот лохматый стилист до сих пор не доел салат, и к бульону не притронулся. Не потому, что сыт, а потому что спит на ходу. До двух ночи, пока я не приехала и не загнала в кровать, учился стрелять смесью из смертоносной и своей же жизненной энергии, чтобы смягчить удар. Результат – пойманная муха все равно сдохла, то ли от эксперимента, то ли от старости, а он так вымотался, что встал лишь в обед.

– Как там твоя подруга? – сонно пробормотал Артем, возя вилкой по салату. – Когда придет в гости?

– Позже. Ей пока... нездоровится.

– А по ночам гулять здоровится? – прищурился он.

– Между прочим, я ей запрещала.

– О... – сочувственно протянул несносный ребенок. – Она поймет меня, как никто другой!

Ах так? Я легонько ткнула его в бок, Артем рассмеялся и заработал вилкой. Все, проснулся. К приходу репетитора готов.

Я открыла окно и вдохнула полной грудью, по привычке высматривая в городе Соню. После дождя было хорошо и свежо, на асфальте подсыхали лужи. Сони не было. Нигде. Совсем ума нет – в таком состоянии глубоко в Поток забираться. Или... Глушить свой энергетический отпечаток она умеет, но зачем скрываться? Что-то случилось?..

Спокойно, она большая девочка, волноваться глупо. В конце концов, можно просто съездить и проверить. Посмотреть одним глазком и сразу назад.

– Я быстро! Успею до окончания твоих уроков, – я виновато посмотрела на Артема. Тот хмыкнул. – Не забудь перед французским повторить неправильные глаголы!

– Лейка... – укоризненно вздохнул мой подопечный. – Неправильные глаголы были два месяца назад. А сейчас...

– Вот это и повтори! – перебила я и выскочила за дверь.

Тут же затрезвонил телефон, будто только этого и ждал. Паша? С ума сойти! Объявился.

– Приезжай к Аните, – сказал он вместо приветствия. – В офис, адрес у тебя должен быть.

Ну, допустим, где-то записан...

– Сейчас не могу. Нужно Соню проведать.

– Можешь мне поверить, ее нет дома, – мрачно донеслось из трубки.

Значит, все-таки что-то случилось... Я в оцепенении уставилась перед собой. Качели поскрипывали под мокрым навесом, на брошенный мангал налипли желтые листья.

– Говори, – потребовала я. – В чем дело?

– Соня познакомилась с Анитой, вот в чем, – сообщил Паша с каким-то странным, хмурым весельем. – Вырубил всех в здании, велела ее не трогать, и ушла, вывернув мозг уборщице. Напоследок спровоцировала дебош во дворе. На ютубе есть шикарная запись, уже в топе просмотров.

Он шутит. Или издевается. Бред. Полнейший бред.

– Не поняла...

– Диковинный вышел у них разговор, остался на рельсах лежать контролер, – с чувством продекламировал Паша. Я нервно сглотнула. – Артем таким не увлекается? В смысле, стишками, а не...

– Перестань!

– Слушаюсь. Хочешь подробностей – приезжай.

Из трубки понеслись короткие гудки, я мотнула головой, пытаюсь привести мысли в порядок. Бесполезно. Одно знала точно – нужно ехать в офис Совета. Такси остановилось перед современным зданием, обнесенным заградительной лентой. Вокруг гудела толпа, сновали репортеры с камерами. Вот он, «Идеальный мир», в котором мне до этого бывать не доводилось. Повода не было, ни разу за все время. Теперь появился. Всегда чувствовала, что мой визит сюда будет не из приятных...

Я выбралась из такси, старательно отгораживаясь от лавины людских эмоций, давящей каши из обеспокоенности и любопытства. Меня тут же схватили за локоть и оттащили в сторону. Паша. Молчаливый, сосредоточенный и настолько серьезный, будто не он совсем недавно язвил по телефону. Мы пошли вдоль ленты, огибая офис. Что-то яркое, почти развеявшееся, но невероятно мощное сбивало с ног. Фон! В воздухе всюду висели тяжелые сгустки, пульсируя и медленно тая. Ничего себе... Да они по всему периметру! Что бы тут ни произошло, силы на это потребовалось немало.

– Как тебе? – поинтересовался Паша.

– Что за... – только и смогла выдавить я.

В горле пересохло, все чувства словно выключились – был лишь воздух, тяжелый, сочащийся энергией, и дикая усталость.

– Бонусы из нижнего Потока, полагаю. Неспроста же у пяти десятков человек случился коллективный обморок.

Как бы не пополнить их число. На заднем дворе, выходящем в большой парк, народа было меньше. Несколько зевак, припаркованная полицейская машина и еще одна – большая, черная, с уродливыми глубокими царапинами на боку. Это что, Соня ее так?..

– В офис никого не пускают, – раздался сзади голос Аниты, и я вздрогнула. Ее неотслеживаемый отпечаток все равно что внезапно вырвавшийся в лоб грузовик. – По официальной версии кто-то распылил в здании усыпляющий газ.

– Заходить внутрь не стоит, – ответил Паша, по-прежнему придерживая меня под локоть. – Фон ощущается даже не в эпицентре. Но рассеивается. Вряд ли он опасен, так – последствия всплеска силы...

– Оу! Эти, видимо, собираются заняться нападением старушки на нашего сотрудника, – нахмурилась Анита. – Минутку...

– Старушки? – зачем-то переспросила я. Голова окончательно пошла кругом.

Я сплю и вижу дурной сон, не иначе. И он на редкость нелепый.

Суровый мужчина в форме осматривал царапины на машине, рядом стояли трое: высокий брюнет с бакенбардами, старушка самого интеллигентного вида и лохматый пес на поводке, с вываленным набок языком. Анита сердито сказала что-то брюнету, тот нахмурился, с отвращением покосился на собаку и неохотно кивнул. Потом развернулась и заговорила с полицейским, старушка обрадованно восторгалась. Ветер притащил обрывки фраз «случайно», «потеряла равновесие», «претензий не имеем» и шлейф одеколона. Крепкий, ядреный, слегка напоминающий запах протухшей рыбы.

– Что тут было? – растерянно спросила я у вернувшейся Аниты.

- Идемте в сквер, - устало ответила та, заправив за ухо розовую прядь, - там есть, где посидеть. Расскажу.

Мощеная дорожка петляла между жухлых кустов, над головой висели, словно приклеенные, обрывки облаков. Шум отдалялся, в висках перестало пульсировать. Под старым кленом нашлась сухая скамейка, еще хранящая отпечаток чьего-то тепла. Ветер шуршал опавшими листьями, за деревьями раздался детский смех, через мгновение снова стало тихо. Черт, Соня всего три дня как вернулась, я и порадоваться толком не успела. Всегда так. Только случится что-то хорошее, обязательно приходит она - расплата. А я опрометчиво забыла об этом.

Анита подперла голову рукой и меланхолично обронила:

- Такого я, конечно, не ожидала... Сидели, пили чай, беседовали. И вдруг!

Вдруг? Ни с того ни с сего? Не верю. Была, значит, веская причина.

- Может, Соня не понимала, что творит? - предположила я единственное, что пришло на ум. - Как в первый день, когда очнулась и...

- Что ее спровоцировало? - влез Паша.

- Вопрос, вероятно, - задумчиво отозвалась она. - Про ритуал переброса энергии между Потоком и реальностью.

Вспомнился наш разговор весной, в кафе у аэропорта. Тогда Анита считала, что клиентов Киры убивают ради получения из Потока некой силы. Расчет не оправдался, а теория, видимо, осталась.

- То есть вы просто говорили? - спросила я с подозрением.

- Да, - в ней заплескалась обида. - Абсолютно мирно. Никто ее не трогал.

- И не собирался?

- Подобные решения принимаются строго по обстоятельствам, - доложила Анита официальным тоном. Придвинулась чуть ближе и мягко добавила: - Лера, мне надо было выяснить, как Соня вернулась, зачем, что собирается делать, и опасно ли это для окружающих.

Разумно. Но ответить на их вопросы она при всем желании не могла.

- Ей запретили об этом говорить, - объяснила я. - Там, в нижнем Потоке. Ослушается - заберут обратно или того хуже...

- А что еще они могли запретить? Или наоборот заставить сделать? О целях Сони нам ничего не известно.

В ее взгляде не было ни намека на понимание или на возможный компромисс. Продолжать разговор расхотелось. Выдавать информацию про Соню я не стану, никакую, пусть даже это ее оправдало бы. Никогда не угадаешь, что из сказанного потом обернется против нее.

- Мне Соня о своих целях ничего не говорила, - отчеканила я.

Паша явно заметил, что это не совсем правда, но вида не подал. Улыбнулся Аните и скептически отметил:

- В любом случае у тебя плохо получилось обезопасить от нее окружающих.

- Это верно, - вздохнула та, поерзав на скамейке кружевами юбки. - Ее надо найти и выяснить, существует ли потенциальная угроза. Вы оба прекрасно видите, на что она способна.

- У Сони не было выбора, - вступилась я, отчаянно стараясь не сболтнуть лишнего. - Дайте ей решить свои проблемы.

- Выбор всегда есть, - убежденно возразила Анита и строго посмотрела на меня. - Уже двое из-за нее лишились рассудка. Не думаю, что проблемы твоей подруги важнее людей, которые могут пострадать. Она опасна. Если ты не найдешь ее, тогда найдем мы.

Понятно. А там предупреждения и... Да, двое пострадало. Но первый раз Соня еще не пришла в себя, а сейчас она защищалась, или думала, что защищается. Ей надо помочь, а не наказывать. Выдохнув, я силой запихала поглубже просящиеся наружу слова. Спорить тут не о чем, доказывать - тем более.

- Готова поручиться, ничего опасного она не задумала, - упрямо сказала я и бросила на Пашу умоляющий взгляд.

Он откинулся на спинку скамейки, странно усмехнулся - будто сам себе, и безучастно протянул:

- Не берусь предугадывать ее поступки. Однажды уже не угадал...

Я отвернулась, сморгнула поплывшие мутные круги. Поддержал, называется. Нашел когда границу припомнить! Сейчас не до того. Дело принимает дрянной оборот. Анита может быть трижды милой, но глупо забывать, где она работает. Что бы Совет ни хотел от Сони, раз та предпочла сбежать - другого выхода не было.

- Лера, нельзя Соню оставлять вот так, - терпеливо произнесла Анита. - Возможно, ей нужна помощь. Ты сама себе простишь, если еще кто-нибудь пострадает?

Насчет кого-нибудь - не знаю, но если пострадает Соня, точно себе не прощу. И мы обещали быть вместе, до конца. Обещания сдерживают, иначе никак. Встав, я одернула плащ. Сказала твердо:

- Помогать ее искать я не буду.

Развернулась и пошла прочь, к выходу из сквера. Паша догонять меня не стал. Кажется, даже с места не сдвинулся. А когда-то, в далеком прошлом, первым кидался Соню спасать... Что, черт подери, между ними происходит? Будто не было всех этих совместных посиделок на траве, с презрительным фырканьем на принесенный мною плед, дружеских улыбок, звонков в важные дни с пожеланиями удачи, обедов на троих - с моими пирогами и ее салатами, шуточных подарочков на дни рождения, вечеров напролет в Потоке. Но я отчетливо помню - было. Куда же делось?

По набережной гулял ветер, стряхивал последние листья с облысевших деревьев, от подернутой рябью воды тянуло стылой сыростью приближающегося вечера. Я знала, что делать дальше. С планом проще, пусть в нем всего один пункт, растянутый на три. Следуешь им, и не кажешься себе потерянной, даже если так оно и есть.

Бабушкина квартира встретила теплом и мягким светом из-под бахромы торшера. Забыла вчера в спешке выключить, надо же... Итак. Я дома, это первый пункт. Второй - сварить кофе, покрепче, двойную порцию. Выпить до дна, медленно, по глоточку. Успокоиться... Наконец, третий пункт. Пружинистая спинка дивана, концентрация на разлитой в комнате энергии. Она откликнулась, подчинилась, открыла проход. Мысленный шаг вперед, и торшер вспыхнул, разлетелся яркими бабочками. Стены за клубились плотным туманом и растаяли, клочьями поднимаясь в небо. Пологий берег, гул водопада, заросшие лесом скалы. Сонин любимый мир, место встречи, где мы договаривались искать друг друга «если что». Я часто бывала здесь последние четыре года. Вставала на берегу у самой воды, прикрывала глаза, и на секунду казалось, что вот-вот, сейчас...

Я пошла вдоль берега, гул водопада перерос в рев. Сосредоточиться, мысленно убавить звук. И всмотреться... Стена воды, брызги во все стороны. На вершине скалы, в прорехе радужного тумана - хрупкая, до боли знакомая фигурка. Она здесь! Метнулась к краю выступа, играючи оттолкнулась и сиганула вниз. Стремительный полет, мощный всплеск, вакханалия расходящихся кругов, пены и пузырей. Любимое занятие себя оттуда скидывать. И других. Я сложила руки на груди, глядя в бурлящую воду. Пора бы ей вынырнуть. Секунда, другая, третья. Не поняла... Где же Соня?..

Полыхнуло весельем, сзади крепко обхватили за талию и подтолкнули к воде. Чудом

удержала равновесие, замерев у пенной кромки.

- Каждый раз попадаешься, - хихикнули мне в ухо, щекоча шею влажными прядями.

Я сердито высвободилась. Соня тут же плюхнулась на траву, скрестив ноги и откинув назад мгновенно высохшие волосы. Никаких признаков помутнения рассудка: смеющийся взгляд, отпечаток усталости, беспокойство - выжидательное, осторожное, на грани любопытства. И странная пульсация жара, будто в ветреный день сидишь у костра.

- С тобой все в порядке? - спросила я, пытаюсь привыкнуть к этому эффекту.

- В полном, - она сорвала одуванчик, осторожно поднесла к губам и подула. Стайка белесых зонтиков взмыла ввысь. - Госпожа куратор уже наябедничала?

- Только что от нее. Что у вас произошло?

- Чайку неудачно попили, - Соня хмыкнула. - Не люблю зеленый.

- Прекрати! Ты соображаешь, что натворила?!

- Соображаю, - отрезала она. - Из двух зол, которые могут устроить мне ой, выбрала тех, кто крепче держит меня за задницу. С заграничными ребятами тягаться опасно. Без напряжения ментально раскатают.

- Во-первых, Совет тоже опасен. Причем тут, в реальности.

- Пусть сначала найдут...

- А во-вторых, - перебила я. - Ты защищалась, а пострадали невинные люди!

- Это на совести Аниты, - пожала плечами Соня, - я просто хотела уйти.

- Неужели нельзя было мирно договориться?

- С кем? С Анитой? Да она готова была меня перевернуть вниз головой и трясти как Буратино, пока информация не посыплется.

Да уж... Я села рядом с Соней, та придвинулась ближе, касаясь плечом моего плеча.

- Кстати, - задумчиво сказала та. - Какого дьявола их вообще принесло в Россию? Зачем мы им сдались? Страна огромная, контролировать вемов замучаешься. Ладно, Москва - а какой-нибудь Мурманск? На филиалы разорятся, и кураторов на всех не хватит. Кусок хоть и большой, не такой уж лакомый. Благотворительность хилая, единственная польза - с клиниками связь наладить и детей с иммунитетом искать. Но оно того не стоит.

- Совет тут всего полгода, - напомнила я предательски дрогнувшим голосом. - Раньше Вениамин их к нам не пускал.

- Лейка, я тебя умоляю, - закатила она глаза. - Вениамин им не указ. Захотели бы - обосновались в России раньше. Вот только желания долго не возникало. Договорились с Веней, потому что интересы совпали, и сидели в своей Европе, не отсвечивали. Полгода говоришь... Это сам Совет, ага. По идее, фонд «Идеальный мир» просочился раньше. Когда они впервые к нам нагрянули?

- Год назад, расследовать массовые сердечные приступы среди одаренных. Считали, кто-то обрел новые способности. Оказалось, Хранитель и испытание первородным миром.

- Вот! - Соня победоносно щелкнула пальцами у меня перед носом. - Прибежали на суперсверхъестественное и окопались так, что трусами не отмашешься. С самого начала интересовались сущностями из Потока. Недаром Анита ко мне прицепилась. Что-то в Совете давно расследуют в этом направлении.

Я зажмурилась, в голове запустилась логическая цепочка, собранная из звеньев событий минувшего года. Той осенью Совет искал человека со способностью устраивать сердечные приступы на расстоянии. Потом Кирино маньяка подозревали в ритуале обретения некой силы через создание нового мира. Не на пустом месте такие идеи. И плохо то, что все это слишком близко к Вестнику, ведь именно его смерть создает миры,

и дар у него совершенно особенный. Черт!

Нос защекотало, я незаметно приоткрыла один глаз и увидела пушистый одуванчик перед собой. Мстительно дунула, в Соню полетел ворох зонтиков. Она ойкнула и рассмеялась – звонко, заразительно. Солнечные искры, бабочки врассыпную, невесомые объятия. Жаль, обнять ее по-настоящему нельзя. И удастся нескоро. Как ее знакомство с Анитой могло обернуться подобным кошмаром? Один несчастный разговор, один роковой вопрос. Ничего ведь не предвещало беды!

– Что ты будешь делать? – спросила я тихо.

– То же, что и собиралась, – Соня отбросила облысевший одуванчик и потерлась носом о мое плечо. – Закончу с заданием Тео, вырвусь на свободу и... стану примерной. Честно-честно. Расскажу Аните про нижний Поток и ритуалы, раз ее так приперло.

Я потрясенно моргнула. Ритуал существует?

– Не бойсь! – иначе оценила Соня мое замешательство. – Да за такой эксклюзив Совет простит сегодняшний бенефис.

Хоть бы расчет оправдался... С Анитой можно договориться. Главное – успеть до того, как станет поздно.

– Они тебя ищут, – предупредила я.

– Не найдут, – фыркнула Соня. – Это в Европе у Совета все схвачено, а тут я получше них ориентируюсь. Вопрос нескольких дней – продержусь.

– Будь осторожнее...

– Я вернусь. Обещаю.

Уверенный взгляд, сплетенные пальцы. Вспышка света. Она рассеялась, вместе с объятиями, непонятым жаром и напускным спокойствием. А я осталась, на том же берегу, снова одна.

Мысли в голове скакали вразнобой, норовя прищемить друг другу хвосты. Нашествие Совета, бессмертная пятерка, созданные убийствами миры, возможность обретения кем-то сверхсилы... Значит, ритуал все же существует, и он как-то связан с охотой на Вестников. И задание Сони тоже? Нет. Просто потому, что нет!

Пора возвращаться к Артему. Я отмахнулась от бабочки, встала, вклиниваясь в течение податливой энергии.

– Задержись, – раздалось со спины.

Я медленно оглянулась, прекрасно зная, кого увижу. Невыразительная физиономия, неопределимый возраст, мощная, нечеловеческая энергия. На этот раз Хранитель выглядел как заблудившийся в горах путешественник – с растрепавшейся косой седых волос, чумазой щекой и в мятом дорожном костюме. Не хватает еще потертого саквояжа и разбитого дилижанса на заднем плане. Где он свои образы берет? Из вестернов?..

– Надо же, объявился, – вяло поприветствовала я. – Не прошло и трех месяцев.

– С кем ты говорила сейчас? – Хранитель нахмурил густые брови.

– С подругой.

– В ней полно сил... от тех, кто здесь лишний. Если она с ними, то против нас и никакая тебе не подруга.

– Она попала к ним случайно. И пытается освободиться.

Он посмотрел сквозь меня, будто вовсе не слышал. Начинается! Включил режим защитника, и, как обычно, не вовремя. А уж методы решения проблем...

– Соню не трогай! – торопливо сказала я, боясь, что его мысль разовьется в опасном

направлении. – Она мне нужна. Да я о наших врагах от нее за два дня узнала больше, чем от тебя за все время. Только и можешь, что загадками бросаться с умным видом, а реальной помощи – ноль!

– Я помогаю, – вновь заметил меня Хранитель. Подумал и добавил: – Уже.

– Чем?

Он отвернулся и уставился на водопад, словно раньше его тут ни разу не видел. Ну конечно, это же интереснее, чем наш разговор.

– Они пять тысяч лет в Потоке, – упрямо продолжила я в седой затылок. – У них есть некий ритуал и пятьдесят побед над Вестниками на счету! Как Артем, по-твоему, должен им противостоять? Что могу сделать я? В его силе ничего не понимаю, тыкаемся наугад, а время идет!

Хранитель поднял с травы остатки одуванчика, вздохнул.

– Нечего вздыхать! Ни на один вопрос ответить не можешь. Или снова задаю неправильные?

Он заложил стебелек за ухо, обернулся и обыденно произнес:

– У меня плохо получается рассказывать.

Кто бы спорил... Его ладонь коснулась моего плеча, я застыла. Ни сбежать в реальность, ни даже дернуться. Пар стал густым, едким, потянулся щупальцами к берегу. Заволок туманом, устремился ввысь. Завертевшееся центрифугой небо, резкая боль. Отпустила так же неожиданно как пришла. Туман осел на землю песком, небо знакомо оскалилось звездами. На горизонте – бесконечные холмы, позади – руины храма. Погруженная в темноту арка входа, уходящие вниз ступени лестницы, безжалостно выщербленные временем. Чертова пустыня! Первородный мир, унесший столько жизней, отпечаток самого далекого прошлого. Рядом насмешливо улыбался Хранитель, засунув руки в карманы. Зачем я его злила?..

Вспыхнул костер, осветив выведенные на песке символы. Спираль с вогнутым внутрь концом. Восьмерка в треугольнике, наклоненная набок. Перечеркнутая косыми линиями галочка. Зигзаг со стрелкой на конце. Перевернутая буква «Б» с нижним подчеркиванием. Незамкнутый круг с волной внутри. Его-то я видела впервые! Вроде бы.

Провал арки потемнел, в нем жадно хлюпнуло. О, нет... Только не она. Не надо! На ступенях заблестела черным глянцем тьма, заструилась выше. К выходу, песку, костру. Растекаясь лужей, подтягиваясь нитями. Я отпрянула прочь. Почувствовала подкативший к горлу ужас и руки Хранителя на плечах.

– Стой... – велел он, будто у меня была возможность пошевелиться. – Ты же хотела знать. Так смотри.

«Здесь все началось», – пронеслось эхом из воспоминаний. Память услужливо подкинула и другое – холод, пустоту. Ощущение, как ты исчезаешь, растворяешься, перестаешь существовать. Тьма подобралась ближе, окружила, замерла у ног. Голодная, жадная, нетерпеливая.

– Нири, – сказал Хранитель твердо.

Это что, просьба на неведомом языке? Приказ? Заклинание?..

Лужа зашипела, дохнуло ледяным холодом. Спокойно! Что мне она? Я в полной силе, смогу за себя постоять. Живо ее светом спалю, только мокрое пятно и останется. Если мешать не будут...

– Покажи ей.

«Ей?..» – заплескалось беззвучное. Со злостью, ненавистью, яростным протестом. Как наяву.

- Она с нами.

Потянуло недоверием. Хранитель сильнее сжал мои плечи, окутало теплой и колючей, словно шерстяной свитер, энергией. Чувства обострились, превратились в нечто плотное, осязаемое. Тьма отозвалась покорным согласием, под ногами забурилась чернота. Вязкая, затягивающая куда-то глубоко, далеко, в себя.

...темно. Чадит лампа, пахнет горечью. За оконцем – очертания гор и рассыпанные по небу точки звезд. Поскрипывает лавка, но как можно перестать на ней ерзать?

- Нири, опять? – посмеивается дед. – Ты эту историю слышала сотню раз. Сама должна уметь рассказывать! Наизусть.

Я требовательно цепляюсь за морщинистую руку. Да, опять. Хочу.

- Ладно, слушай, – сдается он. Я сажусь смирно, стараясь даже дышать тихо-тихо. – Давно, в тех местах, что за горами, и еще дальше, где сплошь песок и никогда не бывает снега, жили люди. Были среди них умеющие слышать больше, чем им говорят, видеть больше, чем им показывают, и знать то, что от других скрыто. Но им того стало мало, они пожелали большего. Числом были как плодovitая семья, и дружны так же – всегда вместе, заодно. Проникли в изнанку мира, в таинство ее, обратив законы сущего вспять. Забрали общее себе. Их величие было ослепительно, притягивало людей, манило, и каждый верил в свое счастье рядом с ними. И те люди построили город, целый город в скалах. Под стать тем, кому поклонялись. Не просто любили – боготворили. Настоящие боги не прощают такого. И явилась кара – тьмою в ночь. На посмевших обмануть смерть. Погасли их сердца, и тех, кто с ними. Опустели дома, и улицы, и весь город. Остальные ушли, ибо не было в проклятом месте жизни. Не стало никого – один только ветер, песок, да назидание ныне живущим.

Я замороженно киваю, болтая босой ногой. Теперь-то можно. Уже конец.

- Далась тебе эта дремучая легенда, – нетерпеливо топчется у дверей соседский мальчишка, мой лучший друг. – Наша собака щенков родила. Пойдем, посмотрим.

Да, далась! Вот чем-то. Я знаю, чувствую – так оно и было. Или почти так... Щенки?! Ух ты...

Липкие объятия сомкнулись, между пальцев потекла тьма. Мирно, размеренно. Не вытягивая, не отнимая жизнь, а наполняя сознание яркими картинками, обрывками воспоминаний, собой. Было странно, но не ново. Она – воплощение уже знакомой силы. Огонь, не думающий обжигать. Вода, в которой почему-то можешь дышать. Стоишь посреди бури целым, невредимым, и совсем не страшно. Как тогда, с Артемом.

...небо окрашивается багровым. В ушах – гул, в висках – стук. Ловлю подсказки. Уже рядом. Я должна их остановить, всех. Всех! Кровь бурлит, или это что-то в ней, в крови. Подсказывает, направляет. Первая смогла, и я смогу. История, услышанная в детстве, оживает, только эта – моя. Она будет другой. Без сотен жертв, уничтожения городов. И сложенных в честь того легенд.

Шаг на мостовую, редкие прохожие, вереница каменных оград. Прямоугольные громады башен тянутся к стремительно темнеющему небу, впереди шумит река. Я все ближе. Поворот, еще поворот... Вот он – один, у воды. Высматривает то ли лодку, то ли противоположный берег. Кажется, кого-то ждет. Не молод, сосредоточен, и этот жар вместо сияния, не его, не настоящий, украденный. Нужно вернуть на место, и я верну.

Медленный вдох... Кровь разгоняется, ладони тяжелеют, горячо пульсируют. Чтобы настроиться, достаточно представить – ничего больше нет. Так безопаснее, лишнего не заденешь. Только эту наполненную жизнью оболочку, сосуд с мерцающим огоньком, задуть который легко. Растворить в пустоте, без права возродиться. Вскидываю

руки, с облегчением выпускаю то, что ворочается внутри. Он не успевает понять, что происходит. Широко раскрывает глаза, оседает на землю. Я прохожу дальше, мимо. Дышится свободнее, буря внутри стихает.

Минус третий. Это честно, вполне. То, что они делают, – неправильно. Но пустые города – неправильнее. У меня получится иначе, по одному. Четвертый на очереди, и я знаю где. Чувствую...

Я сглотнула, переступила с ноги на ногу. Прошное оживало, но ускользало мгновенно, словно не хотело быть потревоженным. По крайней мере, не мной. Темнота лилась гуще, непрогляднее, неуловимо подводя черту, подталкивая к чему-то. Чувствовались ее сомнения и желание поскорее ускользнуть, а еще страх – ошибиться, снова.

...ветер сдувает с потертой плиты песок. Одолевает усталость. Спуск к городу долгий, но это ничто, по сравнению с тем, чего мне стоило добраться сюда. В одиночестве – от проклятого места все стараются держаться подальше. Когда-то я мечтала увидеть его собственными глазами. Сбылось.

Прежде чем шагнуть в арку полуразрушенного храма, смотрю вверх. Темнота перед рассветом – особенная. Здесь пахнет смертью, до сих пор. Меня обступают песчаные холмы, отголоски прошлого. Все закончится сегодня. Здесь. Они придут, не смогут иначе. От предначертанного не убежишь, раз взял – плати. Уцелевшие... И среди них – он. Такой же, как остальные. Такой же! Я справлюсь, должна справиться.

Внутри пещеры пыль веков и безысходность. Тоннель сужается, вход. За ним – зал, обломки былого величия. Я дышу глубоко, тихо, хоть и тянет чихнуть. Жду. Ненавистные жаркие сгустки уже близко, россыпь живых огней. Десять человек... Пойманный ритм разгоняет кровь, выпускает что-то большее, чем тьма, ледяное, как пустота, всепоглощающее, жаждающее исправить, уравнять. Оно не во мне, оно – это я.

Заходят. Один, второй, третий... Пусть все зайдут. Разом смести, и конец. Девятая, десятый... Импульс мощный, целая волна пустоты. Летит вперед, но оказывается везде, вокруг. Набирает силу, чернеет, плещется холодом. Дыхание замирает, меня нет. Чувствую – раз, два... Оба гаснут, исчезают, возвращают отобранное. Вязкая пелена на стенах, под ногами – хруст, кажется, осколки. Еще двое растворяются без следа, дышать чуть легче. А затем – резко нечем. Свет, чистый. Бьет в глаза, льется, жжжет. В груди колет, ритм рушится. Картинка перестает быть схематичной. Меня мутит.

Их шестеро осталось, они искрятся, слепят, подобно солнцу. Один полыхает азартом и упоением от происходящего. Другой – напротив, обжигает только ненавистью, горячий. Третий сосредоточенный, пульсирует силой, высвобождая наружу яркими вспышками. Больно. Прилетает вновь – от женщины с отпечатком полусотни прожитых лет на лице. Я отвечаю – мощнее, жестче. Тотчас ошпаривает, шире разливается боль. Как бы не захлебнуться! Вижу в опаляющем сиянии женское лицо с оленьими глазами. Влажными, испуганными, и все равно высокомерными. Еще одна, поодаль от всех. Пылает яростно, того гляди догорит.

Большого не рассмотреть. Искры, много. Не вдохнуть. Рывок тьмой, раскаленная стена света. Нет, это не свет, сама жизнь. Не трогаю – не сжигает. Надо переждать. Их не хватит надолго. Я закрываюсь, отступаю. Поздно. Движение тени, цепкая хватка на моем плече. Он... Вот как. Металлический холод, тот же привкус, темнота. Не та, иная...

Трясло. Жгло отголосками чужих воспоминаний. Спокойно... Все кончилось. И кончилось давно. Тьма уходила прочь, просачивалась в арку, утекая по ступеням вниз. Прощаясь. Ветер гонял песок, Хранитель расслабленно сидел у костра, будто медитировал.

- Получила? – поинтересовался он, не отрывая безразличного взгляда от пламени.

Двусмысленно...

- Она проиграла? – выдавила я, силясь вернуть контроль над чувствами. Толком не знала, где мои, где ее. – Потому что не хотела навредить невинным людям как первый Вестник?

- Рефлексия не во благо, – изрек Хранитель. – Нири выбрала другой путь. Ошиблась.

Нет, не ошиблась... Не рассчитала. Не повезло. Я мотнула головой в попытке упорядочить мысли или хотя бы перестать дрожать. Последнее в Потоке как минимум ненормально. А что сейчас было нормального? Если я увидела сцены из прошлого от первого лица, значит...

- Откуда здесь ее воспоминания? И она сама? Неужели?..

Догадка ясно возникла в голове, прежде чем отзвучал вопрос. Смерть Вестника не просто создает мир. Погибший Вестник – и есть мир. Его частичка, оставшаяся в Потоке.

- Они не свободны, – скупое подтвердил Хранитель, – пока кто-то не завершит начатое.

Я отвернулась. В костре затрещало, бабахнуло, брызнув искрами в светлеющее небо. Знаки на песке припорошило, крайний вовсе замело – незамкнутый круг с волной внутри.

- А куда делась шестая? – вспомнила я девушку, которой в глубоком Лектуме определенно не было.

- Потери несли обе стороны. Ныне место пустоет. Для твоей подруги шанс.

Опять к Соне привязался!

- Следующие Вестники не проходили полную инициацию? Их убивали раньше?

- Верно, – Хранитель, наконец, удостоил меня взглядом. – Каждая погибла прежде, чем могла научиться защищаться.

- Каждая? – переспросила я в смятении.

- Вестниками всегда были девочки, – оповестил он таким тоном, будто это была сущая мелочь, которая не значила ровным счетом ничего. – На сей раз иначе. На сей раз многое иначе. Но тебе рано об этом.

- Рано?! А когда будет в самый раз? Во время поисков следующего Вестника?

Костер жарко полыхнул, взвихрил раскаленный песок, поднялся огненной стеной и лавиной рухнул на меня. Водоворот энергии, столп искр. Рассеялись... Подо мной мягко пружинил диван, с полок непричастно выглядывали статуэтки, в черноте за окном плавал желтый блин луны. Я дома, несомненно, в реальности. Хранитель меня попросту вышвырнул?! Вот гад!

Вопросов тьма, даже про ритуал спросить не успела! Ладно... Что уж теперь возмущаться. Он и так сегодня был удивительно болтлив.

Нири... Вот она, чистая и полная сила Вестника. Настолько мощная, что, казалось, до сих пор покалывает кончики пальцев. Теперь я знаю, что представляет собой тьма, и знаю, как помочь Артему.

Внизу гулко хлопнула дверь подъезда, донесся зычный голос Карловны. Вечерний обход владений, как обычно, в девять. По ней можно часы сверять. Девять?! Черт! Будь я настоящей няней, меня бы уже уволили. Да я сама бы себя уволила!

Сконцентрироваться... Отпечаток Артема находился там, где ему и полагалось быть, никакой подозрительной активности рядом не наблюдалось. Все в порядке, хотя... Занятия с репетиторами давно закончились, и у Артема была куча времени, чтобы придумать какой-нибудь очередной адский эксперимент. Может, именно сейчас, в эту минуту, он приступает к его исполнению... Я одновременно пыталась натянуть плащ и

дозвониться Артему. Итог – оторванная пуговица, механический голос из трубки «Абонент временно недоступен».

Из такси я выскочила на всех парах, промчалась по двору и взлетела на крыльцо так, будто за мной по пятам гналась стая зубастых кроликов. В прихожей с облегчением выдохнула – на вешалке болталась куртка с множеством молний и карманов, чувствовался знакомый, невероятно теплый энергетический отпечаток.

Я подошла к комнате Артема и замерла на пороге. Ковер усеивали разноцветные детали «Лего» вперемешку с крошками и пустыми пакетами из-под чипсов, у большой глянцевой коробки стояла двухлитровая бутылка лимонада. Ага. Кот из дома – мышки в пляс. Две головы – рыжая и русая, склонились над непонятной конструкцией. Волосы на обеих одинаково стояли дыбом, означая крайнюю степень вдохновения.

– Эту – сюда! – сказала рыжая голова, русая хмыкнула и кивнула.

Я попятилась, собираясь незаметно исчезнуть.

– Стоять! – скомандовал Влад, не глядя в мою сторону. Протянул руку, цапнул горсть чипсов и довольно захрустел.

– Кто такая? – вредным голосом спросил Артем. – Ты ее знаешь?

– М-м-м... – протянул Влад, пристраивая очередную деталь на место, и оценивающе прищурился. – Кажется, где-то видел. Не уверен. Только вишневый пирог освежит мою память.

– А, может, по лбу? – поинтересовалась я. – Тоже хорошо освежает...

– Это Лейка! – мгновенно признал он и повернулся к Артему. – Она здесь живет.

– Да-а-а? – картинно удивился несносный ребенок. – Тогда пусть соберет разрушающую протонную пушку нашего звездолета.

Ах, вот что это такое... Да пожалуйста. Почему бы не присоединиться к развлечениям для детей, если верить коробке, от восьми до четырнадцати лет? Справлюсь. Я осторожно прошла в комнату, стараясь не наступать на детали с опасными «пупырышками», и села рядом с коробкой. Следующий час покорно ползала по ковру и сцепляла всякие мелкие штучки, норовящие ускользнуть из рук. Видимо, чувствуют непрофессионала. Ну, или проблема в том, что мне больше четырнадцати... Постепенно дело пошло, и я так увлеклась, что вместе с пушкой собрала лестницу, кресло пилота и половину крыла.

– Как Соня? – спросил Влад, помогая протолкнуть вытянутый кругляш сквозь рифленое колесико.

Кругляш тут же выскочил из рук и затерялся среди разбросанных деталей.

– У Сони неприятности, – выдавила я. – Устроила в Совете ментальный погром и сбежала.

Влад в замешательстве моргнул.

– Совет? – Артем озадаченно поскреб щеку. – А-а-а, вемконтроль.

С Кирой видится редко, а выражений понабрался...

– Круто прячется, – заявил он, видимо, попытавшись высмотреть Сонин энергетический след в городе. – Не найдут!

– Найдут – не найдут... – Влад задумчиво оторвал руль из кабины звездолета, покрутил и прилепил обратно. – Скрываться вечно – не вариант.

– Да она и не собирается. Ей бы только время выиграть, чтобы со своими проблемами разобраться. А потом Соня наладит отношения, она обещала. Когда сможет говорить о нижнем Потоке откровенно. Пока у нее... вынужденная связь с его обитателями.

– Будет много болтать – загребут обратно? – невесело усмехнулся Влад. – Да, этих гадов

лучше не злить. Совет против них, что водный пистолет против протонной пушки.

Сравнил, так сравнил... Я невольно улыбнулась, стало легче. Всегда становилось легче, когда я говорила с Владом. Рассказывала ему и о бессмертной пятерке, и о ловушках, и о летних злоключениях в глубоком Лектуме, и о провалившейся попытке перезапустить Поток. Влад внимательно слушал, отпускал неожиданные комментарии, регулярно ставил все с ног на голову и подкидывал интересные идеи. А свежий взгляд полезен, особенно в ситуации, когда толком непонятно, что происходит, и как с этим бороться...

- А что Соня там погромила? Что-что? - Артем нетерпеливо подергал меня за руку. - Суперкруто, да?

Влад снисходительно покосился на него, предательски отсвечивая таким же любопытством.

- Ничего крутого! - строго сказала я, вспомнив о своих воспитательских обязанностях. - Поругалась с куратором. Настроила против себя могущественную организацию. Усыпила кучу народа, всех, кто был в здании. Каким-то образом спровоцировала потасовку во дворе.

- Кла-а-а-сс! - восхищенно протянул Артем, Влад подавился смешком и сделал серьезное лицо. - То есть, кошмар, осторожнее надо быть. И ответственнее. Да! А откуда она умеет это всякое?!

Оба впечатлились. Мальчишки...

- Очевидно, из нижнего Потока помогают, - выдал Влад.

- На что ты намекаешь? - насторожилась я. Интонация его мне не понравилась совершенно. Такой только страшные истории ночью у костра рассказывать.

- Ну, Соня ведь провела с ними четыре года. Они ее отпустили, еще и силы отсыпали нехило.

Со стороны действительно смотрится подозрительно. Немудрено, что Анита прицепилась.

- Во-первых, время там течет медленнее, - объяснила я. - Во-вторых, силу дали не просто так, а для дела, которое навязали в качестве условия. Иначе бы не отпустили.

- Но в итоге она ведь все равно делает то, что им нужно, верно?

Я отвернулась и схватила с ковра несколько деталек с пупырышками. Лучше собирать звездолеты, чем лишний раз себя накручивать. Выводы Влада меня пугали, но с фактами не поспоришь. Соня зависима от тех, кто желает Вестникам смерти. Оставалось надеяться - она справится и обыграет их, ведь у нее есть план...

Глава 9

Соня

В Москве слишком много всего: шума, движения, народа, эмоций и проблем. Но если не набиваться в метро, на Красную площадь, и не шастать где попало в час пик – получишь то, чего нет больше нигде: массу возможностей, стремительный ритм, круговорот событий и ярких впечатлений. И свободу. Да, именно свободу от паутины ненужных связей, которой опутаны маленькие города, где каждый кому-то друг, родственник или знакомый. Здесь легко затеряться, а это большой плюс. Особенно сейчас. Пока все идет неплохо: наличных я с карты сняла достаточно, Лейку в Потоке выловила и предупредила, про Инночку, к счастью, никому не проговорила. Хорошая девочка. Главное – внушаемая. Надеюсь, до сих пор считает нас дальними родственницами.

Хорошая девочка вопила на весь подъезд и долбила кулаком в дверь соседа сверху. Сзади топтался дед в растянутой майке и боевых совковых трико. Кажется, сосед снизу.

– Открывай! – Инночка развернулась, лягнула дверь ногой и заметила меня. Ага, узнала. Диван мой. – Представь, до первого этажа все залил. Поймаю – задущу. Козел!

Козел тихо дышал с той стороны двери и открывать не собирался. Умный... Я заглянула в Инночкину квартиру. По стене прихожей сбегали последние ручейки, теряясь в наспех набросанных на пол тряпках, пахло сырой штукатуркой и общежитием. Везет мне сегодня. Вот они, прелести недобитых хрущевек. Но на пару дней сойдет, а там уже и прятаться станет ни к чему. С Анитой мы договоримся, ведь у меня есть то, чего она хочет. Полным комплектом.

Бухнула дверь.

– Не могу больше! – Инночка щелкнула замком и с ненавистью посмотрела на потолок. Опальный сосед осторожно скребся, видимо, ликвидируя последствия аварии. – Второй раз за месяц топит!

Ее губа по-детски выпятилась, в воздухе заметались искры подступающей истерики. Этого еще не хватало. Впрочем, я знаю, что делать. Легкое внушение, заказанная по телефону пицца... Через час повеселевшая Инна сыто клевала носом перед компьютером, где вовсю бушевали сериальные страсти. Горел ночник, за окнами плескалась темнота, звенела смехом и музыкой. Сейчас бы туда, к жизни, ярким эмоциям и вкусной еде, но... Потом, все потом. Чаепитие в застенках инквизиции съело все бонусы, пора наведаться к спонсорам. Я свернулась калачиком в углу дивана, натянув повыше застиранный плед – если опять кровь вздумает хлестать, выброшу его на фиг, прежде чем Инночка начнет метаться и вызывать скорую.

Энергия... Сотканые из миллионов искр теплые волны. Плывут, качаются, манят. И я иду. Это приятно, до безумия: коснуться, почувствовать. Слиться с ними и нырнуть – далеко, в самую глубь. Свет. Мощный, неуправляемый и совсем не родной. Белизна окрасилась алым, заструилась шелком между пальцев. Что это? Гигантская простыня?

О... Сразу ясно, кто автор. Надо же, не простыня. Ковер. Роскошный, мягкий, устилающий огромную лоджию с рельефным бортиком. Высота потрясающая, внизу – бесконечные ряды кресел и сцена, наглухо затянутая тяжелым бархатным занавесом. Театр, значит. Лишь бы не балет. Мой мозг взорвется, если сейчас кто-то явится в лосинах и сделает фуэте.

Я с комфортом устроилась на длинном диване, полукругом опоясывающем лоджию. Сзади зашуршал ковер, по плечу скользнула ладонь.

– Есть успехи? – выдохнули в ухо.

– Есть проблемы.

– Сладкая, у кого же их нет...

Я слегка отодвинулась, в ответ выразительно хохотнули.

- Ну и? - В его голосе прорезались нотки нетерпения.

Что «ну»? Драматическая пауза! Сам виноват, театральные декорации на меня дурно влияют. Ладонь поползла с моего плеча выше - к шее... Я осторожно повернула голову вполоборота, якобы поправляя волосы. Хитрющий взгляд темных глаз следил за мной неотрывно, и в них плясали черти, с вилами. Ох уж эти черти, ох уж эти вилы, ох уж эта задница... Я покосилась ниже - не в лосинах. Жаль. Хоть посмотреть, раз уж не потрогать.

- Проверила четыре мира, - голосом пай-девочки доложила я. - Пока ничего интересного.

- У тебя еще целых сорок шесть попыток, - сказал он невозмутимо. - И все это никак не тянет на проблему, детка.

- Меня допекает одна организация.

- Неужто ЖЭК? - Его рука вдруг соскользнула прочь, оставив мою шею в покое. - Или свидетели Иеговы? Коллекторы? Ведущие программы «Необъяснимо, но факт»?

Занавес с торжественным шуршанием отъехал, открыв застеленную красной ковровой дорожкой сцену и парящий в воздухе экран, с которого жалобно улыбалась я, лепеча что-то в облепленный стразами микрофон. Крупные, с горошину, слезы катились по щекам, падали с экрана на сцену, выжигая дыры на ковровой дорожке. С пустых кресел прилетели бурные овации. Гад!

- Какие познания! - закатила я глаза. - Но мимо. Так называемый Совет. Контролируют вемов, якобы бдят интересы обычных людей и прочая возвышенная чушь.

- А... - равнодушно отозвался Тео. - Всегда такие были.

Ясно, в его представлении это тоже на проблему тянет. Экран потух, ковровая дорожка свернулась в рулон, сверкнув дырками. Овации сменились разочарованным свистом.

- Они вами интересуются. Ритуалом, жертвами, появлением новых миров.

- Пусть, - Тео перепрыгнул через диван и уселся рядом, закинув ногу на ногу. Хищное выражение на смуглом лице, иссиня-черные волосы до плеч, двухдневная щетина. Хорош, бандитская морда. - Не они первые. Ритуал... Назовут же. Это все?

Тон стал недовольным. Не ожидал ведь он всерьез, что я управлюсь так быстро.

- Я тут подумала... - неторопливо сказала я. Тео приподнял бровь. Поперек сцены протянулась белая простыня, по ней заскользили тени. Водящие хоровод сердечки с когтистыми лапами. Внизу пронеслось испуганное «О-о-о...». - Можно действовать методом исключения: убирать из списка подозреваемых тех, кто регулярно не отклонялся от плана. Нашла два похожих убийства: в обгоревшем доме и библиотеке.

- Библиотеке с кучей высоченных шкафов? Книги, книги, книги, дурацкий ковер?

- Да...

- А дом с заколоченными окнами и лестницей на три пролета?

Мозг отчаянно сопротивлялся, подсовывая надежду на невероятное совпадение.

- Только не говори, что это был ты!

- Ладно, не буду, - ухмыльнулся он.

Сердечки на простыне перевернулись вверх тормашками, превратившись в...

М-да! Зачет. У меня снова полный комплект подозреваемых.

- Идея мне все равно нравится, - не отступилась я. - Почерк можно проследить.

- Вперед, - подмигнул Тео. - Справишься, разрешим остаться с нами.

- Спасибо, отец родной. Только вот она что-то не захотела.

Простыня с треском разлетелась на части, сцену усеяло досками. Направленный на меня взгляд стал жестким и колючим, под стать щетине. Нарвалась, Соня. Знала ведь, что про их шестую лучше не говорить. Опаляющее щеку дыхание, требовательное прикосновение пальцев к подбородку. И все как на ладони – события прошлых дней, в подробностях, вплоть до каждой оброненной фразы. Но без мыслей и чувств. Хоть какой-то простор для маневра... Главное, что ему было нужно сейчас знать – я никому не проболталась.

- Ты все сделала правильно, - сказал Тео неохотно, будто что-то ему все-таки не понравилось, но он сам не мог понять, что именно.

Меняем тему. Причем срочно.

- В Совете сказали, что пытались помешать вам в прошлый раз. Кто тогда из ваших был?

- Базиль.

Да чтоб его! Сглазила меня Анита, не иначе.

- Мне надо знать, что случилось в тот раз. Очень надо.

- Софи, это легко устроить, - усмехнулся Тео и провел большим пальцем по моему подбородку.

Энергией переполнило до краев, бросило в жар, словно в кипяток окунуло. Дыхание остановилось, время тоже. Очутилась на сцене, в ухо дунул тромбон на ножках. Кресла развернулись, кинулись врассыпную кто куда. На голову опустился занавес – тяжелый, удушающий, взвился серой воронкой. Танец кривых линий, шипение. Перед глазами пронесся чертов лабиринт, при всем желании не заблудиться – вытолкнуло вон. Все завертелось, смазалось, превратилось в сплошное пятно.

Я осторожно открыла глаза. Сумеречный лес, журчание реки, хижина за кустами. Ё-мое... Спасибо, Тео. Хотите знать, сколько зубов у тигра? Подойдите и пересчитайте. Хотите знать, что случилось с Базилем? Идите и спросите. У него. Самого. Лично. Нет уж, лучше тигр...

Вырвался нервный смешок, пожалуй, слишком громкий. Захотелось спрятаться, как в детстве. В коробку из-под телевизора, переделанную мамой в домик для Барби. Мы покрасили его остатками краски для батареи, вырезали дверь, окна, повесили занавески из носовых платков. Крышу склеили двускатную, с трубой, расчертили ее в клетку. Когда закончили, я поняла – к черту кукол! Вытащила оттуда розовую пластиковую мебель, забралась в коробку и заявила, что сама тут буду жить. Мама рассмеялась. Накрыла меня крышкой и сказала: «Все, ты в домике».

Я знаю, это я виновата в ее смерти. Даже можно сказать, что убила. Если бы не дар и то злосчастное перекидывание в Лектум – не было бы никакой аварии. Я могла бы вечно прокручивать тот момент в голове и убиваться, раз за разом, год за годом. Поначалу так и было. Но потом я решила жить, просто жить дальше – и за себя, и за нее.

Так что вперед. К хижине, задавать вопросы, которые ее хозяину наверняка не понравятся. Переживет! Главное, чтобы пережила я...

Тропинки не было. Под ногами шуршала трава, я аккуратно пробиралась сквозь кусты, стараясь не остаться без платья. Интересно, как сам хозяин попадает домой? Так же? Понятно тогда, почему такой злой. Постоянно ходить с оцарапанной рожей – озвереешь. Дверь поддавалась, протяжно скрипнув. В полумраке единственной комнаты тускло горел ночник, освещая медвежью шкуру посреди пола и оскаленные морды чучел на стенах. Хозяин отсвечивал где-то далеко внизу, видно, от радости настолько обессилел, что подняться и встретить не смог. Ладно, сама доберусь, как только пойму куда просочиться. Я осторожно потыкала в носы-зубы-глаза настенного зоопарка – ничего не отъехало и не открылось, сдвинула шкуру, нащупала холодное металлическое кольцо. Есть! Дверца подвала с лязгом откинулась, дохнуло холодом и сыростью. В крошечную

тému уходила ветхая лестница в мокрых багровых пятнах. Что я там про маньяка говорила?.. Рассохшиеся ступени прогибались и поскрипывали, из глубоких ниш сквозь стекла банок лупоглазо таращились заспиртованные лягушки, ящерицы и еще какая-то трудноопределимая пакость. Лучше бы фантики собирал, ей-богу! В отдельной нише висел выцветший медальон на длинной ржавой цепочке, под ним лежала толстая потрепанная книга с погрызенными уголками. Я с любопытством протянула руку. Наверху неожиданно бабахнула, захлопываясь, крышка люка, издав эхом прилетел вой. Ночник выскользнул, запрыгал по ступенькам и со звоном разлетелся на куски. Навалилась темнота. Запахло так, будто рядом кто-то сдох. Давно. И не один...

Куда теперь? Обратно? Ну нет! Шаг за шагом... Лестница кончилась, под ногами хрустнуло стекло погибшего ночника, рука уперлась в стену, на ощупь холодную, сплошную. Достал! Прячется как старая дева в казарме гусарского полка. Я от души пнула каменную кладку. Раздался скрежет, стена отъехала, глаза резанул ослепительный свет... Просторный лифт поблескивал зеркальными панелями, мигала единственная кнопка вызывающе красного цвета. Надеюсь, не катапульта. Я вошла и ткнула в нее, лифт рванул вниз. Юбка надулась колоколом, в ушах зазвенело.

Через несколько секунд лифт замер, открылся проход в стерильно чистый коридор, залитый мерзким белым сиянием. Он был пуст, напичкан литыми электронными дверьми и окнами от пола до потолка, за которыми тревожно горели какие-то кнопки, вспыхивали строчками плоские мониторы. Под стеклянными колпаками шевелились мухоловки-переростки, дремала многоножка в розовом панцире – помесь гигантской кровати с тараканом, плавали огрызки желе, вздрагивающие, будто их тыкали невидимой вилкой. Все выглядело таким настоящим, словно я пришла в кинотеатр и угодила по ту сторону экрана. Коснись, пощупай, понюхай – полный набор ощущений. Тут что угодно возможно. Стоит лишь захотеть.

В четырнадцать, когда я впервые попала в Поток, это было мое первое желание, естественное и самое заветное. Создать свой мир, и чтобы ничего не исчезало, не рассыпалось, как потерянный поутру сон. Чтобы существовало, пахло, жило – со мной, для меня. За границей можно сотворить все, что придет в голову. Кроме людей. Здесь картинки вечны, пока не сотрешь, не разрушишь. Не переделаешь сам, заново. Это чудесно. Волшебное... И абсолютно мне недоступно. Нужно быть частью Потока, неременное условие.

Я прилипла к очередному окну. Похоже на гигантский пульт охраны. На сотне мониторов плескался лес, еще на нескольких – протоптанная мною тропинка, помятые кусты, шипастая ветка с клочком чего-то подозрительно пепельного. Ё-моё!.. Я ощупала юбку – так и есть, дырка. Хижина с разных ракурсов снаружи и внутри, вид на каждую оскаленную морду на стене, крупно – на медвежью шкуру. Лестница сверху донизу, разбитый ночник у стены. Ну, пусть счет выставит! Лифт, каждый метр коридора, мое лицо за стеклом, во весь монитор... Записи с камер были четкими, в углу в обратную сторону отщелкивали таймеры, неотвратимо приближая... Что? Стекло странно запотело, капли набухли, задрожали и потекли багровыми слезами. Я отскочила, в затылок дохнуло холодом. Нашелся... Теперь бы запасную жизнь, а лучше две. Нацепить глупую улыбку, медленно повернуться.

– Так и не дошло, что тебе тут не рады? – спросил Базиль хмуро.

– Мне надо, – сказала я тем тоном, в котором никак не заподозришь наглость, только дурость.

– Тебе постоянно что-то надо.

– Я ненадолго.

– Это точно.

Стекло звучно треснуло, камеры разом зарябили. Откуда-то снизу засочился дым ядовитого зеленого цвета.

– Между прочим, – протянула я обиженно, – сами же меня послали вашу проблему решать.

– Погорячились, – насмешка во взгляде читалась даже сквозь фирменный прищур. – На редкость идиотская идея. Что ты сделаешь-то? Может, эта дрянь в Африке, в племени людоедов. Среди пиратов в Сомали. Или оленей гоняет на Крайнем Севере.

По окну угрожающими узорами ползли глубокие трещины, дым лизал щупальцами пол. На потолке замигали красным лампочки, как при тревоге. Хреново. Его мир – его правила, защиты у меня нет, хоть сто раз убеждай себя в нереальности происходящего.

– Не знаю, кого и где она гоняет, – улыбнулась я, добавив в голос немного интеллекта, – но целый год поймать не можете, видимо, помогает кто-то. А одна организация, которая вас сильно любит, внезапно окопалась в России. Совпадение?

Базиль изогнул густую бровь, отчетливо мелькнула заинтересованность. Стекло каким-то чудом удерживалось в раме, дым клубился на месте.

– Все та же? – осведомился он.

– Да, – кивнула я, стараясь не коситься на чертово окно. – В этот раз уверены, что справятся с вами. Что у тебя с ними тогда произошло?

Базиль хмыкнул, развернулся. И зашагал прочь по коридору. Я умоляюще выдохнула в удаляющуюся спину:

– Ну, Баз...

– Бесконечность не предел, – ехидно отозвался он.

О как! Пять тысяч лет птеродактилю, а мультик знает. Впрочем, поглощая в ловушках сознания без остатка, можно многое узнать из чужих воспоминаний. А уж этот дотошный, все вывернет и вытащит.

– Особое приглашение нужно? – донеслось из-за угла.

Нет-нет, уже бегу. Подальше от этой ядовитой фигни, что трется об окно.

Лампочки мигали, заливая все вокруг кроваво-красным светом, в конце коридора в полукруглом проеме плескалась беспокойная поверхность вертикально стоящей темной воды. Звездные врата, ментальная версия! И что за ними? Космический звездолет с пьяными пилотами в ушанках? Планета роботов-пылесосов?

Секундное парение, шелест холодных волн... Я осторожно открыла глаза и попятилась. Просторное помещение, утыканное десятками компьютерных столов, всюду неровные стопки распечаток, фотографии котиков в рамках, кружки с недопитым чаем, залитый остатками заварки лысый фикус в углу. Прищемленное в наспех задвинутом ящике вязание, брошенная на спинку стула шаль, очки на столе. На обклеенных стикерами мониторах заставка с логотипом компании – перевернутая буква «Б» с нижним подчеркиванием. О-хре-нет... Хижина маньяка в лесу, секретная лаборатория, космический портал. И в конце этой цепочки обычный офис?! А Базиль знает, что у него с головой не все в порядке?..

Я рухнула на первый попавшийся стул, сложила руки на коленях и опустила глаза. Все! Буду молчать, пока сам со мной не заговорит. Сколько бы времени ни потребовалось. Реакции у этого офисного принца непредсказуемые, взбесится – вылечу отсюда как проштрафившийся менеджер по продажам. Пауза затягивалась, я гоняла мысли по кругу, подавляя желание прокричать невежливое: «Ну-у-у?!». Что мне уже известно? Последний мир возник в верхнем Потоке в 1925 году. Без характерных энергетических встрясок, ближе всего к поверхности. Почему? Неизвестно. Миры появляются на разной глубине, независимо от времени создания. Скорее всего, дело в силе вспышки, а она зависит от каждой конкретной девочки. Первородный мир отпечатался ниже всех, та малышка задала жару. А последняя, видимо, оказалась самой слабой. Ржавые поезда, поросшие жухлой травой рельсы, полуразрушенные стены – сквозь плющ с трудом разберешь, что кирпичные. Кривые прутья забора, пролезешь между ними – попадешь в точно такое же депо. И нестихающий гул надвигающегося поезда. Сколько искала – не нашла, да и взялся ему там неоткуда. Но мало ли, на что способна фантазия испуганного ребенка... Может, с запущенным сценарием и приехал бы.

– Что в Совете от тебя хотели?

Наконец-то!

– Им нужна была информация о вас. Любая, – послушно ответила я, поднимая взгляд. Базиль слегка покачивался в кожаном офисном кресле, весь вид которого вопил: «здесь сидит начальство». – Они знают, что переброс энергии между Поток и реальностью возможен. Но считают, что речь идет о создании нового мира.

– То есть, мы даем кому-то силу и отправляем копировать кусок реальности?

– Нет. В Совете сообразили, что появление мира – лишь следствие. Упоминали жертвы. Судя по всему, думают, что раз в столетие вы отправляете людей совершать ритуальные убийства.

Он фыркнул и оттолкнулся ногой. Кресло описало полный круг и снова замерло.

Да уж. Знаки, ритуал, убийства. С виду – мистика мистикой. А на самом деле... Никого они за этими девочками не отправляют, сами справляются. Поймали вема в ловушку, сознание сожрали, а тело взяли напрокат. Погонять. С оговорками и ограничениями, но все же. Переброс энергии как он есть.

– Почему Совет так близко подобрался к истине? – осмелела я. – С последней девочкой возникли какие-то проблемы?

– С ней – никаких, – равнодушно зевнул Базиль. – А вот с Германом...

Герман? А, ну да. Как же, знаю. Тройка, семерка, туз. И брехливый призрак старой графини.

– Почти сотня лет прошла, – осторожно сказала я. – Кто был Герман, уже никто и не вспомнит.

– Ошибаешься. В Совете помнят отлично.

Видимо, так же отлично это скрывают. Впервые слышу.

– Сначала за ней Крис отправился, – отрешенно сказал Базиль. – Она жила в мелком городке, север Франции. Поблизости подходящий объект был один – тот Герман.

О как, «объект». Качественно он в роль вошел со своей научно-шпионской лабораторией.

– Потом уже выяснилось – тип скандальный, на особом учете у Совета. Все выдохнули с облегчением, когда он скакать и крушить чужие мозги перестал и залег овощем на годы у матери под присмотром. А тут встал и куда-то пошел. Следили за ним пристально. Не дошел.

– А Крис?

– Крису по-тихому ретироваться военная гордость не позволила. Разнес половину квартала вместе с жителями, схлопотал от впечатленного Совета пулю в затылок. Вернулся, сказал – не вышло. Ну, и раньше бывало, что с первого раза не получалось.

– И потом пошел ты.

– Мой объект был ближе остальных, – пожал плечами Базиль. – В соседней провинции. Окольными путями до нужного городка доехал. Мелкая та любила в развалинах депо лазать, приключений искать. Что ж, нашла. Стены высокие, железяк полно. Немудрено было шею сломать...

Идиоты! Бессмертие напрочь отшибает мозги. И чувство самосохранения заодно! Доигрались в богов, какая тут осторожность. Конечно, Совет просек, что два оживления ловушечных овощей в одной стране – не совпадение, появившийся в Поток мир тоже. Вот откуда у их теорий ноги растут. Остальное – результат столетнего сбора информации, об архивах Совета легенды ходят.

– С тех пор они попавших в ловушку по своим клиникам рассовывают и следят, – вслух

подумала я. – То-то вцепились в меня хваткой бультерьера...

– Ты все еще тут? Что-то еще надо?

– Подумать, – честно ответила я, хватая ускользающую мысль за хвост.

– Не здесь, – отрезал Базиль, крутанулся вместе с креслом и чем-то защелкал. Надеюсь, не зубами.

Из потолка выехала жужжащая труба, смахивающая на огромный раструб пылесоса. Так. Заткнуться, не визжать и не дергаться. Хрен ему, а не бесплатный цирк. Зверский свист в ушах, калейдоскоп мутных кругов... Вышвырнуло в кучу листьев, посреди угрюмой поляны. Где-то сердито ухала сова, в просветы между кронами деревьев лезло яркое солнечное небо, из косого среза пня торчал топор. Парило, как перед грозой. Внимание, вас снимает скрытая камера. Я встала, неторопливо отряхивая платье. Как там раньше этот цвет назывался? Пепел роз?

– Какой вид, – томно сказала я голосом абсолютной блондинки. – Позагорать, что ли...

Уцепилась за юбку и задумчиво поволокла ее вверх, продолжая восхищаться травкой, птичками и цветочками. Пусть у этого говнюка от сладости все слипнется! Невдалеке щелкнуло, долетел приглушенный смешок. Раскусил-таки. Я вежливо поклонилась. Представление окончено, задерживаться в нижнем Потоке причин больше не было. Ни одной!

До границы оставалось рукой подать, виднелся край мира. В буквальном смысле. Размытый белым туманом горизонт, переходящий в сплошную молочную белизну. Непрорисованная часть, которая понемногу схлопывается с каждым столетием. Сейчас прямо, ей навстречу... Яркость зашкалила, все стало чуждым, бесконечным, с привкусом глухой безысходности.

Вдох, выдох. Широко раскрытые глаза, выкинутые из головы мысли – все оптом, даже самые безобидные. Чтобы ни одна не сбила. В светлом мареве проявилась картинка: неприступные массивы энергии, сотни беспорядочно петляющих дорожек, повороты, повороты, повороты... Лабиринт, мать вашу. Теперь-то я знаю как через него пройти. Никаких петляний и расчетов. Рывок чистой, полученной от Тео силы, осколки вдребезги разбитых препятствий. Только вперед! Пространство шуршало, скакало серыми полосами помех на телевизоре. Наконец, темнота. Линии сливались, скручивались в огромную воронку, бешено выплывали на краю бездны. Я пришла. Вот – граница двух частей Потока, выстроенный тысячелетия назад портал. Всегда далекий, хоть подойди в упор, окатывающий холодом, словно распахнутая настесь морозилка. Когда-то я в него входила, понятия не имея, что меня ждет с той стороны. Но страха не помню. Любопытство было сильнее. Шаг, линии паутиной окутали сознание. Потеплели, бросило в жар. Пропускают. На выходе я обернулась – та же воронка, но без лабиринтов и белой прослойки пустоты. Раньше в ее недрах прятался первородный мир. Не так давно выплыл, не удержался – граница-то снова сместилась. Какой же силой нужно обладать, чтобы заставить ее двигаться?..

В верхнем Потоке дышалось легче, энергия текла плавно и размеренно, откликаясь на каждое прикосновение. М-м-м... Как дома. Кстати, о доме. Сил полно, кровяшка вроде не хлещет, спать не хочется.

Волны искр послушно заструились, понесли за собой. Горячая вспышка, разлитая всюду зелень. Поляна. Запах солнца и клевера, густая трава с крапинками желтоглазых ромашек, брызги колокольчиков. Со всех сторон холмы – заросшие, огромные, усеянные редкими домишками. На ветру поскрипывают крылья мельницы, лениво блеют овцы. Непроходимо тупые, то жуют, бессмысленно плясая, то заголошно несутся всем стадом, задрав хвосты и трясая жирными курдюками. Большая собака лежит у перекошенной телеги, положив морду на лапы, и сколько ни оттаскивай, обязательно молча вернется на место. Между кривых оглобелей мохнатая лошадь с отвислой губой. Неподвижная, статуя практически, только глаза живые. Дико злые, блестящие, черные. Последний мир со сценарием, самым длинным и невыносимо скучным. Ничего тут не происходит, только скрипит крыльями мельница. Сначала тихо, потом громче, громче, в конце уже душераздирающий не то свист, не то гул, и на пару секунд холмы погружаются в непроницаемую тишину. А потом все раскачивается заново.

Я подошла к телеге. Лошадь буравила взглядом пустоту перед собой, тоненько поскуливала собака. Замереть, прислушаться. Почувствовать. Шуршание воображаемых страниц, горечь вспыхнувших в памяти мгновений. Лана, пятнадцать лет... Страх. Выматывающий душу, мутящий разум. Липнет, оплетает сеть. Не выбраться. Это было давно, очень давно и долго. Хрипящая лошадиная морда в клочьях пены, незнакомец на телеге... Удар, скрежет, давящая боль, собачий визг. Трудно дышать, в груди жжет. Телега нависает неподъемной машиной, прижимает к земле. Он не собирается помогать, надвигается тенью, смотрит испытующе, со странным предвкушением. Вдыхать все сложнее. Вертится мысль – родители, дядя или соседи прибегут, они ведь слышали крик, не могли не слышать. Почему-то тихо. Будто нет никого вовсе: крутится мельница, блеют овцы да скулит собака. Каждый вдох как пытка. Телега урывками дергается, словно ее, наконец, пытаются сдвинуть, но после давит сильнее., Чужой пристальный взгляд пронзает насквозь. Дышать становится невозможно, и нечем. Очередной толчок сверху, грудь обжигает холодом. Внутри что-то хрустит, растекается спасительной прохладой. Звуки сливаются, остается только скрип мельницы, и ничего кроме...

Я осела на траву, жадно вдыхая полной грудью, отталкивая прочь остатки недосмотренных воспоминаний. Вашу ж... Что это было?.. Собака положила мохнатую голову набок, холмы накрыло плотной, почти осязаемой тишиной. Да... Лана-Лана, не повезло тебе совсем. Конечно, все эти девочки изначально приговорены, но... Зачем было убивать ее так?! И еще, судя по всему, половину окрестностей за компанию прихватывать? Можно порадоваться лишь тому, что это точно не Тео. Его-то почерк я выяснила. Что до остальных... Фу, вот ведь кто-то больной урод. Зато ясность полная – он не тот, кто мне нужен, а активные миры закончились. Значит, придется запустить еще сценарий... Понять бы где.

Холмы растворились в волнах энергии, вместе с бессмысленными овцами, мельницей и гребаной телегой. Закрутился вихрь искр, все смешалось. Отпечатки предсмертных роковых вспышек выстроились зеркальным коридором. Пятьдесят отражений одного и того же, но такие разные. Отсюда их лучше видно. Как склеенный из перегоревших спичек небоскреб, и каждый этаж – мир. Запущенных сценариев было не пять... Захотелось протереть глаза или проверить – не помешалась ли я случаем. Тест там психологический пройти, или два, картиночки в кляксах поугадывать. Всмотрелась в зеркальный коридор – нет, не ошиблась. Их восемь, активных миров: лес с кроликами, средневековый город и джунгли. И какого... За десятки столетий активировали пять миров, а за жалких несколько лет – три?!

Кто, черт возьми, кроме меня, вляпался в эту паршивую историю?..

Глава 10

Лейка

В окно щедро лился утренний свет, в косых лучах низкого солнца плясали пылинки. Обманчиво теплого, осеннего. Кожаный белый диван холодил спину даже сквозь свитер, спать не хотелось, но бессонная ночь тяжелой мутой туманила голову. Уютно пахло свежим кофе. Марьяна чудесно его варит, и подает обычно в крохотных прозрачных чашечках с золотыми ободками, мне же принесла в большой кружке. Помнит... Обжигающую горечь с едва ощутимым привкусом корицы цедить по глотку одно удовольствие.

Я позвонила Паше ни свет, ни заря. Сказала, что встречалась с Хранителем, а еще хочу обсудить, как помочь Соне. Он немного помолчал и предложил приехать к нему. В офис. За четыре года тут совершенно ничего не изменилось. Те же безликие папки-близнецы и номера банковских журналов, отсвечивающие нетронутым гляncем, та же награда в рамочке «За лучшее банковское премиальное обслуживание года», и тот же хозяин, распекающий сейчас кого-то по телефону жутко начальственным тоном.

Паша откинулся на спинку кресла, наконец положил трубку и устало потер лоб. Все заранее заготовленные, тщательно подобранные слова разом вылетели из головы, оторвать взгляд от кружки не получалось. Будто приклеился.

С тихим шуршанием отодвинулось кресло, раздались шаги. На прозрачный столик упал край тени. Так, надо срочно брать себя в руки! Пока еще кто-нибудь не позвонил, или не заявился. Я подняла глаза. Паша стоял у дивана, небрежно склонив голову набок, и излучал ту абсолютную уверенность, которая блестяще удавалась ему всегда, независимо от обстоятельств.

– Давай по порядку, – сказал он, уже без властных интонаций, и сел ко мне на диван. Вроде бы рядом, но совсем не близко.

Я отставила кружку на блюдце. Глухой стук в тишине кабинета показался неожиданно громким.

– Я была в первородном мире... опять.

Паша удивленно приподнял бровь, но промолчал.

– В этот раз я видела... То есть, Вестник показал мне. Она показала. Свою смерть, и многое, что было до того, даже кое-что из детства.

Накатила тревога, словно я снова стояла у костра, а под ногами струилась густая непроглядная тьма. Черт!

– Погоди, – нахмурился Паша. – Хочешь сказать, миры хранят часть их сознания? С воспоминаниями?

Я кивнула. Понял... Даже так понял.

– Что ж, логично, – обронил он. – Вестник создает мир своей энергией, посмертно. Должно остаться что-то еще, кроме последних минут жизни.

Частичка разума? Душа? Думать об этом не хотелось. И знать тоже. С Артемом такого не случится. Никогда!

– Что именно ты видела? – спросил Паша с терпеливым ожиданием, сквозь которое отчетливо просвечивало беспокойство.

Да я двух слов сейчас связать не могу, где уж тут детально пересказать вчерашнее, ничего не упустив. Впрочем...

– Я покажу...

Он заинтересованно хмыкнул, стопроцентный отклик послужил согласием. Глубокий вдох, вспышки чужих воспоминаний. Перенаправленный поток, общие, хлынувшие в сознание картинки, одни на двоих. Рассказанная сотни раз дедом старинная легенда, чувство неправильного жара в тех людях, который так необходимо погасить, темный зал пещеры заброшенного города. Боль, раскаленный энергией воздух, холод металла... Я пережила это снова. Но теперь не одна.

Его ладонь лежала поверх моей, осторожно, почти невесомо. Лавина образов иссякла, на столе едва слышно заливался телефон. Прикосновение становилось осязаемым, неуловимо тепло. Паша убрал руку и отошел к окну. В солнечном свете его рубашка показалась ослепительно белой, но немного мятой, наметившаяся щетина выглядела непривычно. Коротко стриженные волосы блестели влагой, будто их недавно в спешке пригладили в туалете. Домой-то вчера вообще заезжал? Телефон стих, напоследок мигнув экраном. Я торопливо схватила кружку и допила оставшийся глоток кофе.

- Ты понимаешь, что это значит? - сосредоточенно спросил Паша.

- Не все, - призналась я, разглядывая кофейную гущу на дне. - Неясно куда делась их шестая. И почему Вестники раньше были девочками.

- Вывод неверный, - он покачал головой. Конечно. Одному вопросы задаю не те, другому ответы не нравятся. - В любом мире можно проверить подобное. Пообщаться с погибшим Вестником, вытащить историю его жизни, покопаться в причинах смерти. Были бы силы. Это открывает интересные возможности... Соня ведь говорила тебе, зачем ее вернули?

Вчера в сквере Паша не мог не заметить, что Аните я на этот счет солгала. Но с ним нет смысла темнить.

- Ее отпустят, если выполнит условие. Проверит что-то в верхних мирах.

- Это связано с Вестниками. А ты в курсе, для чего их ищут.

Что?! Он это серьезно?..

- Лейка, вдумайся! Что еще можно проверять в мирах? - рассердился Паша. Наши взгляды встретились, стало ясно - серьезно. Серьезнее некуда. - Соня их выучила вдоль и поперек. А вот если связаться с почившими Вестниками, в перспективе можно многое о них разузнать. Больше известно о враге - проще разыскать.

Внутри разлился холод. Такой, что не спасали ни выпитый кофе, ни проникающее сквозь стекло солнце.

- Ты ошибаешься, - голос предательски дрогнул. Я замерзла, просто замерзла... - Это разборки бессмертных. Один из них использует Соню, чтобы вычислить, кто из остальных четверых творит некое непотребство.

- Разногласия в коллективе, - задумчиво протянул Паша. - Это хорошо. Потому что они касаются Вестников. Но при любом раскладе Соня не на нашей стороне.

- У нее нет выбора!

- А если у тебя будет? Между ней и Артемом?

Желудок сжался в тугую комок, вытесняя кофе.

- Нет, - я с усилием сглотнула, выдержала пристальный, требующий ответа взгляд. - Она никогда не заставляла меня выбирать.

Паша пожал плечами и отвернулся к окну.

- Давай не будем забегать вперед, - тихо, но твердо сказала я. - Сейчас надо помочь Соне. У нее условия от одного из пятерки, которые нельзя не выполнить, а теперь еще и Совет на хвосте.

Паша дослушал с напряженным вниманием, не отрываясь от окна, даже со спины

излучая уверенность в своей правоте.

– Лейка, она просила тебя о помощи?

– Нет...

– Вот и не лезь. Лучшее, что мы можем сделать – это ничего. Запомни. Ни-че-го. Не зная всех условий, можно только помешать. Уж кто, а Соня точно нигде не пропадет. Сейчас у нее дар с супербонусами, денег хватит на месяц вперед. Попросит нас о чем-нибудь, тогда и обсудим.

– Может быть поздно. А я не хочу, очень не хочу опять ее потерять.

– Есть вещи, на которые ты не можешь повлиять, – отрезал Паша, всматриваясь в раскинувшийся с высоты одиннадцатого этажа город. – Она взрослая девочка. Сама в состоянии принимать решения. – Он медленно обернулся. – И сталкиваться с последствиями того, что сделала.

Я выдохнула, пытаюсь разрядить невыносимо плотный воздух. В приемной дробно процокали каблуки, дверь бухнула о стену, и в кабинет влетела Кира с совершенно круглыми глазами. Марьяна как ни в чем не бывало продолжала печатать на компьютере, Паша и бровью не повел. Привыкли...

– У вас проблема, – объявила Кира. Плотно закрыла дверь и плюхнулась на диван. – Хотя, учитывая, что создала ее я, можно сказать, что у нас.

Я замерла, боясь даже гадать, что сейчас услышу. Паша сложил руки на груди, напряжение в кабинете настойчивым тонким звоном заскреблось в уши.

– Соней интересуется полиция, – выпалила Кира.

Час от часу не легче. Совет натравил? Нет, им огласка не нужна.

– Почему? – выдавила я, предчувствуя самый паршивый из вариантов. – И при чем тут ты?

– Да фигня полная... – Она поерзала на диване. – Вчера допоздна Рома какие-то записи на ноуте гонял, один кусок перематывал сто раз. Мне любопытно стало, что там. Подошла сзади, гляжу – а он Соню рассматривает. Ну, я ляпнула это... Вслух...

– А только потом уточнила, что за записи, – угрюмо закончил Паша, – и с чьих камер.

– Да откуда я знала? – взвилась та, но голос был виноватый. – Про ее вчерашние подвиги была ни слухом, ни духом, а Рома – терроризм...

Слово острым клином вбилося в сознание. Терроризм – это серьезно... Анита упоминала, что по официальной версии в здании якобы распылили некий газ. И полиция тогда приезжала разбираться. Черт!

– Сбой в работе сарафанного радио? – съязвил Паша. – Ты – и не знала. Теряешь хватку!

– Что сказал Саутин? – перебила я. – Выкладывай подробнее!

– Ну-у... – Кира поправила очки. – Я пыталась отмазаться, что ошиблась и, наверное, это не Соня. Не прокатило. Рома намертво вцепился, вспомнил, что это я ее в клинику устроила, завалил вопросами. В общем, она под подозрением, не найдет ее для разговора, может вызвать тебя. Ты последние полгода счета из клиники оплачивала.

Я откинулась на спинку дивана, помассировала виски. Ладно, все не так уж скверно. Ну, была Соня в офисе в тот момент. Что с того? Много кто был.

– Что за утро... – Паша смерил Киру фирменным уничижительным взглядом. – То идиоты, которые делают косячную рассылку по vip-клиентам в пятницу на ночь глядя, то ты.

– Какой начальник, такое и утро, – фыркнула Кира, приняв оборонительную позу. – Надо вовремя информировать причастных лиц. Во избежание подобной хрени! Мог рассказать мне вчера про Соню. А я что от тебя весь вечер выслушивала? Шарик над аркой

повесили некорпоративного цвета. О! Проблема проблем! Да чтоб их всех полопало!

Я вновь уставилась на кружку, испытыв легкий укол зависти. Никогда не умела ему в том же духе отвечать.

– Не нервничай так, – Паша заботливо уставился на плоский Кирин живот. – Вредно ведь. Может, хочешь в декрет пораньше?

– Достал, – закатила глаза Кира. – Сейчас прямо тут рожу. Вот на этом диване!

– И все равно его не получишь.

– Жлоб!

Начинается... Вмешиваться бесполезно, переживать – тем более. За три месяца прочно выучила – их перепалки могут длиться вечно. Подозреваю, что обоим это просто нравится! Забрав кружку с блюдцем, я поднялась с дивана и шагнула к выходу. Само собой, никто не обратил на меня внимания.

– Да он в твой кабинет не влезет! – ухмыльнулся Паша.

– Конечно, – радостно ответила Кира. – Но я согласна поменяться!

– Может, тебе еще бассейн поставить сюда? С надувными уточками! Я прослежу, чтобы они были корпоративного цвета.

Я прикрыла за собой дверь, крики слегка приглушило. Каждый раз одно и то же... Детский сад! Марьяна понимающе улыбнулась, забрала у меня посуду и заварила еще кофе. Уютно устроившись в кресле, я прикрыла глаза и медленно пила ароматную горечь. Согреваясь, успокаиваясь... Что толку в панике бегать кругами? Соне от этого помощи никакой. Лучше свяжусь с Анитой, выясню, что говорить полиции. Замять эту историю в интересах Совета, должна помочь.

Кружка во второй раз опустела, за дверью кабинета все стихло, воздух перестал сочиться искрами гнева. Марьяна моментально уткнулась в монитор, в приемную вылетела Кира. Как ни странно, без дивана.

– Лейка, прости, – прошептала она совершенно искренне. – Не ожидала, что так с Соней выйдет. Ступила по-страшному, да...

– Ничего, – улыбнулась я, вертя в руках еле теплую кружку. – Рома все равно бы ею заинтересовался. И сам позже выяснил имя. А сейчас я хоть заранее предупреждена.

– Буду следить, чтобы не усердствовал, – с облегчением пообещала Кира.

Цапнула со стола Марьяны вазу с булочками и умчалась с бодрим цокотом. Та проводила ее взглядом, невозмутимо вытащила из шкафчика точно такую же вазу и поставила взамен похищенной. Вот уж где точно отработанный ритуал...

Из кабинета доносился Пашин голос, вкрадчивый и предельно вежливый. Уверенный тон, короткие паузы. Видимо, клиент. Я поставила кружку на стол, глубоко вдохнула, надеясь уловить почти рассеявшийся кофейный аромат. Ничего не делать, значит... Постараюсь. Вдруг Паша не ошибся? И в итоге все будет хорошо.

Дома меня ждал только что проснувшийся Артем и сваренная Ниной каша, очень полезная для здоровья. Остывшая, серая, монолитная. В раковине сиротливо жались друг к другу две тарелки с ее почти нетронутыми останками, зато вишневый пирог загадочным образом испарился из холодильника вместе с блюдом, а на столе валялся облепленный крошками нож. Из Ариной комнаты доносилось многоголосое сытое ржание, бухала музыка. Нина в прихожей договаривалась с кем-то встретиться в кафе, Артем тихо стоял за моей спиной, и голод в нем боролся с ужасом. Ясно. Здоровья в этой семье никто не хочет. Особенно такого... липкого. Через полчаса рыжий сорванец уплетал омлет с помидорами, а я рассказывала ему о Нири и о том, как она управляла своей силой.

– Круть, – Артем завистливо вздохнул и отодвинул опустевшую тарелку. – Лейка, ты не

видела, на чем тренировалась Нири?

– Нет, – я собрала грязную посуду и пошла к раковине, – но точно не на соседях. И рыб в аквариуме не глушила!

– Хм... – он хитро улыбнулся, ковыряя пальцем стол. – А у нее репетиторы по немецкому были?

С хохотом увернулся от тряпки и умчался на занятия. Шутник!

Полезная для здоровья кашка намертво присохла к тарелкам, не поддаваясь ни губке, ни ногтю, ни металлической мочалке. Осталось попробовать разве что жидкость для снятия лака. Что Нина туда сыпанула? И где взяла этот рецепт? В магазине стройматериалов?

Кончики пальцев щипало, пахло мятой и лимоном, на полотенце росла кучка чистой посуды. Я пристроила последнюю тарелку и вытерла руки, поглядывая в сторону кастрюли с остатками завтрака. Нет, пусть Нина сама думает, что с ним делать. Вдруг решит вечером доест? В Ариной комнате смолкла музыка, шумная толпа с топотом проскакала по лестнице и высыпалась на улицу, хлопнув дверью. В наступившей тишине стало слышно, как в прихожей придушенно звенит телефон, забытый в кармане. Ой... На экране высветились пять пропущенных вызовов со смутно знакомого номера и сообщение с просьбой приехать и ответить на несколько вопросов по поводу Софии Максимовой. В три часа. С уважением, Роман Саутин. Вот как... Скупое, вежливо, официально. Одно радует – значит, Соню они пока не нашли. Я с облегчением выдохнула и набрала Аниту.

Гудки... Гудки...

– Лера? – наконец-то отозвались на том конце провода, – что-то случилось?

– Надо поговорить. Срочно.

– Встретимся через час, пиши адрес.

Такси довезло меня до стилизованного под парусник полупустого кафе на набережной недалеко от офиса Совета. В запасе оставалось еще двадцать минут, я не спеша пошла вдоль парапета, стараясь не думать ни о чем. Сквозь низко нависшие свинцовые тучи пробивалось солнце, рассыпаясь бликами по воде. Темной, бездонной, даже на вид ледяной. Было тихо, спокойно и из людей почти никого. Не заметила, как добрела до сквера. На одной из скамеек за облетевшими кустами сидело трое: Анита, женщина средних лет в тюрбане из шерстяного платка и брюнет с бакенбардами и наглухо заколоченным энергетическим барьером. Тот самый, которого старушка побила. Многовато их тут с иммунитетом. Видимо, Совет укомплектовал российский филиал по полной программе. Похоже, Соня права в своих подозрениях, и они действительно явились в Россию неспроста.

Я развернулась и быстро зашагала обратно. Нырнув в кафе, заняла угловой столик возле окна, повесила плащ на спинку стула и открыла цветное гляцевое меню.

– Здесь чудесные пирожные, – раздался над ухом радостный Анитин голос. – Как у вас говорят, пальчики оближешь?

– Да, – отозвалась я, – но лучше вымыть...

– Вот самое вкусное! – Розовый ноготок в блестках пробежался по строчкам меню и ткнул в одну из фотографий. Там красовался слоеный монстр, утонувший в креме. – Внутри клубничный джем... М-м-м...

Еще и джем. Ужас. Боюсь даже представить, что будет, если съесть это на голодный желудок. Анита плюхнулась на соседний стул и с ходу сделала заказ возникшей рядом официантке. Потом обе вопросительно уставились на меня.

– Ничего, спасибо, – выдавила я. Положила меню на стол и добавила: – Недавно позавтракала.

Через пару минут на столе стояли молочный коктейль и блюдо с огромным пирожным, Анита довольно жмурилась, с наслаждением слизывая с ложки гору крема. Пышный белый бант на ее макушке напоминал шапку взбитых сливок. Я отвернулась к окну. В голове упорно крутилась наша прошлая встреча, распадаясь на отдельные, не дающие покоя фразы, с каждой секундой становилось все неудобнее. Хотелось уже просто сбежать.

- Не передумала? - сыто выдохнула Анита, и я вздрогнула.

О чем это она? А, пирожное. Невероятно! В нее все влезло.

- Меня в полицию вызвали. Через два часа нужно быть у следователя. Насчет Сони. Думаю, это по поводу... вчерашнего.

Анита медленно отпила коктейль и осторожно поставила бокал обратно на стол.

- Ага, - произнесла она без каких-либо детских интонаций и выпрямилась. - Записи с камеры взяли и проверяют людей. Быстро они ее имя узнали!

Я промолчала. Хватит Кире одного Паши, тот и без помощи Совета заключает.

- Делай вот что, - Анита сцепила пальцы в замок, - говори, что отправила Соню в наш фонд, поскольку у нас есть программа помощи пациентам со сложно диагностируемыми психическими расстройствами. Случай у нее именно такой, подходит идеально. Договорились мы, или нет - ты не в курсе, и лезть в это не хочешь. У подруги характер нелюдимый, на излишнюю заботу реагирует нервно. И раньше бывало, что пропадала на пару дней - то загулы, то в одиночестве подумать. Потому ты и не бегаешь за ней по пятам. Главное, ничего не придумывай и не изображай - ни недоумение, ни спокойствие, ни рассеянность. Актриса из тебя так себе.

Да уж...

- Ни в коем случае не защищай ее, - добавила она. - Ты вообще не знаешь, что там было. Понятно?

- Вполне, - пробормотала я, надеясь, что последнее все еще относилось к походу в полицию.

Что ж, раз у нас такой откровенный разговор, и Анита не прячется за маской милой девочки, стоит попробовать выяснить то, что меня мучает...

- Помнишь нашу первую встречу, - начала издалека. - Весной, в аэропорту...

- Помню.

- Мы обсуждали убийства клиентов Киры. Ты рассказывала, что это может быть некий ритуал. Обмен энергией между Потоком и реальностью, получение особых способностей.

Анита молча кивнула.

- Откуда взялась эта информация?

- У Совета полно архивов. Сотни лет все из ряда вон выходящие случаи фиксируются и изучаются. Можно сделать выводы.

- Что за случаи? - Я облизала пересохшие губы. - Кто-то уже эти способности получал?

- Лера, - она покачала головой, - реши, чего ты хочешь. Действительно разобраться в происходящем или подругу выгородить.

Жаль, что не заказала кофе. Уткнуться бы в него сейчас...

- Ты волнуешься за Соню, - сказала Анита, просто констатируя факт, - а я за тех, кто вокруг нее.

За окном резко потемнело. Ветер трепал деревья, гнал листья по асфальту. Будет дождь.

- Та медсестра из клиники, - донеслось словно сквозь вату. - Наша работница из фонда, около пяти десятков пострадавших в офисе. Что дальше, Лера? Среди взятых в ментальные заложники могли оказаться дети. Ты готова и это оправдывать?

Пусть она замолчит. Пожалуйста... Я на секунду зажмурилась, пытаюсь избавиться от непрошенных сомнений. Повернулась и на выдохе произнесла:

- Надеюсь, Соня быстро разберется со своими проблемами. И все выяснится.

- Надейся, что за это время она еще кого-нибудь не лишит рассудка.

Взгляд у нее был жесткий и колючий. Глаза в глаза, без намека на компромисс. Слов не было. Да и о чем тут говорить? Анита подтянула к себе бокал с осевшей сливочной пеной, отпила. Я встала, накинула плащ.

- Если что - звони, - донеслось в спину.

Я кивнула и вышла на улицу. В лицо рывками бил ветер, на черной ряби воды качались желтые листья. Холодно. За тучами и не определишь, где же оно - солнце... Нет, нельзя раскисать. Впереди встреча с Романом, и от меня отчасти зависит, станут ли Соню искать дальше. Обязана справиться... И справлюсь. Другого варианта нет.

По опустевшей набережной ветер гнал растрепанный пакет чипсов, следом бежал взъерошенный поджарый голубь, на ходу склевывая разлетающиеся крошки. Навстречу, взявшись за руки, брела парочка. Одинаково счастливо-бессмысленные лица, рыжие всполохи счастья над головой. У выхода из сквера все так же сидела женщина в тюрбане из платка. Та самая, что была с Анитой. Она отрешенно смотрела в одну точку - прямо перед собой, и теребила ремень изрядно потертой сумки. Толком не зная зачем, я подошла к ней и присела на край скамейки.

Женщина повернулась, удивленно моргнула.

- Лерочка?

Она меня знает? Откуда?..

- Ты меня и не помнишь, наверное, - вздохнула та. - Когда уж это было. Ты изменилась... Повзрослела. А я мать Стасика, Вера Петровна.

Я выдавила улыбку. Никакие Стасики упорно не вспоминались.

- Вы часто все вместе пропадали, - Вера откинулась на спинку скамейки и прикрыла глаза, - в этом вашем клубе, или центре.

Стас... Точно! Из предыдущей группы, курсом старше. Белозубый, веселый, пел под гитару, катал Соню на мотоцикле и мастерски подделывал голос Вениамина, по телефону не отличишь. Постоянно всех разыгрывал. Накануне совершеннолетия попался в ловушку. Первый, кого я знала лично. Сколько их потом было...

- В центре, - отозвалась я осторожно, - психологическом.

- Ага, в нем. В те годы счастливая ходила, думала - психолог будет! А то мотоциклы, да мотоциклы. Шлем надеть не заставишь, жаловался, что ощущения не те. Боялась, разобьется... А в итоге...

Она замолчала, уставилась на покрытые тонкими морщинками руки.

- Мне очень жаль, - тихо сказала я.

Тогда, помню, ревела. А теперь как-то притупилось. Все же больше десяти лет прошло.

- Выкарабкается, - с упрямой надеждой произнесла Вера. - Не везло нам просто. Диагноз никто из врачей поставить не смог, не то что вылечить... А тут программа экспериментальная. И клиника, говорят, хорошая.

- Какая клиника? - спросила я, предчувствуя неладное. Сочетание «программы» и «непоставленного диагноза» говорило само за себя.

- Фонд заграничный, - Вера кивнула в сторону злосчастного офиса Совета, - изучает тяжелые случаи психических заболеваний. Нам повезло - предложили Стасика в свою клинику забрать. Бесплатно! Теперь он точно поправится.

Приплыли... Я глубоко вдохнула, на макушку капнуло. Раз, второй, третий. Над рекой повисла легкая дымка, по набережной забарабанил дождь. Я вытащила зонт, укрыв нас обеих. Вера задумчиво размазывала капли по растрескавшейся коже старой сумки. Эксперименты, клиники... Безнравственно это - давать ложную надежду. Не поправится ее Стасик. Никогда. Попавшие в ловушку все равно что мертвы, их сознание поглощено, и вернуть его невозможно. Я накрыла ее холодную ладонь своей и сказала:

- Идемте, Вера Петровна. Я провожу вас до метро. Дождь же, промокнете.

Вера оторвалась от своего занятия и подняла голову.

- Дождь? И правда, - она благодарно посмотрела на меня. - Спасибо, Лерочка.

Ветер трепал полы плаща, задувал под зонт холодные брызги. Я аккуратно обходила разлившиеся по асфальту лужи, Вера шла рядом, держа меня под руку. Редкие прохожие обгоняли, бежали вперед, прикрывая от ливня головы - кто зонтом, кто пакетом, кто распахнутым журналом. У перехода с красной буквой «М» толпился народ, виски мгновенно сдавило, перед глазами поплыли крупные пузыри, такие же, как в лужах.

- Вы заходите к нам, - Вера светло улыбнулась, - когда Стасика выпишут. Он будет рад...

Развернулась и исчезла за стеклянными дверями.

Мой персональный ад длился четыре бесконечных года, Верин - уже больше десяти. Может ей сейчас и нужна именно надежда, пусть даже ложная. Вот только Совету это зачем? Зачем им одаренные, в которых давно нет жизни, напоминающие овощи? Вспомнился другой рассказ. О том, как в испанской клинике во время визита Марии очнулся кто-то из попавших в ловушку, на несколько секунд. Был энергетический всплеск чудовищной силы, психи по соседству еще сильнее с ума посходили. Совет тогда влил ей предупреждение и этот случай замял. Вроде и не заинтересовался вовсе. Или для них подобное не новость?

Дождь поливал ставший бесцветным город, смывал следы бабьего лета. За его мутной пеленой на набережной угадывался контур одинокого такси. Очень кстати - зонт уже не спасал, в туфлях противно хлюпало, и до встречи со следователем оставалось всего полчаса. В машине было сухо и тепло, шуршал кондиционер, негромко бубнило радио. Новости? Глядя сквозь запотевшее стекло на прилипший снаружи желтый лист, я внимательно прослушала все, даже прогноз погоды. Про вчерашний инцидент в благотворительном фонде «Идеальный мир» упомянули вскользь, как о пьяной выходке идиота, распылившего в здании усыпляющий газ. Пострадавших нет, стараниями доблестной полиции доморощенный химик находится уже в паре шагов от тюрьмы. Надеюсь, они не Соню имели в виду...

Интересно, кто запустил в прессу эту легенду? Совет точно знает, в чем дело, а у следствия, по словам Киры, совсем другая рабочая версия. Но в любом случае чем меньше шума и паники, тем лучше.

У кабинета следователя Романа Саутина я притормозила и отдышалась. Коленки подгибались, очень хотелось развернуться и уйти. Почему кто-то живет спокойно, за всю жизнь даже не узнав, где находится это здание, а я за несколько месяцев умудрилась оказаться здесь второй раз?! Хожу, как на работу, скоро постоянный пропуск выдадут. Пора бы привыкнуть и не волноваться. Я подняла руку, постучала в массивную дверь и почти сразу зашла внутрь.

Негромко гудел принтер, выплевывая распечатки, на подоконнике отсвечивал запотевшим боком электрочайник. Рядом исходил паром крепкий, только что заваренный в граненом стакане с металлическим подстаканником чай. Пахло чем-то родным, знакомым. Из детства... Станным образом успокаиваясь, я села и осмотрелась. Серо-зеленые стены, сейф с кнопками, словно от домофона. Кодексы в потрепанных обложках, бумажные папки с завязками, старый портрет над столом. Не помню, чтобы видела его в прошлый раз. Тогда я считала себя случайным свидетелем, не подозревала,

что убитый в библиотеке Зорьевых человек – клиент Киры и Паши, жертва маньяка, третья по счету. Отвечала подробно, стараясь помочь следствию и не боясь испортить что-либо неосторожным словом. Сегодня у меня другая задача... Я поежилась. Смутно знакомый мужчина с бородкой и усами недоверчиво шурился с холста, словно догадывался, что я буду лгать. Ох... Ну, хватит. Это не ложь, а строго дозированная правда. Я оторвалась, наконец, от портрета, и только заметила, что хозяин кабинета за мной внимательно наблюдает. стакан с чаем исчез с подоконника, распечатки аккуратной кучкой лежали на столе. Принтер смолк, в наступившей тишине стало слышно, как по окнам барабанит дождь. Роман плюхнул перед собой потертый блокнот на пружинке, и началось...

Вопросы сыпались один за другим. Кем мне приходится София Максимова, когда я ее видела в последний раз, знаю ли я, что она делала в офисе «Идеального мира», и где может находиться сейчас. Я отвечала медленно, тщательно взвешивая каждое слово и ни на шаг не отступая от версии Аниты – так меньше шансов запутаться или сболтнуть лишнее. Саутин сосредоточенно слушал и иногда что-то записывал в тот самый блокнот, игнорируя включенный компьютер.

– Значит, где София, вам неизвестно, – уточнил он ничего не выражающим тоном.

– Неизвестно.

– К кому, в случае необходимости, она может обратиться за помощью?

– Только ко мне.

– Вы не назвали Киру, которая больше трех лет оплачивала ее лечение.

– Они не дружили, – вздохнула я. – Кира помогала мне, а не Соне.

– Поправьте, если я ошибусь, – Роман пододвинул поближе блокнот, ручка заскользила по убористым строчкам. – Ваша близкая подруга всего несколько дней назад пришла в себя после четырехлетнего лечения в психиатрической клинике. Находилась в офисе благотворительного фонда во время инцидента, когда посетители массово потеряли сознание, некоторые до сих пор не очнулись. Сразу после этого пропала – дома не появляется, трубку не берет, каким-либо другим способом на связь не выходит. Вы же никаких попыток ее найти не предпринимаете и совершенно не проявляете беспокойства...

В таком пересказе звучало чудовищно... Я оттянула край рукава, уставилась на него, не моргая.

– Отсюда вывод, – Саутин скрипнул стулом. – Либо вы точно знаете, где она, и препятствуете следствию, либо...

– Я беспокоюсь... очень, – перебила я. Слова царапали горло, выталкивались с хрипом. – И прежде беспокоилась. Но это Соня, и ее обычное поведение. Да, моей подруги четыре года не было. Я рада, что она поправилась. И что ведет себя как всегда. По крайней мере, я ее узнаю.

Поднять взгляд было сложно, глаза щипало. Казалось, до слез – один взмах ресниц. И нет, ничего. Лишь это дурацкое жжение. Роман сидел с непроницаемым лицом, но его недоверчивость сменялась смутным пониманием.

– Откуда София узнала про фонд и их деятельность?

Ох... Это мы с Анитой не обговаривали. Впрочем...

– От меня, – честно призналась я. Правда, речь шла о российском филиале Совета. – Я говорила с Анитой про Соню, и даже приводила ее в больницу. Анита согласилась помочь.

– Как вы познакомились с Анной Верт?

Черт! Кто тянул меня за язык? Попробуй найди нормальную причину связи одаренных с Советом.

- В аэропорту. Ее встречали Павел Левицкий и Кира, я приехала за компанию.

Роман нахмурился и отложил ручку. Раздумал записывать? А что не так? Не секрет, что мы все давно знакомы. Тело в библиотеке втроем нашли... А уж кто ее новый начальник, он наверняка знает. Паша с Кирой умудряются ругаться даже ночью. По телефону.

- Встреча была по поводу Софии?

- Нет. Может, у фонда общие дела с банком, или с «Перспективой». Не интересовалась.

Саутин устало потер лоб.

- Если вдруг что-нибудь вспомните, - он подписал пропуск и протянул мне, - звоните. Во время инцидента в сознании осталось всего несколько человек, и София единственная, с кем мы еще не побеседовали.

У двери я обернулась. Следователь Роман Саутин торопливо глотал остывший чай, читая какую-то бумагу.

- Кира действительно ничего не знает о Соне, - выпалила я и торопливо шагнула в коридор, едва не сбив с ног очередного посетителя, топтавшегося у кабинета.

От духоты стучало в висках, воздух тяжело навалился на плечи. На ходу вызывая такси, я пересекла вестибюль, толкнула входную дверь и с облегчением выскользнула на улицу. Дождь кончился, с крыш и карнизов слетали редкие капли, глухо плюхаясь на асфальт. Промозглый сырой ветер моментально забрался под непросохшую одежду, ставшую холодной и гадкой, как кожа лягушки. Ноги замерзли в мокрых туфлях, в голове мгновенно прояснилось. Наверное, все прошло неплохо. Лишнего не сказала, он мне поверил, но... То, что происходит, так дико, так неправильно... И верных путей не видно, совсем, ни одного. Остается лишь набраться терпения и стоять на месте. Пока что... Главное, ни в коем случае не упустить переломный момент. Так уж повелось - если долго плыть по течению, может прибить к худшему из берегов.

Взвизгнули тормоза, к тротуару подрулило что-то мелкое. Это такси? Повезло. Впрочем, чего было еще ожидать от сегодняшнего дня? В салоне откуда-то дуло, жесткое сиденье впивалось в спину, ремень безопасности вонял табаком. Водитель безостановочно ругал все подряд: правительство, цены, работу, пешеходов, пробки, какого-то Петра... Почему он не немой?! Копаться в клубке эмоций не было ни желания, ни сил. Да и вряд ли там бы нашлось хоть что-то позитивное. Сварливый голос въедался прямо в мозг, вызывая боль в висках и неконтролируемое желание отправить его хозяина в Лектум...

Домой я ввалилась, мечтая о горячем душе. Из-за приоткрытой двери кухни неслись чьи-то голоса и приглушенный смех. Я осторожно заглянула. Вокруг стола, заставленного пакетами, кулками и мисками с непонятным содержимым, топталась перепачканная мукой компания. Арина зачитывала с телефона рецепт пирога, явно найденный в интернете, и размахивала ложкой, с которой во все стороны летели капли теста. В раковине громоздилась гора посуды, под переполненным мусорным ведром растекалась липкая красная лужа. Нет-нет, я пас! Пусть хоть все тут разнесут по кирпичику, вместе с плитой и домом! Я тихонько попятилась, надеясь, что ванна свободна, и там никто не засалил, например, огурцы. Через несколько минут одежда кучкой лежала на полу, а я стояла под душем, блаженно жмурясь и ловя ртом летящие капли. Плотные, горячие струи хлестали по коже, смывая этот бесконечный выматывающий день, в голове не осталось ни одной связной мысли. Пару раз хлопнула дверь в мою комнату, но было лень даже спрашивать кто там. Я отодвинула шторку, выпустив клубы пара, и закуталась в мягкий пушистый халат. Было жарко и душно, по запотевшему зеркалу сбегали ручейки.

В комнате пахло клубникой и летом, на подоконнике стояла тарелка с...чем-то. Пирог? Тот самый, из интернета? Большой ломоть со съехавшей набок алой начинкой, паленым краем и коричневыми потеками пригоревшего сахара. Меня угостили? Ох... Я отломила кусочек, осторожно прожевала. Пирог оказался неожиданно вкусным, я не заметила, как съела весь, вместе с похрустывающими на зубах косточками и жесткой коркой. В окно едва слышно стучалась тонкая ветка. Небо после дождя густо синело, в наступающих сумерках все еще был виден двор с аккуратными горками убранных листьев, беседкой и навесом. У перекопанной клумбы лежал забытый садовый гном.

...красный колпак с помпоном, кругляшки очков, улыбка до ушей. Рядом такой же фарфоровый мухомор. В зарослях фиалок только это и видно.

– Монстр какой-то, – Соня из-за стола изучает гнома недоверчивым взглядом. – Спрятался там и скалится. А по ночам, небось...

– Таскает сметану, – подхватывает Паша, – прямо из холодильника.

– Так вот куда она делась! – смеется Соня и легонько толкает меня плечом, делая круглые глаза. Будто не я ночью застукала ее с банкой.

Над ухом чирикают скворцы, пахнет свежескошенной травой. Загородный дом на все выходные в нашем распоряжении, в округе – почти никого. Красота, тишина и вторая по счету порция сосисок с гриля. Соня выкладывает розовые пластинки помидора вдоль сосиски, две с одной стороны, и две с другой. Сбрызгивает чесночным соком, посыпают укропом и рисует сверху соусом узор. Получаются крылья бабочки. И все это вдобавок к салатной поляне и сырному солнышку с лучиками кукурузы. Целая картина.

– Ну что ты делаешь, – вздыхаю я. – Потом есть жалко.

– Кому-у-у? – Соня ногтем подцепляет помидорное крылышко и отправляет в рот.

– Ты не понимаешь, – заговорщицки сообщает мне Паша, утаскивая с тарелки разрисованный сочный ломтик. – Сlopать то, над чем уже поиздевался, гораздо вкуснее.

– Настоящее искусство, – она назидательно поднимает палец вверх, – мимолетно! И оттого особенно прекрасно.

Невозмутимо кладет новые пластинки и давит на бутылочку, та фыркает воздухом.

– Действительно мимолетно... – насмешливо кивает Паша, – а прекрасно то, что в холодильнике еще есть соус.

Соня вскакивает и убегает в дом, кукуруза из лучика откатывается на край тарелки. У забора шелестит малина, солнце слепит. Я натягиваю панамку на лоб, соскальзываю со скамейки и протираю салфеткой гнома, и мухомор заодно. Разгибаюсь, сзади обхватывают за талию.

Шею обжигает поцелуем, салфетка выпадает из рук. Паша разворачивает меня к себе, опора уплывает.

– Ты меня сейчас уронишь, – предупреждаю я.

– Да!

Мягкое приземление, потревоженные фиалки. Щеку приятно щекочет травой и его дыханием, небо кажется бесконечным...

Где-то стукнула дверь, тишину коридора нарушили шаги, раздался голос репетитора и невнятное бормотание Артема в ответ. Урок кончился. За окном в наплывающей темноте таяла улыбка гнома, разлетевшиеся из кучи листья пестрым ковром усеяли пустую клумбу, в развал ворота халата забрался холод. Я прикрыла глаза, пытаюсь уловить тающее воспоминание.

Улыбки. Тепло объятий. И давно позабытое чувство.

Счастье.

Глава 11

Соня

Догорало мощно. Хижина пылала гигантским факелом, пламя гудело и бабахало, залпы искр летели во все стороны. По обугленным стволам деревьев блуждали огоньки жара, сверху сыпались тлеющие черные хлопья. Чума! Понесло же меня в этот мир полежать на бревне, погреться, спокойно подумать... Подумала, мать вашу! Только расслабилась, как над головой вжикнула горящая стрела, воткнулась в стену, потом еще одна, и началось. Огонь, дым, треск, свист стрел, запах гари. Не подозревала, что так быстро умею бегать на четвереньках...

Оглушительно грохнуло, ввысь взметнулся столб огня, исчез в небе, будто обрезанный гигантскими ножницами. Все, сценарий завершился. На пепелище соткалась хижина с большим навесом, под которым снова лежало бревно с маняще уютной ложбинкой. Ага, для тех, кто с первого раза не понял. Запускатели сценариев, чтоб их... Превратили тропический рай в филиал крематория. Зато за девочкой ходить далеко не надо. Уверена, она умерла здесь.

Наэлектризованный воздух, сгусток ярко-поблескивающей энергии. Не просто точка выхода, а что-то большее. Стало жарче, хороводом замелькали блеклые кадры. Стоп! Выхваченный момент, тот самый, перед титрами. В ответ – дерзко звенящая тишина. Яркость зашкалила, листья папоротника колыхнулись, вглубь зарослей пополз едва уловимый, царапающий сознание шорох. О, как... То ли удрать норовит, то ли заманивает куда-то. За ней, сквозь джунгли, плотные заросли папоротника и спутанные сети лиан. Тянуло жажнуть как следует и разнести их в клочья, но шуметь я не рискнула – не стоило злить хозяйку, которая и без погрома не слишком рвется общаться. Старый прием – плавная волна разрушительной энергии, и непроходимая стена растений ссыхается, беспомощно оседая вниз. Живность осталась цела, даже дурацкие жуки по-прежнему гудели. Нарвался лишь попугай-переросток, некстати вытащивший из кустов жирное тело размером с тумбочку. Перья до неба взметнулись! А нечего было у моего носа длинным клювом щелкать.

Цель ускользала. Выстроенные друг за другом кадры напоминали старую истлевшую пленку, рвались на части, осыпались пеплом. Шуршало то совсем рядом, прямо за моей спиной, то где-то вдали, убегая прочь. Имя, скажи хотя бы имя... Нет, только шорох. А еще покалывание глубоко под кожей и пробирающий до костей мороз. Перед мостом все стихло, и эта внезапная абсолютная тишина резанула по нервам. Как в немом кино неслышно прогнулось несколько ветхих досок, потом еще и еще, и вскоре весь мост ходил ходуном, словно невидимый пианист яростно бил по клавишам. Сыпались щепки, внизу беззвучно бурлила река, метались волны, плюясь пеной. Финальный аккорд, мост вздыбился, и, оборвав веревки, рухнул вниз. Так. Похоже, меня только что послали. Прости, девочка, но мне действительно надо знать. А мост... Без него обойдемся. Правильно рассчитанный прыжок – через мелькнувшую внизу пропасть, на противоположный берег. Вуаля, и снова земля! Папоротник сбоку ожил мгновенно, шорох хлынул в уши, звуки вернулись.

Пора знакомиться. Имя!

Холод пробрался в голову, впитался в мысли.

«Полностью? Ну ладно, скажу. Но если ты хоть раз меня полным именем назовешь... Я тебе змею в кровать подкину! Паука в ботинки! И... И...» В голосе смущение, а еще угроза. Энни не шутит, ни капли. Глаза напротив смотрят на нее пристально, изучающе. Синие и глубокие, как летнее небо. Не глаза, а наказание господне... В них интерес, какой она еще на себе не ощущала, и странные, тщательно скрываемые сомнения.

«Мэри Эннинг. Дед назвал меня так, а родителям было все равно. Они сына ждали, наследника, ему имя готовили. А тут дочка – разочарование сплошное. Вот дед и придумал. Пусть будет, сказал, такой же умной и талантливой, как ее знаменитая тетка. А я... Я не хочу быть в честь кого-то, хочу сама...»

Он понимающе кивает. Молчаливый, серьезный, до сих пор бледный, но все равно симпатичный. Энни прежде не встречались те, кто бы светился настолько ярко, чудными радужными переливами. Те, кто бы тоже знал, каково это – видеть больше, чем другие. Она зачарованно смотрит на теплые всполохи над его головой, опускает взгляд ниже. Волосы даже на вид жесткие, непокорные. Тянет протянуть руку и потрогать, а потом провести пальцем по лбу, разглаживая суровую складку между бровями... Ой...

Картинка пропала внезапно. Шумела река, внутри дрожало что-то светлое и печальное. Не мое. Я трянула головой, рядом легко колыхнулся воздух, будто вздох, шорох устремился назад. Осторожно пошла за ним, за ускользающими образами, отголосками чужих чувств. По висающему как ни в чем не бывало мосту, по тропинке. Заросли расплывались словно в дурном сне, хрустели, хоть их никто и не трогал, скалились обрубками веток.

Отпустило у излучины. По небу растекался чернильный дым, клубясь и откусывая чистую синь, взлохмаченные волны накатывали на берег, вскипали пеной у изножья валунов и с шипением убирались обратно. Я осторожно села на нагретую россыпь мелких камней, закрыла глаза. В лицо дул ветер, принося теплые брызги, издали доносился треск пожара и гомон встревоженных птиц. Паутина обволокла коконом, впилась в разум.

Энни было семнадцать. В экспедицию ее взял дед – чудака, сумасшедший исследователь и тайный позор уважаемой семьи: ни должности, ни почестей, одни старые черепки по дому. Все твердили – опасно, но родители отпустили дочь с плохо скрытым облегчением. Девочка «с заскоками», знает многое наперед до того, как скажешь, может смотреть в одну точку часами. Пусть едет, дома без нее спокойнее, да и соседи уже косятся подозрительно. Деда Энни любила, он единственный не считал ее ненормальной, не замечал странностей, сам был не от мира сего. Путешествие в джунгли представлялось ей волшебным приключением, а выяснилось – будешь глазеть по сторонам, под рубашку заползет какая-нибудь дрянь, или вообще сожрет. Постоянно пот ручьем, и все чешется. Но она привыкла – к москитам, жаре, осторожности, хижине с отгороженной для нее крохотной комнаткой, москитным сеткам вместо занавесок на окнах, аборигенам по соседству, вечному копанью в руинах. Даже к обезьянам. Шумным, широконосым, непуганым. К ревунам, душераздирающе вопящим по утрам и вечерам, к крошечным вертлявым мармозеткам, к вороватым нахальным саймири – хватают все, что смогут поднять. Однажды книгу умудрились затащить на дерево. Долго ругались между собой, царапали обложку, кусали со всех сторон. Потом разочаровались, бросили вниз и умчались пестрой стайкой. Дед смеялся, говорил, что после экспедиций все становятся чертовски аккуратными, не бросают вещи где попало.

А потом приехал он. Последним, когда в джунглях жить оставалось всего два месяца. Помощник археолога, молодой, удивительно сияющий, по слухам, оббивший кучу порогов, чтобы попасть к ним. Дэнис... Знал бы он заранее, что как доберется, свалится в лихорадку и едва не умрет... И все потому, что за ним ухаживал никчемный ассистент деда! Ей не позволили, вспомнив о приличиях, хотя какие могут быть приличия, когда больной в беспомощности. А этот сам вызвался, и все обрадовались. Еще бы. На раскопки его не пускали с тех пор, как он что-то ценное раздавил, стряпать не умел, даже костер толком разжечь не мог. Когда новенькому стало совсем плохо, дед сдался. Теперь Энни часами сидела у постели больного. Он то метался в жару, то дрожал от озноба, его сияние было прерывистым, слабым. Несколько раз настолько слабым, что она испуганно подносила зеркальце к растрескавшимся губам – жив ли? Вливала воду с ложечки, поила порошками, прикладывала прохладную ладонь к пылающему лбу – так сияние становилось ровным, тихим, спокойным – и молилась, молилась... По ночам снилось, что Дэн очнулся, поправился, и можно сказать наконец – привет... Когда это произошло, он ответил не сразу, смотрел на нее долго и странно, не отрываясь. Будто именно ее и искал в джунглях. Думать так было, конечно, глупо, но... приятно.

Ей нравилось в нем все. Густые жесткие волосы, крутой лоб, упрямый подбородок с ямочкой, глаза – синие, когда спокоен, и темно-серые, почти черные, когда злит. Ох уж эти глаза... Его неторопливая речь, словно он взвешивает каждое слово, привычка постоянно хмурить брови, отчего между ними образовывалась складочка. Он почти не улыбался, но когда улыбался... У Энни сразу сердце обрывалось куда-то вниз и сладко ныло в груди. Ей нравилось говорить с ним, и нравилось молчать. Просто молчать, совсем не заботясь, чем заполнить неловкую паузу, потому что не было неловкости,

только спокойствие и умиротворенность. И самое главное – он ее понимал. Их объединяло нечто большее, что никто был не в силах ни постичь, ни отнять, ни разрушить. Невидимые для остальных жаркие волны в воздухе, пойманные чужие чувства. Особый свет – дар или проклятие? Энни задала этот вопрос Дэну. Тот долго не отвечал, а потом буркнул, что не знает и целый день на нее сердился. В то место, похожее на придуманный во сне мир, его позвать тоже не получилось, ну никак...

Она читала ему своего любимого Байрона, прикрывая платком отпечатки обезьяньих зубов на обложке, он учил ее бросать камешки. Маленькие плоские камешки, что прыгают по воде. Его теплое дыхание касалось затылка, у нее мутилось в голове и дрожали коленки, а камушки сыпались из рук.

Как-то раз Дэн принес в хижину медальон. Старый и ржавый медальон с огрызком цепочки, откопанный им в развалинах. Все столпились и рассматривали, дед благоговейно ахал, говорил, что это, пожалуй, самая ценная вещь, найденная экспедицией, сыпал древними датами и историей. Дедов ассистент трогал пальцем и завистливо вздыхал. А Дэн взял и протянул медальон ей... Энни ревниво сжала тогда ладонь, скрывая кругляш от жадных чужих глаз. Ей было наплевать на историю, ценность и даты – это был его подарок! Ассистент долго таскался следом, предлагал деньги, а пару раз она застала его, роющимся в ее вещах. Дурак! Она носила медальон на груди, под платьем, и твердо верила, что он принесет ей счастье.

Долгие вылазки вглубь джунглей, когда деревья смыкались так плотно, что казалось обратной дороги нет, заблудились, непонятные шорохи, звуки... Она не боялась, вот ни капельки. Даже того жуткого подвешенного моста. Когда Энни увидела его в первый раз, то села на землю и сказала, что лучше останется здесь навсегда. Проводники, члены экспедиции – все уже были на той стороне ущелья, а она никак не могла себя заставить ступить на шаткие доски. Дед суеился рядом, уговаривал, успокаивал. Энни все-таки справилась. Шаг за шагом, зажмурив глаза, судорожно вцепившись в веревку и подвывая от ужаса. А с Дэном другое дело. Они стояли на самой середине, над пропастью. Ветер трепал волосы, скрипел качающийся мост, внизу пенно ревела вода. И ничего! Страх не было, только закипающий где-то внутри восторг. На обратном пути, у излучины их догнала туча, крупные капли полетели с потемневшего неба, забулькали по воде. Дэн схватил ее за руку и затащил под ближайшее дерево. Вовремя – хлынувший ливень проглотил весь мир вокруг. Под низкой плотной кроной было темно и сухо, с волос стекали ручейки, под промокнутой тканью платья четко проступил медальон. Ладонь Энни по-прежнему сжимала сильные пальцы, от Дэна ощутимо тянуло жаром. Он дрожал, хотя руки были холодными. Не дай бог, лихорадка вернулась...

Я дернулась и вскочила на ноги. Дыхание сбилось, что-то внутри ныло и скреблось, ладонь жгло, будто за угли подержалась. Все. Достаточно прелюдий. Мне нужен финал! Над джунглями было черным-черно, дымило вовсю. Сценарий в разгаре. Тропинка петляла к хижине, кусты цеплялись за юбку, в виски стучался вопрос – неужели нашла? Это оно? Оно?..

На пожарище дым стоял столбом, гарь била в нос. Пламя плясало, жадно ползло по траве, деревьям, выжигая жизнь. К черту концентрацию. Упущу момент! Я пробралась через догорающий куст, к объятый огнем хижине, вздрогнула от просвистевшей над головой стрелы. Ну же, покажи...

Да, это случилось здесь. Экспедиция подходила к концу, все чаще говорили о доме, о семьях, которые ждут, о том, чем займутся дальше. Дэн в таких разговорах не участвовал, уходил. Мрачно отгораживался стеной ото всех, даже Энни не могла подсмотреть, что он думает, только тоска и угадывалась. Сначала она тоже не хотела уезжать, но потом дед пригласил Дэна к себе работать, и она успокоилась. Все будет хорошо. Он будет жить где-то недалеко, лучше прямо в доме напротив, чтобы можно было видеться чаще. Деду Дэн нравился, а родители будут только рады, если найдется хоть кто-то, желающий сделать ей предложение, с ее-то странностями. Стоило лишь закрыть глаза, и радужная картина представлялась так ясно: Дэн в костюме, она в белом платье, и тот обязательный поцелуй... Дальше фантазия отказывала, потому что Энни понятия не имела, что бывает потом, после поцелуя, поскольку молодым леди из уважаемых семей об этом родители не говорят, а замужних подружек у нее не было. Никаких не было.

До отъезда оставался день. Они пришли на рассвете, злые и шумные – аборигены из

соседней деревни. Сквозь щелку в занавеске Энни видела, как они тыкали в хижину скрюченными пальцами, трясли факелами и, насколько смогла разобрать, требовали некую сияющую деву. Она испуганно отшатнулась – вдруг про нее? Чего они взбесились, прежде были вполне мирные? Дед велел никому не выходить из хижины, пытался договориться сам. Энни видела, чувствовала – бесполезно. Дэн был рядом. Спокойный, как всегда, что придавало уверенности – они выпутаются, иначе и быть не может. Ведь у них та сила, которой обычным людям противопоставить нечего. А потом были воинственные крики, треск, дым в комнате. Словно кошмарный сон. Удушающий запах, горящие прямо в окнах занавески, стрелы, влетающие внутрь. Гасли огни жизнью. Кажется, первым был ассистент деда, в уши намертво въелся его хрип. Энни пряталась за шкафом, мысленно выискивая злые светлые сгустки снаружи, усыпляя один за другим. Аборигенов было слишком много, и они пылали ненавистью сильнее, чем охватившее хижину пламя. Гарь невыносимая, жар обжигал. Оцепенение – ни пошевелиться, ни вдохнуть, да и нечем... Едкий дым, зажмуренные глаза. Она едва заметила, как Дэн сдернул ее с места и потащил к выходу. Там был воздух, хоть какой-то, дгорающий папоротник и свист стрел. Шаг, второй, третий – к свободному от огня участку, к спасению. Под лопаткой кольнула боль. Странная, острая, растекающаяся холодным пятном. Слабость в коленях, его крепкие объятия и «тс-с-с...» – нежное, ласковое, убаюкивающее. Только голос неестественно хриплый, и дыхание такое тяжелое. Хмурое небо, утекающий сквозь пальцы свет. И поцелуй на губах, долгожданный, с горечью и металлическим привкусом крови...

Я отшвырнула образ прочь, вместе с метившим в меня огненным ошметком. Боль отдавала дикой пульсацией, горло пылало, увиденное зацикленным роликом ломилось в мозг. Нужно выкинуть ее из головы, срочно, всю! Я двинулась через густой дым. Воздух застревал в легких, под кожей зудели колючие искры. Правильно иду... Костер из хижины, тлеющая на прогалине трава, точка выхода. Пора убираться отсюда.

Диван был жестким, плед кололся, бросало в жар. Вдохнуть получалось через раз, захлестывало глухой безысходностью. Полная гамма тех же ощущений! И плевать им было, что это реальность. Я добрела до кухни, держась за все, что под руку попадалось, влила в себя стакан наспигованной льдом воды, проглотив каждый кубик, и забралась под душ. Выкрученный до упора синий вентиль, мучительно долгая минута, и начало отпускать. Мои родные чувства вернулись, наконец, стало мокро и холодно. Добавив горячей воды, я сползла в ванну и позволила себе расслабиться. Да уж! Приобщилась к прошлому, так приобщилась.

Энни... Ей, считай, повезло. Лучше стрела в сердце, чем сгореть заживо. Но вся эта история – бред. Нелогичный, не укладывающийся в рамки здравого смысла. Дэн – один из наших бессмертных, ясно как день. Ему ничего не мешало грохнуть Энни сразу, едва пришел в себя, а вместо этого? Разговорчики, камушки, книжечки... Я отыскала тот самый подозрительный случай, когда девочку не хотели убивать? Допустим, аборигены с какого-то перепуга взбесились и случайно все испортили. Но он мог их силой мысли прикончить, за секунду. Не стал. Благородно вытащил ее под стрелы и сам откинулся. Там, вместе с ней. Интересно, у кого из пятерки крыша поехала? Противоположный пол вселению в тело не помеха. Мало ли какие у Яники и Иллит цели... и вкусы.

Нет, это не оно. Определенно. Не разыскиваемый для Тео случай, а что-то другое. Любопытно узнать что. Вода остыла, стала едва теплой, кожа на пальцах сморщилась, и очень хотелось есть. Пора навестить холодильник, даже если там нет ничего, кроме соленых огурцов.

Нацепив Инночкин халат, я прошлепала на кухню и распахнула чмокнувшую дверцу. Ё-моё... Холодильник довольно урчал, выпячивая битком набитое пузо. Колбаса, сыр, масло, розовая с прожилками ветчина, сметана, хлеб нескольких видов, сосиски в упаковке, какая-то муть в баночках, маслины, стопка прозрачных контейнеров с салатами... М-м-м, какой разврат! Через несколько минут с тарелки таращился глазками-маслинами бутерброд. Чудесный многоэтажный бутерброд, смахивающий не то на разжиревшего кузнечика, не то на огуречно-пупырчатого попугая-переростка. Привет, дружок. Сейчас посмотрим, кто кого съест!

Голод капитулировал, а слабость осталась. Навязчивая, тягучая. Бралась откуда-то изнутри, киселем ползла по венам, клоня в сон. Неужели так быстро? Времени еще меньше, чем я рассчитывала.

В коридоре бухнула дверь, на кухню ввалилась веселая Инночка с тортом наперевес, сквозь хрусткий пластик виднелось пышное безобразие из маргариновых розочек. Я потянулась к чайнику, она резко затормозила и попятилась, таращась на меня совершенно круглыми глазами. Что такое? Вчерашний потоп добил ее измученный сериалами мозг?

– А ты кто?

Елки... Эффект внушения кончился. Не вовремя! Барьер податливо мерцал, но в одном месте энергия сгустилась в плотный комок – болезненный рубец от воздействия чужой воли. Позже, конечно, рассосется, но повторять внушение сейчас опасно.

– Раз мне не рады, уйду, – обиженно объявила я и погрозила пальцем. – Записывай, кого зовешь, раз такая беспамятная!

Сбросила Инночкин халат ей же в руки, поверх торта, и отправилась в комнату. Где это чертово платье? Пепел роз, пепел роз. Накаркала! До сих пор дым в носу стоит. Выкину, как только до гардероба доберусь. И больше никакого ретро.

– Не приду к тебе никогда! – мстительно прошипела я, сунув голову в ворот платья. – Даже если умолять будешь. Ни за что.

Хозяйка квартиры растерянно топталась в дверях, гладкий лоб бороздила единственная складка, означающая лихорадочную работу мысли. Пора заканчивать этот цирк, а то еще короткое замыкание словит с непривычки.

– Не помню... – сдалась она. – И все-таки, кто ты? Что делаешь у меня дома? Как сюда попала?..

– Я твоя покойная бабушка. Пришла посмотреть, как внучка живет.

Инна икнула, разом выронив и торт, и халат. Правильно. Нечего сладкое лопать на ночь.

– Не надо было вчера с Васьком в подсобке травкой баловаться, – подмигнула я. – Продолжишь в том же духе, еще не такое привидится.

Инночка полыхнула смущением и замешательством, с опозданием ахнула:

– Да я совсем немножко... Откуда ты знаешь?!

Я легко подвинула ее и вышла в коридор. Ага, сапоги, плащ, в кармане – кошелек. Порядок, все при мне.

– И заканчивай вечерами в сериалы втыкать, – сказала я на правах всезнающей галлюцинации. – Лучше пригласи на чай соседа с таксой, из четвертого подъезда. Он давно на тебя запал.

Инночка судорожно кивнула, я закрыла за собой дверь.

На улице было по-осеннему прохладно, небо хмурилось непролитым дождем. Ветер гнал бумажки из опрокинутой урны, на облупленной лавке сидела, блаженно жмурясь, девица в дутой розовой куртке. Изящные скулы, трогательная линия подбородка, пухлые губы. Симпатичная... Может, у нее погостить? Она открыла глаза, устало вздохнула и, блеснув обручальным кольцом, вытащила откуда-то из-под ног два плотно набитых пакета. Из одного торчал мороженный рыбий хвост, из другого – уши плюшевого зайца. Отбой. Мало того что замужем, еще и детеныш в наличии. Вечный визг, вопли, «а посмотрите, как я умею», дурацкие стишки на табуретке, которую хочется подпилить. А если оно мелкое? Мокрое со всех сторон, бессмысленное, с липкими загребушими лапками. Вездесущее и вездессущее, капризное и неотвратимое как кара небесная. Сюсюкающие, враз поглупевшие родители, искренне верящие, что сопли на новом платье – именно то, о чем вы мечтали, когда собирались в гости. Нет-нет-нет. Найду лучше кого-нибудь наивного, одинокого, и желательно любящего много и сытно поесть. Вдолблю ему в голову причину, по которой я должна остаться у него пожить, и готово. На самом деле на это способен любой сильный вем. Весь фокус – сформулированная до мелочей установка и выдуманные факты из прошлого, что сами тут же обростут фальшивыми воспоминаниями. В итоге имеем навязанную волю. Если действовать

аккуратно – последствий для чужой психики не будет. А вот для своей... Чем глубже лезешь в подсознание, тем круче откат. Ослабление дара, боль от использования любых способностей, и неизвестно как долго восстанавливаться. Сила из Потока позволяет управлять энергией без ограничений. Только у всего своя цена. Гремучая смесь из своей энергии и заграничных бонусов сжигает тело изнутри, и чем активнее пользуешься даром, тем быстрее идет процесс. Тео говорил, что любое занятое ими тело выдерживает от пары дней до нескольких месяцев. Сколько выдержу я? Лучше не думать, а шевелиться побыстрее, и для начала найти счастливлчика, у которого сегодня заночую. Одиноким и любящим поесть отлавливать нужно у кормушек. Хотя бы в той кафешке с крендельком на вывеске.

Я толкнула украшенную гирляндой из кофейных зерен дверь, звякнул колокольчик, пахло теплом и уютом. Маленькие резные столики, тягучий аромат кофе, блестящее стекло витрины, а за ним торты и торттики, каждый кусочек в пене кружев, булочки, пончики, печенье, пирожные с марципановыми фигурками зверят, разномастные сладости...

По спине скользнул чей-то взгляд, вздыбив волосы на затылке. Слишком внимательный, чтобы считаться случайным. Я обернулась. Из-за дальнего столика на меня таращился вем лет двадцати пяти. Дар средненький – так, побаловаться. Раз чихнешь и сдует. Непуганая трехдневная щетина, темные вихры до плеч, на футболке через всю грудь надпись: «Мир мечтает захватить каждый второй». Упитанный, видно, часто тут плюшками балуется. На столике раскрытый ноутбук, заляпанный глянцевыми наклейками, под ногами потертый рюкзак с пристегнутым к карману... плюшевым пони? О-о-о! Розовым пони с такой же розовой пушистой гривой. Я совершенно неприлично усмехнулась, захватчик мира поспешно уткнулся в экран, потом вылез оттуда с невозмутимо приподнятой бровью. Ути...

Кстати! Это он удачно ноутбук прихватил, грех не воспользоваться. Поняша замороженно следил за моим приближением, бровь висела на лбу как приклеенная, отчего его скепсис выглядел неубедительно. Я села напротив и аккуратно постучала ногтем по глянцевой крышке.

– Дай кое-что посмотреть, очень надо.

Он сглотнул и поерзал.

– От кофе тоже не откажусь, – добавила я и улыбнулась.

Поняша молча развернул ноутбук ко мне, поднялся с места и размашисто порысил к стойке. Эх, задница хороша, хотя ее могло бы быть и поменьше!

Я листала страницы, изучая городские новости. Несколько вялых репортажей о событиях в офисе благотворительного фонда затерялись на фоне очередной политической грызни, только Варвара Степановна с Бонифацием выбились в топ на ютубе. М-да... Десятки разом потерявших сознание никого уже не вдохновляют? Зажралась пресса. Или Анита подсуетилась. Из статьи в статью: эвакуация людей, случайно распыленный газ, недоучка-химик, после обморока наглухо забывший, что туда намешал и зачем он вообще притащил эту пакость с собой. Одна пострадавшая, идет расследование, бла-бла-бла. Химик-недоучка? Вот коза в кружавчиках! Еще статейка, только из-под пера – пересказ предыдущих, и бонусом фотография: на фоне портрета Дзержинского два шкафа, из них один с глазами. Нижняя челюсть как выдвижная полка, но симпатичный. Полиция проводит опрос свидетелей, разыскивает пропавшую Софию Максимову, страдающую амнезией... Что?! Следователь Роман Саутин заявлял, что я могла видеть что-то важное, если дорогие граждане имеют информацию... И еще фото. Мое.

Я придвинула ближе ноутбук и впиалась в черно-белый снимок. Нечеткие черты лица, безумные глаза, полуоткрытый рот... Святые угодники! Откуда они взяли это убоище? С камеры, наверное. Опознать можно только по платью. Впрочем, мне же лучше, пусть ищут.

Четыре года молчания катком прошли по моей страничке в соцсети: редкие аватарки среди серых разнокалиберных морд удаленных и удалившихся, древняя переписка и одинокая заявка в друзья. От анимешной утки, схватившейся за голову. Кто у нас такой

креативный? Влад Истомин, собственной персоной: «Лейка просила написать везде, где ты можешь появиться. Ждет, как обычно, всю ночь, возвращайся! Тебя ищет полиция по поводу случая в фонде, куда ты ходила записываться на программу помощи». Ах, вот зачем я туда ходила. Одно непонятно, как вообще меня полиция вычислила? Анита скорее бы себе язык откусила, чем обо мне докладывать, хотя моя амнезия точно ее рук дело. Камера – ну что камера, на лбу паспортные данные не пропечатаны, встреч в фонде мне не назначали, в посетители я не записывалась.

Я торопливо набрала: «Ничего не помню, провал в памяти. А я там точно была?». В ответ прилетело: «Тебя Кира узнала на записи с камеры». Кира? Эта-то здесь каким боком? Видимо, уборщицей в полиции подрабатывает. Я перешла на ее страницу. Мужик на последних добавленных фотографиях... Шкаф! Роман, как его там... Так-так, а Кира влипла в серьезные отношения. Мужики у нее менялись часто, но в альбомы раньше никто не попадал.

Я оторвалась от экрана. Поняша таращился телячьими глазами, протягивая остывший кофе. И давно он так сидит? Хоть бы чихнул или помычал, раз уж говорить не получается. Парализовало его, что ли? Я перегнулась через столик, захлопнув мешающий ноутбук, и поцеловала его хозяина прямо в мягкие теплые губы.

– Спасибо, сладкий! Мне пора.

Он ошеломленно моргнул, брови наперегонки полезли на лоб. На этот раз обе и вполне искренне.

Улица дохнула осенним холодом, втянула в толпу, подхватила и понесла. Темнело. В отсвете витрин терялись фонари, мигали светофоры, ярко переливалась реклама. Люди спешили с работы домой, по насиженным гнездышкам, в воздухе мельтешили их отпечатки, густо плескались эмоции, сталкиваясь и брызгая в разные стороны. В ушах гудело, кружилась голова, хотелось забиться куда-нибудь в угол и уснуть. И не в чужих эмоциях дело. Для носителя сверхсилы из Потока симптомы типичные, и дальше станет хуже. Время утекало как вода сквозь пальцы, а ночевать по-прежнему было негде. Чертов Поняша! Принесло же его в то кафе. При другом веме по чужим мозгам ползать с внушением – это уже не риск, а глупость.

В подземном переходе колыхалась толпа, текла по ступеням, воздух словно выдавали взаймы, требуя с процентами за каждый вдох. Какая-то дородная тетка, сросшаяся с тележкой, пронеслась рядом, пихнув меня локтем под бок. Дыхание перехватило, мир крутанулся и опрокинулся, с силой ударив под зад. Тряхнуло так, что лязгнули зубы, резкая боль прожгла спину снизу доверху, вгрызлась в плечо. Вашу ж мать... Счастье, что я отпустила перила, вообще бы без руки осталась! Перед глазами плясали мутные пятна и вспышки, мчались по кругу, сливаясь в сплошную пульсирующую тошнотой линию, в голове с тонким звоном лопались гитарные струны. Дайте яда... Крепкий запах дешевого табака и давно съеденного лука, ревнивый бабий голос: «Отойди от нее! Видишь, пьяная или обдолбанная». Да-да. Отойди. Забери свою громкую дуру и лук, и отойди, пока у меня голова не лопнула. Не ушел. Подхватил под руки, стащил вниз и прислонил к стене. Ясно, подальше с прохода убрал... Боль утихала, сыто ворочалась в плече, саднил ободранный во время феерического падения локоть. Я, наконец-то, вдохнула, искрометная карусель замедлила свой бег и встала, муть схлынула. Прямо передо мной – каменная кладка, указатель на улицу и два хмурых типа в полицейской форме. Один с любовно ухоженными усами, не то Пуаро, не то Тарас Бульба, и второй – с тощей шеей и оттопыренными ушами, на которых покачивалась неплотно сидящая фуражка. Если я зажмурюсь, может, развеются?

– Девушка... – влез в ухо настырный голос. Не развеялись. Я обреченно открыла глаза, ушастый встрепетулся. – Ваши документы?

– Свои иметь надо, – вяло огрызнулась я, прикидывая пути отступления.

Относительно укромный уголок в переходе, запах глеющих в урне окурков, и никакой возможности нырнуть в толпу. Хреново. Типы переглянулись, представились и помахали книжечками.

– Удостоверение личности предъявите, – рявкнул усатый и прочесал окрестности цепким взглядом.

Откуда они взялись на мою голову? Не иначе та визгливая баба настучала. Смотрят на меня в четыре глаза настороженно, не отрываясь. Ушастый руку держит подозрительно, того гляди отстреливаться начнет. Или у него там огурец? Внушить ничего не получится – доверия ко мне ни на грош, оттого и барьеры запечатаны. Если бы не это, считали бы уже себя зайчиками и скакали отсюда на фиг.

– Я что-то нарушила? Скорость на метле не превышала. Я на ней в последнее время вообще летать не могу, вся задница в занозах... Хотите покажу?

– Документы покажите, – не проникся ушастый.

– А нету, – сказала я абсолютно честно. – Только усы, лапы и хвост.

– Пройдемте с нами, – заявил Тарас Бульба и хапнул меня за локоть.

Ё... Локоть! Боль стрельнула по руке, отдала в затылок, выбивая искры из глаз. Все. Достало. Мало мне Совета, ультимативных заданий Тео, дедлайна от собственного тела, беготни в поисках ночлега, тетки с тележкой и полета по ступенькам. Еще этот гребаный розыск. Хватит! По-хорошему я тоже пыталась.

Вдох. Размеренный, сосредоточенный. Два крючка, одновременно подцепленные сознания. Раз, и оба проверяльщика стали тихими-тихими. И спокойными. Ни вопросов, ни протянутых загребущих рук. Красота! Потом очнутся... Подумаешь, темный страшный Лектум. Усы не выпадут, уши не отвалятся, а остальное – пустяки, дело житейское.

Я развернулась и шагнула прочь. Мелькнуло рыхлое бабье лицо с вытаращенными в ужасе глазами. Сейчас завизжит...

– Не ори, дура! – рыкнула я. – Вызывай скорую, не видишь, людям плохо?

Та послушно захлопнула рот и трясущейся рукой затыкала в кнопки мобильного. Равнодушная толпа подхватила меня, понесла, тесня и толкаясь, и выплюнула на другой стороне перехода. Прокönyвляв несколько десятков метров вдоль дороги, я нырнула в арку и прислонилась к стене, ловя ртом загазованный воздух. В боку кололо, в светлом провале арки виднелся пустой двор с парой деревьев, старой побитой Окой и лавкой, на которой дремал грязно-белый кот. Отлично, мне туда. Осторожно пристроившись рядом с котом, я скрестила ноги и расслабилась. Мохнатое чучело недовольно потянулось, выпустив когти, прыгнуло и село неподалеку, яростно вылизывая лапу. Хлопнула дверь подъезда, к Оке подобрался дед, молодецкато подмигнул мне и нырнул под скрипнувший капот.

Итак, диагноз неутешительный. После сегодняшней встречи в переходе не только Анита копытом бить будет, но и полиция возбудится. Эти не Совет – здешние, не хуже меня ориентируются. Двадцать четыре часа в сутки настороже – я вам не Джеймс Бонд, а пуля в голову кого угодно покладистым сделает. Она ведь не в курсе, что у меня дар с бонусами. Хрен с ним, с Советом, но эту проблему нужно решить. Прямо сейчас. И я знаю как. В конце концов, мы в ответе за мужиков, которых к себе притащили!

Проще простого – мысленно отдалиться от всего и с высоты птичьего полета взглянуть на Москву. Энергия переливается, дробится, вспыхивает, каждый раз от этой панорамы дух захватывает. Где тут у нас болтливая Кира? О-о-о. Что-то ярко она полыхает... Но отпечаток определенно ее. Не дома, в центре города. Прекрасно.

Дед уже вылез из-под капота и любовно прилаживал дворники, кот ходил рядом, терся о колесо лобастой башкой.

– Дед, а дед... – окликнула я. – Может, прокатишь? Денег дам.

– Отчего ж не прокатить, – солидно отозвался тот, неторопливо вытирая руки. Кот презрительно фыркнул. – Не жип, конечно, но машинка справная, с ветерком проедемся. А насчет денег – брось. На шпильки себе оставь. Залазь!

Внутри пахло бензином, махоркой и еще чем-то смутно знакомым, из детства. Кот запрыгнул мне на колени, потоптался и лег, свернувшись клубком.

– Мой штурман, – похвастался дед и перехлестнул ремень. – Всегда тут ездит. Ну что, девка, погнались?

Всю дорогу мы смеялись и подпевали радио, по очереди затягиваясь ядерной самокруткой. Кот недовольно фыркал, прижимал уши и злобно бил хвостом. Подумаешь, эстет. На особо протяжной ноте выпустил когти, за что получил. Обиженно перескочил на заднее сидение, где дулся и драл чехлы.

На прощанье чмокнув деда в седую щеку, я выбралась из машины, подошла к массивным дверям паба и решительно толкнула тяжелую створку. В полутьме небольшого зала негромко играла музыка, таращились со стен пин-апные кокетки разной степени раздетости. В углу тихо переговаривались усталые официантки, пахло домашними колбасками – вкусными, сочными, горячими. Толпа жевала и гудела, позвякивала посудой. За последним столиком, у самой стены сидела Кира. Скрещенные ноги в паутинке чулок, небрежно заколотые кудряшки, невинный взгляд за стеклами очков, и сокрушительное декольте как контрольный выстрел. Судя по всему, одного уже подстрелила и теперь довольно мурлыкала, отсвечивая совершенно неприличным количеством нежности. Чем отсвечивал ее трофейный шкаф лучше не рассматривать. Стоп. Шкаф? Не может быть... Точно, он самый. Следователь Роман Саутин, объявивший на меня охоту, заметит сейчас дичь, только если его по голове треснуть стулом. И то вряд ли.

Парочка пребывала в своей персональной Вселенной, напрочь выпав из времени и пространства. Мило. Отдыхают, ужинают, слушают музыку. Потом пойдут домой и лягут в теплую, а главное – свою, постель. Спокойные, уверенные в том, что завтра будет обычный новый день. Я же в это время буду бегать по улицам в поисках ночлега, пытаюсь стряхнуть с хвоста Совет и полицию. Если первый – мои проблемы, то последняя прицепилась исключительно благодаря Кире и ее драгоценному Ромочке. А тот, кто смеет вставлять палки мне в колеса, должен быть готов этой палкой получить по лбу.

Я захватила по дороге третий стул, с грохотом приставила к их столику и уселась. Оба вздрогнули и посмотрели на меня. Господин следователь нахмурился, Кира придушенно пискнула, забыв про сэндвич.

– Милая, кушай, не обляпайся. – Я повернулась к ее спутнику. – Ты меня искал? Так вот, не надо. Ничего не надо: ни искать, ни лезть ко мне, ни донимать. Я от этого нервничаю, потом всяким приходится на полу отдыхать. Фосфор в воздухе горит, выделяет ангидрид – все, что я помню из химии. Газом пользоваться умею, если он засунут в газовую плиту. Короче, ничего не видела, не слышала, не знаю и знать не хочу. Без тебя и твоих ребят проблем хватает. Отвали, ага.

Он отодвинул тарелку и бесстрастно спросил:

– Ты что, больная?..

– Конечно, – хмыкнула я. – А сам-то со здоровой живешь?

– Рома, ну ее же всего несколько дней как выписали. – Кира мяла в пальцах край скатерти, умоляюще косясь на меня. – Может, новый срыв...

Рома, каменея лицом, привстал со стула. И тут же сел на место. Так-то лучше. Припертый к стеночке барьер – отличная штука. Обойдемся без лишних движений, а остальное потерпит. Рябь перед глазами и гул в ушах общению не помеха. Кира опустила руки и шокированно округлила глаза. А что делать, если до ее бойфренда с первого раза не доходит?

– Рано расходиться, – ласково улыбнулась я, чуть ослабив хватку, чтобы он меня все-таки видел и слышал. – По крайней мере, пока я не разрешу. Объясняю прямым текстом. Мутная история в офисе «Идеального мира» – это глухарь, висяк или как там еще по-полицейски. Паранормальные явления никаким законом не наказуемы, и в отчет не влезут, сколько ни впихивай. Их нет, как секса в СССР. Нечего тут расследовать. Фотографии мои по сайтам рассовывать, в комментариях упоминать, и вообще где-либо. А уж разыскивать подавно.

Кира отчаянно гасила подступающую истерику и смотрела вниз, будто под столом

творилось что-то интересное. Я заглянула – пусто. Рома сосредоточенно моргал, то ли проснуться пытался, то ли вспоминал, что такого забористого выпил. Не верит, и даже мысли не допускает, что в сказанном мной может быть хоть крупица правды. Зря.

– Скучно у вас тут... – Я зевнула и осмотрелась.

Посетителей паба было немного, десятка два. Сытые, расслабленные, легкомысленные. Осилю. Податливая энергия барьеров, стопроцентная внушаемость. Идеально, представление начинается.

– Танцуют все, – объявила я и щелкнула пальцами.

Глубокий вдох, пойманные энергетические ниточки – официанток не надо, без них обойдусь – осевшая в глубине чужих сознаний навязчивая мысль. Та, что не дает покоя, скребется прямо в мозг, заставляя действовать. Люди вставали – кто резво, кто с обыденной неторопливостью, кто заторможенно, словно под гипнозом. Хаотично лепились в пары и начинали кружиться в медленном танце, сталкиваясь и натыкаясь на стулья и столы. Официантки озадаченно переглянулись, нажали на пульт, и из динамиков заструился тягучий медовый блюз.

Пахнуло теплом по спине, из-за моего плеча высунулась огромная лапа и потянулась к Кире, та испуганно вжалась в стул. Господин следователь слегка побледнел, его непробиваемая уверенность дала, наконец, трещину. Я оглянулась. Здоровенный бугай покачивался в танце, сосредоточенно сопел, пытаясь ухватить Кирину руку. Ясно, пары не досталось.

– Перебор, пожалуй, с навязанной волей, – признала я и откинулась на спинку стула. – Впрочем, некритично.

Сидеть прямо становилось все труднее. По венам растекалась слабость, каждая перехваченная эмоция шарахала током. Дверь сзади скрипнула, Кира перевела на нее отчаянный взгляд. Кого еще черт принес? Впустив холодный воздух, в паб шумно ввалилась мужская компания в меховых шарфах одинаковой расцветки. Бугай встрепенулся и, оставив в покое Киру, потанцевал ко входу. Заметив странную толпу с бессмысленными лицами и бугая, подбирающегося к ним с выставленной лапой и непонятными намерениями, мужики затормозили и переглянулись. Отчетливо потянуло ядреной смесью из растерянности, изумления и азартной радости от возможной потасовки. Ну, нет.

– Зал на спецобслуживании, – сообщила я, направляя им мощный импульс «не пойти ли нам куда-нибудь еще».

Перед глазами замелькали черные мошки, поплыли вспыхивающие круги. Бак пуст, ресурс исчерпан... Хлопнула дверь, агрессивный фон растаял. Сработало. С силой прикусила щеку, боль отрезвила. У дверей крутил башкой бугай, не понимая, куда исчезла такая куча партнеров. Поймала его взгляд, потянула энергию, сначала по капле, потом еще, и еще. Бугай стек на пол и затих. Вот и славно, пусть отдохнет. Последние нотки блюза растворились в упавшей тишине, а люди, еле переставляя ноги и не глядя друг на друга, все кружились, кружились, кружились... Господин следователь сравнялся по цвету с воротником своей рубашки, искрил бессильной злостью. Зато как на тронутую дуру больше на меня не смотрел.

– Перестань, – тихо сказала Кира. – Он уже понял.

– Вряд ли, – я пожала плечами. – Но ему есть у кого спросить, правда? Зачем бегать за мной, если своя, точно такая же, под боком? Кстати, поздравляю! Силенок раньше было – кот наплакал, а теперь целое ведро. Ты об этом всегда мечтала.

Она стиснула зубы, дергано поправила очки. Не нравится? Ну, увы. Редко кому нравится, когда его сдают с потрохами. И мне не понравилось.

– Добавить яркости ниоткуда нельзя, можно лишь восстановить то, что было... – я задумчиво посмотрела на Киру. – Ай да Славик.

Рома напрягся, она замерла. В ней клокотала холодная, колючая ярость, напрочь заглушившая страх.

– Давай скажи, – вздохнула я, – все, что обо мне думаешь. О том, какая я сволочь, и как ты меня ненавидишь.

Ее губы тронула странная, серьезная улыбка, без тени привычного ехидства.

– Ненависть надо заслужить, – прошептала Кира, сложив руки на груди. Вздернула подбородок и уже громче добавила: – А тебя мне просто жаль.

– Да неужели?

– Я всю жизнь тебе завидовала. У тебя было все, чего я когда-либо хотела. Сильный дар, вершина топ-списочка, ноги от ушей, всеобщее уважение, лучшая подруга, для которой ты – свет в окошке. А что в итоге? Ты все испортила. Потеряла свободу, четыре года жизни, те, кто прежде восхищался, считают тебя психопаткой. Жалкое зрелище. А знаешь, что ты потеряешь следующим? Ее.

Су-у-ука! Концентрация, мысленный рывок. Кира вздрогнула, ее барьер тоже. Сама наравалась. Никогда. Никогда я Лейку не потеряю! Пусть хоть весь мир рухнет, разом. Сгорит дотла и пеплом развеется до самого Ада.

В плечо впились железные пальцы, приподняли со стула. Мощный импульс энергии смел все мои попытки защититься, зал взорвался оглушительным звоном. Швырнуло на пол. Саднящий локоть, оборванные контакты с подсознаниями. Паша в мою сторону и не взглянул, шагнул к Кире. Взял ее за подбородок, всмотрелся внимательно. Боже мой... Приплыли.

Та встревоженно косилась на Рому, который медленно и с облегчением выдыхал.

– Нормально с вами все. – Паша отпустил Киру. – Цирк окончен, клоуны уходят.

Хапнул меня за саднящий локоть, от души встряхнув. Танцующие пары померкли, мир рассыпался на звездочки. Напористая энергия обступала со всех сторон, тащила куда-то, еле ноги успевала переставлять. Потом впечатало в стену – спиной. Паша навис сверху, держа меня за шиворот. Рядом с ревом проносились машины, в темное небо врезались шпили крыш. Высотки. Далеко уволок!

– Ну, и дальше-то что? – усмехнулась я. – Под Камаз, и она сама так захотела?

– Зачем? В этот раз ты отлично справляешься без меня.

Убрав руки, он отступил на шаг. Я сползла на асфальт. Мутило дико, вот-вот стошнит. Паша развернулся и пошел прочь. Через мгновение исчез за поворотом, будто его тут и не было. Что за?.. Я встала, отряхнула плащ и поплелась искать такси.

Позже подумаю, в чем тут подвох... Когда просплюсь.

Глава 12

Лейка

Гробовое молчание, повинно склоненные головы и ни грамма раскаяния, я же вижу.

– Вы что, с ума сошли?! – Я в сердцах захлопнула дверь, парочка на диване синхронно вздрогнула. – Оба?..

Экспериментаторы мрачно переглянулись, Влад незаметно ткнул Артема локтем в бок.

– Я понял, – буркнул тот, изучая ковер под ногами. – Как дар работает и...

– И нашел замену мухам, – перебила я. – Молодец!

Артем сердито засопел, Влад подавился смешком и фальшиво покашлял.

– А ты?! – напустилась я. – О чем ты думал, когда соглашался?

– О том, что ты нас не застукаешь...

Дурак! Один наслушался вечером про Нири и с утра пораньше решил сам попробовать пальнуть тьмой так, чтобы не задеть окружающих, второй радостно вызвался на роль подопытного кролика. Перед работой он, видите ли, заскочил. Да лучше бы поспал на час дольше.

– Веселишься? – ровно выговорила я, чувствуя, как злость уступает панике. – Жить надоело? Это дар, он опасен. Мало тебе было прошлого раза?

– Лейка, – посерьезнел Влад. – Я в порядке.

В порядке... Черт! Он даже не знает, на что подписался. У Артема не просто дар, у него сила Вестника. Мощная, темная, толком не изученная. Счастье, что я решила заглянуть на шум и вовремя остановила этот кошмар... Единственной жертвой пала моя нервная система, Влад отделался легкой дезориентацией от выпущенной рядом темной энергии. Могло закончиться куда хуже.

– У меня все получилось, – обиженно заявил Артем. – А ты...

– Успех ничего не значит, – отрезала я, – если провал угрожал чьей-то жизни.

– Нет, не угрожал, – Артем упрямо мотнул головой. – Я не могу причинить вред тем, кого люблю. Совсем! Тебя тогда в той кладовке тоже не задело, помнишь? И его не задевает. Я понял: надо хотеть сделать плохо тому, в кого целишься. Иначе не сработает. Вот!

А он прав. Тогда, в кладовке, я чувствовала тьму, но осталась невредима, а для Алекса все кончилось сердечным приступом. Нири... Она не была слабее первого Вестника или кучки одаренных. Она просто не смогла убить кого-то из них – хотела, но не смогла, и он убил ее. Сила и слабость Вестников в их чувствах. Реальных, истинных, пусть даже и глубоко скрытых.

– Любое правило имеет свои исключения, – убежденно сказала я. – Как твои глаголы по английскому. Сегодня тебе повезло, и все сработало. Но могло и не сработать. Оказаться именно тем самым исключительным случаем. И что бы ты тогда делал один? Без подстраховки?

Артем прерывисто вздохнул, заерзал по дивану, Влад задумчиво поскреб щеку. Дошло, наконец? Лишь бы не понял больше, чем нужно, не догадался, что Артем отличается от обычных одаренных. Сам, конечно, не проболтается, но любой с сильным даром может влезть к нему в голову и выудить информацию. Тому, кто ищет Вестника, нетрудно сложить два и два.

– Я не буду больше... Один... – Артем подозрительно шмыгнул носом, не поднимая головы. – Я тебе скажу... И мы вместе...

- Вот и хорошо, договорились. Завтракать будем?

- Мы с Ариной пирог доели, как проснулись. Пойду к географии готовиться, карту достану.

Едва за ним закрылась дверь, я повернулась к Владу и отчеканила:

- Мне достаточно проблем с Артемом, будь любезен - не создавай новые. Он ребенок, и не в состоянии адекватно оценить угрозу. Но ты-то должен соображать, к чему могут привести эти, с позволения сказать, эксперименты?!

- От всего не перестраخуешься, - отмахнулся Влад. Я сердито сложила руки на груди, он засветился странной, стопроцентной уверенностью, словно ни в какую угрозу не верил, и добавил: - У каждого есть неотъемлемые права - в том числе на глупости и ошибки!

Главное, чтобы не безлимитный абонемент... «Есть вещи, на которые ты не можешь повлиять» - недавно услышанные слова эхом прокатились в памяти. Где сейчас Соня? Как она?.. Я не глядя опустилась на диван, задев Влада. Тот мгновенно отодвинулся и устался на ковер, заполыхав целым букетом эмоций, разбираться в которых не было сил.

- Соню полиция ищет, - я обхватила голову руками, - из-за происшествия в Совете, меня уже вызывали...

- Уже?.. - хрипло сказал Влад и закашлялся. Простыл, что ли? - Оперативно. Меньше суток прошло!

- Кира узнала Соню на записи с камеры и ляпнула своему Роману. Все бы ничего, но он и есть тот следователь, которому досталось это дело.

- Во дела! - ошарашенно протянул Влад. - Нарочно не придумаешь.

- Я тоже хороша... Выловила Соню в Потоке в первый же день, а следующую встречу не назначила. Как теперь предупредить...

- Так давай назначим, - оживился он. - Соня пользуется интернетом? Электронной почтой, социальными сетями?

- Не знаю... Наверное.

- Не парься, найду!

Влад потянулся к рюкзаку, достал планшет с залапанным экраном и заботливо протер рукавом. Я придвинулась ближе и заглянула ему через плечо. Пальцы Влада летали по дисплею, листая страницы, открывая вкладки, набирая текст с такой скоростью, что я не успевала рассмотреть буквы. Хоть бы нашел, хоть бы нашел...

- Ага! - победно выкрикнул Влад. - Нашел. Она?

С фотографии четырехлетней давности улыбалась Соня - на детской качели, с букетом цветов и плюшевым медведем. Ветер трепал ее волосы, сползшая бретелька топа расчерчивала локоть тонкой алой полоской.

- Она, да... - выдавила я. Прекрасно помнила тот Сонин двадцать пятый день рождения. Шумный праздник, стойивший ей недели головной боли, море цветов. И ту прогулку после - по парку, вдвоем.

- Диктуй послание! - Влад азартно потер руки.

- Напиши про полицию. Я им сказала, что она была не в Совете, а в благотворительном фонде «Идеальный мир» из-за их программы помощи людям с психическими расстройствами. И еще нам надо встретиться в Потоке, ночью, на ее любимом месте у водопада.

- Лейка, ну ты что! - возмутился он и быстро замолотил по клавиатуре. - Чему мы с Артемом тебя учили? Наверняка за вами следят, аккаунты взломать несложно. Готово!

Сообщение было кратким, емким и непринужденным, будто он обсуждал с Соней и без того известные ей вещи.

– Центр – Юстасу, – пробормотала я.

– Теперь ждем. Как прочитает, я замечу и сообщу тебе.

Увы, она не ответила ни через пять минут, ни через десять, ни через пятнадцать. Даже не появилось в этом самом онлайн. А потом Влад убежал на работу. Я проводила его до крыльца, бестолково постояла на пороге, глядя ему вслед и чувствуя, как промозглый ветер начинает пробираться до костей. Хотелось кофе. Горячего, крепкого, с пенкой. Я захлопнула дверь и пошла на кухню. Со вчерашнего вечера здесь ничего не изменилось – те же следы кулинарного побоища, та же гора посуды в раковине, та же кастрюля с окаменевшим здоровьем на плите. Видимо, Нина уволила не только повара, но и домработницу. Опять... Суровые тетki, похожие друг на друга как близнецы, менялись с такой скоростью, что я не успевала запоминать их имена. Кофе не было. Никакого. Ни молотого, ни в зернах, ни растворимого. В пустом шкафчике валялась банка из-под чая и пара смятых пакетов с обломками печенья. Не поверив своим глазам, я открыла соседнюю дверцу: одинокая пачка овсяных хлопьев, наверное, для здоровой каши, и две грязных чашки с остатками заварки. Что за... После тщательной ревизии я сделала два вывода: во-первых, продуктов нет от слова совсем, а во-вторых, если я не возьму готовку в свои руки – мы все умрем от голода.

Отмыв кухню, я вернулась в свою комнату, достала из комода блокнот, уже растерявший половину листов, и старый школьный пенал, похожий на плоскую коробочку. Бабушкин. Она подарила мне его давно, когда я пошла в школу. Особый пенал, предмет тайной зависти первого «Б» класса – ни у кого не было такого. Не современное поролоновое чудовище, а очень удобный, пластмассовый, белый, с розовой откидной крышечкой, на которой уместились маленькие счеты и игрушечные часы. В трех нижних секциях аккуратно лежали ручки, карандаши и полосатая стирательная резинка. Ничего не пачкалось, не смешивалось и не каталось...

Зажатая между пальцев ручка, чистый лист, сероватый, в крупную клетку. Итак, что нужно купить из продуктов. В первую очередь – кофе. Кончик стержня беспомощно мазнул по бумаге, оставив едва заметную вмятину. Я потрясла ручку и принялась старательно черкать в уголке. Распишется, никуда не денется. Беспорядочные зигзаги, царапины, штрихи. Я надавила сильнее, будто на автопилоте вывела круг. Незамкнутый, с завитушкой волны внутри. Смутно знакомый... Точно, символ с песка в первородном мире. Шестой. Ничейный. В ушах тонко зазвенело, к горлу подкатила тошнота. Пальцы дрогнули и нарисовали этот знак снова, еще один, и еще. В ряд. Потемнело, блокнот расплылся грязным пятном. Резко запахло чернилами, словно их был разлит океан, к горлу подкатила тошнота. Следом – безысходность, привкус сомнений. И тишина.

...молчание царапает, в руках догорает свеча, смотрю на нее, не поднимая глаз. Все сказано, все решено. Обратного пути нет.

– Ты будешь жалеть, – наконец доносится голос.

Он прав. Знаю, чувствую. Это цена. И я ее заплачу...

Захлестнуло тоской. Горькой, беспросветной, такой настоящей! Я через силу вдохнула, судорожно смяла лист. Отброшенная ручка, клочки, обрывки... Всюду: безобразные, мелкие, ни буквы не разберешь. И отлично! Но бардак... Я сползла со стула на ковер, усыпанный остатками несчастного блокнота. Что сейчас со мной было?.. Видение из прошлого? Наверняка Хранитель с его мистическими прикосновениями постарался. До сих пор аукается, только спровоцируй чем-нибудь. Ясно одно – эти знаки лучше не трогать. Не рисовать, не представлять, даже не думать о них! В конце концов, я понятия не имею, зачем они нужны.

В ванной я долго плескала в лицо ледяной водой, пока не замерзли руки, потом проскользнула обратно в свою комнату. Из детской Артема доносился монотонный

бубнеж – шло очередное занятие, по коридору дробно простучали каблучки, раздался смех – Арина вернулась из школы. У Нины было тихо. Дом жил своей жизнью, и плевать ему было на меня и на мои проблемы. Обставленные в стиле родной квартиры двенадцать метров отдавали фальшивым уютом, бедными родственниками казались тяжелые шторы с ламбрекеном, бабушкин резной комодик для рукоделия и музыкальная шкатулка с балериной. Я завела ее на полный оборот – сама не знаю зачем, и под знакомый перезвон прилегла на застеленную кровать. К черту список, к черту покупки и готовку. Не я здесь хозяйка, и не моя это семья. Меня лишь терпят, пока я нужна Артему. Пока нужна, а что потом – неизвестно.

Мысли вертелись по кругу вместе с тоненькой фигуркой балерины, рядом с подушкой упорно молчал телефон. Не могу больше... Устала...

Мне снился холод. Густой, колющий, неотвратимый. Тысячи острых снежинок облепили со всех сторон, кусались, врезались под кожу, проникая все глубже, метя в самое сердце. Казалось, должно быть больно, но нет. Чувства словно притупились, замерзли вместе со мной. Не было ничего, даже страха. И вокруг только снег – белый и бесконечный. Неумолимый в своем мощном натиске. Он падал, а я тонула, тонула... Еще немного – и растворилась бы в нем без остатка, вся. Что-то удерживало. Мешало. То ли ощущение твердой земли под ногами, то ли теплота объятий. Крепких, цепляющих. В носу защекотало, ячихнула и проснулась окончательно.

Открыв глаза, увидела улыбку. Прикрытые веки с пушистыми ресницами, россыпь веснушек на носу. Рыжие, модно нечесанные вихры лезли мне в лицо, маленькая рука ремнем безопасности придавливала к кровати. Артем заворочался, уткнулся лбом мне в плечо.

– Ой, – сонно пробормотал он. – Кажется, я уснул...

– Еще бы, Влада спозаранку по комнате гонять, любой притомится.

Артем чуть отодвинулся. Глаза у него были серьезные и совсем не детские.

– Я не знаю что, – сказал он отстраненным голосом, – но я должен что-то сделать. И это очень важно. Веришь?

Сердце пропустило удар, на секунду замерло, глухо стукнувшись о ребра, и заколотилось как бешеное.

– Верю, – кивнула я, потому что знала наверняка – так и есть.

– Я не обижу, – продолжил Артем тем тоном, каким обычно дают обещания, – тех, кто этого не заслуживает.

Специально – нет. Но контролировать себя получается не всегда. Ошибешься хотя бы раз и... Кто-то может пострадать. Кто-то близкий.

– Лейка... – потрясенно протянул он уже обычным голосом и приподнялся на локтях. – Клевый у тебя бардак, даже у меня такого не получается. Это точно ты? Ущипни меня! Ай... Я просил один раз! Не щипайся!

Он упал обратно на подушки, повизгивая от смеха и дрыгая ногами.

– Я понял, это ловушка...

– Нет, – я сгребла его в охапку – хохочущего, брыкающегося, – и крепко прижала к себе. – Я пыталась съесть шифровку, но она оказалась невкусной!

В животе мальчишки подозрительно забурчало.

– Вспомнил! Я шел позвать тебя обедать и... уснул.

Нина сварила щи из топора? Артем сорвался с кровати и потянул меня за руку.

– У нас новый повар, готовит офигеть!

В кухне пахло уютом и домашним теплом, в тарелках исходил паром наваристый

куриный суп, присыпанный крупно порезанной зеленью. Пять часов – поздно вато для обеда, но нашим желудкам было все равно. Артем проворно орудовал ложкой, довольно жмурился, отхватывая полукружья от куска хлеба с маслом – три «ама» на ломоть. На столе пискнул сообщением телефон. Влад! Соня ответила, все поняла и даже в шпионском стиле кое-что уточнила. С души словно камень свалился. Значит, ночью она будет в Потоке у водопада. Увижу – прибью, но сначала назначу встречу. Сразу. Чтобы больше не потеряться.

Навернув добавки, Артем отодвинул тарелку и сыто выдохнул. На веснушчатом носу блестели капельки пота, из-под серой футболки выпирал плотно набитый живот. По коридору процокали каблучки, в дверях появилась Нина – в облаке духов и хорошего настроения.

– Арина принесла чудесные мультики. Пойдемте смотреть.

Я приглашена? Да этот повар просто кудесник. Интересно, что он добавляет в суп? Надо спросить.

Близился вечер, за окном плескались сумерки, в приоткрытое окно струился осенний холод, шевелил шторы с ламбрекеном, смешивая запах прелых листьев с ароматом кофе. Из коридора долетали веселые мультяшные звуки и смех – приглушенный Арины, бархатный, грудной Нинин и задорный Артема, вздох. Что это опять с ним было недавно? Уже второй раз. Будто не он вовсе со мной говорил... Мне до сих пор известно о Вестниках мало. Откуда они берутся, почему рождаются именно раз в сто лет? Особые способности, Поток вне правил, тьма... Да и тьма ли это вообще. И что было со мной? Те странные мысли, вывернутые наизнанку чувства и выматывающая душу тоска, они мои, или... Так. Бабушка всегда говорила: «Дьявол любит пустые ручки». Вот и займу их, благо есть чем. Чтобы духу не осталось ни от дурацких знаков, ни от бумаги, на которой они были написаны.

Закончив уборку, я выпрямилась и потерла занывшую поясницу. В комнате стало чисто, за окном темно, а в голове блаженно пусто. Мультки, видимо, закончились, домашние разбрелись кто куда, и в полной тишине громко завопил телефон. Анита... Палец завис над зеленой кнопкой, в горле пересохло. Брать трубку не хотелось. От нашего прошлого разговора остался неприятный осадок, да и сейчас я вряд ли услышу что-то хорошее. Самое гадкое – я ее понимала. Прекрасно понимала, а сделать ничего не могла. Только не против Сони. Я присела на край стула и ответила.

– Приезжай, – велела Анита и продиктовала адрес бесстрастным тоном, четко и медленно. Запомнился мгновенно.

– Что случилось? – выдавила я, всем нутром чувствуя, что вариант-то всего один...

– Соня. Поторопись. Подскажешь, как этим людям помочь.

Спокойно...

– Кто-то пострадал? – прошептала я.

– Сама увидишь.

– Скоро буду.

Я выскочила в прихожую, вызывая такси. Заученный наизусть номер, два произнесенных адреса. Плащ застегнула уже на улице, у ворот, изнывая от нетерпения. В машину ворвалась, напугав водителя. На полпути вспомнила, что не заперла входную дверь. И никого не предупредила о своем отъезде. Ладно, не потеряют. Артем уж точно. Без особой надежды попыталась высмотреть Соню, но увы. Зато обнаружила Пашу с Кирой, прямо по курсу, именно там, куда я направлялась. Что за... Общий сбор? Все настолько плохо?! От сил, добавленных из глубин Потока, можно ждать чего угодно. Так, отставить панику! Делать выводы рано. Анита ничего толком не рассказала, а Соня не имеет привычки кидаться на людей. В клинике просто не успела прийти в себя, в Совете ее спровоцировали, и тут должно быть разумное объяснение. Наверное...

Выпрыгнув из такси у бесконечно длинного дома, я побежала мимо универсама, магазина с дизайнерскими тряпками, пахнувшей травами кафешки... Паб. Мерцающая

на последнем дыхании вывеска, табличка «закрыто по техническим причинам», знакомые отпечатки за массивной дверью и странный энергетический фон, совсем не такой, как в Совете – ни мощи, ни напора. Смазанный, мутный, вязкий, как илистое болото. Невольно ускорив шаг, я влетела внутрь и застыла, не решаясь пройти дальше. В душной полутьме медленно кружились пары. Музыки не было, и в полной тишине тяжелое шарканье полусотни ног казалось оглушительным. У первого столика на полу безжизненно распласталось мощное тело с изрядно отжатой энергией, из угла персонала доносилось позвякивание стекла, отчетливо тянуло валерьянкой. Одна официантка нервно грызла ногти, вторая трясущимися руками пыталась накапать настойку в бокал, без конца брызгая мимо, потом в отчаянье всхлипнула и отпила прямо из флакона. Сзади них маячило бледно-зеленое лицо администратора. Все трое были напуганы до икоты. Черт! Что тут происходит?.. Администратор отмер, потыкал в пульт, из колонок под потолком полилось медленное танго. Стало не так жутко. В углу колыхнулась плотная штора, выпустив запах сгоревшего мяса и Аниту с Пашей. Первая сдержанно кивнула, второй помрачнел.

– Зачем ты ее позвала? – осведомился он у Аниты тем резким тоном, после которого всякого тянуло отчитаться.

– Надо.

– Что с этими людьми?.. – Я подошла к ним, на ходу расстегивая плащ.

– Танцуют, – безлико обронила Анита. – С тех пор как Соня отсюда ушла. Почти час, без остановки.

Сама вижу, что танцуют. Им бы присесть и отдохнуть, причем срочно. Похоже на внушенную мысль, вроде продвинутого влияния. Только зачем это Соне?.. Кружащиеся по залу пары чуть расступились, в просвете стал виден дальний столик. Безостановочно поправляющая очки Кира с полупустым бокалом, бледный Роман, который... Ох. К счастью, барьер не поврежден. Но после такого прицельного энергетического воздействия любой будет чувствовать себя хуже некуда. Не падать – уже достижение... Он меня тоже заметил. Скользнул вялым, с проблеском узнавания взглядом, от которого внутри все сжалось. Я не выдержала, опустила глаза. Здесь случилось именно то, что я думаю? Хотя бы нет... Пожалуйста...

– Соне не понравилось, что ее в розыск объявили, – вкрадчиво влез в ухо голос Аниты. – Решила со следователем на эту тему пообщаться. Вот и... пообщалась.

– Устраивать тут демонстрацию ни к чему, – отрезал Паша. – Проблема была решена еще до твоего приезда.

Та невозможно пожала плечами.

– Ты... – выдавила я. – Ты как узнал?..

– Кира сообщение послала, как только Соня появилась, – неохотно ответил Паша. – Офис банка на соседней улице, я еще на работе был. И, представь, опередил дорогого куратора всего на десять минут. – Аните досталась ехидная ухмылка. – Что еще интересного нашлось в моем телефоне?

Она невинно моргнула и улыбнулась. Ни тени смущения. Ну да... Совет. Чужая переписка им как родная. Удивляться такому меня кое-кто прочно отучил. Тягучее танго сменилось на джайв, но толпе было все равно. Пары уже не кружились, а измученно покачивались из стороны в сторону, еще немного, и свалятся...

– Почему персонал не реагирует? – Я помассировала виски, пытаюсь сосредоточиться. – Полиция там, скорая.

– Администратору работа нравится, – Паша поглядывал сквозь толпу, недовольно хмурясь, – а скандал в его смену с последующими разборками – нет. Договорились.

Между парами просочилась Кира, осторожно обошла Аниту и встала рядом с ним.

– Всем привет, – выдохнула она. Запахло вином и яблоками. – Я в порядке, Рома почти очухался. В общем, могло быть и хуже.

Паша бросил на Киру предостерегающий взгляд и повернулся к Аните.

- Говорить с ним сейчас – гиблая затея. Отходит по чуть-чуть, и пока соображает слабо.

- Да он толком и не понял, что произошло, – подхватила Кира, резким движением убирая за ухо выбившуюся из прически кудряшку. – Половины слов Сониных не расслышал. Будет задавать вопросы – я разберусь.

- Разберись, – ласково улыбнулась Анита. – Или придется мне.

Вроде прозвучало мирно, но я вздрогнула.

- Как с Лессером? – прошипела Кира, полыхая смесью ярости с паникой. – Саутин реалист до мозга костей. Для него что барабашки, что экстрасенсы, что вемы – чушь и бред. Сам придумает рациональное объяснение. Первое, что сказал, как в себя приходить начал – надо паб проверить. Не подмешивают ли чего в еду, а то слишком резко ему поплохело, и толпа вокруг словно обдолбанная. Не надо к нему лезть, без помощников справимся!

Анита сухо кивнула. Паша сложил руки на груди, сердито зыркнул на Киру.

- Напилась – веди себя прилично. Дар сильный, а научилась только в обмороки падать. Барьеры танцующих я проверил, повреждений нет, глубже не присматривался.

- Корона сползла и мешала? – огрызнулась Кира. – А я вот присмотрелась... Пока напивалась! Ни у кого критических отклонений от нормы не нашла. Есть странные сгустки энергии в подсознании, и те рассасываются.

- А последствия? – Анита смотрела не мигая, казалось, что даже воздух потяжелел от этого взгляда.

- Ничего им не будет, – уверил Паша с каменным спокойствием. – Наутро решат, что перебрали.

- Может, их просто вырубить? – Кира задумчиво уставилась на неподвижное тело у дверей. – Хоп, и никаких танцев. Полежат и очнутся...

- Не стоит, – оборвала Анита.

Паша побагровел, мигом растеряв всю сдержанность. Схватил Киру за плечо и развернул к дальнему столику. Толчок в спину, Кира охнула, обогнула толпу и через пару секунд уже сидела напротив Романа. Тот пил воду из длинного стакана, отстраненно водя пальцем по скатерти, словно пытался поймать какую-то мысль за хвост. Я повернулась к Паше.

- Рассеять внушенную волю пробовали? Или хотя бы ослабить.

- Пробовал. Не действует, барьер не дает. Лучше их не трогать, ей-богу.

Я присмотрелась к ближайшей паре. В подсознаниях пульсировали чужеродные энергетические сгустки, но дотянуться до них было нереально. Разве что повредив барьер.

- Мы должны что-то сделать...

- Не допустить подобного впредь, – отчеканила Анита, глядя мне в лицо. – Самый действенный вариант.

И единственный для Совета – запереть в клинике и забыть. Соня заработала все пять предупреждений, если не двадцать пять, а мне прекрасно известно, чем это чревато. Концом. Не сумеет она договориться после такого...

- Лера, – настойчиво продолжала Анита. – Соня сделала это во второй раз. И снова делает. Ее нужно остановить.

- Насколько я знаю, им совокупную ответственность не впаяли, – парировал Паша.

Музыка давила на уши, зал стремительно заливало светом. Нельзя было ее отпустить. Она пришла ко мне сразу, как вспомнила себя. Рассказала, о чем могла. Нужно было помочь, несмотря ни на что. А я отпустила...

– Молчишь? – В глазах Аниты сверкнула злость. – Что ей такого надо сделать, чтобы ты решилась? Убить кого-то? Или и этого окажется мало?

Я зажмурилась, свет исчез. Все исчезло. Можно было представить, что ничего этого нет, хотя бы на пару секунд.

– Так, хватит, – как сквозь вату донесся Пашин голос. – Мы уходим.

Взял меня под руку, куда-то потащил. Музыка отдалилась, скрипнула дверь, в лицо ударил ветер, холодный и свежий. Шумная дорога, несколько шагов сквозь беспросветное марево. Оно звенело, шипело, тянулось дымчатыми щупальцами. Эмоции пробивались наружу, еще немного и рванут фонтаном. Черт... Как бы никого не задеть! Я с силой вонзила ногти в ладони, боль отвлекла, перетянула внимание на себя. Теперь вдох, выдох. На пятом сбилась, начала сначала. Пришла в себя в машине, на переднем сидении. Паша вырливался на шоссе, пульсируя тревогой и раздражением.

– Мы куда? – спросила я, пытаюсь сообразить, что делать. В голове было пусто.

– Ко мне, – буркнул он и прежде, чем я успела открыть рот, предостерег: – Попререкайся еще. У меня срочной работы по горло, некогда уговаривать и нянчиться. Успокойся, отвезу домой. Не обсуждается.

Не обсуждается, так не обсуждается... Я откинулась на спинку кресла и снова сосредоточилась на дыхании. Мир был пестрым и отрывочным. За окном мелькали залитые светом фонарей улицы, человечки в цветных кружках светофора, толпы людей. Их отпечатки сливались в невнятную полосу, спешащую куда-то общим потоком. Непривычно и сладко пахло яблочным освежителем воздуха, ровно гудел мотор. Дорога сужалась с каждым поворотом, улицы пустели, глубину дворов захватывала темнота. Узнаваемые башенки на крышах кирпичных многоэтажек, узорчатые фасады, подъезд универмага на углу. Уже близко... Я возвращаюсь в место, порог которого когда-то твердо решила не переступить. Интересно, есть ли у обещаний срок годности? Актуальность? Или своевременность? Возможно, у этого обещания все разом истекло.

Туман перед глазами редел, реальность перестала распадаться на фрагменты, соткалась в единое целое. Подземный гараж, блеск начищенного пола в лифте, соседка с лабрадором. Как его? Тайсон! Пси́на на мгновение насторожилась, а потом ткнулась крутолобой головой мне в ладонь. Надо же, помнит... Дверь отворилась беззвучно, вспыхнула хромированная люстра на покрытом зеркальными панелями потолке. Пространство залило мягким светом.

...я выхожу из квартиры последней, закрываю дверь и украдкой смотрю на Пашу. Он уже стоит у лифта, жмет кнопку вызова и лениво позвякивает ключами от машины. Я прикрываю ладонью глазок и пытаюсь заглянуть через него в квартиру.

– Я знаю, чем ты занимаешься, – говорит Паша, не оборачиваясь. – Свет точно выключился. Он выключается автоматически!

– Ты уверен? – сомневаюсь я. – А вдруг именно на этот раз не сработало?

Конечно, уверен. Можно было и не спрашивать. Люстра в прихожей – предмет его гордости и единственное, что он выбрал сам. Остальное выбирала Роза...

А здесь ничего не изменилось. Изогнутые линии дверных проемов, мозаичные вставки, шкаф с дверцей из матового стекла, кованая колченогая вешалка. Криво, асимметрично и витиевато, словно каждая загогулина вопит в голос – «Смотрите, я не такая, как все!». Роза называла это беспощадным модерном, холодным и напыщенным, точно внезапно разбогатевшая прачка. «Ладно, я. Будем считать, в приступе временного помешательства согласилась на эту красоту», – сказала однажды Роза Паше. –

Пристрелить того дизайнера... Но вы... Как тут можно жить?». Предложила все снести и сделать по-другому. Но Паше было все равно, а я... Я любила бабушкину квартиру.

Кофе, обжигающе горького, густого, хотелось почти нестерпимо... Турка стояла на прежнем месте в шкафчике, между аккуратной жестяной баночкой и ручной кофемолкой. Паша уселся на край стола и отрешенно смотрел на поднимающуюся пенку.

- Слезь! – привычно скомандовала я и осеклась.

Он усмехнулся и молча встал рядом.

- Значит, ты застал Соню там, в пабе? – торопливо спросила я, снимая турку с огня. – И что сделал?

- А что я мог сделать? – осведомился Паша. – Оборвал ей связь с чужими подсознаниями, вывел из паба и вернулся.

- А она?..

- Удрала, видимо. Раз Аните не попалась.

Я кивнула, разливая кофе по чашкам. Странно, четыре года тут не была, а любую вещь находила, не задумываясь, на автомате. Тишину разорвал звонок телефона, по краю белоснежного фарфора поползла черная капля, скатилась на блюде и растеклась крохотной лужицей. Роза, не иначе. Вечерний созвон и материнские напутствия на ночь. Паша не глядя протянул руку, получил свою чашку и скрылся в гостиной, заменяющей все на свете, в том числе и кабинет. Медленно выпив кофе, я сполоснула посуду и вышла в коридор.

Предназначение небольшой комнаты рядом с кухней всегда было для меня загадкой, мы ее использовали для путешествий в Поток. Обстановка запоминалась легко: диван с высокой гнутой спинкой, телевизор, две книжные полки... Чего-то не хватало. Точно! В углу, на постаменте, раньше стоял пузатый ангел с отбитым носом. Роза притащила его с какого-то аукциона, вырвав из горла у конкурентов. Безусловная победа, но муж не оценил, и ангел был подарен нам с барского плеча. Такие подарки, как тяжелый чемодан – и нести тяжело, и бросить неудобно. Кому-то все-таки удалось от него избавиться. Взгляд пробежался по полкам, пальцы перебрали корешки знакомых книг и банковских журналов. Единственным инородным объектом в их ряду был приткнутый сбоку глянцевый каталог одежды с автографом иностранной модели на обложке. Похоже, это Анфисы. Я вытащила журнал, полистала и затолкала к задней стенке, за книги. Рядом с семейной фотографией Левицких в полном составе, стоял он – антикварный барометр, подаренный мне Пашиным отцом. Деревянная избушка, обрамленная елками арка, внутри – два человечка на оси. В солнечную погоду на улицу выходила девушка с цветком в руках, в пасмурную – мужчина в черном плаще и шляпе. Сейчас никого не было. Или барометр сломался, или с погодой запутались. Я подцепила пальцем девушку, осторожно вытащила наружу. Она сразу спряталась обратно, в домик. Значит, в солнце отказано.

Часы в глубине коридора гулко пробили одиннадцать, из гостиной по-прежнему доносился Пашин голос, и ему явно было не до меня. Отлично. Пора в Поток. Я села на диван, сосредоточилась на разлитой в комнате энергии и нащупала границу миров. Неподъемные шторы с драпировкой стали воздушными и прозрачными, впитались в витражное окно, кованные ажурные бабочки посыпались с подвесных ламп-фонариков, стайкой запорхали над головой. Раскинулась зеленая поляна, вздыбились со всех сторон холмы, смыкаясь у ревущего водопада. Увы, никого. Но Соня придет, она видела сообщение, а я умею ждать. Давно научилась.

Я опустила на траву, закрыла глаза. Шумел водопад, изредка прилетали прохладные брызги, пахло свежестью. Концентрация давалась легче, постепенно отпускало. А потом сзади налился свет. Знакомый, теплый... На плечи легли тяжелые ладони.

- Вы здесь встретиться договорились?

- Да, – кивнула я и открыла глаза, – ночью.

Паша наклонился ниже, к самому уху.

- Уже шесть утра. Пойдем отсюда.

Внутри что-то шелохнулось, отзываясь согласием.

- Останусь, - твердо сказала я. - Вдруг...

- Не вдруг. Я же ее видел. Соваться сегодня в Поток ей просто не хватит сил.

Паша потянул меня к себе, обволакивало настойчивой, выталкивающей на поверхность энергией, сильной, яркой, прежней. Ясно, его дар восстановился и мы снова на равных. Я закрылась и помотала головой.

- Дура упрямая! - Он сердито тряхнул меня за плечи.

Я промолчала. Его энергия больше не настаивала - звала, манила. Воздух пропитывался жаром, концентрация летела к черту. И сквозь шум водопада, едва слышное:

- Пожалуйста...

Пожалуйста... Проснулось бесконечно приятное, давно позабытое чувство надежности и прочной опоры под ногами. Когда можно было довериться, без лишних размышлений и споров. И я поступила, как раньше - расслабилась. Из Потока вынесло мгновенно. Комната тонула в отблесках приглушенного света фонариков, в избушке по-прежнему прятались двое. Так. Телевизор, полки, тяжелые шторы, Пашины руки на моих плечах. Сам Паша сзади, за спинкой дивана, его тепло везде, всюду, кольцом вокруг, такое знакомое, до боли родное.

- Не ловушка, - усмехнулись над ухом.

Ладонь отпустила мое плечо, я поймала ее своей. Успела... Переплетенные пальцы, жар кожи. Привстав, я развернулась. Запустила вторую руку в его волосы, притянула к себе. Теперь хорошо, правильно. Горячее дыхание на щеке, мурашки, стук в висках - мой, его, не разберешь. Спинка дивана между нами - мешает. Чертова спинка! Губы близко, теплые, жадные. Еще ближе... Паша резко выпрямился. Разом похолодало, хмурый взгляд припечатал к месту.

- Не делай того, о чем потом будешь жалеть. - Он прижал палец к моим губам. - День был паршивый, ты расстроена. Это не повод.

А все те слова? Что хватит себя обманывать, отрицать очевидное, маяться дурью? И что кроме него для меня никого нет?

- Ты же хотел, - прошептала я.

- Не так...

Паша отодвинулся. Ну нет. Так уж повелось - редко выходит, как хочется. Если ждать подходящего момента, можно не дожидаться никогда. Глубокий вдох, дрожь по разгоряченной коже. Освободить разум, отпустить чувства. Сплетение импульсов и желаний, направленная волна энергии. Зов, призыв. Какая разница? Осталось в нем - откликнется, нет - увы... Тишина звенела натянутой струной, от собственного напора тяжелела голова. Душно, но холодно. Не ответит? Теплота вернулась внезапно, рывком. Шеи коснулись пальцы - ласково, осторожно, спустились ниже, поддели край воротника. Мягко обвели ключицу, замерли на миг, и вновь двинулись вверх. Мир стал таким простым, понятным, черно-белым. Запертые эмоции вырвались на волю, манили настойчиво. Не устоять. Я-то знаю. Пробовала. Впрочем, Паша пытался. Недолго и как-то вяло. Жалобно скрипнула спинка дивана, его руки яростно сгребли меня, притиснули так, что почувствовала все пуговицы на его рубашке. Духота нарастала, комната плыла, и я вместе с ней. Поцелуй - жаркий, долгий, невыносимо медленный. Дыхание сбилось, я с трудом сглотнула. Он подхватил меня, стащил с дивана. Мрак коридора, вздрогнувшая от резкого толчка дверь спальни. Огромная кровать из темного дерева с шелковым покрывалом... За всю ночь вполне можно не встретиться. Не в этот раз.

Второй поцелуй, третий... Мало. Тепло, сладкое и тягучее, словно мед. Прикосновения

легкие, невесомые, едва ощутимые. Дразнящие, вынуждающие прижиматься сильнее. Губы горели, скользили по коже, соленой, чуть влажной. Дробь пульса, наливающийся ком жара внутри. И он. Рядом, близко, ближе некуда. Так хорошо. Естественно, как вдыхать раскалившийся воздух. Раньше было так же. И всегда.

Прошлое, будущее... К черту! Осталось лишь сегодня. Сейчас.

Размытый мир постепенно обретал четкость, дыхание выравнивалось. Я лежала, уткнувшись носом в Пашино плечо. Одеяло сбилась в угол, под ногами мешалась подушка, но сил не было даже на то, чтобы пошевелиться. Наверное, надо что-то сказать... Но что?

- Я...

- Ты, - согласился он. - Спи.

Сквозь занавеску робко пробивался рассвет, я закрыла глаза. Темнота поглотила тут же, беспросветно. Надеюсь, завтра слова найдутся...

Глава 13

Соня

Все-таки существуют вопросы, на которые ответа нет. Во всяком случае, приличного. Зачем я назвала таксисту Инночкин адрес? А хрен его знает! Очнулась уже тут, на лавочке перед подъездом. Соваться в квартиру смысла не было, разве что с доской для спиритического сеанса. Вид у меня как раз подходящий – потусторонняя бледность, круги под глазами, волосы дыбом. Скорее, Биттл Джус, чем покойная бабушка.

Мимо в который раз протопала крепко сбита бабка в кедах и мужской куртке, сзади меланхолично болталось на поводке лысое мелкое чудо с выпученными в разные стороны глазами. Остановились поодаль, развернулись и двинулись в мою сторону. Я осторожно прислушалась к дару – по нулям. Ничего фатального, обычная усталость, но повлиять или внушить не получится. Необходима передышка.

– Вы кого ждете? – строго спросила бабка.

Чудо на всякий случай закатило глаза и поджало хвост. В темном окне первого этажа кольхнула штора, блеснули стекла очков. Окружили. Пора уходить, пока полицию не вызвали. Пригладив волосы, я встала. Перед глазами моментально все поплыло, в голове застучали дятлы. Тук-тук-тук. Целая стая дятлов. Придушила бы... Ощипала и съела. А это мысль...

Шаг, другой, каблук проваливался во влажную землю газона. Понасажали тут кустов, пройти негде. За спиной испуганный выдох «Чокнутая...», хриплый писк. Оу, чудо вспомнило, что оно собака? Гулко хлопнула дверь подъезда, все стихло. Снова асфальт, угол дома, проспект. Наконец-то. Пойманный взгляд, энергия, капля за каплей. Еще взгляд, и еще... Я шла по тротуару, рассматривала вывески и улыбалась встречным мужикам. Ловила заинтересованные ответные взгляды и тянула энергию. Понемногу, умеренно. Ничего, не страшно, потупят пару минут, да домой пойдут – спать. Дышалось все свободнее, дятлы издохли, а каблук уверенно цокал по асфальту.

– Божечки! – взвизгнули сзади.

Недобитый дятел приподнял голову и долбанул в висок, я развернулась и попятилась. Прямо на меня неся кислотно-желтый шар с огненной макушкой. Подлетев, затормозил и распался на фрагменты, из которых вылупилась восторженно попискивающая девица из наших. Желтые мохнатые сапоги до колена, желтая дутая куртка, желтые хищные ногти и желтая, мать ее, лохматая нашлепка в ярко красной шевелюре. Все это мельтешило и пританцовывало вместе с хозяйкой, вызывая желание закрыть глаза, чтобы не укачало.

– Я знаю, знаю кто ты! – Девица радостно подпрыгнула и захлопала в ладоши. – Ты же та самая... Которая была за границей. В нижнем Потоке. Видела что там, да?.. Что-то невероятное, наверное... Ты хотела вернуться? Видимо, нет, тебя так долго не было. Никто не верил, что ты вернешься. Ой, я тебя вправду встретила...

Да, вот уж действительно – божечки! Может, я пойду, а она сама с собой пообщается?

– Меня Олей зовут, я столько о тебе слышала!

– И о вчерашнем?

– О вчерашнем? – растеряннo моргнула она.

Не слышала. Похоже, Совет за помощью к нашим не совался. Это на родине с ними куча вемов «сотрудничает», кто по дурости, кто предупреждения отрабатывает, а здешних пока за горло взять не успели.

– Есть хочу, – задумчиво протянула я. – Только не сладкого!

– Знаю отличное место! – Оля нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. – Тут, недалеко.

Спокойное, нелюдное, недорогое. Наши его обожают. Можно я с тобой, можно?

Да что ж ее так распирает? Как ту болонку, которую не брались стричь ни в одном салоне, кроме нашего. Вертялая, зараза, при виде ножниц устраивала забег под стол и рычала оттуда. Только я могла управиться: одобренное предостерегающим импульсом «гав» действовало на нее гипнотически – моментально столбенела, правда, писалась немного... Интересно, с этой сработает?

– Показывай, – разрешила я хотя бы для того, чтобы перед глазами перестало сверкать.

Обещанное отличное место оказалось прокуренным баром в тесном подвальчике. Лампочки на потолке горели тусклым, неровным светом, над табличкой с перечеркнутой сигаретой нахально витал дым. Нормальный едкий дым, никакой новомодной клубничной ерунды. Обмотанная елочной гирляндой стойка вспыхивала кроваво-красным, ряды бокалов и граненых стаканов дрожали от тяжелых басов. Стильно! И дышится свободно, хотя дышать особо нечем. Столик мы заняли самый дальний и угловой, исцарапанный надписями, словно школьная парта. Я листала меню, Оля без остановки молала языком, умудряясь заглушать и музыку, и единственных посетителей – бородатых байкеров с огромными кружками пива.

– А я догадывалась, что ты очнешься, вот. – Она счастливо вздохнула, провожая взглядом официантку. – Как приключился тот кошмар, что все от сердечных приступов поумирали, а Вениамин тронулся, сразу понятно стало – скоро начнется ой что! Дима предупреждал...

– Дима? Тот, который со мной учился? Ты его знала?

И кто меня за язык тянул?! Когда принесли сэндвич и колу, я уже пускала пузыри в розовом киселе девчачьих секретов. Дима был ее наставником, офигительным мужиком и любовью всей жизни. Большой и чистой, как полагается. Не пади он безвременно в числе первых жертв сбрендившего Вени, то непременно сбежал бы от сварливой, страшной, старой жены к ней, молодой и красивой. Он бы и раньше это сделал, просто был не в курсе, что влюблен, пока она его не просветила... Ё-моё, бедный Димка. Вечно вляпывается со своей галантностью в подобные истории. Вляпывался...

– Значит, Венья скормил Хранителю тридцать учеников за их отвратное поведение и сам в конце убился. – Пора направить разговор в нужное русло, не то весь вечер буду ее любовные фантазии слушать. – А какое «ой что» началось после?

– Ой, жуть, – Оля поболтала трубочкой в коктейле ядреного бирюзового цвета. – Маньяк, убийства, знаки кровавые.

– Миры назапускались, – подсказала я, хотя кровища тоже интриговала.

– Ага. Три штуки. Они клевые!

Особенно в джунглях... Вот вам и слащавая девочка.

– Сценарии клевые? – уточнила я, откусив от сэндвича.

– Валерия с Павлом, – выдохнула она с фанатским обожанием. – Ну, они же назапускали...

Кусок застрял в горле, сэндвич выпал на тарелку. Что?!

– Такая красивая пара, – Оля мечтательно закатила глаза. Захотелось ее треснуть. – Я как представлю их, вдвоем, среди тайн, загадок и опасностей... М-м-м... Здорово, когда ты избранная!

– Кем?..

– Хранителем. Она его испытание в первородном мире выдержала, и теперь он к ней регулярно приходит. Силы одолжил, чтобы вемов в Европе спасти от тех... из нижнего Потока. А ты им понравилась, поэтому тебя не тронули, да?

Испытания... Вот откуда у той осенней истории ноги растут. Я все понять не могла, с

чего вдруг Хранитель Вене помогать метнулся. А это была его идея, и мысль о неправильных учениках именно он подкинул в слабую Венину голову. Сошлись два Марата – один в Потоке, другой в маразме, и пошла работать ментальная гильотина. Ладно тридцать грешников, но как у Вени рука поднялась на Лейку? Она же порядочная до абсурда, единственная из всех нас всегда поступала правильно. И любимому наставнику верила, а он ее продал. Старая сволочь! Жаль сдох, сама бы прибила.

Испытание в мире с агрессивной тьмой одно – спастись. Любой сильный вем на это способен, если догадается, что чистой энергией жизни можно сжечь темную, как и сделали пять тысяч лет назад. Елки... Хранитель искал именно догадливого! Слабые ему были не нужны, поэтому сильным не повезло. Зато повезло Вене – столько недогадливых попало. Сообразила одна Лейка, и поточный демиург к ней намертво прилип. Зачем? Напрашивается вывод – он вмешивает Лейку в многовековую игру с наделенными тьмой девочками. Вашу ж мать...

Цель у Хранителя известная – избавиться от крокодилов. Через пятьдесят попыток до него вдруг дошло, что очередная девочка-тьма может традиционно не дожить до выполнения своей миссии. Допустим, нашел он в реальности Лейку, чтобы ей помогала. Лейка приобщила Пашу, хотя скорее он сам приобщился. Миры на кой черт запускать? За пятьдесят веков активированы всего пять сценариев, а за последний год – три: лес кроликов-беспредельщиков и старинный город – зимой в один день, джунгли – летом. И главный вопрос – почему Лейка на всю эту возню подписалась? Оно ей надо? Да ни в жизнь! Чем Хранитель ее зацепил?..

– А ты когда границу перешла, наверное, куда-то попала... – Оля пригнулась к столу и преданно заглянула мне в глаза. От нее пахло мятой и любопытством.

– Наверное, – согласилась я.

– Что там, что?..

– Нижний Поток, – шепнула я, зорко оглядываясь по сторонам.

– Вау, – завороченно выдохнула она. Ну что за дурочка. – А у нас вот еще что случилось! Киса...

– Давай про маньяка, – перебила я.

Оля заправила коктейлем и понеслась. Трещала она долго и обстоятельно, мешая в кучу факты, домыслы, сплетни и ценные мысли какой-то Леночки по любому вопросу. Про «Перспективу», клиентов, их собак, кошек и родственников до седьмого колена. Естественно, про маньяка, который оказался вовсе не эпохальным злодеем, а так, банальным жуликом, прикрывавшим свои грязные делишки. Я допила колу и подцепила последний кусок сэндвича, а Оля все не умолкала. Хорошая была у Киры секретарша, болтливая. Самое то, когда занимаешься прибыльными махинациями с даром, Совету бы понравилось.

После бегства директора и главбуха «Перспектива» накрылась медным тазом, сотрудники расползлись кто куда. Кира теперь работала в Сигмеон-банке, и не каким-нибудь юристом, а заместителем руководителя vip-клуба. Значит, все-таки не уборщица... М-да. Десяток с лишним лет крутили носом в две недовольных морды, и нате вам. Ясно, кто ей блок обратно вывернул. Сильно его штырило-то после?

– Я потом тоже в банк работать пойду, к Гене, – солидно сказала Оля. – На первом курсе юридического учусь.

В бар ввалилась шумная компания, заняв три столика сразу, у Оли пронзительно заверещал телефон. Некий Котя требовал возвращаться домой и захватить еды. Что, Вискас кончился?

– Я пойду? – виновато спросила она, украдкой поглядывая на часы. Понятно. Тоже любовь, хоть и не такая большая и чистая.

– Счастливо.

Оля поднялась со стула, нырнула в куртку, вновь превращаясь в шар.

- Знаешь... – сказала она, решительно вжикнув молнией. – Я бы тоже туда пошла.

- Иди лучше к Коте, – подмигнула я.

Оля недоуменно моргнула, потом хихикнула и, махнув рукой, вылетела из бара. Я пододвинула к себе недопитый коктейль бирюзового цвета, выкинула трубочку. Пузырьки стукнули в нос, жарко упали в живот и побежали по венам. Хороша газировочка, и цвет симпатичный.

Разлилась смутно знакомая энергия, диван жалобно пискнул и прогнулся под чьей-то непрошенной задницей. Я обернулась. Замотанные вокруг шеи наушники, небритая физиономия, щенячий взгляд, обалдевший от собственной наглости. Ох ты ж, Поняша. Поставил передо мной стакан кофе и выпалил:

- Здравствуйте...

Как же, давно не виделись. Откуда его опять принесло? Не верю я в такие совпадения! Я прищурилась, он хлопнул ресницами, настороженно привстал. Ага, вылитый шпион Совета. Поза «сейчас будут бить», лихорадочный румянец во всю щеку, и пахнет той самой газировочкой. Сколько ему коктейлей понадобилось, чтобы ко мне подкатить?

Я взяла стакан и отпила кофе, Поняша приободрился.

- Знаешь, кто я?

- София, – с готовностью круглого отличника отозвался он. – Двадцать девять лет, близнецы, писала статьи для модных журналов. Любимое: балконы на высоких этажах, рисовать на стекле и картинки из еды.

А?! Что я сейчас про шпионов говорила?..

- Вы с моего нута не разлогинились, – скромно пояснил Поняша. – А там профиль ваш в соцсети...

- Мы забыли, – усмехнулась я. Закинув ногу на ногу, я расслабленно откинулась на спинку дивана и промурлыкала: – Сладкий, это нечестно. Ты про меня, выходит, все знаешь, а я про тебя ничего.

Он сглотнул, уставился на стакан, словно искал у него моральной поддержки, и выдавил:

- Арсений.

О как... Извини, Сенечка. Твоя мама была затейница, но я так обзывать не буду. Останешься Поняшей.

- Ты сюда с друзьями пришел? – Я кивнула на компанию за столиками, почти скрывающуюся за густым дымом сигарет.

- Один...

По медовой бочке эйфории растекалось дегтярное пятно паники. Девушек боимся? Неужто покусали?

- Почему же? – поинтересовалась я, двигаясь ближе.

- Нет друзей, – пробормотал он, скосив глаза на мои ноги. Наконец-то! Или зря я их выставила?

- А психологический центр и твоя группа?

- Да как-то разбежались все. Догонять не стал.

Стеснительный социофоб, который не знает обо мне ничего, кроме подсмотренной странички в соцсети. Судьба дает мне второй шанс. Да что там дает, просто в руки пихает. А кто я такая, чтобы с ней спорить?

- Лучше не иметь друзей, разочарований меньше, – печально протянула я. – Я вот у

подруги жила. Она сама меня пригласила, сестрой называла... А сегодня сказала, что знать меня не знает, из дома выгнала. Придется тут ночевать, в баре.

– Вы что, зачем ночевать в баре? Здесь диван неудобный, и вообще, – встрепенулся второй шанс судьбы и густо покраснел. – Можете у меня переночевать.

Ага, всем баром. Странное ощущение, когда выкают. Я молча пыталась выдавить слезу, прижимая стакан к груди. Не выдавливалась, зараза!

– У меня места много, – торопливо добавил Поняша. – Живу один в доме, целую комнату могу выделить.

– Неудобно...

– Неудобно – спать на потолке, – заявил он с таким знанием дела, будто неоднократно пробовал. – Поехали?

Я кивнула. Отлично! Апартаменты готовы, карета подана. Ночь пережду, а потом наступит завтра. Дар полностью восстановится, плющить перестанет – решу, что делать дальше.

На улице ветер трепал облысевшие деревья, лил противный осенний дождь. Бегущие к метро девицы с трудом удерживали в наманикюренных лапках вывернутые наизнанку зонты. Холод собачий... Поняша натянул воротник куртки до ушей и бодро потрусил вперед, позвякивая ключами и поминутно оглядываясь. На парковке скучали несколько машин, блестя мокрыми боками. Большой лобастый джип моргнул фарами и сыто заурчал. Неужели?... Поняша промчался мимо и свернул в темный угол. Там, у самого забора стояло оно... Лупоглазое, бровки домиком, с намертво прикрученным к крыше багажником и боевой трещиной через лобовое стекло. У-у-у! Похоже, моя карета уже превратилась в тыкву. Нива, год выпуска спрашивать неприлично. Интересно, оно само ездит, или надо педали крутить? Я нырнула в пахнувший кожей и бензином салон, тряхнула намокшими волосами. Поняша плюхнулся рядом, лягнул дверцей и сосредоточенно пристегнулся. Шлема ему не хватает, кожаного, с круглыми очками. Под зеркалом болталась традиционная химическая «елочка», из провала между сиденьями выглядывало пластиковое горлышко минералки. Я повозилась, устраиваясь поудобнее, и прикрыла глаза. Как там говорится? Пятнадцать минут позора, и мы дома? Неожиданно мягко загудел мотор, по ногам потянуло сухим теплом, машина легко тронулась с места. Быстро набранная скорость, стремительный поворот на шоссе. Глаза распахнулись сами собой. Оу... Под невзрачным капотом начинка с сюрпризом? Машина резала ливень, в лужах мелькали огни светофоров и фонарей. Лавирование в потоке, обгон, еще обгон. Плавно, под шелест колес, под льющийся из динамиков хриплый голос Армстронга, влево – вправо. Хеллоу, Долли... Нет, это не мастерство, это – высший пилотаж! Под стук тяжелых капель по крыше, под шум дворников, под вжиканье встречных машин. Влево – вправо, влево – вправо... Сам расслабленно откинулся, руки лениво руль покачивают, скользят по теплой коже. Влево – вправо... Легкий холодок по спине, сбитое дыхание. Поняша понимающе усмехнулся. Что?! Да при чем тут он? Это все скорость и... джаз! Я отвернулась к окну.

Уехали даже не за МКАД, а куда-то в дремучую область. Далековато в бар заскакивать... Полупустые размытые дороги, мелькающие ряды одноэтажных домов, чернеющие свежей пашней поля и полоса леса вдалеке. Ливень не утихал, часы на приборной панели отщелкали полночь. Свет фар мазнул по темной махине с резными ставнями, машина остановилась. Поняша добежал до ворот, распахнул их и нырнул обратно в машину, принес с собой холодный воздух и запах дождя. Машина послушно тронулась и зарулила под навес у крытого крыльца, хозяин позвенел ключами и исчез в темноте за скрипнувшей дверью. Вспыхнул свет.

В доме пахло старым деревом, пищали половицы. В большой комнате у входа дранный кошачьими когтями диван, в одном углу стол с деревянными лавками, в другом – комод с телевизором, выдавшим лучшие времена. В простенке между окнами большое мутное зеркало, засиженное мухами. Рядом с печкой – кирпичной, с длинной трубой и чугунной дверцей – три двери. За одной виднелась в полумраке железная спинка кровати, две остальные были плотно прикрыты. М-да. Осталось еще найти радио и послушать сводку Совинформбюро. А что, в Лейкиных старых фильмах так и делают. Утром постучит в окно над диваном председатель колхоза и крикнет, что на ферму опаздываю. Я

демонстративно закуталась в плащ.

– Сейчас печку растоплю, – спохватился Поняша.

Вытащил из черного печкиного нутра серую от пепла сковороду, накрытую перевернутой тарелкой, порыскал взглядом куда приткнуться, и сгрузил прямо на пол. Умело закидав дрова, сунул следом мятых старых газет и чиркнул спичкой. В печи весело затрещало, пахло дымом. Поняша шустро бегал по дому. Перед распахнутой дверцей печки появилось большое лоскутное одеяло, на нем тарелка с крупно нарезанным черным хлебом и пара вилок. Хозяин плюхнул в середину книгу с засаленной обложкой, пристроил сверху сковороду и торжественно снял тарелку. Картошечка! Жареная, золотистая, теплая...

– Будете?

Я помотала головой, в желудке протестующе булькнуло. Поняша метнулся обратно в коридор, погремел посудой и нарисовался с миской соленых огурчиков. Пупырчатых, крепких, с прилипшими веточками укропа.

– А так?

Так? Другое дело. Девушка отказалась, девушка передумала. Мы уплетали картошку за обе щеки прямо со сковородки, хрустели огурцами. Потрескивали дрова в печке, плясали языки пламени. Дождь барабанил по крыше, от печки тянуло наливающимся жаром, запотевшие окна плакали тяжелыми каплями...

– Интересные у тебя апартаменты, – протянула я, облизав вилку.

– Это дедушкин дом, – смущенно ответил Поняша. – Был...

И машина, видимо, тоже. Он задумчиво погонял последний кусок картошки по сковороде, забросил в рот. Проглотил, не жуя, и выдохнул:

– София, вы...

– Соня. – Я предупреждающе нахмурилась. Довольно с меня одного выканья!

Поняша озадаченно моргнул.

– Соня, – повторил по слогам. – Добавки хотите? Чаю? Воды горячей, переодеться? Или...

– Или! – перебила я. – Спать.

Сыто потянулась, поднялась с пледа и, спиной ощущая обескураженный взгляд, ушла в соседнюю комнату. Ту, которая с кроватью. Ну а что? Я в гостях, значит, ему – диван! Пусть сам с утра на ферму топает.

Из темного провала дохнуло холодом, где-то глухо стукнула форточка. Прикрыв дверь, я пошарила по стене, смахнула какую-то ерунду в рамочке и оцарапала ладонь о выступающий гвоздь. Выключателя не было. Видимо, Поняша тут с факелом ходит. Или лучину жжет... На ощупь разделась, стуча зубами, и забралась на мягко спружинившую кровать. Свернувшись калачиком, я натянула одеяло вместе с покрывалом на голову, повозилась, подгребая его со всех сторон, и блаженно уткнулась носом в подушку. Она была прохладная, пахла свежестью и немного дымом. Видела бы меня сейчас Лейка. Так и представляю, как она хмурит брови и строго спрашивает: «Соня, ты уверена, что белье чистое? Может, на нем дедушка умер!» Лейка... Попытка рассмотреть энергию стрельнула в виски болью, сегодняшний день настойчиво выкатывал счет. Нет, даже пробовать не стоит. С таким даром в Поток соваться – чистый мазохизм. Завтра, встретимся завтра. Я закрыла глаза и провалилась в бездну. Черную, бесконечную. Ни мыслей, ни образов – ничего. А потом эта уютная тьма дрогнула, хлынули яркие цвета. Выползли из замурованных тайников обрывки запретных воспоминаний, и пришел он. Тот самый сон...

Позвякивание старинной гирлянды, блеск мишуры, запах елки и мандаринов. Их яркие солнечные шкурки везде... Для аромата, говорит бабушка. На густых еловых лапах конфеты батончики, папины любимые. Игрушки – с миру по нитке, новые, сверкающие и

совсем старые, тусклые, потертые, родные. На столе праздничный сервиз, хочешь ешь, хочешь картинки рассматривай. Дедушка сто лет назад из Германии привез. Дедушка давно умер, а сервиз остался. Его так и называют – дедушкин. Бабушка говорит, что на свадьбу мне его подарит. Какая еще свадьба, скажет тоже. Мама весь вечер ест зеленые яблоки. Сочно хрустит, жмурится от удовольствия. Я попробовала – кислятина, фу. Распакованные подарки, смех, поцелуй бабушки на прощанье. Обнимает мягкими руками, сует что-то в карман. Пахнет булочками. От нее всегда пахнет булочками. С улицы зовет мама, пора. Толпы людей, хлопки, россыпь салютов в черном ночном небе, грязный снег под ногами. Шум давит, колется, ворочается болью в голове. В машине становится легче. Замираю посередине заднего сидения и смотрю в лобовое стекло. Широкая дорога, обманчиво неотрывная белая полоса, мелькание встречных фар. В одном кармане – горстка конфет. Вот же, как маленькой, а мне уже четырнадцать! В другом – свернутые в трубочку деньги с запиской – купи себе что-нибудь в поездке. Да! Завтра каникулы, завтра уезжаем! Папа включает радио и начинает с чувством подпевать, мы с мамой перемигиваемся: нашему папе медведь на ухо наступил. Только мы ему об этом не скажем. Ни за что! Звонок телефона, успокаивающий папин голос, противный визг в трубке. Тетка! Точно она, я же чувствую... Боль вернулась, стукнув в виски, расплзлась по затылку и упала в живот. Тетя поедет с нами. Что?! Будет опять подслушивать, подглядывать, копать в вещах и всех ссорить? Пап, ну мы так долго мечтали, чтоб втроем... Папа упрямо твердит – у тети сложный период, ей надо отдохнуть. У нее вечно сложный период, потому что дура. Улыбается своей противной улыбочкой, сюсюкает, а сама нас ненавидит! Нет, я не придумываю ничего, я знаю! Папа начинает злиться, я так отчетливо вижу эту злость, будто красным вспыхивает. Чеканит буква к букве – она его сестра, и он запрещает говорить про нее гадости. Ну и хорошо, я вообще могу с ним не разговаривать. Ни-ког-да. Но с ней не поеду! Голова болит нестерпимо, глаза жжет чужой свет. Откуда он взялся? Три контура: один папин и два у мамы, большой и маленький. Конфеты сплюсциваются одна за другой, липко тают под пальцами. Что? Тетя едет, а я нет? Мама виновато мерцает желтым, молчит. Вот, значит, как?! Предатели... Не нужна мне такая семья. Не нужна! Это и выкрикиваю – громко, хватаюсь за обоих, хотя вроде и не дотронулась вовсе. Рядом растекается что-то странное, густое. Рывок... Визг колес, жуткий грохот. За накренившимся окном – ночь, а откуда-то свет, яркий, бесконечный...

Я распахнула глаза. Темнота... Не свет, слава богу, темнота. Сердце бухало где-то в горле, из-под мокрых волос градом катился пот. Жарко. Так жарко, что во рту пересохло. Одеяло горячее, простыня к спине липнет – к черту. Пол ледяной – ступни враз свело, стена холодненькая, всем телом к ней прижаться.... Остатки кошмара таяли, перед глазами проступала чужая комната. Так. А где я?..

В соседней комнате вспыхнул свет, прошлепали босые шаги и притихли у двери.

– Ты чего? – встревоженно спросили оттуда.

Видно нехило эмоциями жажнула, раз хозяина с постели сдуло.

– Полнолуние... – хрипло сказала я и закашлялась. – Не спится.

Дверь заскрипела и приоткрылась, впуслав кривую полосу света.

– Крови хочется? – В щель осторожно просунулась взлохмаченная голова. – Или попить?

Осмелел спросонья? Пару раз моргнул, привыкая к темноте, с интересом уставился на меня и присвиснул. Ну, не сплю я в плаще и сапогах. И в платье. В комнату моментально протиснулся оставшийся Поняша, замотанный в пуховое одеяло.

– Замерзнешь, – предсказал он и красиво облокотился о косяк.

– Замерзнете! – поправила я.

Одеяло поехало вниз, Поняша дернулся, пытаюсь удержать, и промахнулся. Опа... Что у нас тут? Белое тело, семейники в елочку и носки, куда ж без них – герой любовник как он есть. Я не удержалась и захохотала в голос.

Мелькнувший темный силуэт, секунда – и смял, впечатал в стену. Навалился, не выдохнуть... Губы жадно накрыл чужой рот, смех беспомощно пискнул в горле. По венам

расползалось что-то тягучее, жаркое, первобытное. Горячие руки везде, а все мало, мало. Треск. Белье? Черт с ним! Кожа под пальцами влажная – моя, его... Не разобрать. Хэллоу, Долли – то ли хриплый шепот, то ли послышалось. Потолок качнулся влево-вправо...

Спокойно рухнуть на кровать позволили лишь под утро. Сил не хватало даже на то, чтобы сдуть челку с глаз, ныла лопнувшая губа. На полу валялся натюрморт из белья, носки и оба одеяла. Одно у двери, другое у кровати. Нет, это не Поняша! Это дикий мустанг прерий... С ним все понятно, а вот меня то с чего понесло? Не в моем вкусе Поняши. Все картошечка виновата. Не стоило ее есть на ночь. На ночь вообще есть вредно...

Проснулась я в одиночестве, но под одеялом. Поняша исчез, вместе с ним исчезло второе одеяло, трусы в елочку и эротичные носки. То, что невразумительной кучкой лежало у стены, очевидно, мое. Позже проверю, может там еще что-нибудь можно спасти. В простенке между окнами нахально торчал выключатель. Вот где прятался, зараза! Я с удовольствием потянулась. Ни намек на головную боль, ни грамма усталости, легкость – хоть взлетай! Дар покорно откликнулся, переполняло силой, со всеми положенными бонусами. Обмотавшись покрывалом, я выглянула в большую комнату. На диване было пусто, зато за соседней дверью отсвечивала энергия, которой я ночью нахапалась по самое не балуйся. Спит, мустанг. За третьей дверью обнаружилась кухня: шкаф с посудой, типично дачный умывальник, электрическая плитка и, наконец, он – холодильник. Колбасы не было. Одно малиновое варенье в стеклянных баночках и потрясший воображение запас йогуртов. Малиновых. Целая полка, в три ряда!

– Малиновый йогурт У нас в рационе, — сказал бедной Соне Малиновый Пони, Малиновый Пони В пуховой попоне... Откуда же прыть При таком рационе?

Я откусывала от найденного в хлебнице батона хрустящую корочку, запивала йогуртом и бездумно смотрела в окно. Уютно гудел холодильник, за стеклом качалась мокрая ветка с одиноким листом, где-то вдалеке лаяла собака. А неплохо здесь. Пожалуй, задержусь. Тем более мне все равно откуда раздавать ментальные долги.

Съев полбатона и изрядно проредив популяцию йогуртов, я вернулась в комнату и растянулась на кровати. Хорошо... Пропитанный энергией воздух знакомо отливало мягким светом, играл сотней радужных бликов. Прыжок! Бешеный вихрь, мгновенно разлетевшаяся реальность и... Небо над лесом черное, непроглядное, словно его густо замазали краской. Переливается россыпь светляков в траве, в чаще то здесь, то там вспыхивают красные злые глазки. Кролики-беспредельщики, их мир.

В кустах зашуршало, я нагнулась и решительно раздвинула ветки. Упс-с. Наглой пушистой морды не было. Вместо нее – сердитая детская физиономия.

– О, я тебя знаю! – Пацан победно ткнул в меня грязным пальцем.

Кажется, я его тоже. Рыжий, рыжий, конопатый... Какая встреча. Вот она, Лейкина «работа». Вряд ли кого-то еще так рано даром накрыло. Воспитанник здесь, а где же нянька?

– Ты что, один? – разочарованно протянула я, не обнаружив знакомого отпечатка. – Слетай за Лейкой, а?

– Нет ее дома, – мелкий скреб щеку, задумчиво поглядывая на меня. – Как вчера вечером уехала, так не возвращалась. И трубку не берет.

Он с треском полез из кустов, я попятилась. Дети, чтоб их... Никогда не знаешь, чего от них ждать. Особенно от этого, одаренного. С такой кровожадной радостью обычно карабкаются на табуретку, стихи читать. Или сопли размазывают по всем поверхностям. И стукнуть нельзя – Лейкин же.

– Ты сильная, – похвалил Артем и цапнул меня за руку. – Идем, поможешь кольцо достать!

Кольцо? Какое кольцо?! Он протащил меня сквозь заросли, варварски круша все подряд энергетическими плюхами, выскочил на опушку леса и, ни разу не улетев в оспины ям,

добежал до середины переливающейся светляками поляны. Там выпустил, наконец, мою ладонь, присел на корточки, дрожащими от нетерпения руками раздвинул траву. Действительно кольцо. Старинное, с толстым ободком, наполовину врытое в землю. Я наклонилась, поддела его пальцем. Прочно застряло!

- Вытащи, - умоляюще выдохнул мелкий. - Пожалуйста.

- Да без проблем!..

Оу... Кольцо выворачивалось, с каждой попыткой увязая все глубже, и сдалось лишь с приправленного энергией рывка. В глубине мутного камня виднелся кроличий силуэт.

- Безделушка непростая, - пробормотала я.

- Часть сценария, - небрежно отмахнулся Артем и потянулся к кольцу. - Дай!

А?... Я сжала ладонь в кулак.

- Ты что, не знаешь, как сценарии запускаются? - мелкий демонстративно закатил глаза. Наглеет, паршивец. - А я вот догадался. Как Лейка рассказала, сразу понял - вытащим кольцо, и мир активируется. И активировался!

- Что Лейка рассказала? - я слегка разжала пальцы.

- Про ролик, зацикленный сюжет и первый кадр, - Артем зачарованно уставился на кольцо, - что надо его найти, растревожить, тогда нажметесь кнопка «плей». И все будет проигрываться по кругу!

Дьявол... Даже ребенок в теме. Вот вам и тайна мироздания. Не удивлюсь, если уже и кролики знают, как миры запускать.

- Лейка рассказала, ты догадался, а что Паша сделал?

- Примазался! - буркнул он и засопел.

Классный пацан, такой мелкий, а в людях разбирается.

- Зачем Лейке понадобилось запускать сценарии?

- Ты странная, - перебил классный пацан. - Светишься так... Неправильно.

А то! За пятьдесят столетий крокодилы превратились в пять фаршированных колбасок, туго набитых миллионами слопанных чужих энергий. А я ото всех пятерых хапнула.

- Нравится?

- Нет, - ответил он серьезно.

Мне тоже не нравится, только деваться пока некуда.

- Держи! - я разжала кулак. Артем молниеносно сцапал кольцо и, нацепив его на большой палец, счастливо вздохнул.

Светляки неожиданно брызнули во все стороны, заметались в черноте, из вскипевших кустов высыпалось стадо зубастых кроликов, в панике пересекло поляну, оставив после себя полосу примятой травы. Э-э-э... Что их так напугало? Что этих тварей вообще способно напугать?.. Кусты вновь заколыхались, из зарослей вынесло... фиолетовый шарик с глазами и щупальцами.

- Киса?! - ахнула я. Шарик сфокусировался и радостно муркнул. - Нет, стой, фу!!!

Какое там. Через секунду липкий язык с хлюпаньем прошелся по моему лицу и волосам, я дернулась, Артем хихикнул и закашлялся. Вашу ж мать! Надо было сразу по кустам жахнуть, а потом смотреть, что оттуда выпадет! Я крутилась на месте, пытаюсь оторвать от себя наглое создание, оно не сдавалось, мелкий весело кашлял - уже где-то внизу. Видимо, сел. Для удобства.

– Бронхит замучил? – любезно спросила я, с трудом оттащив Кису за одно из щупалец. Так и есть, сидит!

Артем взглянул на меня и откровенно захохотал, упав на спину. Ё-мое, волосы! Я вскинула свободную руку... Один бок зализан, второй – начес в киселе. Ну, держись, чертов шар! Надеюсь, чья-то детская психика выдержит, в конце концов, по-хорошему я тоже пыталась. Резкий импульс – и щупальца сплелись в косичку. Еще импульс – Киса отлетела обратно к опушке, обиженно пискнула и спряталась за дерево. Артем проследил за ней взглядом и расплылся в улыбке. Годится. Мелкий из команды кроликов, драмы не будет.

– Как Киса сюда попала?

– Никто не знает, – Артем виновато шмыгнул носом, – а то обратно бы ее вернули...

Отлично. Миры смешались, фан-клуб в трауре, Киса кроликов строит. И никакого логического объяснения. Запуск сценариев подобного эффекта бы не дал. Вынос мозга, разрывными!

Мелкий вскочил на ноги, я обернулась. Рассекая воздух, к нам на всех парах неслась Киса. Врезалась в Артема, ловко сдернула с пальца кольцо, нанизала на щупальце и, то ли высунув, то ли показав язык, унеслась в кусты. Лишь ворох листьев взметнулся ей вслед.

– Стырила... – растерянно выдохнул рыжий раззява и потряс у себя под носом обворованной рукой. – Вот гадина!

– Не щелкай клювом! – усмехнулась я.

Артем набычился и сорвался с места, будто его стегнули. М-да... Отобрать безделушку непонятого назначения у обнаглевшего куска кованой решетки, считающего себя кошкой... Я в деле!

Киса довольно урчала где-то впереди, пьяно петляла, оставляя на стволах деревьев потеки фиолетовой слизи. У мрачного болотца притормозила, взмыла над затянутой тиной водой и зависла посерединке, нахально дразнясь краденым кольцом.

Приплыли. И как теперь ее оттуда достать? После кучи попыток стало ясно – никак. Глупая Киса мгновенно решила, что это новая игра и страшно обрадовалась. Ловко уворачиваясь от энергетических плюх, выдрала из рук Артема длинную палку, которой тот пытался ее потыкать, и парила теперь над болотцем: сверху шарик, снизу палка. Вылитый Чупа-чупс с глазами.

– Может, ее камнем сбить? – злился мелкий, дуя на вспухшие ладони.

– Палкой ты уже пробовал. Понравилось?

Артем прошипел что-то себе под нос. И это было вовсе не «плохая киса».

– Она тебя сделала. Два раза! Не твой сегодня день... – сочувственно вздохнула я. Он скрипнул зубами. – Хорошо еще в болото не стряхнула, а то бы...

Мы переглянулись и хором воскликнули:

– Клешня!

– Точно! – Артем радостно запрыгал. – И как я сразу не догадался? Будет тебе, ворюга, – он мстительно посмотрел на Кису, та задумчиво качнула палкой. – Клац-клац!

Легко. Достаточно просто взбаламутить тину. Монстра, обитающего в болоте, никто не видел, но с его клешней познакомились многие. Разными частями тела. Чем в тину лезли, тем и знакомились.

– Высоковато летает, – прикинула я. – Может и не сработать. Займешься ею?

– Сделаю, – солидно ответил Артем.

В зарослях зашелестело, на полянку вывалился кролик. Потом еще один, и еще... Перебирая пушистыми лапками, они прыгали к болоту и чинно рассаживались вдоль кромки воды, злорадно поглядывая на Кису. О как, местный фан-клуб. Только альтернативный. Мелкий беззвучно шевелил губами и загибал пальцы, потом расплылся в улыбке. Видимо, все явились.

- И какого... их сюда принесло? - насмешливо спросила я. Фан-клуб нетерпеливо топтался и стриг ушами. - Хочешь, чтобы я к ним спиной повернулась?!

- Они только посмотрят... - на конопатой физиономии умоляюще моргнули глаза.

Ладно, начинаем войну миров - Киса против команды кроличьего леса. Делайте ставки, господа! И боже вас упаси в экстазе распустить зубы. Я потеряла руки, приготовилась.

- На счет три, - велела Артему. Тот сосредоточенно кивнул. - Раз, два, три...

Мир на его приказ откликнулся тут же, в чупа-чупс долбануло подобием молнии, палка камнем полетела вниз, таща за собой оглушенную Кису. Я мгновенно прицелилась, тину взрыло зигзагами невидимой газонокосилки. Болото забулькало, из непроглядной мути вынырнула зеленая клешня, впиалась в захлестнутое вокруг палки щупальце и потащила под воду. Киса зашипела и рванула вверх, выпустив палку. Щупальце натянулось, увенчанная клешней лапа тоже. Мгновение, другое, третье. Чпок! Киса взмыла над макушками деревьев, на ее щупальце болталась клешня... с точно такой же клешней на противоположном конце лапы. Ы-ы-ы! Варезки на резинке!

Мелкий удивленно разинул рот, фан-клуб насторожился. Киса потрясла прикушенным щупальцем, негодуяще мявкнула и закружилась, молотя монстром обо все, что попадалось на пути. Клешня разжалась, монстр срикошетил от дерева и беспомощно шлепнулся в траву. Кролики мгновенно облепили его всей кучей, захрустели, зачавкали. Что ж, война миров отменяется - болельщики схарчили свою команду.

Из чащи донеслось истошное шипение, листья на деревьях свернулись, кролики попрыгали обратно в заросли. О-о-о, ясно, кого принесло! К болоту напролом пер гигантский черный кроль с рваным ухом. Хорош, как всегда: метровые желтые клыки, облезлая шерсть, маленькие злобные глазки, которые сейчас неотрывно смотрели на Кису. Я хапнула Артема за плечо, оттащила к кустам. На всякий случай. Все-таки Киса для этого мира - элемент чуждый, и заданной логике не подчиняется. И физике, в общем-то, тоже. Хрен угадаешь, что может учудить.

Киса весело крутанулась вверх тормашками, кольцо очертило дугу. Кроль, замерший было у кромки болота, зачарованно моргнул, оттолкнулся мощными лапами и сделал сальто. Бум! Землю тряхнуло, светляки взмыли вверх и облепили верхушки деревьев, в кустах пискнули кролики. Кольцо. Он подчиняется кольцу!.. Киса вывалила язык и завертелась, словно мячик в центрифуге. Топот, грохот, пыль столбом. Кроль, тяжело дыша, прыгал через голову. Бум! Бум! Бум!.. Клыки вспарывали землю, из болота выплескивалась вода. Чудненько! Монстр накрылся, кролики нажрались пакости, болото вот-вот исчезнет, а главный кроль в паре прыжков от инфаркта. Достали колечко, ага.

- Засранка, - процедила я.

- Засранка! - со жгучим соучастием повторил Артем и совсем по-детски всхлипнул: - Что же делать, что делать?..

- Мозги включить, - поспешно сказала я. Только еще истерик тут не хватало. - Необязательно отбирать кольцо. Главное - чтобы его у Кисы не было. Кис-кис-кис...

Она остановилась, с трудом сведя в кучу глаза. Кроль замер, шатнулся и рухнул в траву у берега. Бока ходили ходуном, на шерсти висели клочья пены.

- Хоро-о-о-шая девочка, - пропела я, осторожно проверяя связь с миром.

Требовательный запрос, покорный отклик, сгустки пульсирующей энергии. Киса недоверчиво склонила голову набок, замерла. Прости, дорогая, но разнести мир я тебе не позволю. Так, подобраться поближе, теперь прицелиться... Небо зигзагом расколола молния, мощно ударила в зашипевшее паром болото. Потянуло сырым жаром, как в бане. Кольцо мгновенно раскалилось, Киса взвизгнула, затрясла обожженным

щупальцем. Кольцо слетело и бултыхнулось в воду, исчезнув в зеленоватой мути. Победа...

- Фух, - выдохнул Артем, опускаясь на траву. - Получилось!

- В следующий раз думай, прежде чем что-то хватать.

Киса обиженно фыркала за деревом, кроль валялся у берега, нервно подергивая лапой, фан-клуб полным составом сидел в кустах, а лес не подавал признаков жизни. Шикарно. Самое время подойти к хозяйке всего этого и сказать: «Здрасти, я тут поболтать заскочила!» Представляю, куда она меня пошлет. Но попытаться стоит.

Я развернулась и пошла к точке выхода, Артем увязался следом, пробормотав, что ему тоже пора домой. Энергия скапливалась в нескольких шагах от засохшего куста шиповника и глубокой ямы, кое-как прикрытой ветками.

- Это их дом, - хрипло сказал Артем и покашлял. Точно, бронхит. - Зайчиков. Круто?

Круто? Выглядело западней. Конечно, девочка могла где угодно погибнуть, в болоте утонуть или с дерева навернуться... Но что если одержимость мира кроликами неслучайна?

Я присела у ямы, Артем плюхнулся рядом и довольно шмыгнул носом - сваливать в реальность он явно не собирался. Пусть, все равно моих манипуляций не заметит. Выдох, беспорядочное мелькание кадров. Ни присмотреться, ни зацепиться. Полное отторжение. Еще бы, после нашего бенефиса у болота...

- Зайчики, говоришь? - Я сдернула с ямы листья. Ко дну прижимался белый комок меха, рядом проступало что-то, напоминающее очертание костей, и совсем не кроличьих. Так... Направление верное. - Артемка, ты с ними ладишь вроде?

Мелкий заерзал - желание похвастаться вело неравный бой с осторожностью.

- Только Лейке не говори... - сдался он. Ловко нагнулся, держась за ветку шиповника, и достал пушистую зверюшку за шкурку. Та высунула зубы, но как-то лениво. - Мы дружим! - Артем уложил кролика на колени, невозмутимо почесал за ушком. - Видишь? Попробуй!

Попробуй? Скорее - «только попробуй!» Именно это читалось на наглой пушистой морде. Кролик дергал носом, красный глаз внимательно следил за мной сквозь прищур. Маникюр оттяпает мастерски, по локоть. Была не была! Я коснулась мягкого меха на спинке, аккуратно погладила. Кролик зарычал, Артем по-хозяйски на него цыкнул, зубастая пасть захлопнулась. Я потрепала кролика по голове, тот перевернулся, выставив розовое пузо. Нахал...

Новая попытка. Вдох, череда кадров, теперь замедленных. Первый, второй, третий... Последний! Я вцепилась в него, слыша, чувствуя, растворяясь. Покажи, прошу. Смазанная картинка перед глазами, уже привычный транс. Софья... Вот же. Имя горчит, вязнет на языке. Ей едва исполнилось четырнадцать, за неделю до. Младше многих. Но она давно не ребенок, а может и никогда им не была. Матери нет, скромное хозяйство, почти все на ее плечах, любимые кролики... Отец лесник, и дом в лесу, а ни ягод, ни грибов, ни мяса - барин скуп и вспыльчив. Ослушаешься - враз выпорет, или того хуже - в солдаты забреет. Вот и держали кроликов - и потискать, и на обед. Отец бирюк-бирюком, молчит все время, но ее любит, вон кольцо привез с ярмарки, как раз на именины. Софья даже спала, не снимая его, кролика в камне разглядывала часами. Отец умер у нее на руках, во дворике, той ночью. Разорванное горло, густые потеки крови. Она и не поняла - как так?.. Чтобы волк, сам летом из леса вышел, да бросился... Было темно, темнее чем обычно. Тьма плескалась, сочилась сажей из окна. Чувствовалась гулкая, обволакивающая пустота, острый росчерк опасности и чье-то присутствие. Кто-то был... тут, сзади. Яркий, пульсирующий отвратительным, противоестественным жаром. Мягкая поступь за спиной, оцепенение - ни оглянуться, ни вдохнуть. Больно стиснутые плечи, разворот к калитке. Холод чужого дыхания на затылке и насмешливый шепот - беги. Успеешь, то живи. Правила простые, да? Она побежала. В темноту леса, через чащу, так быстрее. Дорогу знала, помнила наизусть, угадывала и в крошечной тьме. А лес, родной и любимый с детства, врагом стал - деревья смыкались, ветки

хлестали, задерживали. Стук крови в висках, настигающие шаги, близко, далеко! Между деревьев – тропинка. Отец ей в детстве часто говорил – к болоту не ходи, там водит, там нечистый дух. Софья слушалась, не ходила. А оказалось – нет, не там...

Оставалось недалеко до опушки, до мерцающих теплом людей, до спасения. Дыхание сбилось, догоняло издевательское «Ау». Поворот, заросли шиповника. Царапины на руках глубокие, жгутся. Прыжок на траву, шуршание листьев под ногами. Опора исчезла резко, пронзила боль. Осознание сквозь туман – упала? Куда?.. Сотню раз здесь ходила... Глубокая яма, между черными маковками деревьев – небо темное, в оспинах звезд. Больно... Ни встать, ни шевельнуться. Под боком что-то дрожащее, живое. Кролик... Грязный, пушистый, испуганный. Тоже попался... Тот голос рядом, в ушах – шум, ни слова не разобрать. Рычание сверху, блеск голодных желтых глаз. Очертания вздыбленной шерсти, вспышки ненормальной ярости. Откуда?.. Кролик ткнулся носом ей в плечо. Она обняла его, перед тем как...

Все! Хватит! Я напряглась, отгоняя, отталкивая. Вырываясь. Раз, два, три... Уйди! И так достаточно! Видение распадалось крупичкам, царапая болезненными отрывками, прокручивая чертов последний кадр снова и снова. Хотела? Получи... Из горла рвался хрип, бок словно тысячей иголок пронзало. Собраться срочно! Лечь на траву, зажмуриться, отдышаться. Это было, это было не со мной, оно прошло.

Я села, распахнула глаза. Под ладонями край устеленной листьями ямы, вокруг – лес, трава и светляки. Ни Артема, ни кролика.

Итак... Опять этот тронутый садист. Рисковый. Инициация у девочки состоялась, сила была, могла и тьмой долбануть. Почему не долбанула? Не догадалась, не умела? Жаль! Что я там хотела? Разгадку? Ну, тут ее точно нет. Зато убедилась на сто процентов – у кого-то из четверых крыша очень не на месте. И он явно не тот, кому Тео жаждет выписать за самостоятельность. Охренеть расклад!

Я стиснула зубы, встала с травы и направилась к точке выхода. План прост. Дождаться ночи, встретиться с Лейкой.

Нам есть что обсудить, да еще как...

Глава 14

Лейка

Сон обволакивал, качал на своих волнах, редел сладкой дремой. Было хорошо. Уютно, спокойно. Позабывтое ощущение счастья – насыщенное, яркое... Все предсказуемо и надежно. День за днем – Паша, Соня, я... Легкие ссоры, быстрые примирения, теплота объятий. Выхваченные образы тускнели, таяли вместе с остатками сна, оставляя после себя слабый привкус ностальгии. Это уже в прошлом. Сейчас иначе. Может, поэтому и не хочется просыпаться? Я потянулась в постели, рука скользнула по гладкому шелку. Шелк?.. Откуда?!

Глаза распахнулись. Витиеватая фреска на потолке, бесконечная пустая кровать. Сквозь неплотно прикрытые шторы прорывался дневной свет, убегающий под порог узкой, рассеянной полосой. Пашина энергия пульсировала при каждом вдохе, приятно разливаясь внутри. Он был рядом, в соседней комнате. Не приснилось! Вчера мы действительно... И что теперь он думает?..

Вылетев из кровати, я заметалась по комнате, собирая разбросанные вещи. Докатилась. Столько злилась за тот случай в ресторане, а сама? Он тогда сумел остановиться, а я нет. И это после всех моих «никогда»? Я натянула платье, кое-как застегнула пуговицы. Одной не хватало, оторвалась, видимо. Так мне и надо, придется перешивать все. Пальцы не слушались, с полки насмешливо смотрел пузатый ангел с отбитым носом. Рано я с ним попрощалась...

Пригладив растрепанные волосы, я глубоко вдохнула, как перед прыжком в воду, и шагнула в коридор. Откуда-то тянуло сквозняком, колыхались страницы брошенного на столике журнала, из гостиной доносились щелчки клавиш. Резко стихли, мягко стукнула крышка ноутбука, послышались шаги. Не дрейфить! Паша отрешенно прислонился к косяку и молча уставился на меня. Словно ждал, что я сейчас открою рот и расскажу, как жалею о вчерашнем.

– Выспалась, – зевнул он. – Я сегодня из дома работаю.

Всегда вставал раньше меня и уходил в свой банк. В той, другой жизни. Я сглотнула ком в горле. Четко осознала – нет, не жалею. И мне не нужны оправдания. Все равно к этому и шло.

– Что ж, – усмехнулся Паша, протянул руки и ловко перестегнул мои пуговицы, от чего их стало столько, сколько должно быть. Ох... – Поспали, можно и поесть!

Пока он гремел на кухне сковородкой, я пряталась в ванной и приводила себя в порядок. Заодно несколько раз проверила чертовы пуговицы. В голову настойчиво скреблась мысль, та самая – и что дальше? Глупо делать вид, что ничего не произошло. Да и не хочу. Отсюда уйти можно, вот только от себя никуда не уйдешь...

Кофе был крепким и густым, омлет таял во рту. Легкий, воздушный, свернутый рулетиком, с сочной начинкой из помидоров, ветчины и расплавленного сыра. Паша научился готовить?..

Он явно не был голоден. Пил воду и задумчиво смотрел в окно.

– Не знаю, что сказать, – наконец призналась я, не в силах больше выносить эту разбавленную звяканьем вилки тишину.

Паша потянулся за солонкой, аккуратно потряс ею над своим нетронутым омлетом. Во второй раз. Вряд ли его можно будет есть.

– И не надо, – сказал серьезно. – Не стоит принимать важных решений, когда вокруг творится черт знает что.

Да. Беззащитный Артем, Хранитель со своими загадками, пятерка бессмертных, Соня...

- Закончим со всем этим, – чуть помягче продолжил Паша, – там и обсудим, что дальше.

Я кивнула, испытав почти неприличное облегчение. Да, отложим. Это будет правильно.

Он принялся за омлет. Отправлял в рот кусок за куском, попутно щелкая клавишами ноутбука. То хмурился, глядя в экран, то сосредоточенно что-то читал. Как обычно, работает и ест одновременно. Так и не смогла отучить его от этой привычки. Даже не заметил, что пересолил омлет! Сейчас потянется за куском хлеба... Я тихонько отставила хлебницу. Из-за ноутбука высунулась рука, хлопнула по тому месту, где только что стоял хлеб. Паша оторвался от экрана и недоуменно уставился на пустой стол. Потом поднял глаза на меня и улыбнулся. Тепло и открыто. Привычно. Словно я и не уходила.

- Зачем ты туда пошел?

Больная тема, но... Мне надо знать. Особенно теперь.

- Граница была открыта, – Паша отложил вилку на край тарелки, захлопнул крышку ноутбука, – в кои-то веки. Понятия не имею, с чего, но по отклику энергии было ясно – пропустит. Видеть это, и не попробовать пройти... Вторые шансы даются редко. Я старался быть осторожным. Отправился обратно, как увидел тот лабиринт. Может, хватит? В конце концов, я вернулся.

На третью неделю. Когда я его мысленно десяток раз похоронила.

- Вы с Соней заранее сговорились, да? – спросила я то, что мучило давно и исправно. – За моей спиной? Мы собирались только глянуть, где портал, и какой он, а вы сразу...

- Лейка, – терпеливо выговорил Паша, – сама подумай, откуда мы могли знать, что граница будет открыта? Соня всю жизнь мечтала попасть в нижний Поток, ну и мне стало любопытно. – Он посмотрел странно, будто устал подбирать слова. И тихо добавил: – Это было спонтанное решение, просто совпало.

- Почему ты не взял меня с собой?

Если вместе, то везде вместе, что бы ни взбрело в голову. А не так!

- Каждый сам решал идти или нет, – ответил Паша. Немного помолчал и добавил: – Одно дело – отвечать за последствия для себя, другое... Я не хотел, чтобы ты совалась неизвестно куда.

Я выдохнула, отпила кофе. Ладно. Выяснила, и закроем тему. Соня тоже говорила – гораздо лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, чего не сделал. Между ними больше общего, чем кажется на первый взгляд. Чего-то такого, что от моего понимания всегда ускользало.

- Их граница определенно не в порядке, – хмыкнул Паша. – То открывается кому попало, то Вестники ее двигают. Не такая уж надежная защита.

- Однако наш случай единственный. И жуткая воронка портала мне до сих пор в кошмарах снится. Тебе она не показалась... живой?

- Скорее, холодной и неприветливой. Как щиток с надписью «не влезай, убьет».

Да?... В памяти всплыл испепеляющий жар, яростный зов. Заманчивый танец серых линий, желание поскорее прикоснуться, пройти.

- Возможно, каждый воспринимает по-разному, – предположил Паша, снова взяв вилку. Поддел кусок омлета, отстраненно повозил по тарелке. – Страшно представить, из чего они ее нагородили.

Нагородить могли и своими силами, а вот поддерживают наверняка энергией тех, кого сожрали... Иначе зачем им веками ее выкачивать, ловушки ставить? Быстрее бы Артем обрушил эту границу к чертям!

- Мне не дает покоя их шестая, – я старательно отогнала всплывший в памяти

незамкнутый круг с волной внутри. – Что-то здесь нечисто. Хранитель не обрадовался, когда я лишний знак на песке заметила. Сразу вышвырнул вон.

– Для него это нетипично? – Паша насмешливо изогнул бровь.

– Куда она делась? Может, кто-то из Вестников перед смертью добраться успел?

– Тогда бы твой загадочный друг бегал по Поток и всем хвастался. Хранитель... Хоронитель он. С персональным кладбищем.

Я опустила взгляд в чашку. Способ узнать все из первых рук был – тот самый знак... Но затея опасная, такого поглощающего единения с чужим сознанием я еще не чувствовала. Можно и не вспомнить потом, кто ты.

Из коридора прилетела задорная трель дверного звонка, длинная и безжалостная. Я вздрогнула. Судя по энергии, разлитой на лестничной площадке, сомнений не было – Роза. Это катастрофа. Ох... За что?..

Паша поднялся со стула, я вцепилась в его рукав.

– Не открывай! Пожалуйста... Откуда ей знать, дома ты или нет?..

Сердце стучало бешено, оmlет просился наружу. Почему, ну почему я не встала пораньше и не уехала?!

– Лейка, – сказал он с укором, – что за детский сад? Ты ведь не собираешься прятаться от нее вечно?

Аккуратно отцепил мою руку и вышел в коридор. Вечно – нет, но в этот раз – вполне! Прочь из кухни, немедленно. Щелкнул замок, скрипнула входная дверь. Я юркнула в маленькую комнату, забралась на диван, в дальний угол. Хоть бы она быстро ушла! Донеслись голоса – теплое приветствие Паши и виноватое многозначительное «О...» Розы, с последующим вопросом: «Кто здесь?» Черт! Там же мой плащ в прихожей висит. Далее – обрывки. Расслышала лишь его: «Завтра обязательно вместе пообедаем», и ее: «Дай хоть поздороваюсь». С кем?.. Со мной?!

Послышались шаги, я вжалась в спинку дивана, неистово мечтая забиться в шкаф. Или даже под него. Только бы избежать этой встречи! На пороге показалась Роза, шквалом яростных эмоций практически сбило. После такого обязаны попытаться придушить...

– Лера, – нараспев произнесла она с ядовитой улыбкой. – Не ожидала тебя тут увидеть! Ну, здравствуй.

По ее лицу явственно читалось – посмотрю-ка я в эти бесстыжие глаза. Еще бы... При нашем последнем разговоре я уверяла, что между мной и Пашей ничего нет, и волноваться ей не о чем. Мол, женится на Анфисе, и ничего я им портить не собираюсь. А в итоге что?

Я через силу кивнула и отвернулась к окну. Щеки пылали, хотелось провалиться сквозь пол. Никогда она меня не любила, с первого дня. Сейчас хоть скрывать это перестала.

– Может, кофе? – предложил Паша из коридора.

Лучше яду. Для обеих.

– Завтра, все завтра, – Розин голос удалялся к выходу, в воздухе таяли искры бессильной злости. – Не буду вам мешать!

Отлепиться от окна удалось, только когда за ней захлопнулась дверь. Потряхивало, на душе скребли кошки. Паша на кухне доказывал кому-то по телефону, что «промо-страница не должна быть такой унылой». Я отыскала свой мобильный – на дне сумки, в прихожей. На дисплее отразился утренний неотвеченный вызов от Артема и его же сообщение: «Ничоси ты загуляла...».

Я замерла у входа на кухню, Паша прижал к уху бормочущую трубку, кинув на меня вопросительный взгляд.

- Мне пора. - Я жестом указала в коридор. - Совсем Артема забросила.

В ответ - торопливый кивок и просьба подождать минутку. В моей чашке чернел недопитый кофе, отовсюду отсвечивало тем же привычным теплом. Я оделась и выскочила за дверь, прежде чем он договорил. Прощаться не хотелось.

В такси я смотрела в окно, стараясь ни о чем не думать. Мы во всем разберемся, обязательно. Что же до нас с Пашей... Обсудим позже. На ближайшее время одним судьбоносным решением меньше. Не готова принимать их в таких количествах.

От дома Зорьевых туго сплетенными волнами во все стороны расходились страх и смятение. Артем... Да у него настоящая истерика! Что стряслось?! Я взлетела по лестнице к детской и уткнулась в запертую дверь. Постучалась раз, второй. Ничего. Но он там! И ему плохо, очень...

- Это я. - Глупая фраза, конечно, Артем и так меня чувствовал. - Открой, пожалуйста.

Дверь отворилась, в узкой щели появилось зареванное лицо. Дрожащие губы, опухшие глаза. Да каких бы рыбок он тут без меня не угробил, черт с ними. Я протянула руку, Артем отпрянул назад. С порога стало видно изорванные в клочья рисунки, его любимые, с кроликами.

- Что случилось? - прошептала я, понимая, что из-за одних рыбок такой реакции не было бы. - Могу чем-нибудь помочь?

- Вод-ды принес-си... - шмыгнул он носом.

Я метнулась на кухню, по пути проверила домашних. Взвинченным эмоциональным фоном Артема никого не задело. Арина после нагоняя от Нины зубрила уроки в своей комнате, сама мать семейства придирчиво перебирала платья в гардеробной. Кажется, не заметила ни моего отсутствия ночью, ни истерики сына. Тихо же он ее устроил, что еще страшнее. Нет мне прощения, что оставила Артема одного. Добегалась... Безответственная дура!

Он долго пил принесенную воду, потом вытер глаза рукавом и впервые посмотрел на меня. Растерянno и как-то сердито.

- В чем дело? - Я усадила его на кровать и встала напротив, платком вытирая сырость с веснушчатых щек. - Проблемы с кроликами?

Артем икнул, обнял себя за плечи.

- Они тебе разонравились?

- Я туда больше не пойду, - отрезал он.

- Там что-то произошло? - я ласково провела по взъерошенным волосам. - Что-то плохое?

Артем опустил глаза, резко скинул мою руку.

- Ее убили. В той яме. По-настоящему!

Я сползла на ковер, перед кроватью. Он узнал... Как?..

- Их давно убивают, да? - глухо сказал он. - И после каждой свой мир.

- Откуда ты...

- Я видел.

Видел? Черт!

- Всех Вестников убивают, - выдохнул он. Судорожно всхлипнул и закричал: - Почему ты мне не сказала?! Почему?!

Я подскочила с ковра, села рядом, Артем непримиримо отвернулся.

- Некоторые вещи лучше не знать, - честно ответила я в беззащитную макушку. - Поверь, в мире...

- Меня убьют! - Он заткнул уши и отчаянно замотал головой. - Их убили, и меня убьют...

- Нет! - Я обхватила его обеими руками, крепко прижала к себе. Артем фыркнул, бодал в плечо, пытаюсь вырваться. Худенький, все ребра наперечет, и сердце колотится, как у воробья. - Ни за что! Как вы там с Владом говорите - фиг им? Те девочки не умели управлять своей силой, а у тебя это здорово получается. И с каждым днем все лучше. Они были одни, а ты нет! У тебя есть я, Влад, Паша, которого ты не любишь, но он все равно поможет. Мы справимся! Да если что, я сама их всех прибью, обещаю!

Артем постепенно затих, но сопел сердито. Мы сидели в обнимку на кровати, среди разбросанных по всей комнате клочков бывших рисунков. Кролики... Что произошло там, в Потоке? Просто так чужие воспоминания ни на кого не набрасываются, их видят только те, кому хотят показать сами девочки. И до сих пор у них такого желания не возникало, иначе бы про миры было известно куда больше. Нири позволила мне посмотреть, потому что ее попросил Хранитель. Почему хозяйка кроличьего леса открылась Артему? Опять без Хранителя не обошлось. Или это очередная способность Вестников?

- Лейка! - Артем вдруг отодвинулся. Глаза у него были серьезные и по-прежнему обиженные. - Расскажи мне все. Я уже не маленький.

- Ага, не маленький, - я вытерла с его щеки след от фломастера, - только глухой. Сколько раз было сказано - не ходи без меня в Поток, и что? Ты спрашивал девочку, что с ней случилось?

- Нет! - отмахнулся он. Значит, Хранитель... Артем сжал кулачки и требовательно спросил: - Кто хочет меня убить? Ты знаешь?

- Те пятеро, - сдалась я, - которые живут за границей. Пока ты в их ловушку не попадешься, они тебя не найдут. От Хранителя держись подальше. Увидит кто вас вместе - пойдут сплетни. И страшилок с ним больше не смотри. В следующий раз сразу убегай и зови меня.

- А это не Хранитель был, - смущенно заявил Артем. - Это Соня.

- Что?! - Голова пошла кругом. - Кто?..

- Подруга твоя. Мы у точки входа встретились, познакомились. Немножко... погуляли. Потом она попросила ее... показать. И та показала.

Ох... Он просто случайно оказался рядом и увидел то, что ему не предназначалось. Обычный дар не даст такой возможности, стало быть это все-таки способность Вестника. Ну, Соня! Не нашла другого времени свои загадки разгадывать?! Или...

- Скажи, - выдавила я, - Соня поняла, что ты тоже...

- Наверное, нет, - пожал плечами Артем. - Она еще смотрела, а я... ушел. Не смог до конца...

Надеюсь, что нет. Очень надеюсь. Соня не сможет скрыть от Тео того, что знает сама, даже если захочет. А тот мгновенно догадается, кто такой Артем. Стало холодно и душно, будто из комнаты ледяной рукой выдавили воздух. Соня говорила: «Дело пустяковое, проверить несколько миров в верхнем Потоке». И ищет воспоминания убитых девочек... Черт! Паша был прав - ее задание связано с Вестниками.

Артем по-детски быстро успокоился. К тому времени, как в комнату заглянула его мать, он успел умыться и пересказать мне содержимое пары фильмов, которые я непременно должна посмотреть, потому что там кто-то кому-то навалял, и вообще все очень круто. Нина подозрительно покосилась на припухшие глаза сына, но расспрашивать ничего не стала. Велела ему собираться и спускаться во двор - у дедушки день рождения, а он не любит, когда опаздывают на праздничный ужин.

Меня вежливо пригласили, я так же вежливо отказалась, и вскоре семейство Зорьевых

отбыло в полном составе, под завязку забив машину подарками и воздушными шарами. И тортом – огромным чудищем, украшенным сверху марципановыми фигурками грядок и теплиц. Кондитер был явно в ударе. Или Нина.... Кстати, что она будет делать, если я когда-нибудь приму приглашение?

Закрыв дверь, я тщательно убралась в детской, стараясь не пропустить ни одного злополучного клочка. Дежавю... Что-то в последнее время не везет бумаге в этом доме. Потом решительно набрала знакомый номер. Кира ответила на звонок не сразу, непривычно тусклым голосом буркнула: «Хочешь – приезжай», и отключилась. Плохо дело!

Дверь в ее квартиру была приоткрыта, оттуда запредельно орал телевизор. У входа наискосок лежала вешалка вместе с одеждой, с экрана выясняли отношения какие-то азиатки, всюду были раскиданы полупустые коробки конфет и скомканные фантики. Кира по-ковбойски валялась на диване, рядом, в старом кресле, притулился здоровенный кактус с цветком на макушке. Между ними стояла бутылка виски с отвинченной крышкой, на дне которой плескалось несколько капель. Сомнений, куда делось все остальное, не возникало.

– Ты в порядке? – спросила я, убавив громкость телевизора. Ответ сам бросался в глаза, безо всякого дара.

– В полном! – Она нехотя спустила ноги и потянулась к бутылке. – Хотя нет... Виски кончился!

Неужели? Наверное, кактус выпил. Я поставила чайник и захлопала дверцами навесных шкафчиков в поисках заварки. В третьем по счету обнаружился пакет кускового сахара, вазочка со щипчиками и целый ряд красивых жестяных банок с яркими ярлычками. Впечатляющая коллекция... Кира независимо отвернулась и стряхнула крошки с пижамы, размазав шоколад по ромашкам.

– Чаек, креслице, ми-ми-ми, – сказала она кактусу. – Ни на мгновение не верила. Меня не проведешь!

Сквозь напускное безразличие отчетливо пробивалась тоска. Никогда не знала, что отвечать в таких случаях. Я заварила чай, налила себе полную чашку и села рядом с Кирой.

– Как Роман?

– Никак! – весело сообщила та и, перегнувшись через диванную подушку, достала начатую бутылку с ободранной наклейкой. – Ромы нет, зато есть ром. Обалденный, кстати! Не предлагаю, все равно не оценишь...

– Перестань. Мне жаль, что так вышло... Но ведь ничего ужасного не случилось. Он не пострадал, а за странное поведение Сони ты не в ответе. В конце концов, ее несколько дней как из психиатрической клиники выписали.

Она выразительно усмехнулась, поправила очки.

– Лейка, все он понял.

– Что понял?..

– Все. – Кира резким движением откупорила бутылку, крышка улетела за диван. – Аните сказал, что подопечная у фонда больная на всю голову, и вернули бы они ее обратно. Танцы до упаду – ну, нетрезвый народ еще не такое вытворяет. Кто под лавкой уснул, кто домой, шатаясь, поплелся, от пьяных не отличишь. Грозился паб проверить по поводу подозрительных веществ, не понимал, почему его срубило. По пути сюда молчал и думал о чем-то напряженно, но это его обычное состояние. Чайку заварил, выдул литр и спать улегся. Думала – ура, обошлось! А с утра к стенке меня припер, допрос устроил. Оказалось, весь наш с Соней разговор слышал и запомнил отлично. Я выкручивалась, как могла: глаза круглые делала, ресницами хлопала – бесполезно, не верил. Психанула и сказала...

– Что сказала? – выдавила я, уже не надеясь на лучшее.

– Про дар. – Кира отпила прямо из горлышка, даже не поморщившись. – Дальше сам два плюс два сложил, не дурак. Карьера моя головокружительная, внезапно съехавшая крыша Лессера, наше с вами знакомство давнее через психологический центр – сошлись показания. Радость, счастье!

Я пристроила нетронутую чашку на подлокотник, потеснив разнокалиберные пустые бокалы. Выходит, Роман понял, что Кира, Соня, Паша и я... Ох!

– Я его предупредила о Совете, – она потянулась через меня за бокалом, со второй попытки его схватила. – О том, что испытанными знаниями светить опасно, потому что девочки с розовыми прядочками на самом деле не такие дурные, какими кажутся. К счастью, у Ромы навык делания морды кирпичом прокачан в совершенстве. Справится.

Азиатская девушка в телевизоре разрыдалась так шумно и надрывно, что я дернулась, чуть не смахнув чашку на пол. Выключить его совсем, что ли? Кира наполнила свой бокал доверху, сосредоточенно цокая языком. Надо же, ни капли мимо...

– И что было потом? – спросила я, боясь гадать, какой была его реакция. Помнится, Влад мне тогда санитаров порывался вызвать.

– Ушел. На работу. Звонки сбрасывает. Я думаю, что...

Повисла пауза. Кира задумчиво посмотрела на бокал и снова глотнула из бутылки.

– Что? – уточнила я осторожно.

– Все. – Она глубококомысленно кивнула. – Полное все, и до свидания. Прошла любовь, завяло это самое... Поддай вон ту конфетку, а?

Я машинально передала ей коробку, стараясь подыскать подходящие слова. Или хоть какие-нибудь.

– Слушай, успокойся. Он в шоке сейчас, такие новости необходимо переварить. Дай ему время. Если ему надо подумать в одиночестве, это не значит что...

– Пф-ф-ф! – перебила Кира, выгрызая конфету из фольги. – Я тебя умоляю! Кто будет жить с тем, кто тебя насквозь видит, со всем личным, сокровенным и для чужих глаз не предназначенным? Это ужасно и дико, знать, что каждая твоя мысль – вслух, чувства – как на ладони, а слова автоматом проходят проверку на детекторе лжи. Думаешь, почему никто из вемов близким правду не открывает? Потому что Вениамин запретил, или Совет предупреждение влепит? Ха-ха! Потому что ясно и понятно, как божий день, что отношениям после этого кранты, хорошим уж точно. Дима своей жене не сказал ни через пять лет, ни через десять, даже по большой и светлой любви. Понимал, что не надо ее на прочность испытывать. Каково мириться с отсутствием дверей и стен в своем укромном домике и терпеть постоянный напряг?.. Зачем?

– Вот Влад...

– Извращенец твой Влад!

– Неправда, – обиделась я. – Он тоже сначала шарахался. Постепенно привык, и отношения наладились. Его не напрягает совсем, я же чувствую.

– Не сравнивай, у вас другое. Влад заранее знал, кто ты. Подружились вы потом. Это был его личный выбор. А тут...

На полу у дивана запрыгал телефон, истошно звоня той мелодией, под которую в фильмах обычно убегают от маньяка. «Деспот и тиран» – высвечивалось на дисплее. Без вариантов кто! Я протянула трубку Кире, она закатила глаза и фыркнула в бокал. Растерявшись, я зачем-то приняла звонок, в ухо тут же выпалили:

– Где тебя носит?!

– И тебе здравствуй, – отозвалась я.

– Лейка?.. – опешил Паша. – Неожиданно! Ты у Кире дома, что ли?

- Да. Она... не хочет брать трубку.
- Дай-ка угадаю, там пьяный концерт и нервный срыв на горизонте?
- Ну...
- Сейчас приеду.

Черт! Действительно нервным срывом пахнет. Дар у нее теперь сильный, бесконтрольные эмоции чреваты выбросом энергии, от которого могут пострадать люди. Как быть?.. Кира вопросительно уставилась на меня, силясь изогнуть бровь.

- Он сейчас приедет... - покаялась я.
- Шкаф, - пробормотала она.
- Какой шкаф?
- К двери. Придвинь. - Кира отсалютовала бокалом кактусу и залпом выпила до дна.

Ага. Вот пусть кактус и двигает! Следующие полчаса я старалась ее успокоить: в подробностях пересказала наш с Владом первый откровенный разговор о даре, уговаривала переодеть заляпанную пижаму, пыталась напоить чаем. Сначала он ей был горячим, потом холодным...

Паше я открыла дверь под ее громкие вопли, что никого нет дома. Наконец-то приехал! Не представляла, что еще можно сделать. Любой, выпив столько, давно бы мирно дрых в уголке! А этой хоть бы что. Он беглым взглядом окинул творящийся беспредел и с порога спросил:

- А мне конфетку?
- Чего приперся? - очень гостеприимно поинтересовалась Кира с дивана.
- Даже не обнимемся?
- Кактус обними!
- Неправильно ты, Кира, страдаешь. Банально, без огонька. Ни грустной музыки, ни сигареты, ни пледа, ни дождя за окном. Да еще и с суфлершей... - Паша выдернул из розетки шнур от телевизора, восточная девица исчезла вместе с соплями и воплями. - Слабо без нее?
- Кира швырнула в него конфетой, Паша увернулся. Она мстительно закусил губу и принялась комкать шарик из фольги. Большой.
- Что ты творишь? - возмутилась я ему на ухо. - Ее же утешить надо, а не бесить.
- Ты уже наутешала. - Он вывел меня в коридор, не дав оглянуться. На плечи лег плащ. - Иди, сам ее в чувство приведу.
- Да я помогу...
- Не стоит. Если Кира продолжит в том же духе, ее сорвет, и весь дом накроет. Фон она может создать мощный. Ты в курсе, чем заканчиваются особенно печальные случаи. Иди.

Я на автомате натянула сапоги и шагнула за порог, дверь тут же захлопнулась. Ну, нормально, а? Вообще-то, я первая к ней пришла! Из квартиры приглушенно полилась унылая музыка. Паша что, серьезно говорил?! Ладно, пусть делает, раз знает что, а мне пора к Артему. В кармане пикинул телефон, пришло сообщение: «Я нормально, остаемся с ночевкой у бабушки». Это заговор?..

На улице стемнело, накрапывал дождь, по раскрытому зонту невесомо стучали капли. Под мягким светом фонаря искрился влажный асфальт. Куда теперь? Домой, сидеть в одиночестве и считать минуты до наступления ночи? Свихнусь... Пальцы сами собой вытащили телефон, по памяти набрали номер.

- Привет! Чем занимаешься?

- Спасая Галактику! - тоном супергероя отрапортовал Влад. Помолчал и осторожно поинтересовался: - А что?

- Так уж вышло, что у меня совершенно свободный вечер, - доложила я. - Давай прогуляемся.

Резкий порыв ветра едва не вырвал зонт, стеной обрушился дождь. Прижав к груди телефон, я бросилась к подъезду под козырек. Небо было беспросветным, по асфальту неистово колотил ливень. Вот как так?!

- Ты меня решила утопить? - развеселился Влад, явно услышав шелест в трубке. - Может, я сам, тут, в ванной? И теплее, и тебе работы меньше... А серьезно, давай ко мне? Есть все фильмы интернета и нечто вроде еды!

За горло схватила паника, подкатил ком - горький, колючий. Целый год я сдавала Владу мамину квартиру. Всегда кому-то сдавала - жить в ней не могла, а продать почему-то рука не поднималась. Арендаторы радовались, что хозяйка разрешает делать что угодно, проверки не докучает, и вообще в квартиру не является. А я боялась. Не заходила туда с того самого дня, когда... Просто не могла себя заставить переступить порог. И теперь что, взять и вернуться? Гости, фильм, чай? Как ни в чем не бывало?

- Тебя случаем не смыло? - обеспокоенно спросили из трубки.

- Нет, - выдавила я.

- Э... Ладно, как хочешь.

- Нет. - Я глубоко вдохнула пропитанный влагой воздух, крепче перехватила рукоять зонта. - Скоро буду.

Призраков не существует. Это всего лишь квартира. Пятнадцать лет прошло! Пора встретиться со своим страхом лицом и лицу. Надоело прятаться, особенно от самой себя.

В некогда родном дворе было светло и... тесно. На месте старых лип жались друг к другу машины. Ливень барабанил по их крышам, намывал новенькую детскую площадку с блестящими горками и качелями, стекал по прутьям забора. Сквозь секущие наискось струи сияли фонари, резали желтыми дорожками мокрый асфальт. От шлагбаума до подъезда десять метров, а промокла насквозь - не спасли ни зонт, ни плащ. Дверь, вместо добротной черной обивки с золотыми гвоздиками, холодила серым, в мелких царапинах металлом. С плаща капало, с носа текло, зуб на зуб не попадал. Красавица... Звонок незнакомо запищал с переливами, послышались шаги.

- Ого! - попятился Влад, пропуская меня внутрь и забирая зонт. - Муму отдыхает. Икупалась где-то по дороге?

- Почти...

Компактная вешалка, две сиротливые полки, странной расцветки обои: ночной город, подсвеченный маленькими прожекторами. Из полутьмы коридора выглядывал шкаф, похожий на нагромождение криво склеенных ящиков, на полу валялась шкура плюшевого медведя. Забавно, и знакомой вещи - ни одной.

- Сам подстрелил? - невольно хихикнула я, кивнув на шкуру. - Охотник!

- А то. Знаешь, какой в «Детском мире» переполох был, - подмигнул Влад и по-хозяйски махнул рукой. - Чего стоишь, раздевайся давай! То есть...

- Я работаю над этим, - усмехнулась я и все-таки стянула прилипший к кофте плащ.

- Где ванна, наверное, помнишь, - пробормотал он, внимательно разглядывая натекшую с зонта лужу. - Нормальное полотенце там синее, не спутай!

Я на автопилоте повернула туда, куда нужно. Выжала волосы над раковиной, после - рукава и юбку. С любопытством посмотрела на полотенца. Их было два - синее

«нормальное» и бледно-голубое. Интересно, что с ним не так? Проверять не рискнула. Вытерев руки, чем велели, замерла и огляделась. Огромный зеркальный шкафчик, полка, сушка для полотенец и... душевая кабинка?! Плитка другая. Смутно припомнилось – бабушка затевала в квартире ремонт перед тем, как начать ее сдавать. Но вряд ли капитальный. Где-то должен поджидать кусочек прошлого, готовый наброситься из-за угла...

Я вышла в коридор и столкнулась с Владом.

– Зонтик сушится, чайник вскипел, – доложил он с очень ответственным видом моему лбу, снова посмотрел на лужу и вздохнул. Ну, вытер бы, если она его так нервирует. – Чаю? Согреешься!

– А где Коля? – Я проверила энергические отпечатки. Его соседа в квартире не было. Да и никого больше не было.

– Он тут месяца два уже не живет. С женой в очередной раз помирился. Снова выгонит, прибежит обратно.

Я поправила ворот кофты, стараясь не коситься в конец коридора, на прикрытую дверь с разрисованным краской стеклом. Кажется, дерево изображено. Или... Влад развернулся именно в том направлении и поманил меня. Туда. На кухню.

Это все-таки сильнее меня? Или нет?.. Я шагнула вперед – медленно, как во сне, когда отчаянно пытаешься двинуться с места, а вокруг словно вода. Мешает, не пускает, и с каждым мгновением сильнее хочется проснуться. Еще шаг, приоткрытая Владом дверь. Взгляд прилип к рисунку. Бесплезная отсрочка... Не спасет. Кстати, угадала, вправду дерево. Мазки крупные, размашистые. Вроде набор клякс и пятен, а вместе – объемная картинка. Колина работа, видимо. Влад аккуратнее рисует, мягче. Расстояние неумолимо сокращалось, накатывал ужас. Переступила порог, стиснув зубы, в бок предательски кольнуло. Так, хватит! Вдохнуть через силу, поднять глаза. Свет. Яркий свет лампы, невероятная пестрота под ней. Там... Лего?! Я мотнула головой, наваждение не прошло. Те же выложенные разноцветными детальками стол, шкафчики и столешницы. Будто игрушечные, но в натуральную величину. У меня крыша едет?!

– Вы что, – ахнула я, – из конструктора гарнитур собрали?

– Да, – солидно кивнул Влад, подозрительно блестя глазами. – Весь год собирали! Видела бы ты коробку... а инструкцию...

И ведь наглое вранье! Я опустила на прозрачный стул, благо, он был обычным и не грозился развалиться на запчасти.

– Лейка, да мы просто сверху старыми деталями обклеили, – сжался Влад.

Я недоверчиво поскребла пальцем стол, заглянула под него. Действительно, только поверхность такая. Приклеено намертво, не отколупывается. Точно, это наш старый гарнитур и есть, ему сто лет в обед. А выглядит как новый! Присмотревшись к облепленным мелкими кубиками столешницам, я заметила честно собранные из лего салфетницу и подставку под столовые приборы. Что характерно, вилки были пластиковые. Креативщики! Страшно представить, сколько времени пришлось убить...

– Вам делать было нечего? – догадалась я.

– Мы ж дизайнеры! – гордо сообщил Влад и поставил передо мной дымящуюся чашку.

Я пригубила, обдало приятным жаром. Чай сладкий, но с горчинкой. Сладость растворяется быстро, будто ее и не было, а горечь растекается внутри, пропитывая все. Пальцы дрогнули, чашка гулко звякнула о стол. Наконец осознала – вот я и тут. Вернулась... Сажу, взрослая теперь уже. А все могло закончиться на этой кухне. Как закончилось для нее.

Невозможно убежать от того, что носишь с собой. Я старалась оставить. Куда оно делось в итоге? Это место было не узнать. Больше света, нет яблочек на обоях, холодильник не тот, и стоит не с той стороны. Ни магнитиков на дверце, ни прилепленной записки с инструкцией, что есть в первую очередь. И в окно тогда лезли липы, под которыми

поскрипывали старые, подвешенные на цепи качели. Казалось, здесь вечно будет пахнуть смертью. А сейчас – мед и лимон. Какая-то чужая, совершенно нейтральная кухня. Так странно – смотреть в тот самый угол, где едва не истекла кровью, и не чувствовать...

Я бухнула в чай три ложки сахара, звонко размешала. Глоток, и никакой горечи.

– Не греми ложкой! – сказал Влад занудным тоном и поджал губы.

Да вовсе я не так говорю! Вот поросенок...

– Есть хочешь? – мирно спросил он.

– Да, – призналась я, но тут же вспомнила его обугленные блинчики и поспешно добавила: – Нет!

– Поздно. Приготовлю свое новое фирменное блюдо.

Смертельный номер, а я без противогаза. Начало было безобидным – Влад достал обычный белый хлеб. С предвкушением потер ладони и принялся вырезать из ровных магазинных ломтиков середину. Загадочно...

– Идея с сообщением в интернете сработала? – поинтересовался он, отсвечивая жгучим любопытством. – Соня нашлась?

– Как тебе сказать, – вздохнула я. – Если рассматривать ее очередные... выходки – то нашлась. А вот встреча наша, увы, не состоялась. Сегодня попробую снова.

– Выходки?... – Влад озадаченно завис над растерзанными тостами. – Снова Совет шугала?

Черт с ней, с конспирацией.

– На этот раз полицию. К счастью, никто не пострадал. Не представляю, как ей теперь мириться с Советом. Анита была в ярости! А я и возразить не смогла... Те люди вели себя пугающе – танцевали!

– Полиция?! – Влад уронил нож. – Хотел бы я это посмотреть. Танец с дубинками... Тада-да-да-да-дам-та-та-та!

Он согнулся пополам, заливаясь смехом так, что слезы выступили. Я схватила сомнительно чистое полотенце и шлепнула его по спине.

– Не полиция. И не Совет. Люди в пабе. Это было страшно. Они кружились, пока без сил не рухнули. Кажется, Соня внушила им свою волю.

– Нехило! – присвистнул Влад. – А ты говорила, подобное невозможно. Выходит, вемы все-таки могут любому настроить мозг? Заставить делать, что угодно? Она за границей научилась?

– Такому не научишься, – успокоила я его. – Сила нужна специальная, из Потока. Которая есть у... тех пятерых.

– Помню. Они поделились ею с Соней. Для какого-то таинственного задания.

Которое касается Вестников. И, возможно, связано с новым, недавно появившимся. С Артемом...

Влад разбил в миску с десяток яиц и украдкой принялся вылавливать оттуда кончиком ножа кусочки скорлупы. Зачем? Любит ведь хрустящее!

– Получается, Соня сейчас под контролем заграничных жителей из-за хитрой энергетической связи, – он оставил, наконец, миску в покое и полез в холодильник. – Пока не закончит с ними дела, ей угрожает опасность страшнее Совета. Раз она согласилась на такие условия, то очень хочет вернуться. Как ни крути, вариант у нее один – выполнить задание, если оно выполнимо, освободиться и потом уже разбираться с остальными проблемами. Надеюсь, я ничего не упускаю...

Упускает, еще как. Посвящать Влада в детали рискованно, но... Если на то пошло, для его безопасности следовало оборвать нашу связь, и давно. Раз этого не сделала, чего уж теперь секреты разводить. Вдруг он что-нибудь толковое подскажет?

– Тео, один из пятерки, отправил ее исследовать миры верхнего Потока, – на одном дыхании сказала я, – чтобы вычислить, кто из четверых оставшихся творит что-то скверное.

– Ответ скрыт в прошлом? – Влад вынырнул из холодильника и принялся возбужденно кромсать сыр и колбасу. – Сценарии содержат ценную информацию? По идее, миры – это результат некоего события раз в сто лет. Пятерка в нем участвует?

– Мир возникает из-за мощного выброса энергии. Когда умирает девочка... с особым даром, способным уничтожить наших бессмертных.

Я выдохнула. Вроде выдала только Сонину отчасти правдивую версию, и Артем как бы ни при чем. Влад перевел на меня задумчивый взгляд.

– Не сама умирает, полагаю?

– Их убивают, – прошептала я, – век за веком. Соня проверяет... как это происходило.

Он нахмурился:

– Жуть! Не Поток, а кладбище... Давай по порядку. Пятерка желает волшебным девочкам смерти. Столетиями все идет успешно: бессмертие цветет и пахнет, миры прибавляются. И тут этот Тео поручает удачно подвернувшемуся человеку проверить, как умирали их враги. Кстати, почему сам не может посмотреть? Но не суть. Подход у него серьезный: силы Соне отсыпал, пообещал освободить. Ему очень нужно имя того, кто «творит что-то скверное». Очевидно, это касается тех девочек. И если общая цель – избавиться от каждой, то у искомого жулика...

– Другая цель?..

Влад победно взмахнул ножом. О... Так, спокойно! Что я знаю наверняка? Сонино задание связано с Вестниками. Тео отправил ее искать, кто из четверых творит некое непотребство, и это касается убийств их главного врага. Миры – наглядная летопись событий. В прошлом явно возникали проблемы, и несогласный с «политикой партии» где-то наследил. Разногласия в коллективе действительно существуют, и они из-за Вестников! Боюсь предположить... Неужели кто-то из бессмертных на нашей стороне?..

Влад оставил в покое нож, вооружился лопаткой с обгоревшей ручкой и встал к плите, качественно заслонив мне обзор. Что там? Булькает подозрительно...

– Не подглядывай!

– А то что? – прищурилась я.

– Есть потом не будешь...

Я чуть подвинулась вместе со стулом, Влад тоже сместился, упрямо переставив сковороду на соседнюю конфорку.

– Должно быть что-то еще, – заинтересованно протянул он. С тем же энтузиазмом, с каким обсуждал любимые фантастические фильмы. – Подумай, как Тео объяснил другим, зачем отпускает Соню? Правда спугнула бы бунтаря. Значит, есть отмазка для своих.

– Или два задания...

Я опустила глаза. Детальки на поверхности стола расплылись пятнами, желудок сжался.

– Лейка, ты что-то подозреваешь? Делись!

– Последний мир возник сто лет назад. Время новой девочки на подходе.

– Считаешь, Соня должна ее убить?!

– Нет! – Меня затрясло. – Найти. Хотя... Нет. Не могу об этом думать! Они ментальные сущности. Тела у них нет. А девочек убивали в реальности. Похоже, задействуют кого-то...

– Вроде Сони, – кивнул Влад, я зажмурилась. Он помолчал и уверенно продолжил: – Ерунда. Она первая за столько лет за границу пришла. Не вариант им так сидеть, ждать гостя, особенно если каждые сто лет припирает. Нужен тот, до кого они могут регулярно дотягиваться и использовать.

Масло на сковороде зашипело, я распахнула глаза. Снова увидела обклеенный яркими, отдельными детальками стол, превратившийся в единое целое. Ну, конечно! Как я сразу не догадалась?..

– Ловушка! Они поглощают разум жертв, но тело остается...

Совпадает, черт возьми! Попавший в ловушку испанец «очнулся» в клинике, когда Мария активно пыталась свести знакомство с бессмертными. В Совете тот случай замяли, сделали вид, будто не было ничего. А сами забирают «ловушечных» пациентов в свои клиники, под присмотр. Анита и в России этим занимается, иначе зачем ей Стасик понадобился? Выходит, пятерка способна занимать чужие тела? Каким образом?.. Известных случаев ничтожно мало. Видимо, процесс сложный. Может, для него и необходим ритуал?

Что-то стукнуло, запахло так вкусно, что желудок отозвался бесстыдным бурчанием. Передо мной стояла тарелка со странными тостами, рядом улыбался довольный Влад. Что у нас тут? Рамка из хлеба, в середине яичница с колбасой и сыром, снизу прилеплен хлебный мякиш.

Я осторожно откусила, прожевала. Проглотила.

– М-м-м!

– Еще бы, – гордо кивнул он, – и, заметь, никто не пострадал.

– А это, – хихикнула я, указав на плиту. Пятна масла, паленные крошки, ошметки омлета, еще какая-то трудноопределимая гарь... – На завтрак доешь?

Потом мы смотрели сериал про девушку-зомби. Она каждую серию готовила новые блюда из мозгов обитателей морга и с помощью полученных воспоминаний расследовала тайны их смерти. Надеюсь, Влад не запомнил рецепт...

Ночь я встретила на диване, в своей старой детской комнате. Точнее – там, где она когда-то была. Сейчас здесь все изменилось. Казалось, и темнота стала другой, не такой плотной и тихой.

Я откровенно говорила о маме лишь однажды – с Соней. Она выслушала меня молча, положив голову мне на плечо. А в конце сказала: «Знаешь, тот, кто тебя по-настоящему любит, никогда не причинит тебе зла. Что бы ни случилось».

Пятнадцать лет я боялась сюда возвращаться. А сейчас почему-то было совсем не страшно. Даже просто никак.

Неужели прошлое все-таки способно остаться в прошлом?..

Глава 15

Соня

Жесткий гул водопада. Скользкий, окутанный дымкой пара край скалы, рваная линия берега с высоты птичьего полета. Забираться сюда долго и муторно, зато потом... Вдохнуть полной грудью, глубоко, до головокружения, расставить руки в стороны. Открыть глаза пошире и... Этот миг самый волшебный. Шаг! Объятия воздуха, свист ветра в ушах. Не падение – полет. Невероятная, пьянящая свобода и восторг, до боли, до остановки сердца. Секунды, что длинней, чем жизнь. Удар, моментально оборванные звуки, стремительное погружение в воду, в сгущающуюся тьму. Непроницаемо тихо, лишь кровь дико стучит в висках, и далеко вверх переливается мутное пятно света. Если повезет – коснуться дна кончиками пальцев; и назад, к оглушительному реву водопада, солнцу, краскам.

Я перевернулась на спину и лениво поплыла к основанию скалы, откуда уходила ввысь, петляя, едва заметная тропинка. Сегодня поныряю вдоволь. Давно мечтала, да концентрации хватало максимум на три прыжка. Даже с предельным даром не всегда получаешь то, чего хочешь. Теперь бонусных сил вагон, и время есть – Лейка хоть и любит приходить заранее, но не настолько. Так что – прыгаем. А то в реальности меня как магнитом тянуло к холодильнику, приложиться к малиновым йогуртам. Причем ела я их уже просто из жадности, и забаррикадировавшийся в комнате Поняша рисковал остаться без корма. Фиг мне тогда, а не мустанг.

Конечно, можно было бы проверить последний активированный мир, родину Кисы. Очередная девочка, очередное убийство, очередной жуткий набор предсмертных эмоций – спасибо, завтра. Перед разговором с Лейкой лучше быть вменяемой. Я понятия не имела, что ей говорить и о чем спрашивать. Но это нормально, подходящие слова всегда находятся в тот момент, когда нужны.

Рука привычно уцепилась за выступ скалы, в спину ударила речная волна. Странно сильная, горячая. Берег отдалился, будто его спрятали за уменьшительным стеклом, дернуло вниз так резко, что ободрала пальцы о шершавый камень. Вашу ж мать! А повежливее?! И почему именно сейчас? У водопада вырубился звук, все вокруг затянуло паром. Плотным, непроглядным, белым. Нет... Не хочу, не пойду... Только кто бы спрашивал?.. К ноге, бегом, и не волнует.

Вынесло из мира вон, быстро и яростно, со свистом. Бешеный круговорот энергии, спуск как по кочкам. В самую глубину, в царство гребаной идеальной белизны. Сердце Потока, чтоб его!

Ослепительное сияние схлынуло, оставив после себя зал старого замка, изрядно побитого временем. Закопченный свод потолка, мощные, покрытые трещинами и паутиной колонны, темные стены с жалкими остатками фресок и много-много свечей. В трехэтажных люстрах, в настенных светильниках, в притаившихся по углам канделябрах. В глиняных плошках, вереницей убегающих к пустому, занесенному вековым слоем пыли трону.

И кто автор этих, пардон, декораций? Тео отпадает сразу, не в его духе. Ни тебе парчовых драпировок, ни кроватей с купидонами.

Крис картинно оперлся о резную спинку и выглядел почти в образе. Если бы не белоснежный носовой платок, брезгливо подстеленный под локоть. Ну, не беседка с розами, увя. Тоже отпадает.

Иллит бы точно предусмотрела для себя какое-нибудь посадочное место, а не стояла на ступенях трона, красиво разметав по полу длинную юбку.

Базиль подпирал колонну, ноги крест-накрест, руки в карманах – наверное, фиги скручены. Готов к диалогу, как всегда. Бу! В прошлый раз он избавился от меня при помощи гигантского пылесоса, сегодня, видимо, засунет в кофемолку. Или в миксер...

Яника, склонившись над канделябром в углу, водила пальцем то по одной, то по другой

свече, с хихиканьем ловя капли воска. А ведь сто процентов она хозяйка замка, судя по количеству тех самых свечей и канделябров.

Все крокодилы в сборе. Неужто ради меня? Хреново...

– Явилась, – хмыкнул Базиль.

Понять бы, что происходит, и как себя вести.

– Сладкая, видишь ли, – подмигнул Тео с явным намеком, – наши друзья интересуются твоими успехами. Нервничают, что тебя четыре дня нет, а новостей никаких.

Крис важно кивнул, подтверждая, что нервничает, и все пятеро уставились на меня. Пора включать дурочку в режиме «испугалась – отчиталась». Тем более притворяться почти не придется.

Я поднялась по ступенькам, обессиленно плюхнулась на трон, подняв кучу пыли, и устало выдохнула:

– Новости есть...

Сзади чихнул Крис, в углу гулко шмякнулся канделябр, врассыпную покатались потухшие свечи.

– Ты нашла ее?! – Яника подбежала ближе, прижав руки к едва наметившейся груди. Кудряшки нетерпеливо подпрыгивали вместе с хозяйкой. – Нашла, нашла, нашла?..

– Пока нет, – осторожно ответила я. Базиль демонстративно фыркнул и исчез за колонной. Хорошо бы с концами. – Но выяснила кое-что.

– Ну? – Иллит слегка повернула голову.

– Эта дрянь год не попадаетеся! – прорычал над ухом Крис. – Ей кто-то помогает?

Год, ага. Пятьдесят столетий ловят одним и тем же прохуdivшимся сачком, а потом удивляются – что ж это меню оскудело?

– И помогать не надо. Сейчас любой вем знает про ловушки, – возразила я, – и как их избегать. Все зависит от внимательности и осторожности. Однако кое-кто готов поддержать ее в охоте за вашими головами.

– Кто? – ласково спросил Тео.

– Совет. Слышали про такой? Они вами очень интересуются. Возникновением миров, ритуалом. Сказали, в прошлый раз прижать вас не смогли, но в этот раз ошибки не повторят. Подготовились, видимо.

Я оглянулась на Криса. Тот играл желваками и злобно шипел себе под нос. Помнит, дебошир, где сотню лет назад накосячил в шкурке Германа? Вот и Совет не забыл.

– За мной тоже охотятся с первого дня, – пожаловалась я с несчастным видом. – Приходится...

– Дался вам этот Совет, – перебила Яника. – Нам девица нужна, а кто сказал, что она на их территории? Власть во всем мире Совет не захватывал.

– Только в Европе, – зевнула Иллит, изящно прикрыв рот ладонью, – и то спорно. Скажи уже, чего действительно полезного выяснила, не томи.

Действительно полезного?! Наглая, отполированная поточным фотошопом морда!

– Думаю, ваша девочка, – я тоже зевнула, – именно в России. Потому Совет туда из Европы и нагрянул, больше было незачем.

Обе озадаченно переглянулись.

– Они нашли ее? – восторженно спросил Крис и вышел из-за трона вместе со своим платком.

Таки отлип.

– Вряд ли, – покачала я головой. – Иначе просто увезли бы к себе и успокоились, а не расползались дальше по стране.

– Как они определили, – Тео нехорошо нахмурился, – что предполагаемая жертва в России?

Не упоминать о Лейке, не думать о Лейке. Ее в качестве возможной помощи девочке не рассматривают, и пусть так оно и будет!

– По Хранителю и его разведенной в тех краях активности, – выговорила я, даже не пытаясь скрыть нервозность. Меньше подозрений вызову. Устроили допрос с пристрастием, а я не железная.

– По кому?.. – в хрустальном голоске Иллит прорезалось недоумение.

– Ваш заграничный сосед нынче представляется Хранителем времени.

Яника звонко рассмеялась, согнулась пополам и села прямо на пол. Ну...

– Времени... – презрительно процедил Крис. – Совсем рехнулся.

Я молча пожала плечами. Меньше слов – меньше шансов, что к чему-нибудь придерутся. Им с самого начала не нравилось, что Тео пообещал меня отпустить. Никому.

– Все-таки сложности есть, – во всеуслышание объявил он с отчетливым посылом «Выкусите, я был прав».

– Ну, есть, – утомленно отозвалась Иллит. Еще бы... Обычно лежит, а тут стоять пришлось. – И были. И будут. И что? Справились как-то с той же Ливи.

– Чудом. Не в нашей ситуации полагаться на везение.

Ливи... Любимая доча вождя племени каннибалов на далеком острове. Попытка подобраться купцами на торговом судне провалилась – сожрали в момент, вместе с командой и гребцами. Незаметно подкрасться не удалось, натравить соседей-аборигенов тоже – подстрекателя прибили свои же. В итоге пришлось прорываться с вооруженной до зубов бандой наемников и вырезать, к чертовой матери, все племя. А Лейка-то и не знает, какой замес был на пляже ее «райского острова».

Попыток всегда немного. У каждого из пятерых. Использование силы сверх обычного дара быстро убивает взятое напрокат тело, а сменить его на другое – тот еще геморрой. Процесс вселения сложный. Опасный. Поглотив чужое сознание и заняв его оболочку, рискуешь забыть себя: раствориться в том человеке, перестать существовать. Своей привязки к реальности у них нет, поэтому любая вылазка – риск не вернуться. Из Потока любой из пятерых высывался только по острой необходимости. Разыскивать девочек с тьмой никогда не было легкой задачей. Да, они выиграли пятьдесят раз, но прекрасно понимали – достаточно одного раза, чтобы все было кончено.

– В России, значит, – глубокомысленно произнесла Яника, и не думая подниматься с пола. Валялась на спине и чертила пальцем в воздухе подобие карты. – Она большая.

– Тел подходящих много, – довольно отметил Крис.

– У Совета в клиниках, – не удержалась я.

– Твое возьмем, – съязвили в затылок. – Все равно недолго осталось.

Ну вот и Базиль, давно не виделись. Сразу я ему не понравилась, но раньше он хоть молчал.

– Вперед, если тебе Совет на хвосте нужен, – обернулась к нему со сладкой улыбкой. Рожа настороженная, за патлами два злующих глаза в засаде. Или три. Кто его знает, без челки ни разу не видела. – И вся московская полиция.

– Что делать собираешься? – Иллит раздраженно погладила кулон на шее со своим

знаком-галочкой. Уж кто, а она в реальность не любит соваться больше всех. – Поделись.

– План прост: найти то, за чем ушла. Верхний Поток в помощь.

Тео испытующе изогнул бровь, и в изгибе этом отчетливо читалось предупреждение.

– Вычислю инициированных в прошлом году девочек. Раз ваша упорно не попадает, составлю список подходящих.

– И что нам даст список? – вяло поинтересовалась Яника. – Пока нам не попадет, ее не выявишь. Девочка как девочка.

– Уверена, способ существует. Должны они от обычных вемов в верхнем Потоке отличаться какими-то способностями.

Базиль нахмурился. Не фыркнул, не съязвил? Значит, мои предположения верны. Сами не справятся – им в верхние миры путь заказан. Те девочки помнят... и сила при них. В теории – таких гостей разорвет как хомячков вместе с миром, а на практике никто проверять не горазд.

– Я против, – Крис помахал платком, стряхивая пыль, и засунул его в карман. – Нечего ей там делать. По краю ходит. Грохнут, и все.

Если бы он сейчас с тем платком кадрили станцевал – я бы меньше удивилась. Сам же предлагал меня на разведку послать!

– Грохнут, и грохнут, – равнодушно пропела Иллит.

– Я ей не верю, – отрезал Базиль.

Да ну? Вот так новость!

– Искусство лжи ведь редкое явление, – с чувством продекламировала я. – Порою даже просто не поймешь – где искренность, где искренняя ложь.

Яника вскочила с пола, хлопнув в ладоши, Базиль выглядел так, как будто в полной темноте налетел на фонарный столб.

– А? – озадаченно моргнул Крис. – Что это было?

– Это я, неведомая случившаяся фигня, – копируя мой тон, выдал Тео.

– Поэт... – закатила глаза Иллит.

– Благодарю, – тот галантно поклонился воображаемой публике.

Я незаметно огляделась. Базиль нигде не было видно. Смылся? И даже не сказал ничего? Хм...

– Слишком рискованно, – упирался Крис.

– Мне совсем немного времени нужно, – я выразительно посмотрела на Тео. – Либо получится, либо нет.

Последний мир остался – провал или удача. Еще один я вряд ли осилю, тем более с запуском сценария. Все паршивее с каждым разом.

– Базиль прав, – Яника крутанулась, как куколка в музыкальной шкатулке. – И Крис прав. Пора кончать балаган с разведкой...

– Не понял, – оборвал ее Тео. Его игривый настрой испарился, в голосе засквозил металл. – Устроили голосование. Вы хотели узнать, как идут дела – узнали.

Зал утонул в свете, вышвырнуло в верхний Поток будто с пинка. И славно! Кто бы ему сейчас что ни высказал за самоуправство – до меня не доберутся. Можно спокойно отправляться на встречу с Лейкой, проверять оставшийся мир и возвращаться в реальность. Вот только перед этим наведу кое-куда и задам пару вопросов. Догадка

так яростно скреблась прямо в мозг, требуя подтверждения, что сопротивляться было выше моих сил. Нет ничего более возбуждающего, чем нащупанный ответ. А уж такой...

Рывок обратно через границу, сквозь неохотно пропустившую воронку портала. Разнесенный в клочья ненавистный лабиринт, гуща белого марева. Оно редело, плавно перетекая в ледяное безмолвие Севера, и окончательно осело инеем у изножья морщинистых скал. Единственная тропинка резала короткими стежками строгую бель, ныряла в просветы между приземистыми елками и соснами, истончаясь, терялась в вышине между синью неба и перевалом. Тишина... Такая тишина, что ломит уши. Лишь скрип снега под ногами и шелест срывающихся с еловых лап игольчатых рыхлых сугробов. На вершине хребта гулял ветер, мел колючей поземкой. Всюду, куда хватал глаз – скалы, скалы, скалы. Я знаю, если долго идти, там, за последним отрогом откроется свинцовая рябь океана... Холодно, хоть вечность убеждай себя в обратном. Холодно и... прекрасно. Было во всем этом что-то дикое, мощное, первобытное. Суровое и чистое, без мишуры и лживой изнеженности цивилизации. Или ты, или тебя. Только для сильных. Странно, что именно рафинированной рыбине Иллит принадлежала эта часть мира. Под ногами, далеко внизу, ровно круглилось зажатое между скал плато, с озером и почти невидимым отсюда домом. Судя по отпечатку – мне туда. Что он забыл у Иллит? Впрочем, никто не обязан сидеть дома.

Я вдохнула полной грудью морозный, чуть разреженный воздух. Хорошо... Высоко... Но мало. Еще бы выше. Будь моя воля, я возвела бы лес небоскребов, стеклянных, чтобы бесконечно отражались друг в друге, и таких высоченных, чтобы с крыши земли было бы не видать. А вокруг них – море... Нет, океан. Огромный, бескрайний, изменчивый. Чтобы не только теплая синь и крики чаек, но и девятый вал, и рев шторма с солеными брызгами, чтобы крыша ходила ходуном, и ветер выл, чернело тучами небо, и в этом небе страшно лопались молнии, бесчисленно дробясь в жалобно звенящих стеклах. М-м-м... Но увы. Как говорила Лейкина бабушка: «Бодливой корове бог рогов не дал...»

А посему будем пользоваться тем, что уже есть. Прокатимся? Еще как! Я отломила мохнатую еловую лапу, оседлала ее и оттолкнулась. Йо-хо! В лицо летел потревоженный снег, ветер свистел в ушах, рвал волосы, мимо проскакивали одиночные елки – вжик, вжик... Влево – вправо. Главное, не влипнуть в какой-нибудь валун. Влево-вправо... Трамплин – о-о-о-у-у! Сердце выскочило из груди и покатилося где-то сзади. Озеро стремительно приближалось, уже был виден дом с загнутой крышей и бревенчатой террасой. Тпр-р-ру... Ноги гулко стукнули в террасу, качнулись оранжевые фонарики на перилах, в открытом камине сердито взвился огонь. Приехали.

Я поднялась на ноги и отряхнулась, попутно проверяя, не отвалилось ли что по дороге. Во всяком случае задницы не чувствую – трамплин был лишним. От дома озеро было видно как на ладони. Сквозь прозрачную толщу льда просвечивала водная темень, на кипенно-белом берегу ни следа. И где же его носит? Сзади хрустнул снег, затылок обожгло злым дыханием. Меня грубо сгребли за шкуру и развернули. Взгляд бешеный, в жар бросило моментально, несмотря на собачий холод.

– Ты меня что, преследуешь? – спросил Базиль тем тоном, когда ответ явно не требовался.

– Мне...

– Очень надо, да? Как обычно, больше всех.

– Да, – заискивающе улыбнулась я, хоть на него это никогда не действовало. – Удели минутку, я сразу уйду и перестану тебя беспокоить.

– Я знаю другой способ. Более надежный.

Шею словно утюгом погладили, я дернулась и плюхнулась в снег. Достал! Нет у меня больше времени на реверансы.

– Слушай, – с любопытством спросила я, – почему ты всегда против, что бы я ни просила – хоть воды попить, хоть Луну с неба?

– Ты меня раздражаешь.

– А от остальных четверых ты, значит, в восторге?

Базиль ухмыльнулся. Так я и думала. Никакой любви между пятеркой нет. Может, когда-то давно они и были близки, но не теперь. Остались стабильные партнерские отношения и спокойствие, какое неизменно чувствуешь рядом с людьми, с которыми знаком целую вечность. Правда, доверием там не пахнет – как минимум один себе на уме, а другой подозревает в этом всех.

– Девочку с тьмой можно узнать в верхнем Потоке, верно? – Я поднялась на ноги и отряхнулась снова. – Существуют отличительные черты, особые способности. Нечто... примечательное. И ты знаешь что.

– С чего ты взяла? – криво усмехнулся Базиль.

Или сейчас, или никогда. Три, два, один...

– Ты долго общался с Энни.

Усмешка стерлась с его лица, в глазах запылали все костры инквизиции разом. Я права, он – тот самый Дэн... Ржавый медальон, книжка покусанная – только руку протянула, враз лок захлопнулся. От стихов Байрона, ее любимых, впал в кому. Сразу ясно – в точку угодила! Больную.

– За два месяца она должна была что-нибудь рассказать, – продолжила я, – при ваших... близких отношениях.

– Какого... – Базиль выдохнул, будто силился взять себя в руки, – черта ты к ней полезла?

– Могу и лезу. Приобщаюсь к истории.

Волосы рванул ветер. По ощущениям – чуть скальп не снял... Психует.

– А она влюбилась по уши, – хихикнула я с непонятно откуда взявшимся садистским удовольствием. – Все мысли были о тебе. Одна мне особенно нравится – о том, что с тобой она ничего не боится. До нее даже перед смертью не дошло. Такая дурочка наивная...

Яростью окатило как из ведра, в шею вцепились железные пальцы.

– И ты решила, что после этой дивной речи у тебя останется какой-то там шанс?

– Что ты, – прохрипела я. – Раз ее не пожалел... Куда уж мне...

– При чем тут жалость? Они нас чувствуют инстинктивно, желание уничтожить рождается само по себе. Рано или поздно.

– Ну, ты ее опередил. Молодец!

Хватка чуть ослабла, но порадоваться не получилось. Когда волокут к озеру, а внутри растекается неестественно дикая слабость, предельно ясно – это не к добру.

– Знаешь, в чем ирония? – не унималась я. Главное, представить, что моя шея вовсе не моя, и никто не пытается меня придушить. – Энни тебя спасла, а ты ее убил.

– Не я.

Оправдывается? Есть шанс на пару брошенных в сердцах подсказок...

– Собственными руками убить или подстроить – невелика разница, – с трудом выговорила я, чувствуя, как утекает прочь энергия. Чтоб он подавился! – К аборигенам сам вытащил.

Базиль замер, и я вместе с ним. А какие еще варианты? Разве что свою голову оставить ему!

– Надо было бросить ее в хижине? – процедил он. – Заживо гореть?

Лед подозрительно хрустел, стрелял трещинами, несколько секунд, и лопнет. До берега

недалеко, но не доплыву. Не дадут.

– Благородно, ага. Лучше под стрелы и поцеловать. Конечно, мечты милых девочек должны сбываться.

Кроваво-красным импульсом чуть не расплющило, снег стал странным, блестящим, натуральные звездочки... Силы таяли, шею жгло невыносимо.

– Что за сияющую деву они искали? – прошептала я. Не помирать же без ответа!

– Тотем племени, – донеслось словно сквозь воду, или на самом деле сквозь нее. – Пропал накануне, во время нашего визита. Плохо охраняли. На дне речки ему и место. Им всем тоже. Там и оказались. Нечего к ней лезть, ни этим, ни тебе, никому...

Следом донеслось тихо, но жестко и четко:

– Остынь!

Воздух вернулся, я рухнула на лед рядом с зияющей дырой. Все-таки он лопнул.

– Если ты решил ее прибить, то давай не у меня.

Ничего себе тон. Таким можно лес валить. Целыми массивами. Базиль с отвращением стряхивал с себя остатки моей энергии. На веранде, невозмутимо облокотившись о перила, стояла Иллит.

– Да и стоит ли, – уже с обычным равнодушием сказала она. – Сама там угробится. И от Тео никаких претензий.

Базиль коротко ей кивнул, подхватил меня под локоть. Дома доест? Голова закружилась, и мир заодно. Алые всполохи, обжигающие брызги на коже. Липкий, вязкий воздух – вдыхать одно мучение. Белизна ослепила, оплела паутиной, помехами зашумели серые линии, сливаясь в прорванный насквозь лабиринт. Воронка танцевала, скалилась каждым изгибом. М-м-м... Граница?..

– Это так мило, – пробормотала я, – что ты меня проводил.

– Тебе жить надоело? – мрачно спросил Базиль.

– Да, – согласилась зачем-то, пока не передумал. – Пойду угроблюсь, хорошо?

– Еще раз тебя увижу... – Он сжал мой несчастный локоть со всей силы, казалось, хрустнет. Пополам. – Ищи, что велели, и уматывай. Наделенные тьмой умеют появляться где угодно в любом мире и менять их по своему желанию.

О! Чертова Киса!..

– Пошла вон.

– И этой муки нет сильнее: конца любви, надежд, желаний... – прокричала я изо всех сил, влетая в воронку с потрясающим ускорением. – Последнее прощание с ней, нежнейшее из всех прощаний.

Резкое погружение, гулкий шум. Выбросило на самую поверхность, без остановок. Судя по ощущениям – круто при этом приложило головой о потолок... Он расплывался, по-прежнему было липко, и дышать трудно. В висках ломило, к горлу подкатывала тошнота. Но боль меркла по сравнению с чувством непередаваемого триумфа. Я выяснила! Нашла ответ! Базиля из списка можно смело вычеркивать... Если он грохнул ту, в которую умудрился влюбиться, то явно не практикует эксперименты с пацифистским подходом. Да уж, история... И случилась она всего двести лет назад. Наконец, минус подозреваемый.

Это было прекрасно, а вот все остальное... Мутные круги поредели, стало отлично видно покрывало в багровых пятнах. Я провела по шее, подбородку, на ладони отпечатались характерные разводы. Шмыгнула носом – так и есть, кровь. Опять! Ее было много, по-киношному яркой и с виду совершенно ненастоящей, будто кто-то щедро расплескал бутафорской краски для съемок ужастика. Слабость и крупная дрожь хором намекали –

ага, щас! Все мое, родное, и продолжает хлестать как из фонтана. Я сдернула с кровати покрывало – хуже ему уже не будет, приложила к лицу вместо полотенца. Ванна... Где здесь ванна? Ну да, нигде... Умывальник!

Шаг в большую комнату, и муть хлынула туда, прихватив мельтешащих звездочек. Голова налилась свинцовой тяжестью и, кажется, обзавелась собственным колоколом. Звонкое «бум!» при каждом движении, туман под ногами. Добралась на ощупь, по памяти. Третья дверь, рычажок над краном. Вода ледяная, отлично... На мгновение пришла в чувство, тут же срубил металлический запах – резкий, до головокружения. Покрывало выпало из рук, кухня крутанулась, словно возомнила себя каруселью. Колени подкосились, но вместо жесткого пола я приземлилась в объятия. Довольно мягкие!

– Ничего себе, – пробормотал Поняша, склонившись надо мной с растерянной физиономией.

– Нормально, – просипела я отвратительно жалким голосом. – Со мной такое бывает...

Остаток фразы, если он вообще был, утонул в невнятном бульканье, маревом заволокло все. Вакуумная тишина, мерзкая горечь на языке. Меня тормозили, потом лица коснулось что-то приятно холодное. Мысль вертелась одна – только бы скорую не вызвал! Совет примчится раньше. Туман рассеивался медленно, рябь танцевала покруче любых воронок. Было жарко, ни пошевелиться, ни нос почесать. Наконец отпустило, в уши начали пробиваться звуки – то ли клцанье, то ли щелканье. Веки удалось разлепить с трудом. К счастью, не больница. Я лежала на той же кровати, плотно закутанная в одеяло. Ну, просто рулетик! На краю сидел хозяин апартаментов с ноутом на коленях и долбил по клавишам, будто те в чем-то провинились.

– Что с тобой? – Поняша кинулся меня распутывать.

– О, давняя патология, – хихикнула я. – Любопытство сильнее, чем чувство самосохранения.

Поняша шокированно моргнул, отливая чистейшим по искренности беспокойством. Еще бы. Приводишь домой девицу, а она устраивает кровавый потоп. Испугался, наверное, что прямо тут откинусь. Я потянулась, ощущая странный прилив сил и удивительную легкость. Ну, с приливом все ясно – Базиль. То сожрать пытается, то выпинавает обратно с ценными подсказками и запасом энергии. А вот насчет легкости.

– Ы-ы-ы, – протянула я, прислушиваясь к подозрительному урчанию в желудке. – Меня случаем на тебя не стошнило?

– Опустим этот момент, – буркнул он.

Я села, подложив под спину подушку. Голова противно гудела, в окне занимался рассвет. Чтоб его... Лейка! Второй раз плакала наша встреча. В таком состоянии я даже не осилю проверить, ждут ли меня еще у водопада. Из хороших новостей – на этот раз додумалась нырять в Поток без верхнего прикида. Отстирать кровавые разводы от чертова пепла роз было бы проблематично.

– Ты ведь врачей не вызывал? – уточнила я, боясь, что Совет за мной уже выехал.

– Соня! Я, по-твоему, кто? – вдруг взвился Поняша. – Дурак? Тебя же ищут.

Опа! Он в курсе?..

– А говорил, ни с кем из вемов не общаешься...

– Не общаюсь. Зато видел, по каким страницам ты с моего ноута бродила.

С самого начала знал? Знал и не сдал. Мило! Хотя ничего не мешает ему передумать...

– Ты мне тут больше нравишься, – подмигнул он.

Я моментально укрылась одеялом. Надеюсь, целоваться не полезет. Вряд ли его привлекают полуобморочные девицы в кровавых разводах. Надеюсь, что не привлекают. Не вампир же он! М-м-м... Значит, все-таки вампир...

- Есть хочешь? – вампир, наконец, отодвинулся.

- Потом.

Он слез с кровати, прихватив жужжащий ноут.

- Будешь снова падать в обморок – падай тихо, мне работать надо, – ощупал меня задумчивым взглядом и пододвинул к кровати тазик, – а это для крови...

Угу, потом выпьет. Я обняла подушку, сползла пониже и прикрыла глаза. Все, передышка! Лейку я упустила, а подробности ужасной смерти очередной девочки пару часов подождут.

Шаги прошлепали к выходу, оттуда донесся тяжкий вздох:

- Что бы с тобой ни произошло сейчас в Потоке, оно тебя и убить могло.

- Не оно первое.

Поняша еще немного посопел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Ушел.

Сколько всего уже происходило, что могло меня прикончить. С даром иначе не бывает. Осторожничай на каждом шагу, перестраховывайся... Все равно откуда-то прилетит. Не знаю, кто там береженных бережет, но наслаждаться жизнью их подход сильно мешает. А зачем такая жизнь? Мне уж точно не нужна.

Я могла умереть тогда, после аварии. Четыре месяца провалялась в больнице, постоянно чувствуя замешательство врачей и немой вопрос – почему она еще жива? Потому что! Если инстинктивно тянуть энергию у всех любопытных, заглядывающих тебе в глаза, появляется куда больше шансов выкарабкаться. Десятки посторонних людей и не подозревали, что в итоге меня спасли. Говорили, бабушка тоже ко мне приходила. А я не помню, не видела... Когда пришла в себя, ее уже не было. Инфаркт – сердце не выдержало. Сын с невесткой и нерожденным внуком погибли, а насчет выжившей внучки прогнозы давали неутешительные. Можно ли считать, что я убила четверых? Наверное. Но они бы поняли – это была случайность. Они меня любили, им бы хотелось, чтобы я была счастлива. И я старалась. Подумаешь, сказали, что детей у меня не будет. В конце концов, никогда мне дети не нравились. Подумаешь, дорогая тетя оказалась меркантильной сволочью. Не нужна она, без нее проживу. Подумаешь, вышвырнули за границу на четыре года. Получила ответы, а теперь и возможность выбраться. Можно найти сотню поводов чувствовать себя несчастной. А я решила быть счастливой, несмотря ни на что.

На улице светлело. Все ярче проступали сквозь неплотные шторы квадраты окон, в комнате редел полумрак. Упорно не спалось, внутри набирала силу приятная пульсация – ни боли, ни усталости. Вскоре бодрость плескалась через край. Стоит воспользоваться, а то следующий визит за добавкой бонусных сил может стать последним. Двое желают вернуть меня под замок, третий вообще сожрет как увидит. Я отбросила жаркое одеяло, перевернула подушку прохладной стороной вверх и с удовольствием вытянулась. Вперед, за дело! Радужные волны заплесали в воздухе, зазвенели переливами гитарных струн:

Я здесь, Инезилья, я здесь под окномОбъята Севилья и мраком и сном...

Реальность пошла рябью и лопнула как мыльный пузырь. Я стояла у самого края высоченной каменной стены, опоясывающей старинный город. Залитые солнцем черепичные крыши, остроконечные башни, извилистые узкие улочки, стекающие к рыночной площади. Шпиль ратуши, белокаменный храм с провалом кладбища... Ау, девочка! Где ты могла умереть? Да где угодно. Город большой, и обойти, видимо, предстояло весь. Откуда начать? С молочной лавки, где мерцала точка выхода? С кладбища? С ратуши? Или с любимой всеми рыночной площади? Стоп! Как странно... По улочкам ползало около десятка отпечатков, но ни одного не было именно на площади. Почему?

Я спрыгнула вниз и решительно направилась к центру, петляя по уютным улочкам и переулкам. В ряду кованых солнышек на ограде кладбища по-прежнему не хватало одного, того самого, которое сейчас активно нервировало кроликов. У массивного склепа, взявшись за руки, стояла кучка подростков с напряженными лицами. На

физиономии смуглого патлатого главаря отпечатались крайняя степень энтузиазма. Судя по долетающим обрывкам фраз, фан-клуб пытался «силой коллективного разума» переместить Кису назад. Логично, фанатеть лучше в комфортной обстановке. И с непокусанными задницами. Шикарную подставу устроила им новенькая девочка-тьма. Пожалуй, она начинает мне нравиться. Тот еще тролль!

На площади было непривычно пусто. Ни души... Энергетические отпечатки маячили поблизости, но сюда никто не забредал. Так-так. Я с любопытством огляделась. Та же мостовая, тот же невзрачный помост, та же ратуша. Ё-моё, часы... Они идут! Рядом взметнулись искры, запахло гарью. Пламя взвилось стеной, огромной, обжигающей. Оно ревело, клубами лопалось в небе, хрустело помостом. Бросило в жар, норовя расплавить изнутри. Минута – и огонь погас, испустив тонкую струйку дыма, да и та мгновенно рассеялась. Будто и не было ничего. Загадка, вот ты какая... Испанский город шестнадцатого века, костер на площади, погибшая девочка с необычными способностями. Без вариантов.

Замереть, прислушаться к шуршанию воображаемых страниц. Последняя – смятая, обгоревшая, такая горячая. Долго не удержать. Впусти! Она открылась охотно. Распахнулась как ждущая прочтения книга, окунув с головой в самое начало. Исабель, неполных семнадцать лет. Звонкий смех, ямочки на щеках. Она умела радоваться, всегда находила чему, и грустила лишь иногда, тайком, думая о маме. Но это была светлая грусть, потому что Исабель маму не помнила. Совсем. Зато отец единственную дочку любил и баловал. «Очень сильно баловал» – ворчала иногда кормилица, которая ее вырастила. Вырастила и осталась с ними жить, помогая по хозяйству и присматривая «за чикитой». Руки кормилицы постоянно работали, а язык болтал, рассказывал разные истории. Исабель одну особенно любила, про своего отца. Это была очень романтическая история. Давным-давно молодой иностранец прибыл в Испанию с родным посольством. Потом – предательство своих, нож в бок, любовь с дочкой спасших его людей. Выздоровев, женился и остался. Говорил, что не жалел, и Исабель видела – правда. У них была стекольная мастерская, лучшая в городе, уютный дом, пусть и у самой стены, насквозь пропахшей копотью. Когда кормилица неожиданно ушла, Исабель долго плакала. И появилась она – Марта. Отец сам не понимал, почему взял ее – никому не известную сиротку из далекой деревни, ровесницу дочери. Исабель знала ответ – новая служанка тоже умела видеть больше, чем другие. Влиять, располагать. Светилась ярко и странно. Исабель раньше подобных себе не встречала, испугалась вначале сильно. Но Марта на Исабель смотрела еще испуганней, чем та на нее, старалась по дому так, что выходных не брала и иной раз спать не ложилась. Постепенно Исабель привыкла. И началось... Разговоры обо всем на свете, секреты шепотом. Будто обрела сестру, которой никогда не было. Двойная порция улыбок, теплые объятия. Долгожданный привкус счастья.

Марта день ото дня сияла все сильнее, почти искрила. Неправильно искрила, опасно. Исабель терпела, но потом начала беспокоиться. Марта могла задуматься так глубоко, что не сразу растормошишь, а порой смотрела сквозь Исабель, словно не узнавала. Рисовала какой-то знак постоянно – угольком на клочке бумаги, пальцем на ладони. Мгновенно сминала, стирала, прятала, только заглянешь ей через плечо. Марта тоже за Исабель переживала, говорила – осторожнее. Видишь, что лгут – молчи, и вообще не выдавай то, чего знать не должна. Но как молчать, если под носом что-то несправедливое творится? Молочник вдову мясника обсчитывал, а теперь все честно. У соседки котенок потерялся, Солнышко. Весь день искали-искали, не нашли. А Исабель сразу заметила слабое мерцание на кладбище, за старым могильным камнем. Забился в дыру и застрял, бедняжка, от страха лишь шипел и царапался. Успокаивала его целый вечер и вытаскивала оттуда, а Марта стояла рядом и твердила – глупо открываться, пожалеешь. Соседи злые, в глаза улыбаются, а за спиной шепчутся. Не ровен час, дойдет до недобрых ушей. Неправда это! Соседка вон как благодарила и хвалила, а Марта просто трусиха. Такая трусиха, что даже в чудесные миры с ней не ходила – боялась сильно. Но им и без того было хорошо.

Вчера они впервые поругались всерьез. Марта кулон носила под платьем, не показывала. Наверное, он ей был очень дорог. А тут цепочка порвалась и кулон упал на пол. Исабель с любопытством наклонилась, чтобы рассмотреть, Марта поспешно ногой наступила и... раздавила. Потом кричала на Исабель, плакала. Исабель обиделась и накричала в ответ. Плохо, когда секреты между подругами.

Тем утром они все еще не разговаривали. Исабель уже простила, злополучный кулон тайком отцу починить отдала, солгав, что ее вещица. Но извинений ждала из упрямства. Ковыряла кашу в тарелке и искоса поглядывала на Марту. А после пришли они. Люди, пылавшие ненавистью. Алые отсветы беды, залп выплюнутых обвинений. Это она-то ведьма?! И какая разница, откуда ее отец?.. Эхо ужасных слов в голове, грубые руки. Марта кинулась к ней, на хорошеньком личике тут же отпечатался след чьей-то пощечины. От испуга или злости – Исабель не успела понять, но что-то вырвалось, вязкое, темное, холодное. Прямо на непрошенных гостей. Их тотчас погасило, задудло, словно ряд поставленных под ветер свечей. Все на кухне упали замертво, все, кроме Марты. Как так?! Колотила дрожь, перед глазами – пелена. Что она сотворила сейчас?.. Марта схватила ее под локоть, потащила вон из дома, к черному ходу. Там их ждали. Шумная толпа, сочащийся отовсюду гнев. Исабель попыталась еще раз так же, снова. Не успела. Рассеченная камнем щека, влажный след на ладони. Клок вырванных волос – в руках той самой соседки. За что?! Кто-то закричал, уже не ругательства, хлынул страх, липко расплываясь кругом. Это не она... Это Марта сделала?! Звон выбитых стекол, тупая боль в затылке. Мир поглотила пустота – странная, глухая.

Сквозь кошмарный сон колыхались перекошенные лица, сливались в пестрое месиво. Оно напирало, дышало, гудело в тысячу глоток, сочилось ненавистью, злобой и страхом. Не шелохнуться... В столбе то ли гвоздь, то ли сучок, впивается больно в спину, прогоняя блаженное забытие. Это неправда. Не может быть правдой, это не с ней, не с Исабель. Но даже сны не бывают такими страшными. Под ногами вязанки хвороста, Марта рядом, совсем близко. Повисла на цепях и совсем не светится. Счастливая... Высоко над головами в небесной сини летнего утра крутится, отблескивая солнцем, флюгер ратуши... Под ногами затрещал хворост, запахло гарью, толпа прихлынула с жадным любопытством. Нет! Исабель зажмурилась и сделала шаг – прочь, далеко. Туда, где ничего этого не было – в мир вечно спокойной ночи, ровной зеркальной глади озера и сказочной луны во все небо. Она светила и теперь, но не так ярко, как прежде, и меркла, меркла...

Я медленно выдохнула и повернулась, чувствуя чей-то взгляд. На меня, открыв рот, таранилась хорошенькая брюнетка в экстремальном кожаном костюмчике, аппетитно растянутом во всех нужных местах. Дар предельный, энергия сумасшедшим водоворотом, в глазах врожденное «хочу все знать». Новенькая. Сама напросилась. Я звонко чмокнула ошеломленно пискнувшую девушку в щеку, развернулась и помчалась к молочной лавке. Нашла! Да!.. Я нашла его! Наконец-то нужный мир и нужный случай! Тут с самого начала все было странно. Марта могла убить Исабель сразу, как появилась. Впрочем, достаточно было просто пустить все на самотек и наблюдать, как наивная девушка собственноручно роет себе яму – толпа с инквизиторскими замашками доделает остальное. А что Марта? Беспокоится, просит не светить даром, и до последнего пытается спасти – такой погром устроила, что обеих сожгли. Оно и понятно, почему не отбились. Исабель ничего не умела – тьма только проявилась, а у Марты, судя по тому, как часто она рисовала знак, силы были на исходе. Долго в занятом теле находилась, ослабела. Начала забывать, кто есть на самом деле... Знак – это их спасательный круг в омуте чужой реальности, крючок сознания, ключ к собственной памяти. Интересно, какая крокодилия морда тут в образе Марты резвилась? Жаль, Исабель не показала мне тот кулон... Пусть с этим разбирается Тео, а я со своим заданием справилась.

Энергия перехода плясала у дверей молочной лавки, извивалась языками пламени. Нырок... Я открыла глаза. Сверху нависал знакомый потолок, в окно у изголовья скреблась ветка, на подоконнике тикал древний будильник. Если ему верить – два часа. Куда сейчас, к Тео? Нет, подождет. Сначала есть, пить и мыться. По полу ощутимо тянуло холодом, кучка белья по-прежнему валялась у окна, а надевать пепел роз на босу грудь не хотелось решительно. Я закуталась в одеяло, слезла с кровати и пошлепала на кухню. На плитке обнаружился еще горячий чайник, в холодильнике одно малиновое варенье, а на столе пара йогуртов и крошки от батона. Хоть бы корочку оставил, обжора! Через пару минут я пила крепкий чай с малиновым вареньем, пустые контейнеры из-под йогуртов валялись в мусорном ведре, а в голове крутились мысли. История Исабель казалась смутно знакомой, будто раньше я о ней уже слышала.

Приспустив одеяло, я включила воду и задумчиво повертелась над раковиной, пытаюсь вымыть себе хоть что-нибудь. Налила на пол, сшибла одеяльным хвостом кипу газет с маленькой табуретки и дико замерзла.

- Вообще-то, в конце коридора есть ванная, - раздался веселый голос из дверей.

Что?! Я обернулась, Поняша старательно делал серьезное лицо.

- Спасибо, - нежно проворковала я, закутываясь в одеяло. - А то уже собиралась за тазиком идти и...

- Воду в ванной только что отключили! - торопливо наврал он. - Тазик сейчас принесу.

Я медленно приблизилась, глядя в честные глаза, Поняша замер. Улыбнулась и, протиснувшись мимо него в большую комнату, пошлепала в коридор. В спину прилетел тяжкий вдох. Правда, что ли, за тазиком сходить? На голову ему надеть!

В ванной едва слышно гудел водонагреватель, гель для душа пах лимоном и пенился как средство для мытья посуды. Может, оно и есть?.. Наплескавшись до сморщенных пальцев, я выбралась на теплый коврик, насухо вытерла волосы самым большим полотенцем и обернулась в него же, скрепив хитрым узлом на груди. Теперь расчесаться и... В зеркале маячило бледное лицо с бесцветными губами. М-да, аристократизм так и прет. Еще пара визитов в глубину Потока за силой, и пришлось бы Поняше закапывать легкомысленно притащенную девицу где-нибудь в саду, под малиновым кустом. Никто и искать бы не стал. Кроме Лейки. И Аниты - та фиг из рук выпустит ценный источник информации. Найдет, откопает, двойным мохито побрызгает и вытрясет все, что хочет. Будут потом по окрестным домам страшилки ходить про малиновую даму, каждый от себя присочинит - бац! - и легенда готова. Легенда?.. Вашу же ма-а-ть! Ну, конечно, легенда! Шестнадцатый век, юная дева - более особенная, чем другие особенные. Знатный погром в городе, который она устроила. В год инициации шумной крошки граница подвинулась глубже. М-м-м... Как ее там называли? Вестник? Сдается мне, речь шла об Исабель. А рассказывала мне эту историю Лейка, вычитав в какой-то книге Вениамина. Вот ведь... Опять Лейка! Все-таки она вляпалась в это дерьмо. Интересно, что еще было в той книге? Вениамин мертв, психологического центра больше нет. А куда делась его библиотека?

Я вылетела из ванной, одержимая единственной мыслью - во что бы то ни стало разыскать ту книгу. В ней столько ответов может быть! Поняша снова прятался в своей комнате, дверь была заперта. Я поскреблась - раз, второй, третий, потом громче и настойчивее. Тишина. Заработался? Долбанула кулаком в дверь, затем пнула. Помогло! С той стороны лязгнули замком, в щель высунулась заспанная физиономия трудяги, и бровь его тут же поползла вверх.

- Даже так? - сглотнул он, внимательно изучая на мне свое полотенце, будто впервые видел.

- Ты же в интернете шарить? Мне надо найти кое-что. Очень срочно!

Поняша мотнул головой, с трудом вернув себе осмысленное выражение лица, пропустил в комнату.

- Вениамина знаешь? - на всякий случай уточнила я, он кивнул. Ну да, кто бы не знал наставника нескольких последних поколений вемов... - Можешь выяснить, что стало с его имуществом после закрытия психологического центра?

Поняша снова кивнул, плюхнулся на разобранный диван, отпихнув в сторону гнездо из подушек и одеял, и подвинул к себе ноутбук. Я пристроилась сбоку. Экран отсвечивал, буквы сливались - ни одной не разобрать, но вчитываться в них и не пришлось.

- Центр за долги продали, - хрипло сказал Поняша, - вместе со всем имуществом.

- Кому продали, когда?

- Тебя что-то конкретное интересует?

- Книги, - призналась я. - Точнее, одна книга. Названия не знаю, но она должна быть древней.

- Потрясающе конкретно, - пробормотал Поняша, защелкав мышкой. - По книгам был аукцион, весной.

- Он публично проходил? Есть названия, описания, фотки? Хоть что-нибудь?..

- Разве что в кэше.

Не особо поняв, о чем идет речь, я выжидающе сложила руки на груди. Компьютерный гений застучал клавишами. Стучал долго и сосредоточенно. Я ерзала на диване, наблюдая за процессом. Интересного не увидела – бесконечные страницы с мелким текстом и множество уже неработающих ссылок. Заскучала и принялась разглядывать комнату. Точная копия моей, разве что вместо кровати диван, да вместо одной стены беленый печкин зад, перехлестнутый словно патронташем гирляндой сексуальных носков. Вот оно, логово диких мустангов!

- Нашел! – Поняша выпрямился.

Я прилипла к ноутбуку. Действительно – названия, описания, фото. Длинный список, почти бесконечный. Я бегло прокрутила страницу, толком не понимая, за что первым делом хвататься. Перед глазами мелькнуло то, что заставило резко отдернуть руку и уставиться в экран. На одной из ветхих обложек красовалась спираль с вогнутым внутрь концом... Знак Криса! Марта – это он?! Кто нарисовал его символ на книге? Зачем?.. С чего вообще в древнерусских томиках излагают легенды об испанских девочках?! Думать, срочно думать... Отец Исабель, получается, русский. Во время нападения на дом его не было, вот и выжил. После смерти дочери, скорее всего, бежал от инквизиции в Россию, тут и рассказал свою историю. Записавший ее – явно сам вем, иначе бы про особенных людей не рассуждал. Сложил факты, остальное додумал, получилась сказочка. Ну а знак... Кулон! У отца Исабель был кулон, как он считал – дочкин.

- Ты эту книгу искала? – Поняша тоже смотрел на фотографию и задумчиво скреб щеку. – Сколько же ей лет? Того гляди прямо на картинке рассыплется...

- Текст никак не посмотреть? – Я нервно облизала губы. – Или хотя бы содержание?

- Увы. Не оцифровывали.

Ленивые морды!

- А можно найти, кто ее купил?

- Без шансов, – развел он руками. – Информация конфиденциальная.

Дьявол! Впрочем, книга вполне может быть у Лейки. Каким крючком ее Хранитель зацепил? Тягаться с Тео и компанией – гиблое дело, пятьдесят погибших девочек тому подтверждение. Стоп... Выходит, Крис идет против стаи. Мутит что-то свое, Вестников зачем-то спасает. Цели неясны, но в любом случае он – единственная Лейкина надежда.

- Вызови мне такси, – велела я. Поняша непонимающе нахмурился. – Надо закончить кое-что.

- Такси? – возмутился он. – Я сам могу отвезти.

Я покачала головой. Ага. Снова он, Армстронг и влево-вправо? Ну нет, мне о деле надо думать, а не о... джазе! Поняша недовольно сопел, я потеряла его за рукав. Оу... Руки загребушие, чудом полотенце не потеряла. Диван скрипнул, ноутбук опалил жаром. Или не ноутбук... Мой палец лег на губы напротив, растянувшиеся в улыбке, чуть надавил.

- Это мои проблемы, сладкий, – прошептала я, – найди себе свои.

- Нашел, – выдохнул он. Волосы на затылке моментально встали дыбом. – Но ты не делишься...

- Не люблю делиться. – Я поспешно отодвинулась и встала. – Вызывай.

Он затейливо чертыхнулся и потянулся за телефоном. Хороший мальчик, послушный мальчик!

- Такси сюда едет около получаса, – мстительно сообщил хороший и послушный мальчик.

Нарывается? Надеюсь, узел получился правильный...

- Подожду. - Я пожала плечами, полотенце медленно поехало вниз. Поняшин взгляд зачарованно поехал следом.

Вид у него при этом был замечательно недалекий. Пора заканчивать, пока удар не хватил. Я сняла полотенце и протянула ему. Полотенце его не заинтересовало. Вот совсем. Хорошо, что в запасе было полчаса! Но лучше бы побольше...

Сапоги я натягивала, сидя на диване в большой комнате, потому что иначе не получалось - коленки тряслись, а кости вообще куда-то делись. Поняша топтался рядом и держал наготове плащ, под окнами в третий раз истерично сигнасило такси. Потом задребезжало от стука стекло над диваном. Водитель скребется. Я на ходу накинула плащ и проверила содержимое карманов. Вроде ничего не забыла. Поняша стоял в дверях и смотрел на меня как-то грустно.

- Возвращайся... - произнес он на полном серьезе. - Если что.

- Если что, вернусь, - подмигнула я и выскочила на крыльцо.

«Если что» - прекрасная формулировка. У меня в последнее время одно сплошное «если», и никакой определенности. А ведь стоит пойти к Тео и рассказать о Кресе, проблемы закончатся...

Сев в такси, я всмотрелась в энергетическую картинку города и продиктовала Лейкин адрес. Ждать ночи не буду. Нам пора поговорить начистоту. Прямо сейчас.

Глава 16

Лейка

Тугая крышка кофейной банки не поддавалась, хоть об столешницу со всей силы прикладывай! В чем варить кофе пока тоже было неясно, ничего похожего на турку не наблюдалось. За окном плескалась чернильная темень. Свет утыканной шестью лампочками люстры превращал стекло в полноценное зеркало, отражавшее кусок кухни, угол стола и меня. Печальное зрелище, от заплетенной вчера косы осталось одно название. Больше без расчески в гости – ни ногой.

В коридоре мелькнула сияющая теплом энергия, на пороге появился Влад в натянутой наизнанку футболке.

– Не спится? – Он смачно зевнул, едва не вывихнув челюсть. – Время шесть утра...

– Извини, старалась не шуметь, – пробормотала я, в очередной раз тряхнув банку. Та звонко стукнула о столешницу. – Черт!

– Что стряслось-то? – прищурился Влад. Или просто глаза не до конца разлепил. – Обычно до обеда валяешься, а тут...

– Соня опять не пришла.

Он достал из кармана телефон, потыкал в дисплей и снова зевнул:

– В сети не появлялась.

Голова загудела, банка расплылась мутным пятном. Что-то случилось. Плохое. А я даже разыскать ее не могу!

– Дай мне, – Влад осовело мотнул головой, шагнул на кухню, споткнувшись об порог, и забрал банку. – Ты уверена, что хочешь это пить?

Ответить я не успела. Крышка чпокнула и отскочила, по кухне поплыл ядреный запах жженных носков.

– Что это? – отшатнулась я.

– Лапсанг, – моментально проснувшийся Влад захлопнул крышку и пояснил: – Ну, чай такой... Коля где-то урвал. А кофе тут...

Он распахнул очередную дверцу, достал жестяную банку из-под чая, едва не обрушив огромную стопку пластиковых тарелок, и гордо представил:

– В зернах! Сейчас приготовлю. Правда, кофемолки у нас нет. Но если зерна долго варить, думаю, не хуже получится!

– Нет, – поспешно отказалась я. Чай в кофейной банке, кофе – в чайной, логично. Лучше я дома позавтракаю. И вообще, ему на работу, пусть спит. – Иди в кровать.

Влад моргнул и странно посмотрел на меня.

– Домой поеду, – пояснила я, отобрала у него кофе и поставила обратно в шкаф, – в бабушкину квартиру.

Чертова стопка все-таки рухнула, тарелки спикировали вниз, веером разлетелись по кухне. Мы одновременно присели, чуть не стукнувшись лбами.

– Лейка, я... – серьезно сказал Влад, вздохнул и принялся собирать хрусткий пластик. – Я бы очень хотел тебе помочь. Хотя как-нибудь.

– Ты уже помог, – я благодарно улыбнулась. – И помогаешь. Сколько подсказал!

Он промычал невнятное «угу» и потянулся за очередной тарелкой.

- Не представляю, что бы без тебя делала. Особенно вчера. Спасибо. Ты настоящий друг!

Обычные слова, но на него почему-то произвели неизгладимое впечатление. Передо мной взорвался клубок настолько противоречивых эмоций, что ни распутать, ни рассмотреть.

- Я должен тебе кое-что сказать, - решительно выговорил Влад, подняв на меня глаза, в которых явственно плескалась паника. - Давно нужно было, но... Непросто признаться! Особенно когда представляешь твою реакцию...

Тут паника накрыла меня. О чем он?! Что натворил?

- Признаться в чем? - выдавила я, в то же время жутко боясь услышать ответ. Что если мне вправду не понравится?

Влад яростно смял тарелку. Да что такое?... И в голову его не забраться, чтобы посмотреть, что в ней творится. Обещала к нему дар не применять!

- Ну?! - не выдержала я. - Говори!

- Мы с Колей выбросили чемодан, - выпалил он и отвернулся. - Со всяким старьем.

Тьфу!

- Вся эта драма из-за старого чемодана? Издеваешься, что ли?..

- Может, он был тебе дорог, - Влад захрустел очередной тарелкой. Так он их всех прикончит. - Как память! Там столько всего было, музейного на вид. Прямо, как ты любишь. Я только потом подумал, что следовало разрешения спросить. Твоя квартира, а мы хозяйничаем...

- Делайте здесь, что вашей душе угодно, - официально разрешила я, надеясь, что теперь сомнений у него не останется. - Все, что мне было дорого, перекочевало к бабушке больше десяти лет назад.

- Ага, - буркнул он, забрал из моих рук стопку тарелок и выкинул в мусорное ведро.

Пока я вызывала такси и одевалась, Влад молчал, отсвечивал глухим сожалением и сонно тер глаза. Ничего, выпитися, и призраки всяких чемоданов преследовать перестанут.

Приехав в бабушкину квартиру, я сразу рухнула в кровать. Провести ночь в мире Потока - то же самое, что вовсе не спать. Глаза закрылись сами собой. Разбудил меня звонок в дверь. Переливчатая трель настойчиво лезла в уши, ввинчивалась в мозг, вытаскивая из сна. Ну, кто там. Зачем так рано... Большая стрелка на часах-избушке насмешливо показывала на цифру три, за дверью маячил знакомый отпечаток. Ох... Метнувшись в прихожую, я распахнула дверь.

- Я уж и не надеялся, - Паша легко коснулся губами моей щеки и шагнул через порог. - По какому поводу ты на этот раз в убежище засела?

- Поводов много. А что с Кирой?

- Отказалась страдать правильно, доела конфеты вместе с фантиками и благополучно уснула. Я проследил, чтобы не фонил на весь дом своим трагическим настроением. Под утро явился ее Рома и, мягко говоря, удивился. Сцена была эпичной! Зато я с чистой совестью свалил - дальше пусть сам с ней разбирается. А про твои поводы я внимательно слушаю.

- Кофе свари, - выпалила я, случайно взглянув в зеркало и пятась к ванной. - Я быстро.

Быстро не получилось, и когда я появилась в кухне, на столе уже дымились две чашки кофе. Паша колдовал над второй порцией, я, блаженно жмурясь, глотала терпкую горечь и рассказывала о встрече Артема с Соней, ее поисках воспоминаний Вестников, и о том, как Артем узнал, что его хотят убить. Кофе закончился вместе с рассказом, я с

сожалением посмотрела на гущу, размазанную по дну, и поменяла чашки местами. Паша едва заметно усмехнулся.

- Что ж, ее задание понятно. - Он приподнял турку над огнем, немного подержал и поставил обратно. - Ищет по сценариям, кто из бессмертных в прошлом накосячил.

- Влад считает, что этот кто-то против убийств, - осторожно сказала я.

- Ты посвятила его в суть дела?..

- В общих чертах. Он очень помог! У меня и мысли не возникало, что один из них может быть нашим потенциальным союзником.

- Чушь! - недовольно фыркнул Паша, выключив газ. - Мы понятия не имеем, какие у него цели. Объединяться - не вариант. Слишком рискованно. Но плюсы есть. Возможно, свои его рассекретят и загасят. Четыре врага лучше, чем пять!

Конечно, чушь. Видимо, кое-кто забыл, в каком мы плачевном положении, чтобы вот так сразу отбрасывать варианты. Но спорить бессмысленно. Все равно не знаем к кому обращаться.

- Как же они добираются до Вестников, что умудряются в сценарии наследить? - Паша достал чистую чашку и задумчиво покрутил ее в руках. - Мир - копия реальных событий. Получается, они физически должны участвовать в их убийстве.

- Да. С помощью попавших в ловушку, - подсказала я. Не буду признаваться, что это тоже идея Влада. Паша к нему явно предвзято относится. - Слышала от матери Стасика, если ты такого помнишь, что Совет предложил перевести его в клинику фонда. Наверняка предложили не только ей. Изолируют пустые оболочки, как и у себя в Европе. Держат на контроле, потому что бессмертные ментальные сущности в эти тела могут вселяться.

- Вселяться? Ты серьезно?..

- Почему нет? Сознание уже поглощено ими же, наверняка вместе со всеми воспоминаниями. Дверь открыта, входи. Удобно. Если заранее вычислить Вестника, можно прикинуть в каком месте взять тело.

- То есть... - Паша налил в чашку кофе и наконец-то сел за стол. - А ведь сходится. Гонзалес тогда в клинике на пару секунд очнулся. В Совете сделали вид, что ничего не было, Марии предупреждение вlepили - мол, сама виновата, устроила черте что. Никто из вемов тогда не усомнился, она постоянно экспериментировала. Только теперь-то мы знаем, что угодивших в ловушку не вернуть. Мария вечно лезла со своей дружбой к вечножилеям, достала кого-то, и получила пламенный привет.

Я согласно кивала. Вот только какой бы стройной в теории ни выглядела эта версия, на практике, видимо, не так просто вселиться. Наши враги не разгуливают в реальности свободно, иначе «очнувшихся» было бы много, а до нас дошел лишь единственный случай. Надолго ли они способны обрести оболочку? Видимо, времени хватает, чтобы выследить и избавиться от одной ничего не подозревающей девочки...

Пиликнул телефон, на экран вывалилось сообщение от Артема: «Ты домой собираешься или с ним до утра опять?» И три свирепых смайлика. Нахаленок! Высмотрел же. Еще глоток, и чашка снова опустела.

- Древнее зло очнулось, - констатировал Паша и пододвинул ко мне свой нетронутый кофе.

Я взяла его чашку и торопливо выпила, набирая Артему сообщение, что выезжаю. Чувства меня до сих пор одолевали смешанные. С одной стороны, предпочла бы, чтобы он ничего не знал об убийствах, не плакал и не боялся, но с другой... Однажды ему предстоит с ними встретиться так или иначе, пусть он будет готов. Не как те девочки, которые даже не поняли - за что...

Улица сочилась шумом, на лавочке перед подъездом сидела Карловна в обнимку с любимым чехомоданчиком. Что бы в нем сегодня ни было, можно не сомневаться - все со

скидкой и совершенно особенное. Натянутое поверх пальто пончо практически кричало: «Никакая я вам не бабуля!». Зачем, ну зачем ее из ЖЭКа на пенсию отправили?.. Там хоть ее энергия применялась в мирных целях.

– Лерочка, Пашенька, – над оскалом акулы сетевого маркетинга радостно засияли глаза.

– Спасибо, у нас все есть, – улыбался Пашенька, утягивая меня за собой к дороге.

Из-за массивной доски объявлений выглядывала красная машина. Холеная, сытая, глянцево блестящая. Паша пикнул брелоком сигнализации.

– А мне так и не удалось снова встретиться с Соней, – зачем-то сказала я.

– И не надо. Она не на нашей стороне.

Я остановилась у доски, он обернулся, бросил на меня вопросительный взгляд.

– Я бы предпочла поговорить с ней, – отчеканила я, – а уже потом делать выводы.

– Делать выводы надо сейчас, а не потом, – тем же тоном ответил Паша. – Про разговоры забудь, она не придет. В Потоке неприятностей по горло, а тут Совет на хвосте. На ее месте я сидел бы тихо и не высывался.

– Сразу видно, что ты – не я! – раздался из-за доски объявлений насмешливый голос.

Сердце гулко стукнуло о ребра и пустилось вскачь. Соня? Здесь, посреди бела дня?! Не может быть... Через мгновение меня уже стиснули знакомые руки, в щеку уткнулся холодный нос.

– Прости... – покаянно бормотала Соня. – Насыщенные ночки выдались.

Она прерывисто вздохнула и отступила на шаг. В губах ни кровинки, хрупкая, бледная, как фарфоровая кукла. И такая же неживая...

– Что происходит? – прошептала я неожиданно севшим голосом.

– Кажется, мы вляпались в одно и то же дерьмо, – мрачно ответила Соня.

– Мы? Не скромничай, – ухмыльнулся Паша. – Не всем тут удалось урвать миссию от уродов из нижнего Потока.

– Пятьдесят девиц на пятерых за пять тысяч лет... Уроды, да, – согласилась Соня. – А ваш Хранитель, конечно, лань трепетная. Напомни, Лейка, сколько этот бойскаут в прошлом году человек порешил за пару дней?

– Тридцать... – беспомощно сказала я. – Но сейчас его цель – спасти чужую жизнь.

– Спасти?.. Не будь наивной! Ему просто нужно давних врагов с помощью Вестника уничтожить.

В горле пересохло. Для нее не секрет, как их называют... А что еще не секрет?

– Они ее снова разыскивают, – выговорила она, так привычно заглядывая мне в глаза. Только на этот раз в них была странная смесь из мольбы и злости. – Ни перед чем не остановятся.

Ее? Соня не догадалась, кого вчера видела!

– Не лезьте в их разборки, поплатитесь, – отчеканила она. – Вас попросту размажут.

– Не лезть? – вырвалось само, отнюдь не шепотом. – А что ты предлагаешь? Отойти в сторонку, прекрасно зная, что делается? Они веками убивают невинных девочек, а скольких ловушка погубила – не пересчитать! Как можно не лезть? И как можно им помогать?

– У меня что, есть выбор? – устало спросила Соня.

Энергия ее полыхала разрозненными сгустками, жаркими, мутными. Ни одной знакомой солнечной искорки. Будто рядом и не моя Соня совсем.

– Еще слезу пусти. Для убедительности, – посоветовал Паша, раздраженно звякнув ключами от машины. – Раз за четыре года тебя не сожрали, значит, вы отлично ладили. Настолько отлично, что сейчас ты бегаешь, ищешь того, кто отбил от стаи.

– Уже нашла.

– Выслужилась, – похвалил он. – И теперь они готовы взять тебя к себе. Или хотят поторговаться? Дай-ка угадаю, постоянная прописка стоит дороже?

Я через силу вдохнула ставший колючим воздух. Перед глазами мелькнуло заплаканное лицо в веснушках и испуганное «их убили, и меня убьют». Нет... Я должна его защитить! Но от кого? От нее?..

Соня неотрывно смотрела на меня, будто пыталась что-то найти и не находила...

– Давай, – сказала она едва слышно, – спроси.

Паша выразительно усмехнулся. Что с ними обоими?! Ведь все было хорошо... Тогда, раньше. Как мы до такого дошли?

– Зачем вообще их портал нам открылся?.. – выпалила я в сердцах. – С чего?!

– Не открылся, а открыли, – Соня пожала плечами и отвернулась.

– Кто?

– Только создавшие границу способны ею управлять.

Выходит, они сами решили впустить нас? Трех? За что?! Столько народа к границе веками ходило! Почему именно мы?

Соня насторожилась и вопросительно изогнула бровь, рассматривая что-то у меня за спиной. Я оглянулась. От подъезда решительно шагала Карловна, сжимая в руках чемодан. Как раз ее-то нам и не хватало!

– Сонечка, – нараспев произнесла она, неотвратно приближаясь и ощупывая подвернувшуюся добычу жадным взглядом. – Давно тебя не было видно!

Вот это память на лица...

– У меня денег нет, – жалобно протянула Соня. – А давайте я в долг куплю? Много возьму... Правда, отдам неизвестно когда.

Азарт Карловны мгновенно потух, рот захлопнулся, как створки застрявшего лифта.

– Ну, если вы в долг даете... – заинтересовался Паша, – то я, пожалуй, тоже куплю.

Карловна попятилась. Я повернулась к Соне, чтобы сказать... Сказать что? Она покачала головой.

– Ах ты, гаденыш! – рявкнула Карловна, и я подпрыгнула. – У-у-у... Думает, я ничего не вижу!

Она взмахнула чемоданом и потрусилась в сторону подъезда, Паша с любопытством посмотрел ей в спину.

– Ошивается тут третий день! – сотрясли двор вопли. – Грабануть кого-то вздумал, а? Рожа бандитская!

Карловна запустила руку в кусты и вытащила оттуда за лацкан пальто удачно сливавшегося с растительностью худощавого типа. Знакомого типа, со старомодными бакенбардами и нейтральным энергетическим следом. Черт! Я же внимательно смотрела по сторонам, а его не видела. Интересно, моя любимая соседка точно в ЖЭКе работала, а не в ФСБ?..

- Не бейте его, пожалуйста! - звонко крикнула Соня и сорвалась к ним.

Я бросилась следом. Что творит?! Бежала бы отсюда, и поскорее!

- Все в порядке, - сладко улыбнулась она Карловне, которая пыталась вытрясти из опешившего «грабителя» душу. - Это мой поклонник. Влюбился без памяти, а я ему телефон не даю. Представляете, караулит меня у подруги, надеется, что передумаю. Такой няша...

Няша поперхнулся, Соня вздохнула и добавила:

- Ладно, уговорил. Дам шанс. Начнем с подарков!

Карловна мгновенно разжала пальцы, заботливо пригладила ему пальто.

- Молодой человек, вам невероятно повезло, - объявила она, пристраивая чемоданчик на лавку рядом. - У меня есть кое-что совершенно особенное. Девушка обязательно будет в восторге, и вся ваша!

Сзади неприлично заржал Паша. Не смешно! Этот тип вряд ли праздно наблюдал за нами. В прошлый раз терпение Аниты было на исходе, компромиссами уже не пахло. Карловна с видом фокусника выуживала из чемодана то пахучие флакончики, то спиночесалки в блестках, напористо утверждая, что это «то, что надо». И ни слова о скидках. Было ясно - без покупки для дамы сердца ему не уйти. Рассекреченный агент Совета злобно косился на Соню, которая придирчиво морщила нос и требовала все самое лучшее и дорогое. Если до этого он и собирался брать ее живой, то теперь явно мог передумать...

Ситуация мигом перестала казаться забавной. Ветер с шелестом пересчитал голые ветви придорожного куста, под плащ забрался холод.

- Ой, что это я, - спохватилась Соня, подмигнув Карловне. - Выбирайте без меня, а то сюрприза не получится.

Шагнула прочь и замерла у дороги. Я тоже заметила их - троих мужчин на выходе из двора, с характерными смазанными отпечатками. Значит, вызвал своих на подмогу, и те успели примчаться... Что же делать?! Недалеко она с таким хвостом уйдет!

- Ну ладно, - нервно усмехнулась Соня. - Можно и по-плохому.

Только не тут! На детской площадке скрипели качели, малыши с визгом бегали друг за другом вокруг горки. С прогулки возвращались собачники, женщина устало тащила пухлые пакеты со значком супермаркета. У подъезда курил парень, на лавочке хихикали школьницы, уткнувшись в телефон. Карловна радостно пересчитывала пачку купюр, рядом топтался тип с бакенбардами. Воздух трянуло мощной вибрацией, уши заложило. Вокруг разлилось что-то вязкое, проникающее везде, всюду, словно навязчивая мысль. Влияние? Но при чем здесь все эти люди?..

Рванул ветер. Все одновременно повернули головы в сторону пришедшей троицы. Обитатели двора, случайные прохожие, даже малыши из песочницы.

- Соня, не надо... - прошептала я, но она, кажется, меня не слышала.

Вибрация ударила прямо в виски, перед глазами поплыло. Почувствовала, как Паша хватается меня за руку и куда-то тянет. К троице наперегонки ринулась толпа.

- Купите телефончик, со скидкой!

- Свитер, обалденный свитер! Отдам практически даром!

- Прекрасный пес, чемпион! Берите! В доме не гадит, родословная!

- Батон, только что купленный, свеженький!

Что за... Это Соня с ними сотворила?! Женщина вытаскивала из пакета печенье, какой-то мальчишка пропихивал сквозь плотный ряд спин машинку. Слова сливались в неразборчивый галдеж. Карловна, позабыв о клиенте и деньгах, с отвисшей челюстью

установилась на конкурентов. С ближнего балкона что-то упало, асфальт усеяли осколки с останками фикуса. Сверху неуклюже высунулся удивленный мужик в растянутой майке.

С чемоданом наперевес Карловна мчалась к сборищу народа, ее покупатель улепетывал в противоположную сторону, мелькая туго набитым пакетом. Дышать становилось нечем, мутило с каждой секундой сильнее, колени подламывались. Если бы не Паша, давно бы села прямо на асфальт. Вибрация стихла внезапно, наваждение чуть схлынуло. Получилось сделать вдох и покрутить неимоверно тяжелой головой по сторонам.

В окнах мелькали люди, одни выглядывали во двор, другие испуганно задвигали шторы. Толпа не успокаивалась, крики звучали все агрессивнее, что-то трещало. Сони нигде не было.

- Улизнула, не переживай, - Паша приоткрыл дверцу машины и подтолкнул меня вперед.

- Не поеду, - запротестовала я, упираясь. - Нельзя их так оставлять.

- А что мы сделаем? - Он отцепил мои пальцы от дверцы, я тут же схватилась за него. - Не глупи. Эффект внушения не снять. Сам пройдет, через час или два.

Донесся душераздирающий визг, где-то со звоном лопнуло стекло. Да за час они друг друга поубивают! Я через боль нащупала ближайшее подсознание. Барьер был цел, по ту сторону медленно таяли сгустки чужеродной подчиняющей энергии. Собрав силы, я попробовала притянуть сгустки к себе. словно током шарахнуло, до звездочек...

- Конечно, без акта мазохизма не уйти, - прокомментировал Паша.

Небось пробовал в пабе, раз знает.

Фон давил тысячетонным прессом и, казалось, вот-вот раскатает по асфальту поверх фикуса. В голову начала закрадываться стыдная мысль - действительно убраться отсюда, и подальше... От острых, впивающихся в разум колючек, громких криков, ряби тумана. Неожиданно он рассеялся, слух царянуло тишиной. Легкость была непривычной и странной, как и воцарившееся вокруг спокойствие. Тяжелая энергия исчезла, вся, будто ее беспощадно стерли ластиком. Ни мучительной вибрации, ни воплей во дворе. С чего?!

Я наконец встала ровно, отпустила Пашу. Толпа как ни в чем не бывало расходилась, на умиротворенных лицах не было ни грамма замешательства. Лишь девушка отряхивала грязь с куртки, да женщина из супермаркета закидывала мятую упаковку печенья обратно в пакет. У моего подъезда стоял Влад и ошарашенно чесал затылок. Секундочку. Влад?!

- О, привет, - выпалил он, подходя поближе. - Я, это самое, проверить собирался, как ты, и вообще...

Я бегло проверила пару человек - подсознания были свободны, ни следа недавнего внушения. К барьерам едва видимыми нитями тянулась кристально чистая энергия, точь-в-точь такая же как в глубоком Лектуме. Она поглощала остаточные крохи чужеродных сгустков, стремительно растворяясь вместе с ними. И тянулась конкретно от Влада, хоть и уже почти пропала. Хотелось протереть глаза, только прекрасно понимала - ничего не изменится.

- Что это? Как?! - Я шагнула к нему. - Что ты сейчас сделал?!

- Ну, - он слегка попятился. - Сложно объяснить...

Паша заинтересованно склонил голову набок. Черт!

- А ты попробуй!

- Пробовал уже... - смущенно протянул Влад. - Утром.

- Да? А по-моему, утром была драма. С чемоданом!

- Вот видишь, я пытался, - абсолютно серьезно сказал он. - Просто... Не вышло.

Не вышло?! У кого-то напрочь отсутствует связь между мозгом и языком! Нет, все же

надо было к нему в голову залезть. Несмотря на все обещания.

- В общем, так! - решил Влад. - Помнишь, год назад, когда при мне Дима умер, я выпал из реальности минут на пятнадцать? Ты еще думала на провал в памяти, а меня просто суперэнергией из Потока приложило. Оказывается, того... хм, контакта хватило, чтобы теперь некая связь наладилась. Неделю будто к виртуальному ментальному диску подключили - ройся сколько хочешь. А воздействие дара на кого-либо чувствую интуитивно, что ли... И могу убрать. Вроде как растворитель для краски выплеснуть.

«Я помогаю, уже» - всплыли в памяти слова Хранителя. Вот что он имел в виду! Раньше у пятерки из нижнего Потока было явное преимущество благодаря умению внушать свою волю. Теперь у Влада появилась способность нейтрализовать последствия применения дара. А заодно и возможность находить ответы.

- Выходит, все, что ты подсказывал, не было догадками?

- Ну... - задумался Влад, - пятьдесят на пятьдесят. Хотя, не уверен.

Не удивительно, что не уверен. И неизвестно какие еще подарочки всучил ему чертов Хранитель!

- Лишь бы никто о вашей связи не узнал, - в отчаянии простонала я, осознав, чем это грозит, - и снова в твою голову не полез...

- А нельзя, - невозмутимо перебил Паша. - Я проверил.

У меня от возмущения перехватило дыхание. Ясно, почему он так тихо стоял все это время!

- Хранитель обещал защиту от дятлов. Даже бессмертных, - Влад довольно покосился на Пашу, - и продвинутых.

- Сволочь он, - высказалась я. - Если бы не навязался тебе, никакой опасности и не было бы.

- Сомневаюсь, что навязался, - усмехнулся Паша. - Подобный энергетический обмен должен быть добровольным.

Влад отвел глаза. Что?! Так оно и было?

- Это правда? - охнула я. - Ты сам согласился?

- Ага... - Влад огляделся по сторонам, будто прикидывал, где спрятаться. Не выйдет!

Внутри что-то вскипело и взорвалось. Целую неделю скрывал, ненавязчиво подкидывая информацию. Неужели я не заслуживаю, чтобы со мной были откровенны? Расскажи он мне о «ментальном диске» сразу, я бы непременно отговорила его от подобных сделок!

- Ты в своем уме?! - дала я волю чувствам. - Где были твои мозги?

- Там, где и сейчас, - спокойно ответил Влад. - А ты включи свои и перестань кричать!

Он посмотрел через мое плечо, я обернулась. Косые взгляды соседей прилетали из всех уголков двора, неспешной походкой приближалась сияющая Карловна.

- Все скупили! - похвасталась она и похлопала по чемодану. Тот гулко отозвался приятной пустотой. - Такие милые люди. Эх, надо было больше брать. Какой удачный день...

Ну, хоть для кого-то этот день удачный. Карловна счастливо вздохнула и удалилась. Я повернулась к Владу, который прятал руки в карманы и хмуро изучал объявление о линии психологической поддержки. Раньше надо было звонить, теперь поздно!

- Глупо, глупо и легкомысленно связываться в подобное! Еще и добровольно! Мало было прошлого раза? Когда за тобой половина наших охотилась? Теперь неприятностей посерьезнее подавай?

– Вообще-то, если бы не моя глупость, без жертв бы тут не обошлось, – напомнил он, полыхнув острой смесью обиды и возмущения. – А их не было!

– Сейчас будут... О себе подумал? Всех, кого использовал Хранитель, мертвы. Почему ты мне не сказал?!

– Лейка, – произнес Паша совсем без сарказма. – Отстань от мальчика. Ты ему кто? Мама?

Мгновенно отрезвило. Да уж... Раз со мной не посчитали нужным советоваться, не стоит читать нотации. Хранитель, конечно, гад, но... Если бы я сразу рассталась с Владом прошлой осенью, он жил бы своей обычной, нормальной жизнью. У Хранителя не было бы повода всучивать ему сомнительные способности, а у Влада не нашлось бы причин их принимать. Сама виновата.

– Знаешь, Лейка... – тихо, но очень твердо сказал Влад. – Я сам в состоянии разобраться, что мне делать, и как. Это был мой выбор, мне за него и отвечать. Или прими его, или...

Он шумно выдохнул. Паша странно усмехнулся.

Выбор?! Да какой, к чертям, выбор? Легкомыслие и любопытство! Одни его тренировки с Артемом у меня за спиной чего стоят. Зная о даре ровно столько, сколько я ему рассказала, Влад посчитал себя достаточно подкованным, чтобы принимать решения и вляпываться в историю, из-за которой люди веками гибнут! Думаю, он даже не спрашивал Хранителя, чем ему грозит использование тех новых способностей. Стоп! Анита... Весной она говорила что-то про Лессера... Я помассировала виски и сосредоточилась. «Обычные люди могут получить некую силу от существа из Потока». Значит, Влад не первый, подобное случалось прежде! Как бы вытрясти из Аниты информацию? Отношения у нас, мягко говоря, испортились. Да и выдавать Влада Совету не стоит. Не хватало еще, чтобы и за ним гонялись как за Соней. Меньше знают, крепче спят.

– С тобой я потом договорю, – бросила я так и не закончившему предложение Владу. – Сейчас мне надо к Соне.

– И как мы будем ее искать? – скептически осведомился Паша.

– Я буду искать. Одна, – отрезала я и сложила руки на груди. Он свел брови на переносице, требуя объяснений. – Ты ей уже сказал достаточно.

Развернулась и зашагала к подъезду, спиной чувствуя два мрачных взгляда. Ничего, подождут. А Соня нет. Идея, как ее найти, пришла сама собой. Скверная, но других не было.

Глава 17

Соня

Людское море бурлило, несло по пестрой улице и, наконец, выплеснуло на проспект. Рестораны, кафешки, магазины, автобусные остановки и толпа. Шумная, многоликая, яркая. Толпа – это плохо. От нее в голове жужжит и колет, будто залетело два роя пчел и насмерть схлестнулось в драке. Толпа – это отлично. В ней можно легко раствориться, затеряться, передохнуть, на мгновение почувствовать себя в безопасности. Полиция не найдет, а Совет не тронет: после трех презентаций способностей даже до особо упоротых должно было дойти, что ловить меня лучше на необитаемом острове. Ночью. Распылив усыпляющий газ.

А еще лучше – просто пристрелить, чтобы не мучиться. Дьявол, надеюсь, они так не подумают. Особенно тот краснорожий тип из кустов. Сначала Бонифаций с тухлой рыбой, потом Карловна с подарками... Чувствую, он уже освободился и болтается у меня на хвосте. Оторваться бы, а дальше... А что, собственно, дальше?

Каблуки цокали по асфальту – мои, чужие, под платьем царапался кулон с обгрызенным наполовину сердечком.

Зайку бросила хозяйка, Лучше б утопила Зайку!

Казавшееся незыблемым, вечным, дающим силы внезапно треснуло и ушло из-под ног. Совет, полиция – все это ерунда, но Лейка... Теплые объятия, секреттики, смех. Разговоры по ночам, шепот под одеялом, потому что целого дня мало. Понимание без слов, ответы без вопросов, доверие без оговорок. Хрупкая штука, это доверие, по частям не выдается. Либо карт-бланш, либо мимо. Вчера оно было, а сегодня нет. Впрочем, это только для меня – вчера. А для Лейки – четыре долгих года назад. Четыре потерянных чертовых года врозь. Она стала другой. Научилась жить без меня. Неизбежный финал, не такой уж для нее несчастливый. А я...

Прислушиваться к себе было больно. Отпирать запертое, тревожить забытое. Желания, которые не исполнишь. Порывы, которым не подчинишься. Чувства, о которых никому не хочется знать. И время, укравшее последнее, что оставалось. Но... Когда поезд ушел – бессмысленно биться головой о рельсы. Даже если очень тянет...

В скорых осенних сумерках загорались фонари, наливались светом витрины, вспыхивали окна. Огромный муравейник торгового центра сиял всеми четырьмя этажами стекла и металла, всасывал и выплевывал вертушками входов снующую толпу. За ближайшей дверью глянцево скалилась афиша, предлагая концерт, распродажу и кинотеатр. Славно. Внутри гремела музыка, одуряюще пахло мылом и гамбургерами. Убойное сочетание. Но народ жевал, гудел, перекачивался волнами по холлу, стекаясь к центру, где обморочно пищали штампованные девицы с микрофонами. Обещанный концерт набирал обороты, воздух искрил и потрескивал от избытка чужих эмоций. Пожалуй, пора уходить. В конце, перед медленно ползущим вверх эскалатором – толпа. Вдохнув поглубже, я ввинтилась в нее и медленно поплыла по течению. Если отбросить раненые чувства и прочие сопли, сильно мешающие мыслить здраво, становится ясно: Лейка ведет себя странно, и это неспроста. Она пытается выудить из меня информацию, одновременно опасаясь сболтнуть лишнее. Каким-то боком ее касается и мое задание от крокодилов, и их война с Хранителем. Вопрос – каким? Конечно, Лейка всю жизнь была правильной. Мораль, справедливость, благородство – не пустые слова. Это стиль жизни, часть восприятия реальности. Убийства маленьких девочек и угробившая тысячи жизней ловушка – достаточные причины, чтобы рискнуть своей. На первый взгляд. Но я слишком хорошо ее знаю, тут есть что-то еще, личное. Кто-то...

В плечо резко кольнуло, обожгло предчувствием опасности. Поздно, чтоб его! Музыку заглушило пронзительным звоном, нависающие сверху балконы второго этажа крутанулись и уплыли. Отовсюду хлынула темнота. Незнакомый вем поблизости, сильный. Скотина какая! Принудительный разворот в обратную сторону, шаги на автопилоте. Куда-то выводят. Я уперлась обеими руками в того, кто в меня вцепился. Энергетический отклик нулевой... Еще одна скотина, с иммунитетом. Краснорожий, что

ли?! Догнал-таки! И я сглупила... Плотная толпа ничуть не лучше безлюдного угла. Холл исчезал, настойчиво выпихивало в Поток – пинками. Нет, нельзя туда! Дар загасят только так, и все кончено. Тео, ну же, прием! Посланный сигнал «SOS» был ярким и громким, словно залп сигнальных ракет. Связь у нас, или что? К ноге выдергивать всегда готов. А наоборот слабо? Ответ прилетел мгновенно. Зря сомневалась... Вышвырнуло из Потока со свистом, снова загрохотала музыка, калейдоскопом закружились яркие вспышки, мухи и лица. «Женщине плохо, пропустите». Женщине?! Дважды скотина! Еще и хватка стальная, не вырвешься. Сквозь туман проявились людские силуэты, вернулось ощущение реальности. Выход становился ближе, меня волокли к нему, словно мешок с картошкой. Выдох, направленный импульс... Я повернула голову к похитителю, и вкрадчиво поинтересовалась у его воротника:

– Видишь девушку в оранжевом на правом балконе? Которая через перила перелезает. Следующее, что она сделает – спрыгнет.

Остановился.

– Руки убери, – ласково попросила я. Девушку в оранжевом испуганно тормозили подружки, та непонимающе смотрела вниз. – И никто в лепешку не расшибется.

Хватка слегка ослабла, я развернулась. Ё-моё! Аж глаза режет. Нереально светлые волосы, невозмутимая бледная физиономия, ноль эмоций и взгляд сквозь меня, который не переживался. Его руки по-хозяйски лежали на прежнем месте и убираться не думали.

– Будем целоваться? – с надеждой спросила я. Молчит, гад. – Или целуйся, или отвяжись! Все, я обиделась. Сейчас еще одна на перила залезет. Какую тебе? С букетом белых роз? Или мелкую, что на телефон снимает? Выбирай.

Хватит ли мне духу? Проверять не хотелось. Надеюсь, ему тоже не захочется.

– Отпущу – упадешь, – спокойно отметил он.

– Не настолько ты меня впечатлил, чтобы падать.

Вашу ж мать! От удара о пол копчик вбилась прямо в мозг, перед глазами поплыли галактики. Сверху – ничего кроме вопиющего равнодушия. Ясно. Хороших манер не завезли. Я попыталась встать, беспомощно чиркая сапогами по глянцевої плитке. Подняли за шиворот в воздух и совсем не бережно опустили на жалобно цокнувшие каблукы.

– Не оставите меня в покое, – прошипела я со злостью, изрядно подпитанной ноющей задницей, – такое тут устрою. На фантазию не жалуюсь.

– Иди-иди, – усмехнулся он.

Показала наглядно, куда ему самому идти, и побрела к эскалатору. Взгляд, нахально воткнувшийся в спину, был безумно далек от огорченного. Можно подумать, что все у него прошло по плану! Голова заметно кружилась, плечо зудело. Видно, вколол какую-то дрянь. То-то мозги набекрень.

На втором этаже было тише и безлюднее, над неприметным проемом стыдливо отсвечивала заветная надпись. Говорят, сколько ни размышляй, все равно решение принимается за долю секунды. До одурения надоело ждать. Лучшее сочетание – здесь и сейчас! Впрочем – выбора как бы и нет. В туалете мертвенным светом горели лампы, ряд пустых кабинок скалился приоткрытыми дверями. Отлично, никаких конкурентов, лишь замученная мамаша полоскала под краном своего отпрыска. Тот извивался и орал, пиная и лапая все, до чего мог дотянуться. Макнула бы в унитаз, да и дело с концом. Я заперлась в последней кабинке, бросила на пол плащ и уселась на него. Не самое романтическое место, зато тот тип сюда точно не сунется: через дверь шприцом тыкать затруднительно, а на открытый штурм окаянства не хватит. В голове поплыло, по венам разлилась слабость. Словно сквозь вату послышался удаляющийся визг мелкого засранца, навалилась тишина. Вдох, пропитанный цветочным освежителем воздуха. Волны вынесшей к воронке энергии, лабиринт серых линий. Остатков сил хватило, чтобы прорубить путь.

Пронзительная белизна рассеялась на горбатом каменном мосту. Под ним – бездонная пропасть в клочьях тумана, впереди – старый замок на вершине отвесной скалы. Разъявленная пасть ворот, откинутых на мощных цепях, массивная поднятая решетка. Высокая круглая башня, башенки поменьше, зазубренные линии крыш, длинные шпили, втыкающиеся в небо. Внутри гламурно сиял особняк, настолько не вязавшийся со старыми валунами крепостных стен, что казался прифотошопленным. Словно хозяин, как та ворона, тащил в клюве из разных времен все блестящее, пафосное, вычурное. Травка, газончики, беседки, увитые цветочками – тьфу, пакость. С другой стороны дома – небольшой сад с ажурными скамеечками, деревянным колодцем под четырехскатной крышей и высаженными по линейке кустами роз. Гладкие блестящие листья, острые наросты шипов, кроваво-красные бутоны, настолько идеальные в своем совершенстве, что казались мертвыми. Лепесток к лепестку, пышное цветение длиною в вечность. Но вот что странно... Доморощенный садик был разбит у самого обрыва. Никаких стен и оград. Если встать к нему спиной, то с глаз долой скроется вся эта слащавая дребедень вместе с комфортным теплым летом, а впереди... Немыслимая высота, небо и воздух. Далеко внизу, у изножья скал, перекипающие под ветром осенней рябью леса, рваная нитка реки и хребтины пологих гор до самого горизонта. Ошеломляющая картина, за которую можно простить все вороны повадки хозяина.

Кстати, его отпечаток сейчас именно там. Мощеная кирпичом дорожка повиляла между жуткими кустами, осторожно проскользнула по краю пропасти и уткнулась в колодец. Тяжелая крышка была сдвинута, колыхалась черная вода, криво отражая кусок деревянной крыши.

– Софи, – вкрадчиво прошептали над ухом. – Все-таки вернулась. Благоразумно.

– А куда деваться, – обернулась я.

Вызолоченные солнцем кудри нимбом вокруг головы, отсвет улыбки... Иже херувимы, святой Крис, покровитель Вестников. На кой ляд они ему дались? На побитого совестью совсем не похож, до интригана не дотягивает, но знак на книге об Исабель точно его. Крис проплыл мимо и изящно привалился к колодцу.

– Вернулась... – задумчиво повторил он, рассматривая меня сквозь прищур. Неправильный взгляд у нашего святого, в каждом глазе по томагавку. И колодец его открытый мне тоже не нравится. – Первым делом заскочила ко мне? Как мило...

Конечно, мило. Я вообще милая. Насколько милая, что сама себе удивляюсь. Главное, убедить Криса, что я с ним заодно. Иначе схарчит меня этот великомученик вместе с добытой информацией. Особенно когда поймет, что Тео я пока ничего не рассказала.

Была не была...

– Я знаю, что ты с ними делаешь.

Полыхнуло досадой так, что в ушах зазвенело, с кустов с похоронным шелестом посыпались кроваво-красные лепестки.

– Подсматривала... – произнес он со странной усмешкой. – И как?

Пасторальная картинка стиралась вместе с дорожкой, скамейками и манерами джентльмена, сквозь блестящую обертку все явственнее проступало нутро воина. Вот вам и лютики-цветочки. Скорее полет кондора над пропастью. Как бы самой туда не улететь.

– Мне нравится твоя идея, – поспешно ответила я. – Хочу помочь.

Бровь Криса поползла вверх.

– Полагаешь, мне нужна помощь?

Нет-нет, зачем. Столько неудачных заходов было, пусть дальше развлекается. Может, ему нравится сам процесс, а не результат.

– Конечно, нужна, – я решительно шагнула к Крису и добавила немного дурости в голос: – А еще нужна женская изворотливость. И хитрость! Соглашайся, доведем это

дело до конца!

Он хмыкнул, перевел взгляд за мое плечо, задумчиво засинел холодным небом в глазах. Похоже, клюнул. Ну?!

- До конца... Сколько уже попыток было! Раз за разом – убита, убита, убита. То фанатики, то костер, то чума, то нож, то веревка, то кол осиновый в сердце, – Крис с ненавистью выплевывал слова, – и никак не сдохнет, тварь!..

Чего?!

- ...лезет и лезет. Что с ней ни делай, как ни убивай...

Вашу ж мать! Влипла...

- ...надо еще дольше, еще мучительнее...

Я нервно сглотнула.

- Чем Лану? – уточнила осторожно. – Или ту, с волками?..

- Не верь именам. Это она. Всегда она, снова и снова. Вечность нас преследует. Будто горы трупов ей тогда было мало...

Крышка колодца треснула и развалилась пополам, осколки кусками желе стекла в воду. Охренеть, как его переключило... Видимо, речь о второй. О Нири. Той, что почти убила их в заброшенном городе.

- А люди – родственники всякие, или те, что рядом оказались. Их-то зачем?.. – Я очень старалась, чтобы звучало исключительно с практическим интересом. – Это такой хитрый план?

- Чтобы не мешали.

Чтобы не мешали... Садист гребаный! В горле словно ком набух, горький, колючий. Я знаю, что чувствовали обе девочки. Знаю. Я пережила это все с ними. Там. Снова. С каждой из них...

- Софи, – прорезался разочарованный голос Криса. – Жалость? Забудь! Она никого не жалела. Не позволяй ей себя провести. Нет там уже маленьких девочек. Есть дрянь, что убивает навсегда, растворяет в той мерзости, из которой создана, без шансов возродиться. Сначала их, а потом через них добирается до тебя. Лишь за то, что ты осмелился перестать быть никчемным ничтожеством...

Ясно. Он не просто маньяк, а маньяк с теориями. Глаза жгло, дышалось с трудом, сквозь комариный писк в уши ввинчивался монотонный бубнеж Криса. Стоп, что-то я расклеилась. Срочно взять себя в руки и что-нибудь придумать.

- А мне жалко! Да, жалко! – всхлипнула я и закрыла лицо руками. Крис поперхнулся на середине слова. – Там был зайчик, маленький...

Брызнули вполне натуральные слезы, растопив тугой ком, в голове прояснилось. Сквозь пальцы виднелась совершенно обалдевшая физиономия Криса.

- ...беленький...

Надеюсь, я выгляжу полной идиоткой, с которой не стоит иметь дел.

- ...его съел волк...

Дьявол, переигрываю. Я же хочу, чтоб он меня отпустил, а не скинул с обрыва.

- ...в той дурацкой яме! – я перестала завывать и судорожно вздохнула.

Крис молчал, озадаченно хмурясь. Очевидно, пытался состыковать мой взрыв эмоций и несчастную судьбу косоного. Что, съел? Да, это действительно жалость. Да, там действительно был кролик. И неважно, что одно с другим не связано – хрен ты меня на

вранье подловишь. Я подошла к колодцу, осторожно окунула в воду руку и обняла ее. Надо же, действительно вода. Побрызгала немного в лицо, незаметно оглядываясь. Садик снова был пасторально мил, розы идеальны, дорожка вилась где положено. Отлично.

– Не помню никакого зайчика, – сдался Крис. – Лучше скажи, что ты предлагаешь сделать с очередной тварью?

Дружить семьями. Счастье, что я не ляпнула это сразу при встрече. Надо же так облажаться.

– У меня был план, – томно сообщила из-под опущенных ресниц. – Но он не подходит. Нужно хорошенько осмыслить то, что сегодня ты мне рассказал, и придумать совсем другое...

Крис кивнул. Ё-моё, неужели выкрутилась?..

– Мне пора, – я попятилась от колодца. – Хочу как можно быстрее начать осмысливать!

И желательно подальше отсюда. Так, послать воздушный поцелуй, взмахнуть рукой на прощанье. Повернуться спиной, ни о чем не думать, ничего не чувствовать. Идти, не оглядываясь. Аккуратно, мимо обрыва...

– Постой!

Крис по-прежнему подпирает колодец, в идеальных кудрях золотисто путалось солнце.

– Знаешь, чего жаль мне? Что не я тебя первым нашел...

Спасибо тебе, Господи! Что может быть хуже маньяка с теориями? Только маньяк-романтик.

– Рада, что ты мне это сказал, – совершенно искренне ответила я. Конечно, рада! Мог бы, например, меня в пропасть скинуть. Или потребовать изложить изначальный план. Или передумать и просто сожрать. Кто знает, что у него там в голове творится. – Увидимся!

Дорожка мельтешила кирпичным узором. Розы-розы-розы... Ядовито-красные, невероятно яркие, такие ненастоящие. Запястье полоснуло болью, выступила выпуклая капля крови. Черт! Еще ни разу получалось уйти, чтобы не оцарапаться... Они ненавидят меня так же, как я их.

За мостом – козья тропа на вершину пологой скалы, потом плато с пятачок и уходящая вниз серпантинном дорога. Мальчики отпали, остаются Иллит и Яника. Ошибиться, как с Крисом, нельзя – обе те еще стервы, на образ дурочки не купятся.

Кто же из них? Да любая! Железных доказательств нет. Их вообще нет. А надо выбрать. К черту личные качества Иллит и Яники, они тут все как киндер-сюрпризы с ядовитой начинкой. Вернемся к Исабель, истина рядом с ней. Эх, все было логично: Марта-Крис носила кулон, от нее он попал к отцу Исабель, а потом на обложку книги. Но если Марта не Крис, то откуда на книге его знак?! Что ж, начнем сначала. Крокодилы придумывали себе знаки из принципа – легко запомнить, легко представить, нарисовать или проволоку в нужной форме загнуть. Ни сакральных смыслов, ни отсылок к чему-либо. Всего лишь своя личная закорючка, чтобы не терять связь с самим собой. Марта под конец постоянно что-то рисовала и носила, не снимая, кулон. Не снимая? Да нет, как раз сняла, когда...

В голове забрезжила догадка, настолько простая, что вполне могла оказаться правдой. Спираль с вогнутым кольцом, другие два знака. А если... О-о-о...

Дорога слезла, наконец, с горы и резала надвое тихое разноцветье леса. Под ноги с шелестом сыпались сухие листья, радужно проблескивала тонкая паутина, в развале верхушек сонно голубело небо. Вычисленное имя карамелькой каталось на языке, словно боялось потеряться. Понять бы еще, зачем этой козе Вестники понадобились. Семейка Адамс, а не вечножители. Один – псих с фантазиями, другая – аферистка подпольная, остальные не лучше. Кроме Тео, конечно. Дорога вильнула, выскочила из подлеска и заплеталась меж сливочно-желтых дюн, поросших редкими пучками жесткой

травы, остролистыми кустиками и колючками. Все, владения Криса закончились. Если он следил за мной – а он точно следил, куда же сплетник без замочной скважины, – то теперь уверен, что я иду к Тео: впереди, за песчаными валами, была его часть мира. Ветер нес навстречу соленые брызги, запах солнца и водорослей, срывал с дюнных хребтин бурунчики песка, по-кошачьи терся о ноги, бесстыдно задирая юбку. Уже виднелся кончик мачты старой шхуны, которую целую вечность трепало на волнах, но никак не могло потопить. Дьявол! Как тянет действительно дойти до конца. Вывалить честно нарытое под дурацкие шуточки и подколы, победно потрясти именем шулера. Ленивая ухмылка, «Софи, детка, сладкая», черти в глазах и задница... М-м-м... Пусть даже фуэте сделает, если захочет. А потом на выбор: уйти или остаться. Выбор? Будто он у меня есть...

Итак, имя известно, вперед, договариваться. В нижнем Потоке заклятая подружка Вестников не просматривалась, значит, ее очередь дежурить с ловушкой. Отлично! Поговорим спокойно, без норовящей пробежать мимо честной компании. Затолканное подальше сожаление, нырок в белый туман. Бесконечный, обволакивающий. Сердце Потока, сосредоточение силы – мне по-прежнему недоступной, но оттого не менее притягательной. Снова ненавистное чувство беспомощности, хоть барахтайся в слепящей светом энергии, хоть скребись, хоть головой бейся, бестолку. Надеюсь, это в последний раз!

Белизна сошла внезапно. Проявилась знакомая, закрытая на щеколду дверь с крючком для сумок, унитаз с наклеенным сверху предупреждением не бросать в него что попало. Ё-мое... Неужели с прыжком между мирами переборщила? Я отперла дверь, высунулась наружу. Безлюдный туалет, лужи у раковины, шум льющейся воды при закрытом кране. Ловушка. Сволочь, а! Поведение как с чужим вемом. Вытащила из моего сознания отпечаток о последнем месте, в котором я была в реальности, и нарисовала. А это что еще за... В заляпанном зеркале – я. Мятое платье, через грудь надпись маркером «мы не местные», на заднице – смачный отпечаток ботинка. Кажется, меня только что послали. Ну нет... Выслушает, никуда не денется!

Узкий коридорчик, поворот, ряд пугающе пустых магазинов, громыхающая из ниоткуда музыка, замершие эскалаторы. Ноги увязли в булькнувшей плитке, вокруг меня начало смыкаться удушающее кольцо. Нападает? Совсем охренела!

– Раз, два, три, – отсчитала я громко. – Подавись и умри.

Кольцо рассеялось, раздался смех. Она сидела на нижних ступенях эскалатора, расправив полы шелкового платья, и скушаяще болтала ногой.

– Верни мое платье, а то сниму твое! – потребовала я.

Яника заинтересованно выгнула бровь, в голубых глазищах весело плясали чертики. Буквы полиняли и постепенно исчезли. Надеюсь, отпечаток с задницы тоже.

– Трусиха... – хмыкнула я и уселась рядом, подвинув ее в сторону. – У меня к тебе предложение.

Яника выдернула из-под меня край платья и хихикнула:

– Неприличное?

– Не хочу становиться одной из вас. Ловушки, охота на маленьких девочек – не мое оно.

Она демонстративно зевнула.

– Ты помогаешь мне вернуться в реальность свободной, – невозмутимо продолжила я, – я тебе – найти и защитить Вестника.

– Кого?

Потянуло искренним непониманием. Ах, точно...

– Девочку с тьмой, – пояснила я. – В древней книжке Вестником называли Исабель. Твою Исабель.

Аккуратная бровка вопросительно изогнулась. Что, я опять ошиблась? Быть не может! Знак Криса – спираль с вогнутым наконечником, ее – зигзаг со стрелкой на конце. Если на кулон в виде зигзага-змейки наступить, он легко сплющится в Крисову спираль. А вот из перечеркнутой галочки Иллит спирали не выйдет, хоть наступай, хоть грызи.

А теперь осторожно, на цыпочках:

– Ты не хочешь их убивать по каким-то причинам. Попыталась спасти, и не один раз. Но не получалось.

Яника склонила кудрявую голову набок, поправила диадему с тем самым выложенным драгоценными камнями зигзагом. Ну?! Отрицать все глупо, посылать меня подальше еще глупее, остается...

– Софи, зайка, – бросила она насмешливо, совсем не тоном шестнадцатилетней девчушки. – И что же мне мешает тебя, такую догадливую, доест, и сказать, что ты меня просто достала?

Не оригинально...

– Ничего не мешает, – согласилась я. – Наоборот, одни плюсы. Раз с тобой договариваюсь, значит, никому пока ничего не рассказала. Поэтому ты сожрешь меня с аппетитом и все шито-крыто, да? Я похожа на идиотку?

По мелькнувшей ухмылке Яники было видно, что похожа, и очень. Ну и нечего тут скалиться, сама знаю. Прости, Тео, так получилось...

– Поиски очередной девочки-тмы всего лишь удобное прикрытие, – призналась я. – Моим заданием было найти того, кто с Вестниками веками странную возню устраивал. Как Тео смог это заметить – тебе виднее. Но он моментом поймет, почему ты от меня избавилась.

– Что ж ты сразу к нему не пошла? Сдала бы меня и мотала домой. Он бы отпустил...

Я стиснула зубы. Прямо на больную мозоль... Вот зараза!

– Рискуешь, Софи... – Яника испытующе смотрела на меня. В глазах – Млечный Путь из прожитых лет. Всех, сколько там натикало, плюс еще пять тысяч. – Между двух огней лезешь. Идеалы, справедливость или бескорыстную помощь отмечаем – ты хоть и дура, но не настолько. Стало быть, интерес имеешь. Свой, шкурный.

Тоже мне, бином Ньютона...

– Ты знаешь нового Вестника? – Холодные пальцы не по-детски сильно вцепились в мое запястье. – Она тебе дорога и ты жаждешь ее защитить? Выкладывай!

– Нет! – с чистой совестью открестилась я. – Не знаю, и знать не желаю! Но я знакома с теми, кто на стороне Вестников. По отдельности у вас мало шансов. Сможете это изменить, если объединитесь...

– Ясно, – усмехнулась Яника. – Хочешь помочь кому-то из этих сторонников. А мне что за корысть связываться с твоими бесполезными друзьями?

Умная, да? Впрочем, разговор складывается позитивно. Меня до сих пор не сожрали!

– У них куча подсказок и бонусов от Хранителя, да и он сам...

– ...в этой же куче, – продолжила она. – Давай конкретнее. Пока одна болтовня и лозунги.

– Сначала скажи, для чего тебе Вестник понадобился, – парировала я. – Может, ты его собираешься откормить как гуся и зарезать к Рождеству! Мне нужно...

– Тебе нужно уйти отсюда в целом виде, – перебила Яника, сверкнув всеми камнями на диадеме сразу. – Выкладывай!

М-да. Переговоры рискуют зайти в тупик. А, учитывая, что одно ее «ам», и

переговариваться станет некому...

- Все зависит от твоих конечных целей, - упрямо сказала я.

- Ладно, - она лениво пожала плечами. - Если задуманное сложится - Вестник не пострадает, и ловушка станет без надобности. Остальное - не твое дело.

Шикарный расклад, со всех сторон. Обалдеть! Причем чистая правда. Но без деталей... Чую подвох. Зачем скрывать такой замечательный план от своих?..

- Хранитель испытания в мире Нири устроил, толпу вемов угробил, но выбрал лучших, - я поерзала, удобней устраиваясь на ступеньке. - Миры их позапускать надоумил, про Вестников рассказал. Девочка год не попадает, и территориально должна быть рядом с ними. Не верю я в совпадения. Что-то зреет, и это что-то может сыграть в твою пользу. Конечно, если ты этим шансом воспользуешься. А без меня они тебя слушать не будут, да и как ты с ними свяжешься?

- Уболтала, - уже дружелюбно улыбнулась Яника и как ни в чем не бывало улеглась на эскалаторе. - С чего начнем?

- Возвращаешь меня в реальность, иначе я ничего сделать не смогу. Необходима свобода. Мне мою связь с Тео не разорвать, а тебе - вряд ли сложно. Вы ведь ее исключительно из вежливости не трогали?

- Допустим. Что еще?

- Исабель... - начала я и запнулась, подбирая слова.

Как бы так спросить, чтоб не взбесилась?

- Исабель... - эхом отозвалась Яника, думая о чем-то своем. - Маленькая избалованная сучка. Вечные капризы, истерики, то смех, то слезы. Слуг тиранила, щедро раздавая пощечины, скупое - эскудо. Чуть что - жаловалась отцу. Постоянно носилась со своей правдой, добытой при помощи дара из чужих голов. Перессорила всех соседей, открывая им глаза друг на друга. Любила зайти в лавку мясника и объяснить покупателям как их обчитывают. Когда мясник разорился, переключилась на зеленщика. Советов не слушала, лучше всех все знала и тщеславно считала, что ее все любят. На самом деле слуги ее ненавидели, соседи боялись, один отец обожал. Как ее раньше не убили?

- Ты же пыталась ее спасти...

- Там спасти уж нечего было, допрыгалась. Это я от злости жахнула. Времени потраченного стало жаль. - Яника повернулась на бок, подперла щеку рукой. - Но ты ведь не об этом хотела спросить?

Некоторых тонущих проще утопить, чем вытащить. Две стороны медали? Забавно. Так и вижу эпитафию на надгробном камне: «Она мечтала сделать мир лучше, но мир сделал ее».

- А с остальными что не так? Она ведь не первая была?

- Не первая, - согласилась Яника. - Кто-то на контакт не шел, к кому-то близко не подобраться было, одна слишком быстро в силу входила, другую вообще только найти успела, как она утонула...

Кай из мира с каналом и лодочками! Значит, действительно, несчастный случай. Хоть меня уже не один раз послали, но все же...

- Зачем тебе Вестник? Подружиться и...?

Она отрешенно потянулась, искоса глянув на меня, и ответила:

- Получить то, что только они могут отдать. И отдать исключительно по любви.

Ничего себе! А еще говорят, любви по расчету не существует...

- Отдать что?.. - в нетерпении спросила я.

Яника шикнула, приложив палец к губам, и рывком поднялась с эскалатора. Я вскочила следом. Уровнем выше грохнуло, энергетической отдачей чуть не сбило с ног. Ого, кто-то долбанул! Ходуном заходили стены, со звоном вылетели стекла, посыпались вывески, потолок смяло. Сквозь дыру пробился свет, заливая пространство яркими вспышками. По всем признакам – отголоски обоюдных ментальных звездюлей.

Че-е-ерт!

Кому так не вовремя приспичило между собой разборки устроить?..

Глава 18

Лейка

Я нашла ее в шкатулке, среди бабушкиных ракушечных камей и брошей из радужного стекла. Там, где и оставила в прошлый раз. Половину зазубренного с краю сердечка, безвозвратно потемневшего за столько лет. Кулон холодным куском металла нырнул под кофту, медленно теплея на коже. Через приоткрытую форточку потянуло сквозняком, на углу секретера колыхнулся рисунок Влада, который я пару дней назад принесла от Киры. Поделенная на две части поляна, свет и тьма. Соня на светлой половине, я на темной. Друг к другу спиной, по разные стороны. Год назад я подумала, что нарисованной Соне должно быть там хорошо. С тех пор мое мнение изменилось. И в темноте бывает тепло и уютно, а свет может больно бить по глазам. Точно уверена лишь в одном – Соню я им не отдам. Ох, Соня... Неправильный разговор у нас вышел, мутный и скомканный. Еще и Паша со своими комментариями. Надо срочно ее найти, необходимо! Самой мне ее не высмотреть, но знаю, кто мне поможет. К тому же нам с ним следует о многом поговорить!

Концентрация, нащупанная граница миров. Секретер дрогнул, крышка вытянулась ввысь, выпустив с десятков мощных ветвей. Рисунок сорвался позеленевшим листом и унесся в исполованное багровым закатом небо. Стены раскрошились, усыпали исчезающий ковер переспелыми оранжевыми ягодами. Сад. Густой, рябиновый, до высокого кованого забора вдалеке. За ним – лес таких же деревьев. Закольцованный мир, и самый глубокий из всех. Забраться сюда по силам немногим. Идеально для разговора по душам без свидетелей.

– Знаешь, где я видела твою помощь?! – вырвалось прежде, чем я успела подобрать слова. – Единственное, о чем тебя стоит просить – это никуда не лезть и ничего не трогать!

– Даже сорняки? – хмуро поинтересовались из-за ближайшей рябины.

Явился! Надо же, с первого раза. Обычно не дозовешься. Я решительно шагнула за мерцающее нечеловеческой энергией дерево. Никого...

– Оставь Влада в покое, – прошипела я. – Верни, как было.

– Было плохо, сейчас хорошо, – сзади тронули за плечо, я развернулась. На этот раз Хранитель выглядел словно заблудившийся садовник: комбинезон, плотный фартук, убранные под клетчатый платок волосы. Еще бы тяпку прихватил для полноты образа! – Он сам вызвался помочь. Давно. Ты узнала лишь сегодня?

Да, черт побери. Лишь сегодня! Но винить в этом некого. Если лучший друг предпочитает отмалчиваться, чтобы не нарваться на скандал, то проблемы с тобой, а не с ним.

– Ты боишься за него, – задумчиво вывел Хранитель. – Напрасно. Он защищен, угрозы его разуму и жизни нет.

Конечно, боюсь! Я боюсь за Влада, он боится за меня, а вместе мы ведем себя как два идиота. Похоже, это не лечится.

– Потому что сейчас он тебе нужен! А что потом? Очередной сердечный приступ?

– В случае благополучного финала наша связь будет разорвана безболезненно.

Благополучного? Никогда еще не было настолько любопытно – Хранитель бессмертен, или его все-таки можно, например, придушить?..

– Ты делал подобное раньше, – вспомнила я рассказ Аниты о неких имеющихся случаях. – Давал способности кому-то из обычных людей, верно?

– Оставим минувшее, – обронил Хранитель.

Понятно, давал. И все закончилось скверно. Так уж повелось, любой дар забирает больше, чем отдает. Что забирает этот?

- Те люди пострадали? - не отступала я. - Каким образом?

- Они не подходили, - заявил Хранитель. - А твой друг подходит. Он любит Вестника, Вестник любит его. Я от тебя устал!

Неужели?! А я устала от дурацких сюрпризов, так что мы квиты.

- Кто ты вообще такой?

- Форма не важна, - пожал он плечами. - Разве у пустоты есть форма?

Замечательно. Сам-то понял, что сказал? Секунду! Выходит, он может менять внешность, как ему вздумается?

- Ты... был человеком когда-то?

- Не имеет никакого значения, кем мы были когда-то. Главное - что сейчас.

Мысли в голове смешались в вязкую кашу. Видела отчетливо - его энергия совершенно не человеческая. Вот только неизвестно, чего можно нахвататься в глубинах Потока, и во что превратиться.

- Расшифруй, - потребовала я. Внутри что-то скреблось, подсказывая - вопрос важный. - Как можно стать не тем, кем был?

- Все что живет, уже когда-то жило. Таков круговорот энергии.

По примеру воды? Все что вы пьете, уже когда-то пили.

- Хочешь сказать, существуют... перерождения или вроде того?

- Энергия жизни не исключение. - Он крайне изумился. - Вы ходите здесь столько лет, и не поняли, как устроены элементарные циклы?

Вот же... Эзотерика с теорией реинкарнации всегда казалась мне сказочкой. Впрочем, Вениамин говорил, что любая энергия вечна. Она меняет форму, но не суть. Жизнь продолжается, в том или ином виде. Стоп! Шестая... Возможно, она не умирала и не пропадала, а очень даже где-то есть?

- Интересно... - Я подставила ладонь под сорвавшуюся сверху ягоду, та плюхнулась оранжевым шариком и скатилась в траву. - Куда из нижнего Потока делся шестой житель?

Хранитель помрачнел вместе с комбинезоном. На лишенном примечательных черт лице появилось такое же точно выражение, с каким он вышвыривал меня вон из первородного мира.

- Не лезь, - сказали непоколебимо, - в ту историю. Правда не принесет тебе радости.

А то он мне одну радость приносит. Все несет и несет, складывать некуда.

- Ну да, - усмехнулась я. - Многие знания - многие печали.

- Нет, одно конкретное знание.

Обожгло недоверием с примесью тревоги. Кажется, это были первые его эмоции, пойманные мною. Возражения застряли в горле вместе с вопросами, на которые все равно не будет ответов. И допытываться не стоит, особенно сейчас. Иначе вылечу отсюда, не получив того, за чем пришла.

- Мне нужна твоя помощь, - вздохнула я.

- Никуда не лезть и ничего не трогать. Я помню.

Какой злопамятный стал. Или это была шутка? Если так, то пугает вдвойне!

– Я не могу разыскать Соню...

– Твоя подруга с ними, – перебил Хранитель. – Значит, против нас.

Спокойно! Необходимо быть убедительной и правильно подобрать слова.

– Она хочет со мной, – отчеканила я. – А значит, с нами! А эти... удерживают ее силой. Должен быть способ ее освободить.

– Вечных связей нет, – нехотя признал он.

Только бы не отказал!

– Соня многое узнала о наших врагах, – я старалась говорить медленно и бесстрастно. – Например, выяснила, кто из них не хочет убивать Вестников и пошел против своих. Мы могли бы использовать это.

– О! – мигом оживился Хранитель. – Ты решила рассорить их между собой? Отличная идея!

– Но я не знаю, кто из пятерых. А Соня знает.

Он заинтересованно склонил голову набок. Конечно, я отчасти лгала. Соне поручили выявить предателя, и Тео с нее спросит. Ссора пятерке гарантирована в любом случае. Только Хранителя посвящать в детали необязательно.

– Нам с Соней надо встретиться и все обсудить. В ней их энергия намешана, не могу ее сама высмотреть.

– Она не в реальности.

Ушла в нижний Поток?.. Если она уже рассказала о том, что раскопала, ничего не выйдет, поскольку нашего потенциального союзника скоро на энергетические лоскутики порвут...

– Твоя подруга в мире забвения, – сообщил Хранитель.

В глубоком Лектуме? Не все потеряно!

– Отправь меня туда! – В голове затикали секунды, стремительно складываясь в минуты. Каждая была на счету. – К ней.

– Опасно. Она не одна. Их двое.

– Рискну. Тем более один на один...

– Не справишься.

– То есть против пятерых меня подряжать нормально! – взорвалась я. Рябиновое дерево рядом трянуло, словно осинку на ветру, траву густо усыпало ягодами. – Как спасти Артема – так я подхожу. Выдерживать испытания, исследовать миры – пожалуйста. Вытаскивать десять людей, норовящих перезапустить Поток, – иди, не надорвись. А тут не справлюсь? Зачем тогда ты вообще со мной дело имеешь?..

Он утомленно шагнул ко мне и взял за руку. От прикосновения ледяных пальцев пробрало до костей, голова пошла кругом. Ни воздуха, ни сил шелохнуться. Подкатывающая тошнота, мельтешение невнятных картинок и болезненное чувство переполненности. Рябиновый сад вспыхнул ярче, сам воздух стал плотным, оранжевым, слился с небом.

– Условия как в прошлый раз, – сообщил Хранитель, отпустив меня. – Сможешь управлять миром забвения, будто миром сна, до тех пор, пока не вернешься. При любой угрозе – уходи. Я тебе там не помощник.

Я кивнула и нырнула в самую глубину, к сияющей ослепительным светом белизне. Такой

близкой и недоступной, притягательной и отталкивающей одновременно. Готово. Но в какой стороне искать Соню? Все белое, одинаковое... Я сосредоточилась, пытаюсь высмотреть среди беспредельно яркой энергии живой теплый отпечаток. Сияние померкло, белизна странно раскрошилась, обретая форму, цвет и запах. Метель. Беззвучно мела метель, было холодно. Ледяная гладь озера, усыпанный снегом берег. Пасмурное небо, предчувствие надвигающейся бури. Я шагнула прочь от застывшей мутной воды, под ногами заскрипел снег. Собственная тень рванула ввысь и разлетелась острыми, оцарапавшими щеку снежинками. Я вытерла проступившую на царапине кровь, пальцы окрасились алым. Черт с ней, она ненастоящая... Берег приблизился, будто сам подполз вплотную. Озеро блестело безо всякого солнца, скалилось трещинами на льду. Я наклонилась, смахнула снежинки с земли. Под ними был песок. Золотистый пляжный песок. Что за...

Из-за пелены метели звучным эхом донеслась песня. Хрустальный голос, сладкий-пресладкий, непонятные слова. Жуть, хоть и красивая. Я выпрямилась и тут же ощутила сзади чье-то присутствие. Горло сдавило тонкими пальцами, в кожу впились длинные ногти. Я с трудом повернула голову и попала под прицел раскосых глаз. На неестественно гладком лице застыла маска презрительного превосходства, царапало скупой холодной злостью. Та азиатка из бессмертной пятерки...

- Не стоило тебе возвращаться, - сказала она.

Песня стихла, пронзило насквозь - взглядом, ветром, острыми льдинками. Я дернулась, на ее искривленных губах заиграло нечто, что никак улыбкой не назовешь. Ничего! Тоже кое-что умею. Долой страх, сосредоточиться... Пламя, жар, тлеющие угли. Я уперлась в нее обеими ладонями. Опалила всем сразу. Выглянуло солнце, сквозь снег проклюнулась полоска пушистой травы.

- Ну, это просто неприлично, - заявили мне и швырнули в снег.

Между нами вспыхнул костер, стеной. Я откатилась в сторону, к замерзшей воде, под кофту забились колючие снежинки. Огонь пылающей преградой оббежал берег, дымил до самого неба. Надолго ее это не задержит... Пальцы сами собой потянулись ко льду, начертили на снежной крошке волну, вокруг нее - незамкнутый круг. В уши хлынул шум прибоя, солнце ослепило. Запах соли, скрип песка. И стук барабанов.

...край причала, ноги в воде. Ловится волна за волной, касаешься каждой, а все равно они твои лишь на мгновенье. Льется между пальцев вода, льется прохладой вечер, льется песня. Я могу слушать ее вечность. Возможно, однажды, так и будет. Желания коварны - сбываются.

На берегу полно народа, а я вижу только ее. Иллит всегда серьезна, особенно когда поет. Она не любит улыбаться, считает, улыбка у нее некрасивая. Единственное, что ей в себе нравится - это голос. Он всем нравится. Каждому, кто пришел сюда, чтобы услышать, погрузиться. Или даже утонуть.

Это тоже дар, и она за него заплатила сполна...

Озеро расчертили борозды трещин, знак смазался. Сверху нависла хрупкая фигурка, прилетел ворох снежинок и запах погасшего костра.

- Нечего оживлять призраков, - произнесла Иллит и толкнула меня на лед.

Под ногами гулко хрустнуло, белесая трещина ушла вглубь. Меня накрыло тенью Иллит, лед лопнул. Холод проступившей воды, попытка отползти. Тщетная... Схватили за волосы, зияющая брешь раскрыла пасть шире. Резкий толчок, и погрузило по шею, плотно обступила ледяная вода. На затылок давила вцепившаяся в волосы рука, ни вдохнуть, ни шевельнуться. Силы уходили по капле, утекали, растворялись. Словно парализовало. Черный омут разросся, воздух кончился...

Я смогу. Справлюсь. Обязательно получится! Обретающие форму мысли, рывок. Судорожный вдох, атакующий импульс. Повалил пар, густой, горячий. Иллит меня

отпустила, видимо, от неожиданности. Тепло, духота, шипение моментально вскипевшей воды. На секунду обожгло, задубевшая кожа вспыхнула болью. Зато согрелась! Рухнули вдвоем на голое дно озера, похожее на безжизненную пустыню. Дым от огненных ошметков, залежи песка. Отлично! Надеюсь, ей правильно ассоциирует... Иллит поднялась, не сводя с меня глаз, но плескалась в них не ярость. Тьма, безо всяких Вестников, наподобие той, что затмевает солнце. И солнца действительно не было, сплошь беспросветное небо.

Я тоже встала. Она замерла ледяной статуей, без движения вовсе. Неестественный блеск золотистых волос, холодное сияние энергии. Все ярче, сильнее, кулон с перечеркнутой галочкой утонул в странном мертвом свете. Повалил снег, песок замело белой крошкой. Что-то подбиралось ко мне и душило, смыкаясь плотным, пожирающим жизнь кольцом. Ловушка... Ее назначение стало так очевидно, как и вся их суть. Они стремятся добрать то, чего у самих нет. Связь с телом разорвана, свою энергию тратить нельзя, не восстановится. Живут за счет чужой. Паразиты и есть!

Я отступила на шаг, пытаюсь обратить давящее кольцо в воду, связку цветных лент, стайку бабочек, во что угодно. Хоть в пыль, которую можно замести под созданный коврик! Глухо. Еще импульс... Иллит не шелохнулась. Снег проникал под платье, под кожу, царапал изнутри. Чувство самосохранения вопило: беги! В реальность, как велели, со всех ног. Кто она, и кто ты? Но так уж повелось – редко я к нему прислушивалась... Да, ей легко управлять Потоком, поселилась тут с концами, отдав ради этого жизнь. Только и во мне полно энергии того, кто не принадлежит реальному миру. Перед глазами замельтешил причал, на губах растаял соленый привкус. Стук барабанов, стук ракушек о камни, стук собственного сердца в висках. Давно забытые воспоминания звали куда-то, хотели показать. Я позволила им. Это глупо и безрассудно, как шагнуть в пропасть. Пойманный налету образ, шепот прошлого. Не моего, но здесь уже была и не я. Появился кто-то другой. Она, не до конца исчезнувшая, их шестая, которая любила берега больше волн, потому что знать край – это всегда важно.

Сама не поняла, как замахнулась. Осознать увиденное, вложить подсказанное. Вспышка жара, хлесткий удар, сбивший Иллит с ног, брызги снега. Ловушка рассеялась, вперенный снизу взгляд разом растерял высокомерие. Так ей! Непередаваемое ощущение. Оказывается, бить людей очень даже приятно. Некоторых, я имею в виду...

– Тебя давно нет, – усмехнулась я или нечто во мне. – И скоро не станет совсем.

Сшибло в тот же миг, в сугроб впечатало по пояс. Иллит возникла на горизонте словно в тумане, вполоборота, глядя в никуда, нашептывая то ли слова песни, то ли проклятия. Небо опустилось ниже, снег завис в воздухе, забыв упасть. Примесь пепла, запах гари. Закрутилась грязно-белая воронка, все скрылось. Я выбралась из сугроба, прощупывая завесу меняющей форму энергии. Она откликалась неохотно, гнев мешал... Срочно нужно успокоиться! Донесся звук горна, сердце екнуло. Метель поредела, проявились развалины ветхих домов, почерневшие бревна, пятна саж на снегу. Сверху – край обрыва. Сгоревшая деревня из Потока...

– Узнаешь? – обронила Иллит. Голос зазвенел, улетев в снежно-пепельное марево. – Хорошее место, чтобы умереть.

Мой нелюбимый мир числится за ней... Сволочь! Дразнится, норовит вывести из себя. Плюсы – посчитала за серьезного противника, минусы – во мне все кипит, а она по-прежнему ледяная принцесса во плоти. Но это можно исправить! Бесстыдно подслушанное о ней клевало сознание, подсовывало яркие картинки.

– Кое-чего не хватает, – прошипела я, с трудом подчиняя разлитую вокруг энергию.

Хлюпнуло, в пруду выросли пять ярусов фонтана. Громадного, даже больше, чем нужно. Иллит рассмеялась – надменно, звонко. Нет, дорогая, так правильно. А сейчас будет еще правильнее. Сугроб выплюнул плотно сбитые комки, из них вылупились десятки снежных тварей – мощные лапы, бездонные ямы глаз, острые иглы вместо зубов. На нее оскалился весь выводок разом. Приготовиться, представить все от и до... Она небрежно махнула рукой, оскаленные морды мгновенно повернулись ко мне. Предсказуемо. Я шагнула назад, держа в голове подсмотренное в воспоминаниях шестой, Иллит насмешливо скосила глаза на фонтан. Прекрасно, она расслабилась. Пора!

Уши заложило, хлынул прибой – ревущий, грохочущий. Тварей смыло, пенная волна откатилась обратно в море. Вышло точь-в-точь: бархатный песок, живописная бухта, грозно нависающие скалы. Звезды на ночном небе, запах разгара праздника. Там, вдалеке... Мерное постукивание барабанов, рваный заводной ритм. И их песня, как ее помнила она, и как передали мне. Иллит остолбенела.

– Узнаешь, – констатировала я.

Никто не забудет место из своих кошмаров. Уж мне ли не знать: таковым становится любое, где тебя бросают умирать. Особенно те, с кем был близок. Но эта история хоть и похожа, но другая. Зависть с любовью несовместима, она убивает – и любовь, и вообще. Ее тогда спас дар и тот, кто услышал и успел вовремя. У нее не было друзей после, она не позволяла им появиться.

Затянувшееся молчание, прожигающий уже отнюдь не презрением взгляд. Бухту затопило жгучей ненавистью, мертвый оплавленный песок слился воедино. Треснул и разлетелся вдребезги. Теперь, пожалуй, могу с ней и совладать... Море застыло, рванул ветер, принесся колючий снег. Ну, нет! Я изо всех сил вцепилась в созданный мир. Иллит шагнула ко мне. Вспышка холода, боли, яркого света. В ответ – моя горячая волна. Не сдамся, пусть и не мечтает! Скала обросла льдом – на берегу вспыхнул костер. Камни, обрывки листьев, волна прибоя с горстями звенящих льдинок. Снег, песок, упавшие облака. Все смешалось. Энергия металась, разлеталась клочками, мерцала искрами. Картинка то блекла, то наливалась непрошеными красками. Пока не превратилась в нечто белое, бесконечное, лишенное абсолютно всего. Пространство ослепительно засияло, расстояние исчезло как таковое. Пусто, и одновременно заполнено до краев...

Как тут все устроено я почему-то понимала. Эта болезненно вибрирующая энергия способна меняться, расти – и вглубь, и вширь, подобно целой Вселенной. Глубокий Лектум представлял собой мешанину уровней, пугающе бездонную. Изнанка мира сна, вроде бы и на поверхности, но в то же время по ту сторону зеркала. Сердце Потока из легенды Нири, скрытый центр управления всем. Сюда можно притянуть любого одаренного на выходе в реальность, и если он не сбежит в первую же минуту, обречен застрять. Так и работает ловушка. Снова это были не мои знания... Дурацкий знак! Вроде и жизнь мне спас, а все равно ощущение ужасно неправильное.

От Иллит прилетел очередной колючий импульс, я увернулась. Рядом появился кто-то еще, невнятным мельтешением человеческой энергии. Кажется, не один. Черт! Управлять белым пространством стало в пять раз сложнее, резко хапнули за шкуру, будто котенка. Попалась... Я дернулась и провалилась. Выкинуло на длинную блестящую галерею с надраенными полами, перед неподвижными эскалаторами. Помытый псевдосоветский автомат с газировкой, палатка мороженого, стенд с глянцевыми флаерами. Разбитые стеклянные стены, за ними – бутики с какими-то неправильными вывесками. Сквозь перила виден огромный холл первого этажа. Без сомнений, торговый центр в версии ловушки. И я его узнаю... Недалеко от моего дома такой!

– Проходной двор, – раздался нагловатый голос, который сложно было не узнать.

С верхушки эскалатора ухмылялся любитель пошлых шуточек, небезызвестный Тео. Морда довольная, как у кота, вдоволь налакавшегося сметаны. Мало я на него тогда потолка уронила! Рядом с ним, брезгливо смахивая пыль с рукава белоснежным платком, хмурился кудрявый блондин. Несмотря на смазливую внешность, было в нем что-то неправильное, странное, от чего невольно бросало в дрожь. В коридоре зашуршало, я медленно оглянулась. К выходу из ближнего бутика проплыла Иллит – босиком, по раскиданным на полу охапкам платьев. С такой хищной физиономией, что стало ясно – месть не за горами... С эскалатора, ведущего на первый этаж, шагнула девица с диадемой, из-за автомата с газировкой вышел насупленный тип, буравя меня тяжелым взглядом сквозь рыжую челку. Все в сборе...

Угроза ощущалась отчетливо, со всех сторон. Я замерла, пытаюсь вырваться в реальность. Никак. Не получалось. Что-то цепкое держало, оплетая сознание, утяжеляло воздух. Кажется, все пятеро прикладывали усилия, чтобы меня не выпустить. В таких условиях любой рывок на поверхность будет бесполезен, не дотянусь. Собственно, с чего я взяла, что мне позволят уйти? В прошлый раз им просто не до того было – Поток собирался перезапуститься, стерев их в порошок. А сейчас... Сейчас ситуация не в мою пользу.

Сзади процокали каблуки, меня осторожно взяли за руку. Обернулась и увидела Соню. Застывшее предупреждение в глазах, дрожь пальцев, переплетенных с моими. Жива...

- У нас же не было правила, что подружек водить нельзя, да? - сладко улыбнулась она.

Сердце пропустило удар. Соня со мной. Я, конечно, в этом не сомневалась, но...

- Софи, - блондин укоризненно покачал головой.

Девушка с диадемой переводила взгляд с меня на Соню, задумчиво покусывая ноготь, рыжий привалился к автомату и сунул руки в карманы.

- Она опять силы нахваталась, - злобно доложила Иллит. - У этого...

- Так, наоборот, интереснее, - довольно усмехнулся блондин. - Сопротивляться будет...

Соня вздрогнула, я успокаивающе постучала пальцем по ее ладони. Еще как буду! Повезет - даже прибью кого-нибудь, чтобы Артему меньше гадов осталось.

- Детка, - кивнул ей Тео, жестом подзывая к себе, - не стояла бы ты там.

Я выпустила Сонину руку. Пусть идет, может, хоть она выживет... Соня упрямо вздернула подбородок и, шагнув вперед, загородила меня спиной. Что?! Она выбрала меня, хоть это и означает вместе умереть?.. Тео ошарашенно моргнул, рыжий присвистнул.

- Браво, - Иллит насмешливо похлопала в ладоши. Девушка хихикнула. - Кто там закуску заказывал?

- Ты охренела? - выразительно поинтересовалась Соня.

- О как... - весело протянул Тео и расхохотался.

Это у него нервное, что ли?

- Интересно, - рыжий потер подбородок, внимательно рассматривая меня сквозь лохмы, - какого черта она к нам второй раз заявила.

- Действительно, интересно, - Тео кивнул, моментально перестав смеяться. - А другое еще интереснее. Кое-кто из нас занимается черте чем, за спинами остальных. Мутит с теми, от кого был уговор избавляться. Яника, ну как можно?..

Та зевнула, драгоценные камни на диадеме сверкнули кроваво-красным. Соня лихорадочно облизала губы. Так... Значит, вот эта из пятерки не хочет смерти Вестников.

- Что за бред? - Блондин спустился ступенькой ниже, жутко захотелось попятиться. - О чем речь вообще?

- Крис, к резерву силы присмотришься! - Тео обвел пространство вокруг беглым взглядом. - Если сунуться глубже, заметишь вместе с нашей примесь чужой энергии. Особенной энергии, какая только у девочек с тьмой бывает. Попасть сюда она могла единственным способом - кто-то с ними переобщался и притащил с собой. Судя по всему, случилось это давно и повторялось исправно.

Крис насторожился, я прислушалась к энергии. Весь глубокий Лектум был соткан из нее, несмотря на придаваемую форму. По-прежнему ощущалась сжатая болезненная вибрация, словно он молил о помощи и свободе. А что представляет собой это место? Сосредоточение силы. Всмотрись внимательнее - становится очевидно, кто его оккупировал. Энергетические росчерки, заполнившие пространство. Где чей, не определить. Как сказал бы Паша - все смешали в одном большом ведре. Вот как они управляют всем! Сделали себя фактически частью Потока. Глубже меня с проверкой не пустило, чтобы увидеть ту примесь энергии Вестников. Что-то мешало. Догадываюсь что! Связь с телом и реальностью. Такова цена...

- Доподлинно не было известно, кто у нас повадился фестивалить, - подмигнул Тео. Яника молчала. - Но в верхних мирах ответы есть. Почему бы не договориться с той, кто

их получил, да?

– Ты-то какого в резерв полез? – Рыжий зыркнул на него исподлобья. Хоть не на меня в кой-то веки...

– Надо было понять, примет ли он новую энергию, – раздраженно отозвался Тео. – Уже не пригодится.

Он все-таки собирался сдержать слово и взять Соню... Шестой.

– Ради чего все это? – Иллит соскользнула с охапки платьев и уставилась на Яника.

Та равнодушно пожала плечами и ответила:

– У Тео спроси. Он умный, все знает.

– Ну-ну, – не проникся он. – Скажи прямо, что ты такого не делала. И вопрос исчерпан.

Выходит, ложь друг друга они видят...

Яника удивленно приподняла бровь и выпрямилась, враз став выше и старше.

– Королеву включила? – неласково осведомился Тео.

Уши заложило, воздух стал колючим, тяжелым. Пространство сдавило, сквозь стены засочилась ядовитая белизна. Сильные точки и чувство надвигающегося цунами. Ни ощущения подделанной реальности, ни удерживающей меня энергии. Отцепились. Да только я без Сони никуда не уйду. Или вместе, или никак. Она потянула меня прочь от эскалатора, и я поняла – метят не в нас... Вспышка. Ворох тающих листовок, пятна воздушных шаров вод потолком. Еще вспышка. Торговый центр тряхнуло, мы с Соней упали на выложенный плиткой пол, сверху навис перекошенный потолок. Рябью поплыли очертания лестниц, дырявые витрины целыми кусками засочились обнаженно белым. Смятая картинка, клочки, осколки. Вывески стали размытыми, словно на детский фломастерный рисунок плеснули воды.

Импульс. Один, другой, третий. И самый мощный – из дали галереи, совсем иной, не нападающий, целиком гасящий первых три. Следом что-то рвануло, и все поглотила белизна. Меня куда-то отбросило, я попыталась вновь нащупать руку Сони. Ничего. Пустота. Едкая, ослепляющая.

Я сосредоточилась, силясь обуздать переливающуюся всеми оттенками белого энергию. Прикатила дикой мощи волна, резко выросли стены. Вовсе не те, какие я представляла! Грубая кирпичная кладка, заколоченное железной пластиной окно. У него переводила дыхание Яника, даже не думая на меня нападать.

– Напрасно тебя сюда принесло, – спокойно сказала она. – Но, если что, старый план в силе.

– Какой план?! – опешила я.

Из-за широкого платяного шкафа, испуганно озираясь, высунулась Соня.

– Объединиться, – торопливо выговорила она. – Яника знает способ спасти Вестника и завязать с ловушками.

Слишком прекрасно звучит, чтобы быть правдой. Главное, что Соня цела, невредима и все это время пыталась мне помочь. Я кинулась к ней. Сомкнутые объятия, теплые, почти настоящие...

– Еще поплачьте тут! – рявкнули откуда-то. Я шарахнулась к шкафу. Зря! Из него вылез тот всклокоченный рыжий тип. – Защиту ставьте, чем больше – тем лучше.

Выходит, последний импульс был его? Он за нас?.. Снаружи бухнуло, комнату тряхнуло. Жалобно заскрипел шкаф, с потолка посыпалась труха. В стену врежется шар для сноса зданий?!

– Базиль, – усмехнулась Яника. – Тебе оно зачем?

– Ага, давай поболтаем, самое время, – буркнул он. Соня едва заметно улыbnулась. Знает ответ? – Бери на себя внешний периметр, я внутри сюрпризов разбросаю, – скомандовал Базиль и повернулся ко мне. – Выстраивай то, что тебе кажется, мешает им сюда пройти. Где угодно, что угодно.

– Не проще ли подальше спрятаться? – поинтересовалась я.

– Эсте... – закатил он глаза. – Делай, что говорят!

Соня сконфуженно прикрыла лицо ладонью. Даже думать не хочу, что это за ругательство было... Сердце колотилось бешено, стены ходили ходуном. Вдруг паузы между ударами стали длиннее, а звук – более глухим. Яника выглядела очень собранно. Что-то выстраивает... Базиль тоже, хоть и глаз с пола не сводит. Так какого черта я без дела стою?..

Энергия развернулась полотном, будто сквозь стены. Каждый уголок открылся как на ладони, пусть и схематично. Не мир, а эдакий чертеж, непрерывно заполняемый сеткой линий в режиме реального времени. Непроступная крепость, окруженная глубоким ровом, пробитые ворота, три отпечатка извне. Накатывающее жесткую волну за волной море. Уже высохшее... С неба сыпался град, пробивая крышу. Впрочем, через секунду глыбы начало выносить прочь поднявшимся ураганом. Во дворе крепости стремительно рос сад, дикие кусты, могучие ветви, острые шипы. Они впивались в фасад, сковыривая камни, пробивали проход, пытаясь прорваться дальше. Им навстречу кинулась паутина, липкой вязью оплетая и скрепляя стены. Заполненные ею комнаты превращались в непроходимые паутиновые заросли из тысяч спутанных нитей. Ох! Пора внести вклад в творящийся беспредел. Я представила стены для комнаты, как у сейфа, толстые и прочные. Дым, много дыма, окутавшего двор. В коридорах – невымытый, безмерно скользкий пол. Ерунда, наверное... Карта менялась каждую секунду, не угнаться. Голова пошла кругом, потянуло гарью. Противостоящая нам тройка нашла радикальный способ избавиться от паутины... Одолеем ли их?

Соня тронула меня плечо и прошептала:

– Он типа местный гений. Так что из расчета двое против трех шансы есть.

– Со мной получается поровну, – поправила я.

– От тебя толку чуть, – припечатал Базиль, оторвавшись от созерцания пола. Слух, как у собаки. – А она балласт, и засчитывается в минус.

Соня фыркнула. Крепость прекратила трястись, всюду завоняло паленым. Кажется, срочно необходимо создавать огнетушители...

– Я под паутиной пороховых бочек напрятала. – Яника повернулась к Базилю. – Сейчас отлично рванет, непроходимые руины гарантированы. Это их ненадолго, но задержит.

Тот кивнул и вцепился в выросшее в полу кольцо, распахнул люк. Дохнуло холодом и сыростью. Череда хлипких деревянных ступеней спускалась в крошечный мрак. Яника исчезла в подвале первой, Соня – за ней. Я покорно шагнула в темноту. Люк захлопнулся, за шиворот посыпалась какая-то дрянь. Ступеньки поскрипывали, сзади напирал Базиль. Наконец, лестница кончилась. За поворотом начинался современный коридор, утыканный литыми дверями с иллюминаторами из мутного стекла. Под потолком тревожно мигала красная кнопка. Базиль куда-то ткнул, часть стены отъехала в сторону, наглухо замуровав выход. В открывшейся нише стояло обычное офисное кресло на колесиках, Базиль плюхнулся на него, сдул с лица челку. Да уж... С таким выражением удивительно, что пожарный топор на стене за стеклом, а не у него в руках!

– Ничего не трогаем, – сказал он вроде всем, но посмотрел при этом на Соню. Та демонстративно подняла ладони вверх. – Немного времени у нас есть.

Я прислонилась к стене, Соня пристроилась рядом, так знакомо положив голову мне на плечо.

– Рассказывай, – Базиль уставился на Янику не самым союзным образом, – что за идея. Коротко, самую суть.

- Ты уверен, что хочешь это знать? – со странной полуулыбкой переспросила та.

- Нет, это Т9, – рыкнул он. – Давай излагай.

- Изволь, – с ледяным хладнокровием сообщила Яника, – суть в силе. Темной, истинного разрушения. Как их называет Софи, Вестников.

- Неважно, как их называет Софи, – перебил Базиль, – определений куча. Конкретнее.

- С помощью их силы, – невозмутимо продолжила эта скрытная особа, – можно управлять всем здесь безраздельно. Ее хватит на поддержание границы, новых Вестников искать не придется, необходимость в ловушке отпадет.

Понятно, что ничего непонятно! И спрашивать пока рано. Пусть выскажется.

- Почему новых искать не придется? – заинтересовался Базиль.

- Если забрать их силу, новых больше не будет...

Забрать силу Артема?! Как это?.. Соня предостерегающе сжала мою ладонь, я прикусила язык. Верно, не время скандалить. Тем более у рыжего хорошо получается ее расспрашивать.

- Ага, – Базиль оттолкнулся ногами и описал в кресле круг. – Сила одна, и получить ее может лишь один. Отлично придумала. Плюшки и власть прилагаются.

- Пустячок, а приятно, – согласилась Яника.

Вот почему она скрывала свой план от остальных и хотела провернуть все тайком. Сейчас у них главных нет, все на равных. А так появится лидер, остальным придется подчиняться. Банальная разгадка... Тьфу, провались в бездну их разборки. Меня волнует, что она собралась забирать у Артема!

- С какой радости Вестнику отдавать тебе что-либо? – задал Базиль правильный вопрос.

- Строго добровольно. Если она сама хочет. Весь фокус в том – сделать так, чтобы захотела.

- Откуда ты взяла, что подобное возможно? – недоверчиво фыркнул он. – Да с большей вероятностью она тебя на кусочки расщепит, как только почувствует, кто ты.

- На практике выяснила, – сообщила Яника. – Случайно. Вселилась в ее родственника, одаренного и любимого дедушку. Думала, что повезло, задача проще некуда. А она радоваться, обниматься, рядом тереться, такая... безобидная. Словно щенок домашний. Странное было чувство. Единения практически, и никакой опасности. Энергией поделилась – на, дед, поправляйся. Но я тогда не догадалась, что это можно было использовать. Вот когда закончила и вернулась...

Я с трудом сглотнула. Закончила она... И так спокойно об этом говорит!

- Энергия прижилась, – подхватил Базиль. – Интересно, но малоповторимо. Особенно в тех масштабах, чтобы проявилась некая сила.

- Сблизиться несложно, – возразила Яника. – У меня как-то раз почти получилось. И отдать могут именно темную энергию, в ней вся суть.

- Прицельно в лоб, и вспоминай, как звали.

- Они не способны причинить вред тому, кто им дорог, – и снова эта странная полуулыбка. – А особенно тем, кого любят.

Базиль смерил ее тяжелым, пугающе пустым взглядом. И не сказал ни слова. Соня нервно уткнулась мне в плечо, будто ждала, что рядом вот-вот взорвется бомба. Обошлось. Кажется, вопросов у него больше нет...

Яника вздохнула и повернулась ко мне.

- Ты ведь прекрасно знаешь, кто она и где?

Захотелось ответить: «Нет, где *она*, понятия не имею». Было бы чистой правдой! Но логика подсказывала, что играть в головоломки с существами старше тебя на несколько тысяч лет – плохая затея.

- Что будет с Вестником, если... – я постаралась подобрать слова повежливее, – отдаст силу?

- Превратится в средненького одаренного, – не слишком уверенно ответила Яника. – Предельного дара я ни у одного Вестника не видела. В остальном не пострадает.

- Это жалкая теория, непроверенная!

- У твоей крошки всего два варианта. – Она медленно сложила руки на груди. – Второй нравится больше? Он проверен, многократно.

Соня снова сжала мою ладонь. Ну нет! Не собираюсь молчать и делать вид, что происходящее нормально. Потому что ненормально! Ни разу!

- Привыкла брать все, что хочется? – высказала я то, что давно скреблось. – Кем вы себя возомнили? Богами? Так не похожи. Какое у вас право распоряжаться чужими жизнями? Красть их, присваивать? Стольких людей ловушкой фактически убили ни за что!

- Та же песня, – Яника страдальчески возвела глаза к потолку, – и я не собираюсь выслушивать ее опять.

- Сволочи вы последние. Лучше бы сожрали вас тогда. Человечество бы ничего не потеряло.

- Неужели? – Она шагнула ко мне с яростным блеском в глазах. – Это нас загнали в угол, не оставили выбора. За то, что мы развивали свой дар и не пожелали сдохнуть как все. Каждый из нас хотел лишь одного – выжить. Веками с такими разговор был короткий. А у нас нашлось чем ответить. Думаешь, мы жестоки? Чрезмерны в жертвах? Первый Вестник из-за нескольких человек целый город выкосил. Здесь нет стороны «за хороших», что бы ты не воображала! Да, мы сволочи, но далеко не последние!

- Яни, не надо, – покачал головой Базиль. – Она не поймет.

Куда уж мне! Паша прав. Любые их цели – не во благо Артему и Поток в целом. Лучшее, что может сделать эта двуличная гадина – именно сдохнуть, и оставить нам только четырех врагов. А в данном случае вообще трех.

Яника отвернулась, Соня вопрошающе поскребла мое плечо. Знаю, она хотела помочь... Но некоторые компромиссы все равно что предательство. Не верю я в принцип меньшего зла. Его придумали для самоутешения. Зло – оно и есть зло!

Красная кнопка замигала чаще, коридор оглушительно залило сиреной.

- Время истекло, – сообщил Базиль, но с кресла не сдвинулся. – Готовы?

К чему?..

Потолок с хрустом сорвало, Яника метнулась в противоположный угол. Пыль, вспышки, ослепляющий свет. Что-то обвалилось, я упала на пол, прикрыв нас с Соней инстинктивно созданным на стене козырьком. Сверху долбануло градом камней, что-то надрывно лопнуло. Заклубился едкий зеленоватый туман, все скрылось из вида. Вот он, обещанный сюрприз от Базиля...

Туман уплотнился, стало нечем дышать. Сколько ни убеждала себя, что воздух мне не нужен, не срабатывало. В ушах зазвенело, картинка, пусть и мутная, начала меркнуть. Не смей думать о том, что я в любой момент могу уйти! Соня-то не может. Нужно срочно создать что-то в противовес... Я представила очиститель воздуха, огромный. Мощный вентилятор, разгоняющий ядерный запах фиалок. Хлопающие лопасти, сильный сквозняк. Еще сильнее! Зажужжало отчетливо. Я закашлялась и на мгновение провалилась в темноту. После туман рассеялся. Час от часу не легче... Заваленный

камнями козырек, впритык перегородивший путь обломок стены, за ним – непроходимые руины, подозрительно исходящие зеленым паром. С другой стороны единственная дверь с мутной металлической поверхностью. Зато Соня под боком, хоть и пугающе притихшая. Хватка ее пальцев на моей ладони ослабла, энергия глубокого Лектума больше не поддавалась. Еще бы, так психую! Срочно надо успокоиться. В таком состоянии миры не создают. За развалинами затейливо выругались, судя по голосу – Тео. Черт! Надеюсь, впереди не тупик. Я стукнула дверь, та шумно отъехала. За порогом оказался лифт, яркий и блестящий, с длинной панелью кнопок. Ничего себе... Я забралась внутрь, утянув за собой изнеможенно прикрывшую глаза Соню. Больше деться было некуда. Дверь за нами захлопнулась, панель загорелась елочной гирляндой. И ничего нажать не давало, высвечивалось идиотское сообщение про неверный код доступа.

Голова трещала, росло убеждение – не хочу с бессмертными гадами иметь общих дел. К черту Янику с ее предложениями. Не нужны Артему такие подружки! Да и это была бы не победа. Никогда не понимала, как можно не вытирать пыль, а сгребать в угол и делать вид, что везде чисто.

Решение созрело полностью, неожиданно прилило сил. Соню я отсюда вытащу. Нет связей, которые нельзя разрушить! Нужно лишь немного времени, чтобы разобраться, что у них с Тео за связь, и как ее разорвать. Глубокий вдох, призванное спокойствие – почти убийственное. Я вмяла чертову панель в стенку и единственной сотворенной кнопкой направила лифт вниз, подальше от мерцающих энергетических сгустков.

Глава 19

Соня

Отпускало медленно и со скрипом, как с большого бодуна. Бе... В голове карусель, во рту – кислятина, словно меня уже вывернуло наизнанку, и не один раз. Под щекой – теплое Лейкино плечо. Она тут, рядом. Сжимает мою ладонь, отсвечивая тревогой в той неопасной концентрации, когда еще не возникает желания нарезать панические круги. Ее энергия, смешанная с чьей-то чужой, запредельно мощной, окутывала меня теплом, с медицинской точностью прощупывая сантиметр за сантиметром. Щекотно... Где мы? Последнее, что вспоминалось – гул в ушах и клубящаяся зеленая пакость, почему-то воняющая фиалками... Воздух наконец перестал щипаться, удалось продрать глаза. Мы сидели вдвоем на холодном полу ультрасовременного, типично Базилевского лифта. Жалобно попискивала выпотрошенная и размазанная о зеркальную стенку электронная панель с впечатанной поверх металлической кнопкой обыкновенного вида. Управление перехвачено! Адская коробка размеренно ползла вниз, неведомо куда.

– Мы угнали лифт? – просипела я неожиданно дурацким голосом, который обычно получается, если вдохнуть гелия из воздушного шарика. Базиль шутник, чтоб его... Лейка подпрыгнула, подняла на меня перепуганный взгляд. Я прокашлялась. – Куда едем?

– Не знаю. Просто пытаюсь оторваться от этих паразитов. И понять, как разорвать твою связь с Тео. Пока не выходит. Столько энергии намешано!

А то... Кого я только за последнюю неделю не понадкусывала. Должен быть настоящий салат. Или фарш.

– Не представляю, как все это убрать, – расстроено сказала Лейка. – Могу в реальность нас обеих перекинуть, сил хватит.

– Тео меня обратно вернет. Причем ровнехонько себе под нос. Сейчас я хотя бы далеко...

– Значит, в глубоком Лектуме ты в большей безопасности?

– Если никому не попадусь, то да. Но в реальность лучше не высовываться, пока не избавлюсь от его энергии.

– Может, сама рассосется, – с надеждой предположила она, – как от любого энергетического обмена.

– Ага, через годик.

– Не вариант столько прятаться...

Да и не получится. Найдет. А встречаться с ним мне не хотелось. Совсем. Ни сейчас, ни потом. После моих сегодняшних подвигов повезет, если грохнет сразу. Попытка свести Лейку с Яникой провалилась, правда выплыла наружу и перессорила крокодилов... Что там Тео, за мной теперь вся стая гоняться будет! Прорвусь, не впервой. Глупо жалеть об упущенных возможностях, нужно искать новые.

– Я не могу объединяться с Яникой... – виновато сказала Лейка, будто прочитав мои мысли.

– Перебьется. Зато драка шикарная получилась – хихикнула я. Потом еще и еще. Смех бесконтрольно рвался наружу, разобрало не по-детски. – Ты за что Ильку отлупи-и-ила? Первый раз ее такой всклокоченной видела. Зря фингал не поставила, ей бы пошло-о-о-о...

– Тихо, тихо... – бормотала Лейка, прижимая меня к себе. – Что-нибудь придумаем, обязательно придумаем.

– Вы их размажете, – я уткнулась ей в плечо. Идиотское веселье булькало в горле, пытаюсь выскочить наружу вместе со словами. – Крокодилы поругались, разделились.

Стали уязвимее. Это ваш шанс. Раньше у них междусобойчиков не было.

– Разве? А с шестой?

Спросила, так спросила... Правда ее не обрадует. И вообще, хуже темы для разговора не найти! Особенно в Потоке, где черт знает у чего могут быть уши.

– Это было так давно, что не считается, – очень легкомысленно сказала я. И икнула. Ну вот, смех пропал, зато икота подступила. Беда. – Ее следы стерты, остался лишь крошечный кусочек мира где-то в глубине нижнего Потока. Экскурсию зажали, а сама я туда не добралась. Стая не любит говорить о ней. Знаю, что шестая закончилась вскоре после переселения в Поток, когда только изобрели ритуал.

– Ритуал? – заинтересовалась Лейка. Сработало, ура! – Это вселение в чужое тело с помощью знаков?

– Удержание. Вселиться не проблема. Сложно сохранить свою личность. Знак – просто загогулина для личных ассоциаций. Пробуждает память, не позволяет исчезнуть с концами.

– Погоди... – Она растерянно отодвинулась. – Выходит, любой, кто нарисует их знак, получит порцию воспоминаний?

– Конечно, нет. Отклик исключительно на родную энергию. Остальные могут хоть обрисоваться.

Лейка медленно кивнула, полыхнув смятением. Та-а-ак... Ей же не приходило в голову его рисовать?! Да и откуда бы взяла сам знак?.. Извне донесся скрежет натянутого до предела троса, лифт беспомощно дернулся и замер.

– Ты остановила? – спросила я без особой надежды, отлепляясь от стенки, в которую впечатало. Она мотнула головой. – Кто-то рядом есть?

– Всего один. Возможно, справлюсь...

– Если это не Базиль.

Двери разъехались в стороны. О как... Древняя кирпичная стена, не знавшая штукатурки. Если опять надо что-то пинать, нажимать или искать – я пас. Видимо, лабораторию мы проскочили...

– В принципе, могу лифт отправить дальше, – выдавила Лейка. – Или, я так понимаю, убегать не стоит?

– Правильно понимаешь...

Откуда-то потянуло сквозняком, по щербатому полу проскакали клочки пыли. Я осторожно выглянула из лифта. Вправо уходил длинный коридор с кучей выступов и проломов, под круглым потолком тускло мигали лампочки Ильича. Катакомбы какие-то. Интересно, они тут всегда были, или это один из обещанных сюрпризов от Базиля? Учитывая, сколько мы спускались на лифте – ошалеть, размах! Лейка поднялась с пола, подала мне руку.

– Ничего не делай, пока не нападет, – предостерегла я, удерживая ее ладонь. – В случае чего мотай в реальность. Со стаей сама разберусь, не впервой. Без тебя мне будет проще. Обещаешь?

Лейка промолчала. За порогом лифта воняло сыростью, шаги гулко отдавались от стен и улетали куда-то вглубь коридора. Базиль обнаружился за очередным выступом, в неестественно густой тени. Как всегда мрачен и зол.

– Куда собрались?

– Далеко, – хмыкнула Лейка, остановившись в паре метров. – Отсюда не видать.

От разлившегося напряжения воздух потрескивал, еще немного – и искры полетят... Базиль усмехнулся:

– Какие у нас планы?

У нас?! Сейчас она пошлет его туда, куда тут же отправимся сами.

– Есть предложение? – торопливо спросила я.

– Предложение все то же. Текущая схема... несколько устарела. Пора ее менять.

Еще один му... меняла. Задумал под шумок сливки снять? Лейка вопросительно покосилась на меня, явно мечтая все-таки вломить ему как следует.

– Софи тебе ничем не поможет, – предупредил Базиль. – А я, если что, как раз с нее и начну.

И ведь начнет. Вот кто, а он – не любитель трепаться...

– Что тебе надо? – процедила Лейка.

– Чтобы ты вернулась позже, когда все хорошенько обдумаешь и поймешь, что другого выхода у тебя нет.

– Без Сони не уйду.

Базиль утомленно закатил глаза. Встал напротив, пристально уставившись на меня. Пол затрясся, лампочка на потолке гулко лопнула. Потолок треснул, между нами плюхнулся острый камень. Лейка, что ли?..

– Погром вашу проблему не решит, – он мгновенным импульсом вернул все по местам и кивнул мне. – Иди сюда.

Она неохотно выпустила мою ладонь. Итак, вдох, шаг к Базилю. Уж если кто и способен мне помочь, то это он. Что ему моя привязка к Тео? Ерунда полная... В теории – клац ментальными ножницами, и никакого поводка. На практике, небось, похуже. Но я выдержу. Впивающиеся в плечо пальцы, пульсация тепла. Пронзило жаром, бросило в крошечный мрак. Боль была странной, тянущей. Выдирающей что-то изнутри. Все оборвалось резко. Темнота рассеялась, на меня уставились немигающие круглые глаза. Впервые вижу, чтобы Базиль их так широко открыл...

– Ну, знаешь... – сказал он непривычно ошарашенным голосом и попятился обратно в тень. – С этим как-нибудь без меня разбирайтесь!

Чего?! Я обессиленно прислонилась к Лейке. Ё-моё... Ощущение, будто меня вскрыли сверху донизу ржавой зазубренной крышкой от консервной банки.

– Не получилось? – тихо спросила Лейка.

Я развела руками. Множество чужеродных сгустков по-прежнему бились в такт сердцу. Кажется, большая их часть исчезла – вся левая энергия, кроме той, что принадлежала Тео. Вот привязался-то – и насильно не отвяжешь!

– Чего он там наворотил? – рассердилась Лейка. – И собирался ли вообще тебя отпускать?

– Этого мы уже не узнаем. – Я отлепилась от нее и потрясла головой, пытаюсь привести мозги в порядок. – Может, ему из-за разборок с Яникой не до меня станет...

– О-о-о, – донеслось из тени. Из-под рыжих лохм злорадно поблескивали глаза. – Тео от тебя не отцепится, даже не мечтай.

Он еще и вякать вздумал?! Молчал бы, раз облажался. Гений... Не гений вовсе, а выпускник церковно-приходской школы – два класса три коридора.

– Отцепим! – рявкнула Лейка. – А если его загасить к чертям?

Из тени откровенно заржали. Да уж...

– Такое только Вестнику по силам, – вздохнула я. – Как думаешь, уже бежит?

– Должен быть способ, – убежденно сказала она. – Ведь, по сути, это просто обмен энергией.

– Продвинутой энергией! – Я в очередной раз прислушалась к себе. Действительно, очень мощные сгустки, такие с полпинка за дверь не выкинешь. – Пока она во мне, работает фактически пультом управления. Надо от нее избавиться. Вопрос – как?

– Исключительно в реальности, – мрачно подсказал Базиль. – Если успеешь.

А это мысль.

Над потолком грохнуло, прошла мощная вибрация. Из стен посыпались кирпичи, поднялась рыжая пыль. Лейка притянула меня к себе, я прикрыла голову руками. Но нет, атаквали не нас, и даже не это место. Всего лишь отголосок, откуда-то издалека. Базиль выскочил из тени, задрал голову к пролому в потолке. Оттуда просачивалась белизна, где-то высоко метались вспышки. Единственная против трех. Ага! Яника в одиночестве сдает позиции.

– Я бы объяснил доходчивее, – Базиль перевел напряженный взгляд на Лейку, – почему тебе не стоит тут находиться, но мне пора.

– Так и иди, – выпалила она.

– Только после тебя.

– Сказала же, без Сони не уйду!

Он пожал плечами, развернулся ко мне. Коридор утонул в ярком свете, долетело Лейкино яростное «Нет!». Доигрались... Ворох обжигающих искр, слепота на мгновение. Чувство необычайной легкости, ощутимый пинок. Вынесло с впечатляющей скоростью. Какое там вынесло – смыло! И звук был такой же, прямо будто из...

Я разлепила веки. Ну да, туалет. Тесная, обложенная кафелем комнатуха, мерзкий запах освежителя. Ноги затекли, комом подкатывала тошнота. Привет, реальность! Плечо чесалось, голова кружилась так, словно я спряталась в стиральной машине, и она вовсю работала. Остановите, я сойду... Попыталась подняться, горло свело спазмом. Дьявол! Все-таки стошнило. Удобно, что было куда.

Я висела над белым другом, как студент после пирушки. Из носа фонтаном брызгала кровь, куда же без нее. Сейчас вся вытеку, останется только смыть... Наконец, потоп иссяк. Мир перестал вращаться, больше ничего ниоткуда не капало. Я бросила втулку от полностью использованного рулона туалетной бумаги в корзину и привалилась к стене. Мысль, мысль, стой... Я помню ее – избавиться от энергии Тео можно в реальности. Базиль хоть и из церковно-приходской школы, но глупость не сказал бы. Черт, а вправду логично! Не будет во мне энергии Тео – не будет и привязки. На крокодильской территории я даром пользоваться не могу вовсе, в верхнем Потоке пока в ноль силы израсходуешь, умаешься. Здесь же бонусные способности вроде массового влияния жрут энергию как огонь спичку. Суметь бы в правильный момент его задуть! В смысле – не переборщить. И не угробиться. Затея на грани самоубийства, но мне сгодится. Времени мало. Должна успеть, пока у Тео драма с Яникой.

Я натянула плащ, кое-как встала. Снаружи было пусто, лишь у зеркала красилась девица с кучей браслетов, позвякивающих на запястьях. Увидев меня, она икнула и прочертила помадой по щеке. Ну-ну, не такая уж я страшная. Подумаешь, красные глаза и кровавые разводы до подбородка.

– Унитаз дерется, – пожаловалась я.

Девица шарахнулась и выскользнула за дверь, забыв косметичку. Я умылась, пригладив мокрыми руками волосы, подняла голову и... отшатнулась от зеркала.

*Под кипенью белых кружев
Бледный лоб
Бесцветны очи... Ни кровиночки в губах...
Мертвая она, короче.*

Срочно рисовать лицо! А то от такой рожи люди разбегутся раньше, чем я успею им что-нибудь внушить. Счастье, что нервная девица косметичку оставила. Сейчас исправим.

Темно-красная помада, немного туши, чуть теней... Ну вот, я готична и симпатична.

В коридоре толкался народ, вывалившийся из кинотеатра после сеанса. Хорошо, но мало. Нужно забраться повыше, на балкончик четвертого этажа: видимость будет лучше, охват больше. Идеально для слива энергии! Но как же сложно идти ровно, без заноса в пару метров. Шатало, в ушах учащенно отстукивал собственный пульс. Плотная толпа внесла меня в панорамный лифт. За прозрачными стенками весь торговый центр как на ладони: ряды магазинов, балконы, людской муравейник. Холл отделился вместе с концертной площадкой, я завалилась на довольно хрюкнувшего пацана. Звук на фиг выключился, придавливало тяжестью. Вот это кроет! Так, добрести до балкона. Теперь ухватиться за поручень. Успела, не свалилась, молодец. Стоять, терпеть! Отсюда три нижних этажа видно отлично. Сотни сознаний, из них неподатливых – всего десяток. Неважно, мне хватит. Оформить мысль, выпустить в свободный полет, посеять в чужих головах. Слабость тут же вихрем пронеслась по венам, пальцы чуть разжались. Люди вокруг впитали посланный импульс, на мгновение замерли и... принялись озирались, заглядывать под скамейки, шарить по полу в надежде найти оброненное кем-то кольцо с силуэтом кролика в драгоценном камне. Сработало!

В виски вбилося по гвоздю, тяжесть навалилась такая, что угрожала сплющить. Толпа. Сотни смешанных эмоций царапались одичавшими кошками, не спрячешься – раздерут в клочья. Сейчас, еще одна команда и... Пожалуй, я давно должна была вырубиться, если бы не бонусный автопилот. Держаться на ногах становилось сложнее: та дрянь, которую мне вкололи, все-таки действует. Скину энергию – отоварит по полной программе, и бери меня, Совет, голыми руками. Но лучше они, чем Тео и разбор полетов. Я сглотнула подступающую тошноту. Концентрация, еще одна мысль, через секунду уже коллективная. Теперь каждый ощутит желание обзавестись компанией для поисков кольца, а мне тут делать нечего. Продолжить с теми, до кого уже дотянулась можно и из укромного места. Где оно?

Между бутиками с божескими ценами, подмигивал вывеской магазин дизайнерских сумок, каждая стоимостью с вертолет. Посетителей там сроду не бывало, и сейчас нет – за прилавком скучает одинокая продавщица. Подойдет. Осторожно отпустить поручень, шагнуть прочь с балкона. Не свалилась... Шаг, еще шаг, сквозь дружные, охочие до кольца команды, порог магазина. Метнувшаяся навстречу продавщица моментально потеряла ко мне интерес, да и вообще к кому-либо. Чатиться по телефону – ее единственное занятие на ближайшее время. Я облокотилась о стойку с дорожными сумками, стараясь не терять равновесия и дышать глубже. Ну, и в принципе – дышать... Остатки энергии яростно клокотали где-то внутри, словно заподозрили, что я собираюсь от них избавиться. Чувствовала – их мало, но Тео этого за глаза и за уши, чтобы выдернуть меня в Поток. Значит, продолжаю.

Сознания отдалялись, ускользали, ничего глобального не запустишь. И черт с ним, с глобальным. Все равно не осилю. Пусть жрут, что дают. Ну-ка, наскрести сил, прицелиться. Вдолбить идею познакомиться с собранной командой. В коридоре сверлами зажужжали голоса, голова взорвалась болью. Кроваво-красные вспышки, пол из-под ног. Только не на задницу-у-у... Подхватили под локти, не позволив упасть. Обняли крепко-крепко, до хруста в костях.

– Ты тут... – вырвался хриплый смех.

– Конечно, тут, – кивнула Лейка. – Я тебя нашла!

Губы расползлись в дурацкой улыбке. Разумеется, нашла... Торговый центр рядом с ее домом, энергия влияния – ух! Мощные удушающие вибрации, эпицентр здесь. А еще вся публика фанатично ищет неведомое кольцо...

– Отпусти их, – попросила она тихо, но очень настойчиво, как всегда умела.

– С ними ничего страшного не будет. А мне надо.

Мужик в коридоре полез проверять горшок с пальмой, к нему присоседился другой. Воздух расчертило гневом, конкурент огреб по уху. Отставить мордобой! Новая мысль улеглась в раскрытых подсознаниях. Пусть выбирают в командах лидера, срочно, пока не поубивали друг друга. Мир потускнел на пару оттенков, прилетела отдача. Дикое головокружение, горький привкус во рту.

- От энергии избавляешься?.. - Лейка меня встряхнула. Ё-моё... - Ты же себя убьешь!

- Он убьет точно, а так есть шанс.

Живой не дамся. Я у себя своя, что хочу - то с собой и делаю! Лейка вцепилась в меня еще сильнее, будто боялась уронить. Многострадальное плечо чем-то царапнуло сквозь ткань ее кофты. Неужели?.. Я потянула шнурок на Лейкиной шее, вытащила кулон. Огрызок сердечка, обещающего дружбу навек. Надо же... Засунув пальцы за воротник платья, я достала свой. Похожий, зеркальный, такой же потемневший и потрепанный временем. Она слабо улыбнулась и попыталась их соединить. Впервые.

- Нет, - мотнула я головой, до боли сжав в ладони острый кусок железки. - Я пробовала еще тогда, перед тем как тебе дарить. Знаешь, они ведь друг другу совсем не подходят...

Лейка глубоко вдохнула, темная прядь упала ей на лицо. Эта прядь... Хотелось как раньше запустить пальцы, заплести косичку. Раз-два-три - начали! Кто быстрее управится? Я, конечно! У Лейки волосы длиннее, зато она сама - копуша. Сопит, старается, прядочка к прядочке - плетет из моих аккуратную косичку-колосок, возится в два раза дольше... Моменты. Чувство счастья, теплота неразделимой близости. Я отправила в народ очередную мысль - начинать искать кольцо. Изнеможение полное, будто вычерпало до дна, а энергия не кончалась. Глубоко внутри пульсировал сгусток силы, не достать, не выскрести. Что надо сделать, чтобы освободиться, дьявол ее раздери? Что?!

В коридоре лохматый тип, смахивающий на добропорядочного гика, полез в витрину ювелирного магазина, истошно заорали дуэтом продавщица и сигнализация. Куда?! Ослеп?.. Не то там кольцо, не то!

- Перестань, - прошептала Лейка, - пожалуйста.

Да, пора... Не помогает. Вдох через силу, последняя переданная мысль - прекратить поиски, не было ни кольца, ни потасовок. Ничего не было, почудилось, приснилось. Вон, по запланированным делам! Сигнализация стихла, продавщица непонимающе уставилась на витрину. Добропорядочный гик почесал репу и пошаркал прочь. На меня обрушилось все - воздух, тонны эмоций, толщи энергии и будто даже потолок. Ну, я досливалась! Следующая остановка - бесконечно ровная линия, а толку...

В ушах трещало, словно в Поняшиной печке. Поняша, дикий мустанг прерий. Жареная картошечка с огурчиками, председательский диван, «возвращайся». А я бы, пожалуй, вернулась. Жаль, не получится... Полыхнуло опасностью, через порог магазина перешагнула Анита. Жесткий взгляд, пойманный... Дрожь, жар, и сразу после - холодно. Тысяча ледяных иголок впилась. И пустота. Абсолютная, необъятная.

Странно нетвердый, совершенно никакой пол, наверху, безумно далеко - тормозящая меня Лейка. Надо сказать ей. Правду. Голоса своего не услышала, лишь звон тишины. Падение, и темнота. Теплая, окончательная, такая прекрасно черная...

Глава 20

Лейка

Вдохнуть было нечего. Воздух будто закончился. «Это была ты...». Я? Где?.. О чем она?! Я тискала ее запястье – холодное, как кафель пола, на котором она лежала. Ни отклика, ни дыхания, ни пульса. Энергия странная, исчезающая, лишь слабо бился крошечный ступок, силась заполнить собой пустоту. Меня отодвинули, ее рука выскользнула из моей, безжизненно стукнулась об пол. Над Соней склонились два типа в синей форме скорой помощи, заявив истерично рыдающей продавщице, что девушке просто стало плохо, и ей сейчас непременно помогут. Эти-то помогут! Акцент, иммунитет – все до кучи. Нет... Никому я Соню не отдам. Ни за что. А им – особенно!

– Только троньте ее, – процедила я, выпрямившись. – И отсюда не выйдет никто.

С трудом собралась силами, толком не представляя, что собираюсь делать. Мутило, желудок сжимался. Вокруг по-прежнему была едкая пустота, дар кричал об опасности, ею словно обжигало. Не знаю, что это за дрянь, но она вся досталась Соне, меня только чуть зацепило. Типы из Совета выжидающе замерли, откуда-то появилась Анита. Покрасневшие глаза, стекающая из уха по шее струйка крови. И мгновенно стусившаяся пустота. Так это она сотворила?!

– Лера, – тон резкий, холодный. – Прекрати, или отправишься следом. Дружба дружбой, а я буду делать, что должна.

Должна... Да, мне плевать, чего она там должна! Это Соня, моя Соня, и все тут!

Сзади обхватили сильные руки, дар захлебнулся в чем-то вязком и искрами метнулся в глубину сознания. Удушающая духота, голова кругом. Энергией сковало знакомой, практически родной. Паша...

– Я ее забираю, – сообщил он светским тоном, – как и договаривались.

Анита равнодушно отвернулась, scomандовала типам. Что они делают с Соней?! Я дернулась, Паша сдал сильнее, встряхнул так, что зубы лязгнули. Потолок крутанулся, магазин поплыл вместе полками и дурацкими сумками. Измотанный недавним путешествием дар капитулировал, Пашина энергия подавляла малейшее сопротивление. Ни вырваться, ни пикнуть. Он специально? Откуда вообще такое умеет?

Люди, люди, люди, лифт. Плавный спуск, танцы мутных кругов. Туман, шаги на автомате. Не хочу туда, мне надо вернуться. К ней, обратно. Она там одна, на стылом кафельном полу. Совсем одна, а я обещала, что никогда ее не брошу! Что бы ни случилось, главное – быть рядом. Вместе, до самого конца. Шумная улица, вереницы машин, холод ветра. Серый тротуар, серое небо, серый мир. Никаких других оттенков – ни ярких, ни цветных. Поворот, сжимающие мое плечо пальцы. Напор властной энергии слабел, контроль над собой начал возвращаться. Уединенный дворик, лавочка. Усадили рывком, дар наконец выполз из укрытия. Вздохнула свободно... Паша поморщился и потер виски. Ах, больно ему!

– Ты соображаешь, что творишь?! – рявкнул он раньше, чем я успела рот открыть. – Жить надоело?

– Соня...

– Доигралась твоя Соня! Оживленный торговый центр, четыре этажа зомби под влиянием. Совету и без того осточертело за ней гоняться, а тут... При такой угрозе лишь удобного момента дожидались, чтобы эту психопатку загасить. И тебе бы за компанию влетело! Повезло, что я заранее с Анитой договорился... Хотя после твоего концерта она могла бы и передумать. Все-таки в Совете к тебе удивительно хорошо относятся!

Я вцепилась в край лавочки обеими руками. Она была ледяной и шершавой, вылезшая шляпка гвоздя впилась в палец. Боль отрезвила, удалось выдавить что-то связное:

- Там... Что они с ней сделали?..

- Оказывается, иммунитет не только защиту дает, - ответил Паша, обжигая сверху искрами гнева и утихающей тревоги. - Едва не прибитое однажды подсознание так меняется, что может потенциальной вражине по полной выписать. Об этом практически никто не знает, прецедентов мало. Метод для крайних случаев, потому что и самому откинуться недолго.

Перед глазами встал блестящий кафель магазина, неподвижная Соня. Последний стусок гаснущей энергии, и тот будто не ее. Какой-то чужой, сопротивляющийся вопреки. Значит, для нее это... все? Конеч?.. Пока получала от пятерки силу, находилась под защитой. Их-то ничем, кроме тьмы, не проймешь! А в торговом центре Совет ждал, когда она ослабеет, чтобы уж наверняка... убить. И Паша знал.

- Как ты мог?!

Палец кольнуло. Вместе с гвоздем впился взгляд - злой, пристальный и очень усталый.

- Легко! - улыбнулись мне, но в улыбке этой ни грамма радости не было. - Даже легче, чем в прошлый раз.

Протяжно скрипнули качели на детской площадке, небо стало серее. Не тучи, а глубокие темные воронки туго сплетенных линий. Как тогда, на границе.

- Это было спонтанным решением, я о нем не жалею, - произнес Паша с болезненным облегчением. - А вот что она обратно вылезла - жаль. Мог бы, замуровал, ей-богу!

Ветер рванул над головой ветку на дереве, в воздух взметнулся желтый дырявый лист. Плавно осел на спинку скамейки и соскользнул на грязный асфальт.

- Ее давно заносило, - сказал Паша, не сводя с меня глаз. - На нижнем Потоке заиклилась. Планы, эксперименты, сплошное «хочу» и «дай». Крышу сорвало, унесло и разорвало на куски. Я ее фанатичные излияния по десять раз на дню выслушивал, не отвяжешься, и не отмахнешься. Тебя уламывала к границе сходить, пока ты не согласилась. Плевать ей было на наше ценное мнение. Думаешь, это увлечение? Навязчивое желание? Хрен там, это одержимость. Та, ради которой побоку все - свои, чужие, близкие, не очень. Достало. И она сама, и вечное ощущение, что вот-вот рванет. Она мечтала туда пойти, ну я пошел с ней. А там и понял - пусть уже валит. Хотела? Получила!

Край листа приподняло, смятого и посеревшего. Желтые прожилки почти стерлись. Резким дуновением лист сорвало с асфальта и швырнуло через бордюр, вмяв в столбик забора.

- Ее всегда было много, с перебором. Лезла везде, каждую секунду. Ни шага без нее! Вы куда, а чего, а я с вами... Прилипнет намертво, и пофиг намеки, просьбы, прямые тексты. - Паша замолчал, яростно вспыхнуло что-то старое, затаенное, невысказанное. - Неужели ты не замечала, как она к тебе относится?..

Лист разорвало пополам, половинки утащило в разные стороны, лишь на бордюре остался грязно-желтый прилипший клочок. Крошечный.

- Я знал, что рано или поздно ее занесет на повороте, и тебе тоже прилетит. И чем все кончилось? Что она в итоге устроила? В клинике, в Совете, у Киры, а сегодня? По-твоему, это нормально?.. Или ей ты готова простить что угодно? - Он перевел дыхание, окатило странным, совершенно непонятным сожалением. - Хватит делать вид, что ты меня не слушаешь. Повторить? Это я...

Я оторвала взгляд от бордюра, фраза оборвалась на полуслове. Воздух наэлектризовался, стал плотным и неподъемно тяжелым. Паша смотрел на меня неотрывно, медленно тлело ожидание. Кругом разливалась пустота, куда более мучительная, чем в магазине.

- Я догадывалась.

Не хотела, но догадывалась. Давно. Если не знаешь точно - можно не верить. Теперь нельзя. Он усмехнулся, я отвернулась. К пустому бордюру, с которого ветер содрал

последний клочок канувшего в осень листа. Небо окончательно затянуло тучами, серость переходила в мутную, неравномерно выплеснутую черноту. Паша наклонился ко мне, не чувствовалось больше ни злости, ни того странного сожаления. Лишь притупившаяся тоска и спокойное, размеренное дыхание. Его пальцы ласково провели по моей щеке, замерли на подбородке и соскользнули прочь.

– Просто иногда одной любви недостаточно, – сказал он.

Отдаляющиеся шаги, мерный скрип качелей. Чей-то концентрированный восторг, детский и наивный, вдали – исчезающий отпечаток. Ушел. Совсем.

Чужой двор сливался в серое пятно. Скамейка жгла пальцы, а я никак не могла себя заставить ее отпустить. Тучи сгущались, тяжелели. Капнуло раз, второй. Неважно... Все равно моя вина. Допустить такое. И теперь я знаю. Если бы я не пошла тогда с ними к границе, она бы и не открылась.

Если не думать об этом, уже не страшно. Произнести те слова, принять мысль, оживить память. Все срослось, сложилось, совпало. Удивление Хранителя при моем появлении в первородном мире, адресованный мне вопрос: «Ты?». Ехидный комментарий Тео, когда мы столкнулись втроем в Лектуме. «Ты ей не нравишься. Она у нас разборчивая». Реакция Яники во время европейской стычки в глубоком Лектуме. «Это же...»

Ладони разжались, палец описал неполный круг на деревянной перекладине, начертил внутри волну.

Это была я.

...шелест ветра, невесомое колыхание травы. Высокой, густой, пригнись – не найдут. Но то нечестно, мой черед искать. Игра, в которой не проиграешь. Приглушенное хихиканье, дурашливый визг. Кто-то нашел их раньше. Что он делает здесь?!

Рывок с места, бег сквозь траву. Они там, недалеко. Зовут, пылают. Можно успеть! Мелькает небо, отчетливее пахнет смолой. Зелень уже по колено, обступают деревья. Река шумит, волнуется, накатывает волны. Его со спины не видно. Малявки на берегу, обе. Строят ему глазки, косы по ветру. Так бы и высказала о приличиях, на правах старшей!

Он оборачивается ко мне, мгновенно слившись с сиянием закатного солнца. И окликает:

– Эсте?..

Да... Именно так меня сегодня Базиль и назвал. Не ругательство это вовсе. Имя.

Все проще некуда. Только создавшие границу способны ею управлять. Их было шестеро, когда они ее ставили. Вот почему чертова воронка всегда казалась мне жаркой и манящей, а другим – неприветливо ледяной. Знак – память, и откликается тоже по энергии. А она суть прежняя, перерождения или что-то вроде. Ныне живущее уже когда-то жило, и не факт, что не натворило бед. А я-то грешила на Хранителя. Думала, он – она, оно, без разницы – в прошлом отличился, а я благодаря нашей связи поймала видений. Но нет, сейчас его энергии во мне ни капли, а знак сработал. Да и в первый раз не было. Это все я.

На лавочке и асфальте отпечатались редкие темные точки, ветер продул насквозь. Я прикрыла глаза, закуталась в плащ. Не потеплело.

Правда не принесет радости. Хранитель предупреждал. Переживал, что расстроюсь? Вряд ли! Не доверял – больше похоже. Ни одного ответа не давал, самой приходилось добывать. За каждую подсказку сражаться! Сомневался, изучал меня. И привязался неспроста. Испытания, избранные... Как же! Я ему действительно полезна, я могу границу отпереть. Столько гадала как можно пробраться в нижний Поток, а пробираться-то и не нужно. Открыто. В любое время дня и ночи, сами приходите и

друзей приводите!

Я рассмеялась, обняла себя за плечи. Было очень холодно. Увереннее и заметнее накрапывал дождь, темнело. Кажется, я сижу здесь давно.

Нири не зря не хотела мне показывать. Помнила, признала... Что я натворила тогда?.. Нет, не я. Она, Эсте. Не имеет никакого значения, кем ты был когда-то. Главное – что сейчас. Но Соня сказала, что та покинула пятерку чуть ли не в самом начале. Может, не успела никого сожрать? Ну да, конечно. Наверняка святой была, а в такую компанию попала по досадному недоразумению. Кому я вру? Себе?

Отпечатков во дворе поуменьшилось, народ разбежался по домам, какого-то ребенка подгонял голос с балкона. Ветер трепал волосы, забирался под плащ, бил в спину.

Я все испортила. Соне достаточно было просто сдать Янику Тео, чтобы получить свободу. Но она хотела помочь мне. У нее даже был план, как разом решить и свои, и мои проблемы. И он бы сработал, всего-то надо было ей довериться. Не решать за нее, не лезть, не требовать отчетов. Дождаться. Теперь поздно... Яркого, бесконечно знакомого солнечного отпечатка нигде не было. Не существовало, как и ее самой.

На плечо плюхнулась очередная капля, к щеке прилипла влажная прядь. Согревающе коснулся теплый отпечаток, будто рядом зажгли огонь. Я распахнула глаза, на лавку приземлился Влад, отрезав серое небо полосатым кругом зонта.

– Ты носишь с собой зонт? – вяло удивилась я.

– Да... – протянул он с гордостью. Покаянно вздохнул и признался: – Я его по дороге купил, когда закапало.

Хоть тут без перемен. Я вытерла капли со лба, убрала за спину намокшие волосы. На руках редкими бусинами блестела вода. Тронь – убежит, спрячется в складках плаща.

– Давай домой? Там хорошо, тепло, – предложил Влад и поерзал по лавке. – И сухо, между прочим!

Внутри что-то шевельнулось, заскреблось отчаянно, но выхода не нашло. Хлынул дождь, по зонту гулко забарабанили тяжелые капли.

– Как ты узнал, что я здесь? Снова интуиция?

– Ну, – Влад замялся. В нем искренне, почти осязаемо, пылало беспокойство вперемешку с заботой и чем-то еще, тщательно спрятанным. Значит, и высматривать не стоит. – Вообще-то, Паша позвонил. Рассказал про... торговый центр и попросил тебя забрать отсюда.

Забрать. Вот оно что. Следит за мной.

– Ты поранилась? – Влад взял меня за руку, заставил раскрыть ладонь. Не просто так саднило. На пальцах вздулись багровые полосы, тонкой коркой запеклась кровь. – Где так умудрилась?..

Я пожала плечами. Может, об лавку. Может, когда от Сони оттаскивали... Асфальт усеяло лужами, они росли, сливались, глотали опавшие листья. Все одно, серое, и ни ничем уже не отдраить. Глубоко во мне плескалась горечь, бурлила, просилась наружу. И никак. Ничего.

– Лейка? Не молчи, а?

Лило все сильнее, с зонта сплошным потоком стекала вода, раскраивая куртку Влада на две части – светлую сухую и намокшую, холодную, темную. Свет и тьма. Как на той его картинке... В горле запершило. Двор расплылся странными кругами, сердце стукнулось о ребра – раз, два, три... Всхлипнула.

– Эй? – переспросил он, будто не понял, что услышал.

Дыхание сбилось, глаза защипало. Контроль... Да какой, к черту контроль... Почему все

вышло именно так? Зачем?! Еще всхлип. Влад робко погладил меня по спине, я уткнулась ему в грудь, зажмурилась. От мягкой куртки пахло дождем, и его запахом, теплым и родным, уже своим. Судорожный вдох, полные легкие ледяного воздуха. Рыдания – громкие до неприличия, вырвались, не удержать. Рука сама обхватила такое удобное плечо, хлынули слезы. Ручьем! Дождю и не снилось...

– Лейка, послушай, – шептал Влад, – сейчас поедешь домой, там и кофе, и диван, и все, что пожелаешь. Хочешь, к себе? Или к Артему? Он тебя ждет, звонил мне, переживает. Привез от бабушки кусок торта, сказал – вкусный, и ты должна попробовать. От сестры отбивается, чтобы не слопала, обещал к твоему приходу додержать оборону, но понимаешь же, как ему непросто. Поехали? Поможешь нам заодно. У нас столько дел! Космический корабль не собран, а без крыла не улетит, то есть если и улетит, то недалеко. Это безответственный подход к исследованию Галактики, не находишь?

Я кивала, он говорил и говорил, много, как всегда умел. О том, что Артем собирается посмотреть какой-то мультик, и ему нужна компания. Что они в бабушкиной квартире оставили мне послание за ковром, который на стене висит, и начинают опасаться, что я никогда его не найду. И ни слова о Соне или случившемся сегодня, ни одного обещания, что все будет хорошо. Ничего такого, чего не хотелось бы слышать, или того, в чем можно сомневаться.

Стук дождя, соленый привкус на пересохших губах. Влад стойко прикрывал меня зонтом, прячась под ним же. Зачем? Оба все равно мокрые, хоть выжимай. Слезы не кончались – прорвало, разом за последние четыре года. Под лавкой копилась вода, журчала, по капле приходило спокойствие, на грани болезненного умиротворения, и странное ощущение... Легкости? Освобождения? Нет.

Но рядом, ближе, чем когда-либо.

Эпилог

Соня

Мир затрещал по швам, сквозь блаженную темноту пробились всполохи света. Что там умершим показывают? Длинный белый тоннель? Не хочу, только не белое... Глаза резко распахнулись. Не тоннель, потолок. Высокий, гладкий, ни пятна, ни трещинки. Посредине светильник, длинный. Жужжит, собака. Взлетаем?..

В голове вместо мозгов – будто кирпич толченный, думать нечем и поворачивать тяжело. Где я? Серые стены, приборы, датчики... У изголовья пикал подозрительный ящик, гоняя по дисплею колючие линии. Похоже на больницу. Окно с решеткой, за ним – кусочек неба. Напротив моей кровати еще одна, намертво привинченная к полу. Пустая, со смятой простыней и фиксирующими ремнями. Ох, ё... Не палата, а гибрид реанимации с психушкой. Эй, кто-нибудь?! Энергии не ощущалось вообще – ни вокруг, ни моей. Пусто, лишь глубоко внутри неумоимо шпарила мощная батарейка. Или что-то вроде нее. Чужое. Дар не отзывался, словно меня вовсе не существовало. Так... Что за нафиг?! Я отодрала от себя какую-то трубку, несколько устрашающего вида иглол и черт знает что еще – липучие пластинки, нащупанные под рубашкой. Нацепили ерунды! Почему-то больно не было. Вообще. Накачали чем-то?

Атас, а я-то надеялась никогда в психушку не возвращаться. В прошлой у меня хотя бы отдельная палата была, а здесь явно соседка. Судя по ремням, буйная. Вдруг кусается? Хочется верить, что у них есть намордники... Я сползла с кровати, шагнула к окну. Кое-что определенно чувствовала. Переизбыток адреналина, голод, ледяной пол. Но как-то притупленно, невнятным эхом. Нехило приложило! Смутно припоминаю, что Совет до меня все-таки добрался. Очевидно, заграбастали. И оставили, даже к кровати скотчем не примотав? Ясно, снаружи караулят.

За грязным стеклом – помеченный голубыми ржавый карниз, безликий, занесенный желтыми листьями двор, бетонный сплошной забор с колючей проволокой. За ним – глухая стена какого-то дома и небо. Высоко... Этаж не ниже третьего. Попробовать, что ли? Не так обидно за неудачную попытку, как за шанс, которым и не воспользовался... Окно со скрипом распахнулось, с облупленной рамы посыпалась старая вата, набитая в щели, с улицы дохнуло осенним сырым холодом. Решетка ходила ходуном, плюнь – и вылетит. Слишком просто, где-то тут подвох. Мигающая в углу пластиковая коробка сильно походила на видеокамеру. Я показала язык и, захлопнув окно, пошлепала к двери. Времени в обрез.

Как ни странно, дверь поддалась слабому толчку, беззвучно отворилась. В коридоре никого не было. Жались друг к другу кресла, булькал водой кулер, из-за поворота доносились ленивые голоса и позвякивание чайных ложечек. Ясно, чай пьют и треплются. Язык непонятный, слова смешные. Чешский, польский? Плевать! Главное, что меня не стерегут. Не рассчитывали, что оклемаюсь? По всем признакам, не должна была. Неужто кто-то с дозой лопухнулся? Неведомая резервная батарейка пахла на знакомой бонусной энергии с символическим вкраплением моей родной. Вроде бы собственные силы восстанавливались – по капле, неуверенно. Успеет ли их накопиться достаточно до того, как батарейка сядет? Она же не бесконечная. По крайней мере, я надеюсь на это. Пока во мне есть эта энергия, кое-кто в любой момент может скомандовать «к ноге»...

Я скользнула по коридору, прочь от голосов. Лишь бы ни на кого не напороться! Босая девица в больничной рубашке мигом попадет в объятия санитаров, а дар словно издох. Перебежка от угла к углу, среди голосов и хлопанья дверей, и коридор кончился аркой с подсвеченной красной табличкой. Видимо, выход. За порогом – лестница вниз. Манящая и спасительная. Хм... Опять слишком просто. Этим путем я тоже не пойду.

Замереть, прислушаться к себе. Собрать все силы – и бонусные, и кроху своих. Шатнуло, стена рядом оказалась весьма кстати. Она была шершавой и холодной, со следами хорошо замазанных царапин. Самая обычная стена. Я тут не останусь. Раз, два, три, смотри... Прижаться лбом к стене, отбросить лишние мысли. Напрячься, уловить невесомые колебания энергии. Что за...

Ну, дьявол! Не буду убегать.

Я развернулась, пошла обратно, на голос. Дар таял усталым отголоском, забивался в глубину сознания. Не беда. Он и не пригодится. Памятные углы, опасно приоткрытые двери. Ряды кресел, булькающий кулер. Поворот, и настигающий голос смолк. Сильные руки сгребли в охапку, притянули ближе. Я уперлась ладонями в широкую грудь и нервно сглотнула. В меня впился взгляд черных глаз – изучающий, ехидный.

– Ну вот, – расстроено произнес Тео. – А ведь почти попалась.

Не попалась, а попала. Во всех смыслах попала...

– Почему ты из окна не полезла? – спросил он с наигранной обидой. – Я так ждал. Знал бы – сделал морг.

Я зачем-то дернулась, хоть и понимала прекрасно – бесполезно. Его руки соскользнули с моей талии, бровь вопросительно изогнулась. Мне конец. И кнопки для самоубийств под рукой нет, какая досада.

– Детка, – покачал головой Тео, – я начинаю подозревать, что ты не рада меня видеть.

Я попятилась к стене, оперлась о нее и... улетела в траву. Никакой больницы. Опушка леса на берегу моря. Плеск волн, птичий щебет, густой пряный запах и заросли кустов малины. Узнаю... его часть мира. Я в нижнем Потоке. Хуже не бывает! Энергия вокруг вибрировала странно. Отзывалась иначе, будто признавала за свою. Никогда такого раньше не было. Неужели...

– Я жива? – спросила на выдохе.

– Едва. Связь с телом очень слабая. Сладкая, это совсем не то, чего бы хотелось от тебя услышать.

А что тут скажешь? Терпеть не могу оправдания – ни чужие, ни свои. Мне честно дали возможность получить свободу. Я ее сознательно упустила. Оба просчитались. Грохнет, и все. Повезет, если это будет быстро. Он может заставить меня чувствовать что угодно, и сколько угодно. А с фантазией у него всегда был полный порядок...

– Ох, Соня, – насмешливо вздохнул Тео.

Соня?! Никогда... он меня Соней не называл. Ни разу. Отчетливее запахло малиной, перед глазами встал холодильник, полный йогуртов и варенья. Вспомнился жар – печки, и вообще. Поняша, лопнувшая от поцелуев губа, то необъяснимое притяжение.

– Ты-ы-ы, – процедила я, вставая с травы, – это же был ты!

– Как до жирафа, – закатил он глаза.

Вашу ж мать! Так, значит...

– Гад! – пронеслись мысли. Очень вслух. – Придурок озабоченный!

– А я и не скрывал, – заржал озабоченный придурок.

Как я прощелкала? Как?! Рядом ошивался, хотя жил за городом, в комнате прятался без признаков жизни, и ночью оказался настолько... мустангом!

– Бе, ме, кофеечек, картошечка... – Я шагнула к нему. – Стукну, мало не покажется. Запишите моим последним желанием! Надо же было такого идиота изобразить...

– О, я еще не то могу! – Тео перехватил мою ладонь. Секунда, и развернули спиной, прижав к себе. Уха коснулся издевательский шепот: – Или ты сомневаешься в моих актерских талантах? Даже обидно...

Ему обидно?! Я чуть не убила, отвязаться пыталась. Смешно! Обмен энергией через секс, привязка из реальности. Еще и сегодняшняя. Двойная, блин! Ее ничем не разорвешь, только ждать. Вдобавок я пустая из Потока явилась ему в лапы, набивай под завязку. Он и набил... От души!

- Ты говорил, что сложно, - прошипела я, пытаюсь вывернуться, - в чужое тело вселяться. Опасно, и ритуал лишь для крайних случаев.

- А то, - прошептал Тео, уронив нас обоих на траву. - Но оно того стоило...

Скотина! Понятно, почему Базиль шарахнулся. Сразу просек природу нашей связи. Удивительно, что у него глаза просто округлились, а не на фиг выпали!

- Убью, - пообещала я, хотя понятия не имела как.

Смехом оглушило, хватка ослабла. Выдохнула свободно. Ясно, почему мир пытается мне откликаться. Нахапала энергии Тео с перебором, причем живой. Созданное им какое-то время будет принимать за свою. Потом пройдет.

Трава колосась, лезла в лицо. Я вырвалась, села. Он устроился рядом, кивнул на туман далеко вдаль, за морем. Тот на мгновение рассеялся, обнажив громаду скал во весь горизонт.

- Базиль с Яникой отбились, улизнули и заперлись, - сообщили мне язвительно. - Нравится, а? Помощница.

Я пожала плечами. Примяла чертову траву и призналась:

- Я ей сказала.

- После сегодняшнего Эсте и сама бы догадалась, - равнодушно отозвался Тео. - Даже она не способна отрицать очевидное.

- Много ты о Лейке знаешь, - фыркнула я. - Они все-таки разные люди.

- А суть одна. - Он ухмыльнулся. - Еще при первой встрече проверил. Реакции те же, вплоть до подбора слов.

Представляю себе эту проверку...

С куста вспорхнула птица и унеслась в небо, припекло солнце. Я растянулась на траве. Выходит, я жива. Относительно. Его энергия меня спасла, а Совету теперь меня добивать невыгодно. Понимают, где сознанием нахожусь. Если лишусь тела, будучи в глубинах Потока, то получу ментальное бессмертие. Будет у них шесть неуловимых врагов вместо пяти.

- Устроила тут... - хмыкнул Тео, задумчиво глядя на меня сверху вниз. - Выпороть мало.

- Мало, - согласилась я. - Делай что хочешь...

- Сонечка, - прилетел в ответ смешок. - Здесь ничего невозможно из того, чего бы я хотел с тобой сделать.

Кажется, он меня не грохнет.

Из-за тумана вынырнула верхушка скалы и вновь скрылась. Хорошо забаррикадировались! Какого черта Базилью надо? Что теперь будет делать Яника? Чем ответят Лейка с Хранителем? И есть ли им чем ответить? Как бы там ни было, не все потеряно. Пятерка разделилась, и Вестника они не нашли. Еще повоюем...

Миром, конечно, правит расчет. Но до поры до времени. Пока что-то не становится личным.